Состав № 6–2017

ПОЭТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ-НАВИГАТОР
СОЮЗА РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

УДК 821
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-5
П18

Издание осуществлено при финансовой поддержке Министерства культуры России

Составитель выпуска *Виталий Кальпиди*
Куратор проекта *Елизавета Разинкина*

П18 Паровозъ: поэтический альманах-навигатор (№ 6) / сост. С. В. Василенко, В. О. Кальпиди, В. Н. Мисюк, В. И. Стрелец.— М.: Союз российских писателей, 2017.— 368 с.

ISBN 978-5-901511-39-8

Шестой (спецвыпуск «Бронепоезд Победы» вышел в 2016 г.) выпуск «Паровоза» осваивает новый поэтический маршрут. На этот раз представляем уральский треугольник «Пермь — Екатеринбург — Челябинск» и другие города и поселки Урала. Помимо поэтических вагонов, включающих 70 имён, в номере присутствуют традиционные «Почтовый» и «Багажный», а также «Детский» вагоны.

Надеемся, что поэтическое путешествие по уральской земле понравится читателям альманаха-навигатора.

УДК 821
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-5

Начальник пассажирского поезда
Светлана ВАСИЛЕНКО
(*главный редактор*)

Диспетчер движения
Екатерина АРТ
(ОМЕЛЬЧЕНКО)
(*обложка, художественное оформление*)

Машинист
Владимир МИСЮК
(*редактор-составитель*)

Проводница
Валентина КИЗИЛО
(*литературный редактор*)

Кочегар
Виктор СТРЕЛЕЦ
(*составитель*)

Мастер депо
Павел МАРКИН (ЁЖ)
(*обложка, рисунок*)

Стрелочник
Виталий КАЛЬПИДИ
(*составитель уральского выпуска*)

© Союз российских писателей, 2017
© С. В. Василенко, составление, 2017
© В. О. Кальпиди, составление, 2017
© В. Н. Мисюк, составление, 2017
© В. И. Стрелец, составление, 2017
© П. В. Маркин (Ёж), обложка, рисунок, 2017
© Екатерина Арт (Омельченко), обложка, художественное оформление, 2017
© Л. В. Васильева, верстка, 2017

ISBN 978-5-901511-39-8

Русские поэтические школы: XXI век

Про Уральскую поэтическую школу (УПШ) написано и сказано столь много, что неловко повторять очевидности ещё раз. Да и трудно представить, что найдётся среди читателей и поэтов (тем более, среди читающих поэтов) кто-то, для кого аббревиатура УПШ не имела бы смысла.

Тем не менее приведём ряд тезисов, которые назовём, скажем, структурообразующими не только для Уральской поэтической школы, но и для любой другой современной нам поэтической школы. В тезисах будем употреблять слово «школа», имея в виду УПШ как уже состоявшуюся поэтическую школу и гипотетические поэтические школы, которые могут возникнуть (и возникают) внутри русского поэтического пространства.

1. В основе школы — не список поэтов, не географический ареал их творчества, не единая манера письма, не традиции, не общие темы... В основе поэтической школы — идея. Остальное вторично.

Если основную идею УПШ пытаться загнать в более или менее жёсткую формулировку, то получится так:

- осознание поэзии как единого творческого потока;
- создание средствами поэзии новых смыслов, готовых расширить духовный потенциал русской жизни, вступив в конкурентную борьбу с «шаблонами» человеческого сознания и существования;
- создание образа провинциального поэта-художника и придание этому образу высокого статуса гражданина и творца, то есть патриота своей поэтической миссии, а не государства;
- построение поэтического сообщества как фрагмента идеальной культуры в рамках неидеального государства.

Время рождения УПШ — восьмидесятые годы, то есть время поэтического безвременья, краха СССР и, вместе с ним, концепта «поэт — социальный медиум». УПШ дистанцируется от процессов разрушения, провозглашая курс на создание новых поэтических смыслов, сохранение и развитие русской поэзии в условиях смены социально-политической парадигмы. «Культурный сепаратизм» становится условием построения идеальной культуры, которая способна действовать на просторах неидеального государства. В XX веке процесс легализации УПШ запустил поэт Виталий Кальпиди, чье творчество и чья культуртрегерская деятельность до сих пор является серьезным стимулом развития уральского поэтического движения. «По форме бытия УПШ — первая у нас в стране широкомасштабная самоорганизовавшаяся творческая корпорация, что с конца 70-х годов прошлого века и по сей день инициирует новые поэтические смыслы»[*]. Технически идея УПШ образца 2017 года — это воплощенная идея ускоренного развития региональных литератур.

2. *Идея фиксируется в текстах. Но путь идеи от интуитивного ощущения правильности действий до дефиниций и точных формулировок не бывает коротким, и каждый художник проходит его в своем индивидуальном историческом времени.*

[*] Энциклопедия. Уральская поэтическая школа. Челябинск: Издательская группа «Десять тысяч слов», 2013. С. 6.

В УПШ идеи фиксировались в Антологиях современной уральской поэзии (1996, 2003, 2011), в исчерпывающих информационных блоках книги «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа» (2013), в текстах на сайте http://www.marginaly.ru/, в докладах и выступлениях на конференциях, круглых столах, семинарах, на презентациях очередного издания УПШ. (Кстати, документирование и организация творческой и научной рефлексии процесса — обязательные атрибуты поэтической школы.)

Краткая история развития идей УПШ:

1) *Самоидентификация уральской поэзии как особого литературного и социокультурного образования.* Этап создания УПШ как новой поэзии «уральского треугольника» в противовес культурному центризму — период конца восьмидесятых — начала девяностых годов, завершившийся выпуском первой Антологии современной уральской поэзии в 1996 году[*].

2) *Назначение поэзии*. Декларация возможностей новой поэзии как фундамента новых сверхчеловеческих отношений: «Поэзия, возможно, скоро научится не столько любить, сколько быть нежной. Хотелось бы (и это единственная мотивированная цель Антологии), чтобы уральские поэты разных ориентаций, возрастов и прочее и прочее… взглянули бы друг на друга со страниц этой книги и ощутили, что они хоть сводные, но всё-таки братья и что, по определению, врожденная неприязнь творческого человека к себе подобному — не повод не быть нежными друг к другу в своих утренних фантазиях и вечерних мыслях»[**].

3) *Миссия художника*: «Художник призван создавать образы для не созданного ещё прошлого своей страны. Он конструирует это прошлое. Потому что только сумасшедший может думать, что наше настоящее по прошествии времени становится нашим прошлым. Поэт всегда — прошлое своего настоящего. Поэт — это крестоносец на пуантах. Он сражается, пританцовывая. Фраза “победа за нами” для него — буквальна. Ибо эта победа всегда трусливо прячется за спиной его гибели»[***].

В этот же период на авансцену выходит новая идеологема — феномен читателя.

4) *«Сборка» онтологических блоков УПШ* (сообщество уральских поэтов — уральская поэзия — назначение поэзии — миссия художника — фрагмент идеальной культуры) и фиксация их в текстах. «Энциклопедия. УПШ» демонстрирует результаты этой «сборки»: предъявляет оформленную идеологию, философию УПШ, показывает динамику ее развития, представляет Кодекс провинциального поэта.

5) *Одной из главных и неизменных, вневременных идей УПШ является идея книги, книги как артобъекта, артефакта, как «абсолютной относительной ценности»*, поскольку «книги всегда счастливее своих авторов. А счастье в любом виде нужно преумножать. Счастье — это воздух ангелов. Когда возникает счастье — они роем слетаются им подышать со всеми волнообразно вытекающими отсюда последствиями»[****].

6) Не бывает школы без выдающихся поэтов. Действия самого выдающегося культуртрегера, если он слабый поэт, необратимо приводят к построению типового провинциального ЛИТО, а не школы.

---

* Антология. Современная уральская поэзия. Челябинск: Фонд «Галерея», 1996.

** Антология. Современная уральская поэзия 1997–2003 гг. Челябинск: Издательский дом «Галерея», 2003. С. 15.

*** Антология. Современная уральская поэзия 2004–2011 гг. Челябинск: Издательская группа «Десять тысяч слов». 2011. С. 7.

**** Там же. С. 6.

В УПШ была и остается яркая команда выдающихся поэтов-культуртрегеров — это прежде всего Юрий Казарин, Виталий Кальпиди, Андрей Санников, Евгений Туренко.

Почему появляются выдающиеся поэты? Вопрос, аналогичный вопросу, откуда берется жизнь. Появляются — и всё. Тем не менее о некоторых причинах появления выдающихся поэтов стоит сказать. Это, прежде всего, — наличие культурной среды. В Екатеринбурге, например, одним из её очагов была в свое время кухня поэта Майи Никулиной. Ещё одна причина появления поэта — его культурная история. И среда, и культурная история могут быть спроектированы, и одна из особенностей УПШ — *сознательное проектирование ценностей, форм поведения поэтов, форм предъявления поэзии, да и самой школы.* Искусственность (проектность) создания УПШ как раз и отличает её от школ прошлого времени, сложившихся естественно, школ как традиций и школ как сообществ последователей одного учителя, одной идеи.

7) *Почему появляется школа? Потому что эти выдающиеся поэты предпринимают неординарные действия по её созданию и развитию. Важна их непрерывность, продолжительность во времени и, главное, постоянное соотнесение с идеей, то есть постоянное удержание рамок действий «от чего» и «для чего».*

Действия эти просты:

- работа с молодыми авторами. Именно поэтому внутри УПШ выделяются и «именные» школы: нижнетагильская школа-семья Евгения Туренко, или, скажем, школа-секта Андрея Санникова, или круг Юрия Казарина, реализующий эффективный сценарий «фан-клуба»;
- организация межличностных и межгородских коммуникаций, издательская деятельность (в том числе и издание журналов, серий книг), фестивальное движение, система акций и мероприятий, организация деятельности клубов, студий, фондов;
- вовлечение учёных в процессы рефлексии поэтического потока, анализа творчества как отдельных поэтов, так и УПШ как культурного явления в целом;
- система работы по взращиванию читательского сообщества, понимающего и ценящего поэзию УПШ.

8) *Насколько важно единство места в создании и жизни поэтической школы?*

В основе построения и жизни школы лежит межличностная и межтерриториальная коммуникация. Принцип взаимодействия даже через конфликтный сценарий — обязательное условие развития системы. Живое общение, проектирование и организация совместных акций удобнее и экономичнее делать при относительной территориальной близости локаций поэтов. В УПШ это уральский треугольник: Пермь, Екатеринбург, Челябинск и города внутри и вокруг него.

9) *Какова продолжительность жизни школ? Идеи, как и всё в этой жизни, рождаются и умирают. Или школа берет на вооружение новую идею, или умирает вместе с ней, становясь культурным памятником.*

Датой рождения УПШ принято считать январь 1982 года, когда состоялась премьера слайд-поэмы «В тени Кадриорга»*. А вот когда УПШ иссякнет, говорить сложно. Может быть, завтра, может быть никогда. Во всяком случае, на первой научно-практической конференции «Уральское поэтическое

---

* Антология. Современная уральская поэзия. Челябинск: Фонд «Галерея», 1996.

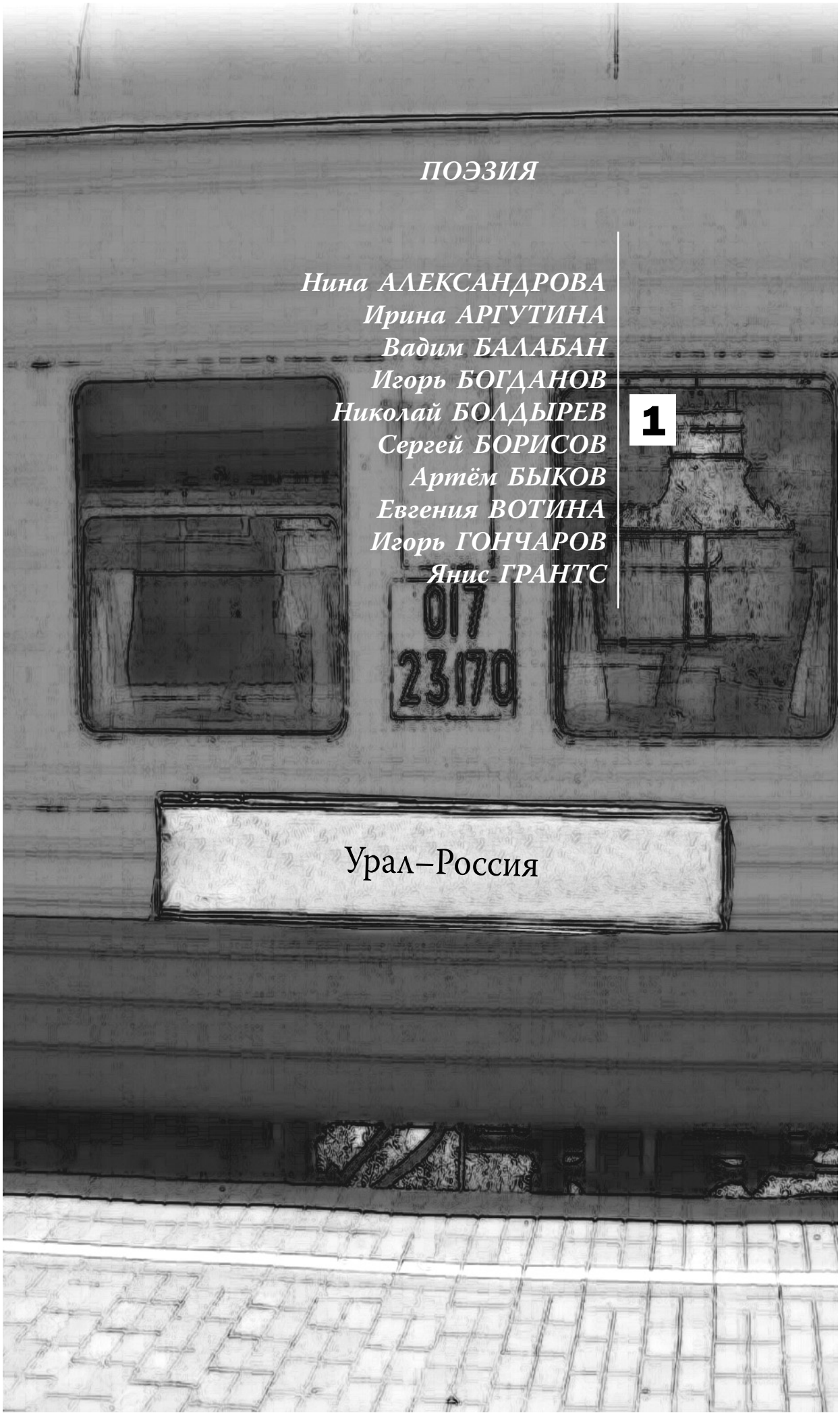
движение (1981–2013): история, аналитика, перспективы», организованной в Екатеринбурге в 2014 году тремя университетами, признаков умирания УПШ не зафиксировано.

10) *Основные части школы как проекта ускоренного развития региональной литературы: 1) идеология; 2) лидерство; 3) выстроенные коммуникации, инфраструктура, система мероприятий и акций; 4) документирование процесса: книги, периодические издания, интернет-ресурсы, антологии, энциклопедия, словари; 5) самое главное: поэты-культуртрегеры.*

Особенности уральского культуртрегерского движения:

- культуртрегер на Урале — это, как правило, авторитетный поэт;
- главная особенность уральских культуртрегерских инициатив — их поколенческая преемственность, что позволило сделать уральское поэтическое движение на время необратимым процессом.

Марина ВОЛКОВА



ПОЭЗИЯ

Нина АЛЕКСАНДРОВА
Ирина АРГУТИНА
Вадим БАЛАБАН
Игорь БОГДАНОВ
Николай БОЛДЫРЕВ
Сергей БОРИСОВ
Артём БЫКОВ
Евгения ВОТИНА
Игорь ГОНЧАРОВ
Янис ГРАНТС

1

Урал–Россия

АЛЕКСАНДРОВА НИНА АНДРЕЕВНА родилась в 1989 году в Челябинске. В 2006 году переехала в Екатеринбург. Училась на филологическом факультете Уральского государственного университета им. Горького. Работает в сфере информационных технологий. С 2014 года — автор и ведущая литературной студии «Кимберлитовая трубка» в Екатеринбургском Доме писателя. Публиковалась в России и за рубежом в журналах «Урал», «Нева», «Новая Юность», «Слово/Word», «Homo Legens», «Топос», «Плавучий мост» и др., в альманахах, антологиях, коллективных сборниках и т. д. Самый молодой в истории лауреат Всероссийской литературной премии им. П. П. Бажова, лауреат премии И. Бродского, лауреат международного Волошинского конкурса, лонг-листер премии «Русский Гулливер». Автор книг стихов «Небесное погребение» (2014) и «В норе» (2016). Живёт в Екатеринбурге.

Нина АЛЕКСАНДРОВА

СОРТИРОВКА

идут нагруженные снегом
пустые мёртвые вагоны
идут узбеки ледяные
сжимая ветер в кулаке
за пальцем исчезает палец
рука дрожит и стекленеет
звенят замёрзшие деревья
и кости воют из земли

ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ

бьются звери в руках
щука в моих висках

справа бобёр
слева горностай

имя твоё оберег
спрячь его в кулаке

не учуют следов
мы пойдём по воде

шепчутся и кричат
ангелы у плеча

здесь бояться нельзя
не закрывай глаза

* * *

степные боги вышли нам навстречу
прядать ушами и звенеть рогами

дуть в страшные узорчатые флейты
в обглоданные костяные флейты
изогнутые человечьи пальцы

меня качают в сморщенных ладонях
ступают изумрудными ногами
и воют на тяжёлую луну

дыши и падай в ледяное небо
в алмазное светлеющее небо
огромное зияющее небо

оно нас растворяет без остатка
и изумлённо смотрит сверху вниз

* * *

кошка мгновенно выворачивается наизнанку,
дышит теплом, покачиваясь идёт
смотрю, как вздуваются-опадают лёгкие,
пульсируют вены, перекатывается живот

урчит, выгибается, заглядывает в глаза
что, мол, боишься смерти, страшно тебе умирать
я говорю: кисонька-киса, боюсь так, что не рассказать
ноги мои в облаках, в голове сияет дыра

тело покрыли лишайник и серый древесный мох
я — только тёплый валун, в потоке каменной вечно текущей
реки
курумник движется медленно, словно стоит на месте
кошка беззвучно смеётся, шевелятся мышцы, отсвечивают
клыки

вижу как по сосудам к сердцу толчками движется кровь
ты никакой не валун, и курумников тоже нет
ноги твои исчезли, дыхание скомкалось, стёрлось лицо
ты просто камушек на морском берегу, в птичьем зобу
растаявший самоцвет
но и этого скоро не станет — растворит без остатка, смоет
тебя без следа
пустой тихий берег — со всех сторон, нежно галькой шуршит
схлынувшая вода

СОБИРАТЕЛЬНИЦА КОСТЕЙ

в воздухе городском
легче дыханья нет
из золотых костей
птичий сложи скелет

и выдыхай в июнь
птичьего сердца стук
мох тополиный пух
завтра лететь на юг

стёклышко и песок
фантики и цветы
птица в твоих руках
значит назавтра ты

станешь сухой землей
косточкой в кулаке
воздухом и травой
станешь сама собой

* * *

вот деформированный
разъятый мир
дерево пролетает над моей головой
чёрное небо оборачивается
волком лисой назад
смотрит в глаза
перестаёт быть собой

голоса свернулись
отпечатались на щеке
рубчики от подушки
линии на руках
ветер шевелит волосы воду траву
всё равно себе
всё равняется ничему

* * *

1.

говоришь Дьяна Фатьма
улыбаешься словно
медленно трогаешь
горькую лесную смолу
земляную траву
хрустальную землянику

2.

в подземном мире
твои имена
тают на языке
тихонько звенят
прорастают наружу
подземные семена
во мне
в меня

ЗАПАХ СТАРИКОВ

тусклые листья, сухая земля,
душный прерывистый вдох
дерево, мускус, сандал и янтарь
время и пыль

тление, сахар и сладкая гниль
яблоки на чердаке
память и старость, старость и смерть
только старость и смерть

АЛЬЦГЕЙМЕР

бабушка улетает
в страну оловянного снегопада
пряничных каруселей
сахарной ваты

бабушке больше не страшно
в карманах леденцы и ракушки
стоит на пороге
подземной избушки

на голове косынка
становой рюкзак за плечами
светит меня насквозь
глазами лучами

почти на том берегу
мёртвая тополиная почка
высохшая стрекоза
хрустальная оболочка

* * *

1.
женщины идут навстречу
у каждой — одно и то же лицо

рыжее плоское без ресниц
лицо равнодушного идола
медное
медленное
блюдо

2.
дрожат берёзы на кладбище
листья тускло светятся в темноте
отражают солнце

свет стекает
протяжно капает
уходит в землю

АРГУТИНА ИРИНА МАРКОВНА родилась в 1963 году в Челябинске. Окончила Челябинский государственный университет. Работает инженером. Публиковалась в литературных газетах, журналах и альманахах России, Германии и США. Участница «Антологии. Современная уральская поэзия» (т. 2, 3). Участница проекта «ГУЛ». Автор поэтических сборников: «Свободные скитальцы» (1999), «Время поить пески» (2001), «Линия перемены дат» (2001), «Настоящие птицы» (2006), «Четыре степени свободы» (2008), «Избранное» (2009), «На честном слове» (2012), «Поэтический календарь (2013), «Говори обожжённая глина» (2016). Член Союза писателей России. Член редколлегии международного поэтического интернет-альманаха «45-я параллель». Лауреат Южно-Уральской литературной премии (2013), Международного поэтического конкурса «Пушкинская лира» (Нью-Йорк, 2004), литературного конкурса им. К. Нефедьева и др. Награждена памятной медалью Года литературы в Российской Федерации «За особый вклад в книжное дело» (2016). Живёт в Челябинске.

Ирина АРГУТИНА

* * *

На окне у соседки цветёт старый кактус.
У меня — старый хлеб. Недоеденный хлеб…
В дверь стучатся волхвы. Где моя деликатность?
Не впущу бородатых в мой каменный хлев.

Я их вижу в глазок. Никакой благодати
ни в едином глазу. На какую звезду
их сюда понесло? Ухмыляются, тати.
Вот ограбят — и сына с собой уведут!

Что, открыть? Открывать интересней, чем помнить.
Только память меня не подводит, увы.
Впрочем, что здесь украсть? Хлеб, цветущий упорно?
Книги старые? Сына-подростка? Волхвы

удаляются, руганью витиеватой
оглашая подъезд. И, как лезвие в бок:
«Я к тебе присылал. Ты сама виновата».
Я сама виновата. Спасибо, мой Бог.

* * *

Хрупок песочный мир. Впрочем, какая разница —
мальчик ли виноват, или подружка тоже.
Он отобрал совок и, убегая, дразнится.
Так убегают миг, время и память. Позже
так убегает жизнь. И, убегая, дразнится.
Боже, как хороша, даже когда резка…
Мальчик не виноват. Это она, проказница,
бросила горсть песка.

* * *

В траве разбегаются ягоды красной смородины
и веточка брошенной брошкой лукаво блестит.
Не мы их сорвали с утра во саду в огороде ли,
не нам не пришлось удержать их во влажной горсти.

Мы бродим у озера. Ветром закатным пропахана
озёрная зыбь, и кувшинки над ней зажжены.
За крохотным пляжем налево — деревня Непряхино,
отдавшая всё, кроме имени и тишины,

нашествию дач и у-дачников. Справа — пунцовое
разлито над лесом варенье вечерней зари.
А с этого мостика — помнишь? — когда-то с отцом ловил
на хлеб чебаков и просил меня: «Мам, посоли!»

Отец был спокоен и радостен в этом, настоянном
на травах и тысячелистнике мареве дней.
Мы жили в домишке, дощатом, сыром, неустроенном,
почти как в раю — эта правда с годами видней…

Ты стал очень взрослым. Мои перемены осенние
оставим в покое — кому бы они по душе!
А рай не меняется — только его население
Стареет, взрослеет и новых ведёт малышей.

Кто помнит об этом всегда, даже здесь? — только я да ты.
Наверное, к озеру время с горы понеслось…

Девчонка бежала, споткнулась, рассыпала ягоды,
хотела расплакаться — расхохоталась… до слёз…

ДЕТСКИЙ АЛЬБОМ

Трёхрожковая люстра висит пауком в тишине,
затаившись в темнеющем небе над детской кроватью.
Доедают на кухне свой ужин отец-инженер,
мама, бабушка, дед с прикатившей на праздники сватьей.

Детский плач не услышан, поскольку совсем не криклив,
и ещё не навзрыд, и, почти не по-детски, — в подушку.
А на кухне жуют за беседою, двери прикрыв.
Мерно клацают вилки и ложечки тенькают в кружках.

Только дед музыкальное ухо напряг: «Я сейчас!» —
и неслышно подкрался в поношенных войлочных тапках.
«Что ж ты, детка, не спишь?» А у детки слеза горяча
от горючих прозрений, рождённых в ужасных догадках:

«Деда, мама умрёт?» Бедный дед обомлел: «Да ты что!» —
«Никогда-никогда?» — и доверчиво ждёт обещаний.
Дед не может соврать. Хоть бы кто-то на помощь пришёл!
И является бабушка, миску прижав с овощами

к необъятной груди, — а за нею и мать, и отец,
и приезжая бабушка тоже бегом прибежала.
И дрожит синева, как на кухне дрожал холодец
от семейного смеха над столь отдаленным кошмаром.

И утихло дитя, осознавшее всё наперёд.
Целый вечер на кухне решали иные задачи.

А ребёнок не спал. Стало ясно, что мама умрёт,
но над этим, наверно, хорошие дети не плачут.

* * *

На разложенном диване
от любви до чувства долга
через боль и состраданье
добираются недолго.
Было платье белоснежным,
был костюм широкоплечим,
будут белые одежды,
если ангелы не лечат.
Опусти глаза воловьи,
не гляди — не будет больно.
Посиди у изголовья,
хмурый ангел недовольный.
Недовольный: не до воли,
не летается, однако,
если я лежу и вою,
как побитая собака,
если я лежу на сене —
не оставишь, я-то знаю.
А на небе предвесеннем
тучка пляшет расписная
и зовёт к таким же лёгким.
Ты вздохнёшь. А что тут скажешь!
Ангел, ангел, эти вздохи —
как моя земная тяжесть —
с каждым днём всё легче, легче,
и, глядишь, уже недолго…
Ангел мой — из бывших женщин,
вот и плачет втихомолку.

* * *

По календарю —
небо и простор,
хрупкость голосов,
благо богомола…
Дарит январю
мужество и скорбь
каменная соль
грубого помола.

Поутру проспект
верит в тормоза,
разъедает соль
кожицу сапожек,
разъедает свет
синие глаза,
и горит лицо,
а душа — не может…

БАЛАБАН ВАДИМ АНАТОЛЬЕВИЧ родился в 1978 году в городе Троицк Челябинской области. Учился в Троицком колледже гражданской авиации, позже поступил в Курганский государственный университет, но не окончил его. Занимается фотографией. Публиковался в журналах «Урал», «Зинзивер», «Гвидеон», «Вещь», «Плавучий мост», «Белый ворон», «Новая реальность», «Южное сияние». Автор сборников стихов «Памятник», «Стихи. 1998–2013» (Челябинск: Издательство Марины Волковой, 2014, серия «Галерея Уральской Литературы»), «Нулевая Палата» (Кыштым: Мегалит, 2014, серия «Только для своих»). Участник «Антологии современной уральской поэзии» (т. 3) Участник проекта «ГУЛ» («Год уральской литературы»), автопробегов «ГУЛ». Живёт в Троицке.

Вадим БАЛАБАН

ИЗ ПРИРОДЫ СНА И ВОДЫ

нет не было и тени эфедрина
чего другого …люсе половину
не назначали и не убывало
воды её немое покрывало

она спала и вздрагивала может
ей кто-нибудь из местных не поможет
она чертила в воздухе не воду
а лишь чистейшую свою природу

вода смыкалась люся не дышала
и тихо опускалась из подвала
во влажные колючие растенья
где выпало в разрыв сердцебиенье

не надо водорода кислорода
вода внутри вода снаружи рода
она мальков святых под номерками
брала незащищёнными руками

они толпились двигались толкались
и в полость рта и в ноздри улыбались
она текла по дну но без движенья
лежал на дне скелет как отраженье

она спала спадали водопады
листва катилась разрушались грады
но водолазов не было в округе
одни круги и старые подруги

она спала и больше не проснулась
куда ушла откуда не вернулась
кого искала где остановилась
одна вода и люся испарилась.

* * *

хлещет вода через рай
держится за косяки
…через дырявый сарай
смотрят наверх мужики

и за морщины дают
им ещё лет пятьдесят
чтобы чинили уют
или добили косяк

чтобы отладили кран
и перекрыли картечь
обогащённый уран
перетекающий в речь.

* * *

предметы двигая в себе
переставляя, пыль сдувая
сидели молча на трубе
три буквы ждущие трамвая

а пыль ложилась под кровать
и вырастала до перины
три буквы едут воевать
седые плачут балерины

война войной как на войне
стрельба насквозь или гангрена
три буквы истину в вине
теряют но через колено

гремит колёсами трамвай
по облакам, стальной мокроте
три буквы едут воевать
клубится пыль на повороте.

* * *

многое — как ничто
но выражая жизнь
кони стоят в пальто
у придорожных шин
с переводным ключом
с заревом сигарет
и на вопрос «ну чо»
морщится абонент

а у бензоколонн…
а у харчевни мель

сверху свисает слон
или раздутый шмель
что перешёл границу
у затяжной реки

не разбирая лиц
переверни штыки
времени в горизонт
только уже вперёд

дерево — это зонт
если оно не врёт.

* * *

она водила по руке гвоздём
гадала вправо левую щекотку
и всё сбылось окисленным дождём
но урожаем собранным в щепотку

пернатые /как вечные слова/
стремятся в кровеносную систему
вонзиться и взволнованы плотва
и плотник доказавший теорему

о реках крови нас несущих — мы
готовы лечь под топоры и пилы…
и мёртвый снег идущий вдоль зимы
переобуть в шуршащие бахилы

* * *

где поезд выгнутый направо
уводит хроники состава
кричат грачи как басмачи
свой ахтунг-ахтунг из ночи

но: злы гнилые перелески
бегут запутываясь в леске
дождя и падают с горы
в норильск сверкающей норы

пронзая веткою по встречной
проходит ангел бесконечный
и грохоча как товарняк
из жизни делает пустяк

* * *

но улица режет меня как свинью
себя я не помню совсем никогда
и вот уже тащит полынь в полынью
живая вода

а праздник кипит забегает в парад
вокруг алконавты как свежий планктон
так сумеркам всыплют салют — на салат
попятится он

целуют тебя и целуют меня
и в целости нету уже никого
и я понимаю что это семья
главнее всего.

ПУСТЫРЬ

постою на краю и пойду
на пустырь где пустынник не виден
он весь в духе
и сам уже дух
а покорный слуга на иврите
на латыни

на старомонгольском
тише вод на краю

на пустырь
там земля
через ржавое войско
переходит сама в монастырь
на краю
да по краю по краю
зазеваешься —
в пропасть игра
и на эхо кричать: умираю
и услышать в ответ комара
на пустырь
где не ходят чужие
где не видит трава далеко
здесь под солнцем осенним ужи и
вверх по небу ползёт молоко

* * *

сидишь на убитой рельсе
словно анна каренина
прописанная в уэльсе
на улице ленина

а это любому идиш
или какой алтай
стрелочника увидишь
крикни: тяни-толкай

встретишь ничью собаку
за ухом почеши
жизнь оказалась браком
до глубины души.

БОГДАНОВ ИГОРЬ АЛЕКСАНДРОВИЧ родился в 1960 году в селе Петрокаменском Свердловской области. Поэт, переводчик. Окончил факультет иностранных языков Свердловского педагогического института (1989), работал в различных медиа-компаниях, главным образом, в должности главреда. С середины 1980-х годов печатался в периодике, антологиях и самиздате, первая официальная публикация — рассказ «...И прочая жизнь» («Урал», Екатеринбург. 1990. № 2). В поэтический авангард Свердловска вошел с литературной мистификацией — ироническим образом автоперсонажа Фёдорова. С начала 1990-х занимается переводами художественной литературы. Один из авторов «Энциклопедии читателя» (7 т., 1999–2007). Публиковался в журналах «Урал», «Бобок» и самиздате. Автор книги «Фёдоров в кино» (2012). Участник «Антологии современной уральской поэзии» (т. 1). Живёт в Екатеринбурге и окрестностях.

Игорь БОГДАНОВ

ХУДОЖНИК КОПЫТОВ

Пей, Копылов, по-копыловски,
Пуская пыл из-под копыл,
Мы родились с тобой в Свердловске,
Который тут же нас забыл.

Пей, Копылов, когда не спится
Или когда потянет в сон,
Свердловск с утра опохмелится,
И о себе напомнит он

Далеким рёвом паровозным,
И беспризорной бирюзой
Зари, и зовом падших женщин,
Которых не возьмёшь с собой,

Когда бегом бежишь до точки,
Минуя кочки и заточки,
Кастеты, рытвины, ножи, —
С утра все средства хороши —

Иль вдруг ты мчишься на работу,
Копыля улицы вождей,
С трудом удерживая рвоту,
Которая всё тяжелей

Тебя охватывает. Мимо
Бегут плакаты с кружкой пива.
На них знакомое лицо —
Но близится уже крыльцо

Твоей работы. И как лайнер,
Преследуемый глыбой льда,
Ты говоришь похмелью «да»
И вдруг становишься дизайнер.

VS

Два солнца, между ними крест,
На нём мои распяты ноги.
Я преждевременно воскрес
И мчусь как ветер по дороге.

За мной вдогонку мчится пыль,
За нею — настоящий ветер,
И, проклиная всё на свете,
За ним спешит автомобиль.

Его преследует гроза,
Она в мехах и аксельбантах,
За ней гарцуют на пуантах
Два брата — дождь и град, — а за…

За ними — пьяный от озона
И со слезами на глазах —
Стоит мужик в одних кальсонах
И что-то ищет в небесах.

А в небесах — одно сиянье,
Ни сном ни духом не понять.
Как тяжело даётся знанье,
Когда не знаешь, что искать.

А потому, тряхнув башкою
И отмахнувшись от небес,
Мужик рифмованной строкою
Всех посылает на ликбез.

Два мира, между ними я.
Люблю пленэр в начале мая,
Когда по зелени холста
Шершавого, как береста,
Себя рисует борозда,
Ни сна ни отдыха не зная,
И эта борозда — моя.

* * *

Истерзан и исполосован,
Стою на краешке дороги,
Как будто ветром нарисован
В порыве страха и тревоги.

На сердце тьма, в душе смятенье —
Как будто выстрелом из пушки
Я вброшен в это воскресенье
С копною снега на макушке.

За мной опять недоглядели
Вишвакарман, Христос и Будда.
Стою на краешке недели,
Запнувшись о него как будто.

Я знаю всё, что будет с нами, —
Я в этом гулком захолустье
Измучен соснами и снами,
В которых заплутать боюсь я.

Я сильно здесь подзадержался,
Копаясь в прошлом, как в помёте
Небесных птиц, я так старался
Сказать всё так, что вы поймёте.

Но прошлое давно забыто
И по ночам меня не будит.
Непонятый и недобитый,
Пойду вперёд — и будь что будет!

ПРО ФАДДЕЕВА

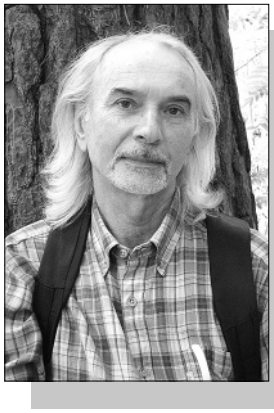
Дворник Фаддеев, нестарый мужчина,
Крепко сжимает лопату.
Знает он каждую в мире причину —
С детства он был бородатый.
Ведомы дворнику звёзды ночные,
Звёзды коньячные — тоже.
Глаз его зорок, крепка его выя,
Бьёт он прохожих по роже.
Чуть опустеют подвальные ниши,
дворник бросает работу.
Дворник идёт отсыпаться под крышу —
Он не скрывает зевоту.
Дома под крышей — жена и ребёнок
Крепко сжимают лопату.
Знают они, что Фаддеев подонок —
Вновь не принёс им зарплату.
Всё, что принёс он — застенчивый голос,
Сильно нетрезвые чресла, —
И высыпается выдранный волос
В старое мамино кресло.
Утром Фаддеев, на зверя похожий,
Ходит по улице длинной.
И удивляется встречный прохожий
Зверя тоске беспричинной.

* * *

Сначала пили до невольных слёз,
До первых петухов на телевышке.
Потом на ощупь вышли на мороз —
О январе мы знали понаслышке.
Потом трамвай — наполовину пьян —
Чертил по небу вольтовой дугою
Недолговечный фосфорный изъян
И звёзды рвал железною рукою.
Потом — вокзал, пустой, как гастроном,
И мы простились, песни распевая,
И вы ушли наполниться вином
С водителем обратного трамвая.
Вагон был пуст, и только серый дуст
Валялся по углам для тараканов;
И проводник, взъерошенный, как куст,
Пил кипяток из четырёх стаканов.
В Перми набился сумрачный народ,
На революцию в большой обиде.
Народ кривил освобождённый рот —
И говорил стихами из Кальпиди.

ФЁДОРОВ В БОЛЬНИЦЕ

«Прости мне, милая, мой выговор простой
И поступь лёгкую по вёртким половицам.
Пусти меня на временный постой —
Я добрых женщин узнаю по лицам.
Прости мне наперёд мои грехи.
Мне в эту ночь досталось на орехи —
Меня настигли тати у реки
И поломали рёбра для потехи.
Прости, что не дорос до красоты,
Что вечно пьян и что креста не знаю,
Зато я видел вечные цветы
На полпути к обещанному раю.
Я на снегу, что с лета не окреп,
лежал упавшей верстовою вехой,
И метил мне глаза кровавый креп —
Поверь мне, милая, мне было не до смеха», —
Так Фёдоров беседовал с врачом
Забытым ныне добрым русским слогом,
Подёргивая раненым плечом,
Наполовину сбережённым Богом.
И женщина кивала головой,
послушно заполняла протоколы
И обещала койку, и покой,
И порошки, и прочие уколы.



БОЛДЫРЕВ НИКОЛАЙ ФЁДОРОВИЧ родился в 1944 году в городе Серов (бывший Надеждинск) Свердловской области. Закончил филфак УрГУ и заочную аспирантуру МОПИ (Московский областной педагогический институт) на кафедре теории литературы и эстетики. Жил и работал в разных регионах России, сменил ряд профессий. В 1990-е годы — автор проектов и редактор журналов «Шанс», «Имидж», литературно-философского журнала «Остров». Составитель, главный редактор и автор послесловий к 40-томному оригинальному переизданию Библиотеки Флорентия Павленкова (1994–1999 гг.), отмеченному всероссийскими премиями. Главный редактор многотомной серии «Биографические ландшафты», в рамках которой именно в Челябинске впервые вышли на русском языке биографии (переведенные или впервые написанные) Бёме, Юнга, Новалиса, Гофмана, Кьеркегора, Торо, Дункан, Рильке, Лу Андреас-Саломе, Тракля, Блаватской, Гессе, Альберта Швейцера, Розанова, Тарковского и др. Автор четырёх стихотворных книг: «Медленное море» (1995), «Возвращение восточного ветра» (2000), «Имена послов» (2000), «Вотчина» (2007) (отмечена Клайновской литературной премией). Стихи публиковались в нескольких антологиях. Автор нескольких книг лирической прозы и эссеистики: «Упавшее небо» (1998), «Ностальгия по пейзажу» (1996), «Пушкин и джаз» (1998), «Лес Фонтенбло» (2010), а также монографии «Семя Озириса, или Василий Розанов как последний ветхозаветный пророк» (2001), трёх книг о жизни и творчестве Андрея Тарковского — «Сталкер, или Труды и дни Андрея Тарковского» (2002), «Жертвоприношение Андрея Тарковского», отмеченная всероссийской кинематографической премией «СЛОН», и нескольких авторско-составительских антологий, среди которых — «Антология дзэн» (2004) и «Великий и загадочный И-цзин» (2004). Переводчик с польского и немецкого. Опубликованы переводы из С. Кьеркегора, Л. Стаффа. Р. М. Рильке, Г. Тракля, П. Целана, Г. Гессе, М. Хайдеггера и др. Лауреат премии им. П. П. Бажова за собрание переводов Рильке. Участник «Антологии современной уральской поэзии» (т. 1–3). С 2009 года ведет философский семинар в кинообразовательном центре имени Л. Оболенского. Живёт в Челябинске.

Николай БОЛДЫРЕВ

* * *

Я был на озере Чагесик,
я плыл по озеру Чагесик.
Я был один здесь, был один.
Я здесь не буйствовал, а был.
Я ворожил здесь, ворожил,
я ничего не ворошил.
Я был отнюдь здесь не бывалым,
змеёю был здесь с вечным жалом,
улиткой по песку бродил,
а в промежутках просто был.
Был никаким: сплошное око,
потом эон — сплошное ухо,
а сетью воздух бороздил,
потом ноздрями просто был.
Потом я был уже собою:
нависшей тучкой дождевою
все берега изморосил
и обессиленный косил
исподтишка за всем тихонько,
и кто-то пел так зыбко, тонко
и вдруг ревмя заголосил.

* * *

Когда ты снова воплотишься,
откуда знать ты будешь, что
читаешь собственную книжку?
Откуда будешь знать, что держишь
в объятьях — дочь или царицу?
И Пушкин разве не захочет
дожить до чуда просветленья,
до просветленья патриарха?..
Вот он сидит в саду у речки,
сняв прежде с полки древний том
на языке страны далёкой,
блуждая в «Капитанской дочке»,
не понимая, почему
его щемит простая повесть,
его — сплошную отрешенность.
Губами трогает стихи:
«Брожу ли я вдоль улиц шумных…»
Он что-то слышит там такое,
что начинает в нос гудеть,
переводя их на шумерский…
Сполна почувствовать свой образ
в потоке воплощений рваных
едва ль кому-то удается.
И все же как порой себя
мы чувствуем в пространствах смертных.
То тут, то там дыханье рвётся
и обдаёт внезапным жаром:
родства, и нежности, и страха:
кто тот, что, кажется, приснился?
Так снится детство или юность.

* * *

И вдруг мы понимаем,
что ничего, кроме гипотез, нет.
Что зря насуплены: мы в бесконечности играем
среди камней, ракушек и планет.
Что россыпи в Ночи всей звёздной пыли?
Не тот же ли песок на берегу речном?
Томленье среди тайн — то вспышки были
и изумленье пустотой свечной.
Ничто не поймано: пусты, блаженны сети.
Ты сам не пойман: просто ты ушёл
в страну, где взрослые — всё те же дети,
где логос — ветер, лёгший нам на стол.

* * *

Все тайны рухнули, раскрыты все ларцы.
Торговцы истиной кричат: возрадуйся свободе!
Глупцами были деды и отцы,
производи миг счастья, верен будь природе,
мудрецы — с печалью и с тоской борцы…
Как просто, дёшево досталось просветленье.

Откройте рот — вот ложечка варенья.
Каким вдруг плоским шарик стал земной,
забытый осенью и вьюжною зимой,
и долгими тоскливыми ночами,
когда идут мгновенья палачами,
когда душа срывается от муки,
от бесконечности разверзшейся разлуки.
Какая боль от тысячи ошибок;
как день текуч, как миг сознанья зыбок.
Какая бездна бездн в простом прикосновенье.
Непостижимо смертное волненье.
О царь царей, ты даришь сердцу рыбок
и сердцу трав — и сон, и пробужденье.
Но кто ты сам? Не высшее ль растенье?
Ведь наше сердце — это вечный рынок.
Свободен тот лишь, чьи друзья — деревья
да неба всполохи, да горькие коренья.
И плыть нам некуда, вот в чём засада.
Нам возвращенье в рай назначено из ада,
где мы — в самодовольстве виртуозы,
не постигаем смысл креста и розы.

* * *

Начитался Ригведы.
Как потекли детскими речками
мёда и млека потоки
во рту моём необъятном,
равном вселенной.
Червь мозговой
ещё не вошёл в человека.
Тихо к богам уважение
влагу к глазам и сердцам приносило.
Медленно ты возлежал божеством,
обнимая божественность плоти,
что была чистой и яркой душою.
Гимны мы пели от сердца,
песни хвалебные сами
сквозь марево мира лилися.
Непостижимость ещё
не казалась ни вызовом, ни оскорбленьем,
ни пропастью бездны.
Что-то намного мудрее, чем скромность,
жилы сплетало нам счастьем.

* * *

Забыта в снах-садах Орфея,
во льдах цветёт Гиперборея,
льёт в вены спящих тайный жар,
всей океанской мощью вея,
в молчанье белое умея
всезвучий претворять пожар.
Ты слышишь: в жилах дышит Гея:
на тыщи лет забытый дар.
Так жук тропою скарабея

священствует в пространствах мар,
не суетясь и не робея,
он катит шар в Армагеддон,
в пасть мирового смотрит Змея,
где наш кончается эон.

* * *

Фантастические дали.
Мы с тобой не всё сказали.
Полумесяцем луна.
Нил течёт под нами синий
и зелёный, чёрный или
крокодилово-большой.
Мы с тобой как будто дома.
Нам с тобою незнакомо
чувство памяти другой.
Нам другой планеты чувство
затмевает память густо.
Память нежити простой.
Мы не можем быть собою,
потому что с пустотою
поселился мелкий страх.
Звёздам и морям навстречу
пирамид мы слышим речи,
и в ночи молчит аллах.
На колени встанет кто-то,
чтобы звёзд услышать грохот,
чтобы жизнь ушла в песок.
Нил течёт под нами чёрный.
В глубь земли уходят волны.
Что-то смотрит нам в висок.

* * *

О, горестный оскал и скальп времён…
И сам ты, вероятно, напоён
достаточной туфтой со знаком смыслов.
И мысль меж тем летит совсем пуста,
нечаянна как пение с листа,
и ты живёшь, как будто в ссылку выслан.

Неведомо, куда пропал оркестр.
Симфония звучит сама и без
всей мишуры готовых музыкантов.
Ты держишься за ниточку судьбы,
и под тобой всегда поют гробы
почивших в ритмах дао-дуэлянтов.

Дни теплятся, как будто снегири.
Лажёвы все твои поводыри.
И хочешь иль не хочешь, — ты свободен,
когда не знаешь, где ты, и зачем,
и кто, когда и где в плену систем…
Ты видишь: этот холм богоподобен.

БОРИСОВ СЕРГЕЙ БОРИСОВИЧ родился в 1963 году в городе Шадринск Курганской области. Закончил философский факультет Уральского государственного университета, кандидат философских наук, доктор культурологии. Член Союза российских писателей, председатель Шадринского общества краеведов. Автор книги «Мир русского девичества» (2002); сборника «Рукописный девичий рассказ» (2004), составитель 23-х выпусков краеведческого альманаха «Шадринская старина» (1993–2015), составитель трёхтомной «Шадринской энциклопедии» (2013), однотомной «Уральской художественной энциклопедии» (2016), трёхтомного «Энциклопедического словаря российской повседневности XX века» (2016). Лауреат Уральской краеведческой премии им. В. П. Бирюкова (1994, 2014); лауреат Губернаторской премии в области науки (1998, 2011). За издание двухтомного «Энциклопедического словаря русского детства» (2008) награждён Международной литературной премией им. В. П. Крапивина. В 2012 году вышел переработанный вариант этого издания: «Русское детство XIX–XX вв.: Культурно-антропологический словарь. В двух томах» (СПб.: Дмитрий Буланин, 2012). Автор стихотворной подборки «Уральские палимпсесты» в журнале «Урал» (2010). Участник «Антологии современной уральской поэзии» (т. 3). Ведущий научный сотрудник кафедры философии и социальных коммуникаций Шадринского государственного педагогического университета. Живёт в Шадринске.

Сергей БОРИСОВ

* * *

На крышах шадринских лежит столетий снег,
На лицах шадринцев — печать вселенской скуки.
Так продолжается уже четвёртый век
По точным данным краеведческой науки.

Здесь летом весело — паши, пляши и сей,
Зато декабрьский сплин здесь тянется полгода…
У знаменитых прежде шадринских гусей
За триста долгих лет утратилась порода.

Народ спивается, поэты пишут чушь,
Тысячелетье головёшкой догорает.
Всё устремляется в Саратов, к тётке, в глушь,
И духовой оркестр на паперти играет.

* * *

И возлежала голова
На мельхиоровом подносе,
И всё ей было трын-трава,
Она не ведала вопросов.

Она не знала, почему
Жила при Понтии Пилате.
Она забыла про тюрьму,
Она устала от проклятий.

Её еврейский гордый рот
Ничуть не искажала злоба:
Она-то знала: это проба,
И вскоре всё произойдёт…

* * *

От сна восстав, голодный пудель
Забросил лапы на буфет:
Там трепетал забытый студень,
Валялась горсточка конфет.
Хозяйки нет — лежит в роддоме,
Хозяин пьёт четвёртый день,
А сын усердно экономит
На сигареты и коктейль.
Голодный пудель красть не станет, —
Он горд, собачий дворянин,
Он бездыханный в Лету канет —
Воспой в стихах его, акын!

* * *

Будет утро седым и туманным…
Брови сдвинув навстречу и внутрь,
Я возьму тебя в розовой ванной
В это лучшее утро из утр.

Полетит, разбиваясь бесшумно,
Хрупкотелая банка на дно,
Расплескавшись горячим шампунем
На залитое краской окно.

Ты в отчаянье чувств захлебнёшься
Душевою струёй синевы.
Ты сама! Ты сама отдаёшься!
(Под водой не видать головы…)

Ты впервые питаешься блудом,
Находясь под водой слегонца…
Я уже никогда не забуду
Твоего водяного лица.

Будет утро седым и туманным,
Будут брови содвинуты внутрь, —
Но не будешь ты больше желанной
Никому ни в какое из утр!

* * *

Жёлтый надтреснутый градусник
Сыну воткнув невпопад,
Мама всплакнула от радости:
«Выживет, маленький гад!

Видно, не зря я потратила
Лучшие годы свои.
Эта лукавая гадина
Выживет, чёрт побери!»

Бился по улице каменной
Мягкий болезненный град.
Сын, искалеченный мамою,
Тёртый сосал виноград.

* * *

По улице Вайнера — что за осанка!
Проходит бригада морского десанта.
Походка — что надо, и глотка — что надо,
Они маршируют в пустыню Невада.

Во фланг им по улице Ленина ходко
Идёт в парусиновой куртке молодка.
Лихих усачей не страшна ей бравада,
К ней был благосклонен профессор Левада.

Направо — УрГУ, а налево — ЦэГэшка:
В ЦГ (гастрономе) открылась кафешка.
И машет ей Яков Свердлов с постамента,
Не чуя в ней классового оппонента.

Ласкают ей слух алогизмы Зенона,
Полна её грудь грозового озона.
Ей ведома хватка и ада и ЦГАДА, —
Она и сама из пустыни Невада!

* * *

От снеди ломятся прилавки,
Платок с деньгами на булавке.

У офицера резвый шкет
Стреляет пару сигарет.

Мужик играет на трёхрядке,
Вокруг стоят акселератки.

В руках у первой — бутерброд,
Вторая — шанежку жуёт.

А третья, изогнувшись сладко,
Подругу чешет под лопаткой.

У пятой — нет важней забот,
Чем лезть к четвёртой пальцем в рот.

Шестая крутит дивный веер
(Стиль — нидерландский бидермейер).

Седьмая на виду у всех
Восьмую щиплет. Звонкий смех.

И, бросив мужичка с трёхрядкой,
Все прочь бегут. Сверкают пятки,

Сверкает попок барельеф
И лепота девичьих плев.

Трясутся крохотные матки —
Бегут домой акселератки…

БЫКОВ АРТЁМ ОЛЕГОВИЧ родился в 1987 году в Свердловске. Учился в УрГПУ на историческом факультете. Участник семинара Андрея Санникова «Клуб капитана Лебядкина», фестивалей «Урал-Транзит», «ЛитератуРРентген», многочисленных чтений и слэмов. Публиковался в журналах «Урал», «Здесь», в антологиях « Литературрентген» и «Екатеринбург 20:30», в сети. Автор книги стихов «Краткий курс крови» (2016). Участник «Антологии современной уральской поэзии» (т. 3). Живёт в Екатеринбурге.

Артём БЫКОВ

* * *

Мои родимые враги
Совокупились по любви
Избави Бог меня увидеть
Чего они ещё могли
Но, подари мне пулемёт
Он стопудово подойдёт
Он просится ко мне на руки
Реветь совсем наоборот
О, Боже, буду я красив
Рыдают матери крапив
На одичающих камнях
Умноженный Сизиф
О, Боже, будет счастье мне
Бухать по-тёмному в селе
И ничего не ведать больше
О деревянной мгле.

* * *

Запахло жидкими цветами
Водой, гусиной кожей
И за окном, над облаками
Летят в прохожих
В прихожей курят, пьют, смердят
Плюют пчелу в окно
И бабу рыжую хотят
Пока она — оно
И рвут халат напополам
Напуганным врачом
И грудь кладут себе на стол
Я о любви.
О чём?

* * *

Трагедия всех мыслимых немыслимых
Комедия отравленных, немых:
Обилие объятия, по истине
Несёт святых, не принесёт святых

Спектакль драки, боя с бижутерией
За мнимость и величие пройдёт
Там из горла глядит в меня Офелия
А Васька слушает, закусывает, пьёт.

ВАСИЛИЮ ГАНИЕВСКОМУ

Полумрак балканский
Гроб среди людей
В куртках партизанских
Вороных степей
Очень тихо. Даже
за окном зима
Не стреляет — мажет
Выстрелом со дна
Полукрыты веки
Волосы как дым
Обтекавший реки
Полозом седым
Он глядит пробито
Только на живых
Человек убитый
Спит среди слепых
Из груди пробито
Валятся слова
Водкой неумытых
Сперва наперва
Я сейчас бросаю
В гроб ему, цветы
Северянин знает
До какой черты
Белый мрамор тени
Сложенный у глаз
Мастер изменений
Профиль и анфас
Он прекрасней даже
Чем живые лица
На груди не ляжет
Сломанная птица.

ГЛУХОТА

Мало того ослеп
Она (глухота) взяла
В уши вложила хлеб
И воду перепила
Выл и просил камней
Перепела мертвы
Дырые до червей
Крылья из-под травы
Волосы — тополя
Рыло червей круглит
Я выхожу — вокруг
Только Господь не спит.

КОЛДУН

Лыбем лыбо, тополок и тесна
Шотно в други и гропнулась она
Ражко хыдание млапенем ышит
Орбаз сеянный малпадку локышит
Тевер роввался и ует в онко
Ктёсла жродат, отсприкело рыльцо
Кури в топу к бесе жрипамая
Рзов гибудёвый чвесой канрывая
Не оребнуться и жунно жебать
Гони от усажа не отзявать
Рёчный локдун допнимает цило
С лисой сробает на тевер локцо
Твисс из локца чанинает шудить
Трукит на члепи хамровую тинь
Эй, речно-жникик, вне мсё варно
Я кывлючаю меное нико.

* * *

Был и ходил во вред
Мне преподобных нет
Берега нет, но берёг
Воду от мокрых ног
Многих почти паук
Из пластилина рук
Море лица овал
Целился
Целовал.

ХАНААН

На небе кажется петля
Иов Осаннович гуля-
ет мимо всех вершин
откуда сам необозрим
ему клокочет нищета
и колокольчик. Не счита-
ет он свои шаги
а их сто три
а их сто два
их сто один
их ровно сто
Иов нырнул он жаккусто
Но небо кажется стена
Ему хана.

ВОТИНА ЕВГЕНИЯ ВИКТОРОВНА родилась в 1989 году в Свердловске. Окончила Уральский государственный педагогический университет по специальности «психологическое консультирование». Закончила Уральскую школу флористики и дизайна. В настоящее время работает в направлении профессиональной флористической аранжировки. Является чемпионом Урала по профессиональной флористике (2010). Среди других достижений — II место на чемпионате флористических школ «RussianSkills» (2011, Москва). Принимала участие в поэтических фестивалях и чтениях в Екатеринбурге, Нижнем Новгороде, Казани, Челябинске, Перми. Публиковалась в журналах «Воздух», «Урал», на интернет-портале «Мегалит». Участница «Антологии современной уральской поэзии» (т. 3). Живёт в Екатеринбурге.

Евгения ВОТИНА

* * *

Тело, тело не хочет быть незамеченным,
Тело, тело не хочет быть испорченным,
Изувеченным
Точёным водой,
Камнем леченным…
Тело, тело, руки-ветви истлеют и сложатся,
Эндорфины множатся,
Плесневеет шкурка-кожица,
Листья. Глаза. Тождество.
Холодеет ёлкино рождество!
А родился-то кто?
Уродец-корпускулка, треснула скорлупка.
Хрупкая бабочка-куколка,
Мама целует: лапочка,
Кусочек от дерева, палочка…

* * *

Продала
И замыла как за мёртвой
На улице людно, словно в колядки
Снежно
Он тебя потрошит
Такой по-отечески нежный
Шипром пахнет
Ахнет, какая ты внутри красавица
И что-то нравится
Да и не может не нравиться

* * *

Воробьиный
Тканый
Понедельник длинный
(и тебя не видно)
Не привяжешь к камню

Не отправишь в винный
Дебельным и вольным
Дембелем вчерашним
Остаётся больно
Остаётся страшно

* * *

От патоки
на лацкане капельки
янтарные цацки,
цапелька цапелька
за седьмым облаком твоя сабелька
стальным языком клацает
требует голову царицыну
окружённую пестиками и рыльцами
с закарамеленными ресницами

* * *

1.

не подходить просто:
пить из горла
кровь из носа
пыль на полке
ловить в ладошку
дети едят суп, перевёрнутые в ложках
по тёмному коридору на сахарных ножках
в Соликамск на поезде:
сёстры выросли
на молоке и кости черноволосой матери,
на картавом радио

2.

младенцы…
отвечают звуки трудные для печати
пуговицы…
куколки в четвёртой по счёту от окна кровати
мамины близнецы наряжаются в одно платье
стригут мамины ножницы
всё же на 90 % Матье собака
сепия: из окон несуществующего барака
с запахом табака
завтра у мамы вторая свадьба
она прячется в нутро сундука

* * *

застегнуть на верхние пуговицы
в другой страшной стране
жаться друг к другу
как три крахмальные птицы
и думать, что это нормально

что по-другому и не можно
и нольпятое стекло и запах железнодорожный
и запотевшее окно

* * *

под дивными камнями
под старыми, как мама мамы мамы яблонями
под секретными пнями
меж твоими и моими ступнями
я знаю, мне говорили, что я не знаю, но я знаю
я подсматривала через щёлку
и посадила занозу
я подслушивала их и
верила каждому их слову
что сухая ветка превращается в глориозу
салфетка в паукообразное
люди в разное

* * *

1.

Я контрабанда,
Я пересекаю границу
В горьком животе албанца
Мама, мама мне нечего кушать
Милиция мне не рада
Мне не на что злиться,
Потому что всё здесь не моё
Мама, я разрезала постельное бельё
И сшила себе саван
Я похоронила себя за бамбуковым садом
Теперь хожу туда каждый день и плачу
Мама, мама, поцелуй меня в потёртый лоб на удачу

2.

Мама, я у тебя за стенкой
Хранюсь цветной видеоплёнкой
Прошу тебя не бойся своего заплетённого в воздух ребёнка
Знаешь в слове «мама» такой рыбий звук…
Я пробегаю по своей неровной спирали круг
И возвращаюсь в этот застенок.
Я состою из души, коленок и ног…

* * *

По следам, по тропинке топтаной
По резинке оттянутой,
Что хлестнёт больно и только ли…
Корабли угольные столпились в гавани
Берег сосут, как молоко у матери
В воду ссут и там же плещутся
На руки лезут, ластятся

* * *

Как всякая холера и как мечта
Лаковые фигурки среди лоскутов и ворья
Королевская чета
Слева зазубрина копит мёд
Накрыла кружево
И никто не идёт
Разве солдатик, местный псих идиот
Лестный
И под лестницей лилово-красным загорается рот
За забором злаковые выше плеча
До мочки уха едва достают
Когда поднимается опухолью луна
У нерадивого врача
Которому родственнички не нальют

* * *

Человеку даны глаза, чтобы подсматривать за телом,
Левая рука, чтобы остановить правую, когда та делает зло,
Правая нога, чтобы запнуться о левую, когда идёт не в ту сторону,
Живот, чтобы хранить ребёнка олово,
Язык, чтобы обсасывать слово и выплёвывать, как гальку...
Небо сыплется на голову новорождённым тальком,
Мельком на него поглядываю,
Воздух, как бумагу в пальцах складываю,
Себя комками сглатываю

* * *

как будто бы ты
ощущаешь всё более остро
у кромки кукольного погоста
выцветшего до пустоты
среди вереницы плакальщиц блудниц
выпадающих из собственных глазниц
костяная спица поднимет петлю
тонкую тугую кожу
или я сплю
или я брежу

ГОНЧАРОВ ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ родился в 1971 году в Калининграде. С 1975 года жил в Магнитогорске. В 1993 году окончил МГТУ, уехал в Тольятти, где работал в научно-техническом центре Волжского автомобильного завода конструктором перспективных моделей. С 2006 года жил и работал в Москве, в 2009-м вернулся в Магнитогорск. Автор стихотворных книг «Заповедная цитадель» (2002), «Месторождение» (2004), «Палеонастоящее» (2010), книги прозы «Turne» (2006), книги стихов и рассказов «Поэзия третьего темпа» (серия «Литература Магнитки. Избранное», 2008). С 2011 года снял несколько документальных и художественных фильмов. В 2016 году вместе с поэтом и филологом Н. Карпичевой инициировал создание Центра визуальной культуры «Век» в Магнитогорске. Участник «Антологии современной уральской поэзии» (т. 3). Живёт в Магнитогорске.

Игорь ГОНЧАРОВ

СТРЕКОЗА ЗАКОНА

Смерть — она тоже по божьей милости,
Как саранча в пустыне, и девять других нашествий.
И вообще, чем ближе ты к справедливости,
Тем дальше от совершенства.
Можно сказать, от ярости до сонливости
Достаточно полужеста.

Выйдешь порой из ряда, семьи, народности,
И видишь: плывёт оазис, идея пальмы,
Которая в сфере духа без срока годности,
И, не иначе, выросла нелегально…
Но человечество в целом малооригинально,
Когда выбирает виды по краю пропасти,

Ведь за спиной у него не крылья, а пара лопастей,
Растущая не как образы, а буквально.

АРХИТЕКТОНИКА ОДНОЙ МУЗЫ

Когда он оформил облако и заявился с этим,
Как с атмосферой, в которой потом летал,
То оно оказалось в штанах — и этого не заметить
Было сложнее, чем революцию и Капитал.
Я бы даже сказала — он на меня напал,
И я понимаю, причин для сплетен

У вас океан. Быть музою для мелодий,
В которых огня и ярости достаточно для троих?
Ах, Маяковский влюбился в меня, как мой муж в Володю,
Шла революция, раскачивался материк.
Но как вам сказать… я отдалась ему лишь на миг,
Заполняющий пропасть в моей природе…

Это было тоньше любви, было, ну, чем-то вроде
Облака, только подписанного — Лиле Брик.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ

Народ безлик и тёмен. Овладеть
Такой армадой нереально с улицы.
Зайди в трамвай. Прислушайся. — Медведь,
Куда попёр. — Поговори мне, курица.
Но ты расслабься. Чтобы не сутулиться,
Приноровись кого-нибудь поддеть

Плечом. Доехавших до улицы Труда
Обычно мало. Сорванные связки,
Карман навылет, плюс разбитая губа —
Кошмар! — когда б не удовольствие от встряски.
Но кто-то скажет — завтра праздник Пасхи, —
Да и сойдёт, возможно, навсегда.

Другой уйдёт в сюжеты русской сказки,
А кто — в пословицу у здания суда.

В МИРЕ ОВОЩЕЙ

Слюна горчит, в трюме темно, но мимо
Ангелов взмыла чайка, не то баклан —
Взглянуть, как Атлантика необозрима,
Где ни одной аптеки на океан.
Но я отыскал тебя, проклятый Индостан…
И через год Испания закурила.

Христофор, я как-то была на рынке
И видела, как воистину всполошён
Местный крестьянин, как нежит он в сизой дымке
Томаты… жаль, ты золота не нашёл.
Ах, открывая Америку, ты так далеко зашёл,
Что глобус взял и склеил две половинки.

А какие по инкам справил Мадрид поминки,
Жаря картошку! Ну, право же, хорошо.

СЛУЧАЙ В СКВЕРЕ

Иная речь затягивает. Несколько
Знобит порой. И съевшего беляш
Тебя, как снег, вышвыривает с Невского
Промчавшийся впритирку экипаж.
Прийти в себя, вдохнуть — о, дьявольская блажь!
Чередованье строчек Достоевского.

Осмотришься. Да нет. Всё та же тусклая
Спираль над лавочкой. Во дворике шуршит
Знакомый нищий. Дать ему по русскому
Обычаю какие-то гроши.
А мог бы этот нищий задушить? —
Подумать и купить ноль пять с закускою

И вроде как уснуть в обнимку с необузданной
Стихией человеческой души.

МАЛАХИТОВОЕ

В магазине камней сыро, к стене прибит
Профиль Бажова, за убежавшей ящеркой
Продавщица, трогая малахит,
Поглядывает на входящего.
А тихо как. Места здесь неподходящие
Для того, кто сразу заговорит.

Вошедший замялся: — Давненько такой жары
Не было в городе, даже себя не слышно, —
И, сказав эту глупость, он рассеянно обронил
Подборку стихов для книжки.
Она же, поймав приземляющуюся у лодыжки,
Прочитала строчку ли, полторы.

Тогда он и вспомнил слух о Хозяйке Медной горы,
Да вспомнил-то поздно, слышь-ка.

ОТПУСК В ДЕРЕВНЕ

Так мало в жизни сделано, что глаз
В кубанских винах с силою нечистой
Не борется, найдя взаимосвязь
Меж космосом и темнотой российской.
Орут коты, гуляют трактористы,
И спутник удаляется от нас,

Как след мечты. В селе непопулярны
Шекспир, приезжие, но вечен интерес
К скотине, птице, здесь девчонок парни
Традиционно тащат под навес…
Так мало в жизни сделано, что бес
Мигнёт и мне, и барышня, пленённая Полярной,

Смахнув солому, скажет: — Благодарна
За чистоту сентябрьских небес.

ГАЛИЛЕЯ

Наивный край. Солнце и мало гласных,
Везде рыбаки, но они понятия не имеют,
Что им нравится больше — вылов карпообразных
Или поимка душ. А озеро, пламенея
Левее сетей, расставленных Галилеей,
Нарисовало явление и затем погасло.

Пойманный говорил невнятно, но очень просто.
Кто-то пробовал даже менять местами
Слова, но те вставали молниеносно
В комбинацию, о которой — никак устами.
Это было так странно, что многие люди сами
Пошли за скитальцем в выгоревших обносках,

Потешаясь над фразой, что кто-то из них — апостол,
В направлении будущих испытаний.

МАЙСКИЙ ПОЛУРАСПАД

Сразу за школой свалена арматура.
Здесь можно привстать с колен и, отряхнув берет,
Найти свой портфель. Видно, как штукатурят
Школьный фасад. Воздух уже прогрет,
И учитель физики с пачкою сигарет
Лучше учителя физкультуры.

Составлены транспаранты. С некоторых из них
Поглядывают вожди, хмурясь из-за акации,
На тело колонны. В центре следы возни,
Но, добираясь до физика, спросишь о радиации,
На что он ответит: — Ну, научиться драться
Можно без фанатизма или резни,

Как радиация, или время, которое упразднит
Даже эти вот демонстрации.

РАЗГОВОР В БИБЛИОТЕКЕ

Ночь. На маяке разожгли навоз,
В глубь континента смутно течёт аллея,
На которой, рассчитываясь за привоз,
Исчезает династия Птолемея.
Знаешь, знание не горит, а тлеет
В сердце, если поставить такой вопрос.

Моё время уходит, я был не прочь
Сделать Египет прообразом политеха,
Но климат… и так ненадёжен скотч
Для крепленья с папирусом человека.
Рим наступает — та ещё дискотека…
Но, если по правде, ты как-нибудь заморочь

Голову Цезарю, она не светлее, дочь,
Чем Александрийская библиотека.

ГРАНТС ЯНИС ИЛМАРОВИЧ (псевдоним) родился в 1968 году во Владивостоке. В связи с военной службой отца жил в Советской Гавани, Ленинграде, Кирове. Учился в Киевском государственном университете на историческом факультете. Служил срочную службу на большом десантном корабле Северного флота. После демобилизации остался в Заполярье и работал на торговых и рыболовецких судах, буксирах, приписанных к Мурманску и Архангельску. С 2002 года живёт в Челябинске. Публиковался в журналах «Знамя», «Волга», «Урал», «Крещатик», «День и ночь» и др. Лауреат Большой независимой поэтической премии П (2008). С 2010 по 2015 год руководил поэтической секцией литературного объединения ЧТЗ имени Михаила Львова. Автор стихотворных книг «Мужчина репродуктивного возраста» (2007), «Бумень. Кажницы. Номага» (2012), «Стихи 2005–2014 гг.» (серия «ГУЛ», 2014), «Конъюнктивит» (2015), автор книги детских стихов «Стихи на вырост» (совместно с Дмитрием Сиротиным, 2011). Стихи и проза переведены на латышский язык. Участник «Антологии современной уральской поэзии» (т. 3). Участник проекта «ГУЛ», автопробегов «ГУЛ». Живёт в Челябинске.

Янис ГРАНТС

КОНЬЮНКТИВИТ

а боль болит, поёт как охра
на ржавых сводах.
торчит как бабушка из вохра
в дыре завода.

пишу — и вспыхивают спички:
по шесть на строчку.
(спустил последнюю наличку
на оболочку.)

нещадно режут автогеном
глазное днище.

как мне живётся? офигенно!
на пепелище.

ТРОЛЛЕЙБУС

дышит одышкой. цветёт как самшит.
села в троллейбус. шуршит и шуршит.

шепчет. невнятно. и шарит ковшом.
в маленьком. среднем. побольше. большом.

с пола поднимет. уронит с колен.
свой бесконечный полиэтилен.

что ты там ищешь, смешная душа?
на «станкомаше» выходит, шурша.

НЕОБРАТИМОСТЬ

красная рыба вражды
рыщет сюды и туды
по коридору общаги
мокрые ставит следы

этот к перилам приник
видно попал под плавник
и отрывает кусками
свой слишком русский язык

как новогодние льды
лампы мерцают и ды-
мятся по старой побелке
запахи кислой еды

я трёхколёсный эскорт
папиных тапок и шорт

памятью папа заснежен
а если честно то стёрт

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

плещется плещется рыба в тазу
чёрные точки на медном глазу
чёрная бездна внутри посмотри
воздух проглотит считая до три

весь этот воздух для рыбы — червяк
всё это так только это не так
воздух над нами и воздух из нас
съест эта рыба болотистый глаз

рыбу раздует и сдуемся мы
ляжем на донышко рыбиной тьмы
ляжем полёживать ляжем молчать
маленьких деток в качалках качать

спи засыпай будто рыбина ры
малых детей не крадёт из дыры

ЛУГОВЫЕ СОБАЧКИ

вода стекает в норки луговых собачек.
собачки вылезают наперёд
лугов, таящих разноцветье пачек
от сигарет и проч. такая вот

нехитрая картинка алабамы
прикноплена к стене. смотрю и жду,
когда ты возвратишься из бедлама
и принесёшь с собой белиберду.

и так проходят годы напролёт.
один в один, как близнецы сиама.
я жду тебя. меня никто не ждёт.

проходит год. проходит снова год.
собачки вылезают наперёд.
мне плохо тут. им нестерпимо тама.

НИЧЕГО НЕ СЛУЧИТСЯ

одинокие птицы,
пролетая над бездной че,
разбиваются о края.

ничего не случится
(с нами), пока на моём плече
засыпает рука твоя.

и пока поутру
у меня во рту —
клубок из волос твоих,
я нисколько даже и не умру.
и никто из нас.
из двоих.

другое — не важно (включая эти стишки).
ничего не случится, пока
пока
дворник утрамбовывает в мешки
мёртвых птиц
(граблями за бока).

СМЕРТЬ ПРИХОДИТ

смерть приходит буднично
между сном и завтраком
с перегаром уличным
с яблоневым запахом

а с лихвой ли лихо ли
от Армани рваный ли
смерть приходит тихая
ты по барабану ей

как письмо из Углича
как газета в ящике
смерть приходит буднично
как ненастоящая

ГРАЧ

человек несёт больную
птицу к ветврачу.
он бы продал мать родную,
чтоб помочь грачу.
только кто ж старушку купит,
мёртвую причём.
человек, как воду в ступе,
боль свою толчёт.
боль — не крошится — водица,
прибывает всё.
умирающую птицу
человек несёт.
и нашёптывает в клетку
человек-чудак:
«без тебя никак мне, детка,
без тебя — никак,

пережить такое горе
мне не по плечу».
так и умер в коридоре.
не донёс к врачу.

ПОЛЁТ

о, я б летел над сельским магазином,
где продавщица плачет и течёт,
и, вылив треть канистры из бензина,
сводя с судьбой не выставленный счёт,
в обычных обстоятельствах тщедушный,
а тут с цепи сорвавшийся фома
бесплатно хочет водки самой лучшей,
в противном, угрожает, всем хана…

но я б летел и дальше. возле мкада,
хоть я не знаю, что такое мкад,
где ингуши торгуют виноградом,
пока чеченцы тырят виноград,
и на арбузной горке восседает
виталий (не кальпиди, а другой)
и чертит голова его седая
по воздуху параболу дугой…

но я б летел, поскольку приземлиться
уже мне не придётся ни за что.
виталии, фомы и продавщицы
мелькают, как бочонки из лото,
которым липкий запах рук не сносен,
по клеткам поля вставшие, как есть:
12.
49.
28.
4.
30.
86.

ПУШКИН

1. Невский

я шёл пешком. а Пушкин ехал.
в медвежьей шубе ехал в свет.
он что-то крикнул мне из меха.
и я махнул ему в ответ.
я шёл. домой. дрянная проза.
я шёл. по Невскому. домой.
и воздух конским пах навозом.
ещё — дымком. ещё — Невой.
прислуга свечи зажигала.
тишайший снег слетал с небес…
тарифом новым зазывала
собчак с биллборда МТС.

2. утёс

он.
в бакенбардах.
в завитушках.

невзрачный.
неказистый.
Пушкин.
он.
смуглолицый.
горбоносый.
стоял в накидке на утёсе.
и небо сонно моросило.
и чайки спали на волне.
и одинокий.
и — красивый
стоял Поэт.
и снился мне.

КЛАВИШИ

Пальцы твои стрекозьи
клавишей давят клей.
(Я утонул в неврозе
от нелюбви твоей).

Улицы, как помои,
в сточной стоят ночи.
(Сделай хоть раз по-мое-
музыку замолчи).

СОН

снились жаберные щели,
плавники как из ведра,

бессловесных сообщений
красно-чёрная икра.

вязли в море, словно в жиже,
но гребли, что было жил.

и какой-то ангел рыжий
надо мной всю ночь кружил.

ОКНО. ПОЛИНА

клюют колодезную крышку
четыре чахлых сизаря
для октября морозно слишком
белым-бело для октября

куда ни кинь повсюду клинья
из неразгаданных примет
(сегодня восемь лет Полине
а мне не знаю сколько лет)

так тихо так до жути тихо
что дом в окне облез до плит
и после «с» неразбериха
когда считаешь алфавит

ПЕЙЗАЖ

Несут олени ельник на рогах.
Качаются верхушки, что ни взмах
голов с непроходимыми рогами.
Лежит не снег, а корка — профнастил.
И оленёнок будто загрустил,
и спит над ним сова как оригами.

Лыжня кривая, пьяная лыжня
петляет здесь три ночи и три дня,
но ни к чему такому не приводит.
Охотник в кудреватой бороде
забыл, зачем, забыл, за что и где,
и на свободе шепчет о свободе.

Хвосты комет и прочие хвосты
ныряют с орбитальной высоты
за этот ельник, на рогах и травах
настоянный. Несут олени лес

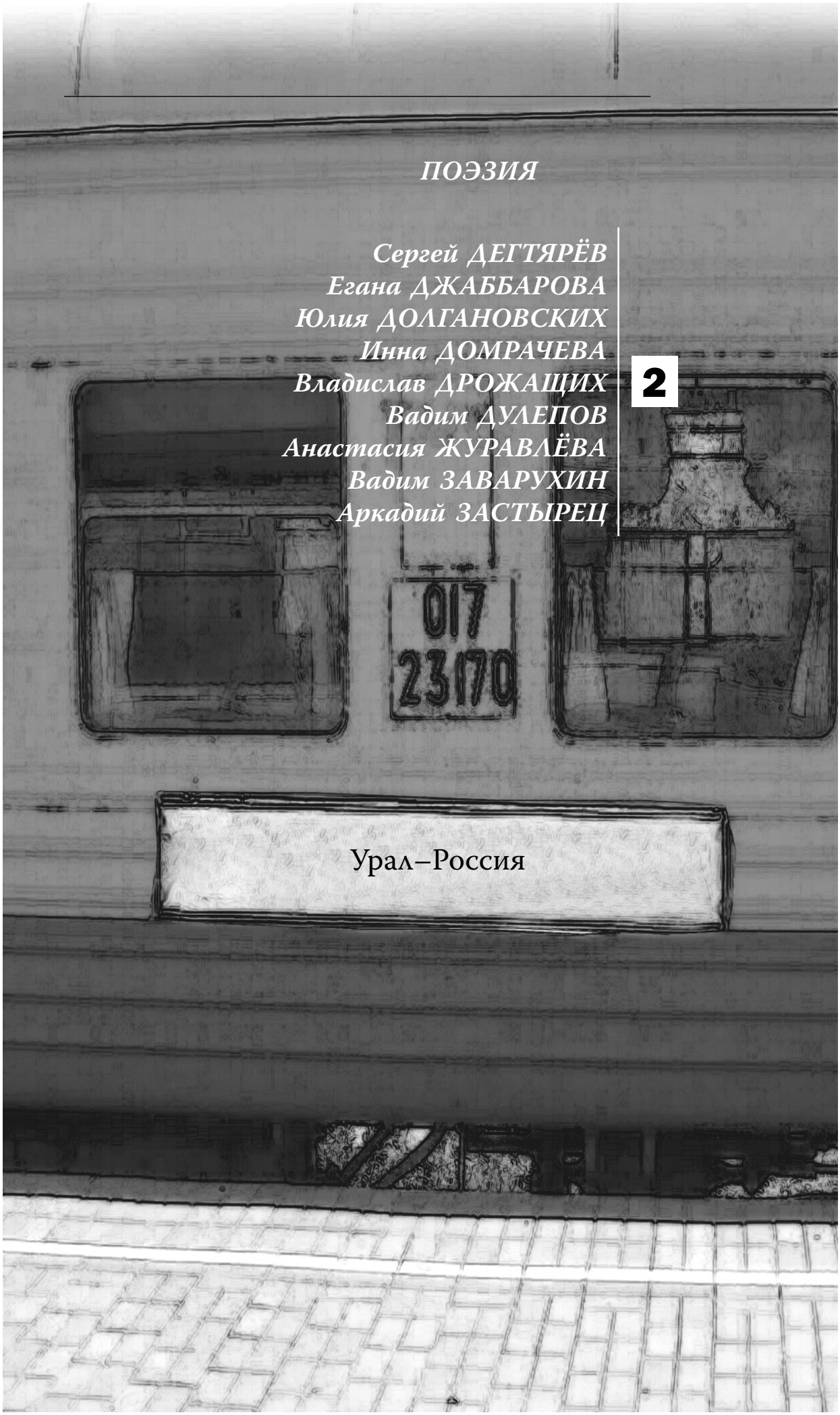
из чащи на простор — наперерез
хвостам комет.
За раму.
Вверх и вправо.

НЕ ХОДИ

Не ходи туда не надо
Не ходи туда
Там маркиза или сада
Злобные стада

Там по грош за канарейку
По кило за сыр
Там боец из трёхлинейки
С именем басыр

Там приклады и оклады
На один размер
Не ходи туда не надо
Полиционер

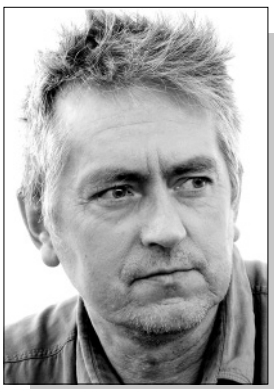


ПОЭЗИЯ

Сергей ДЕГТЯРЁВ
Егана ДЖАББАРОВА
Юлия ДОЛГАНОВСКИХ
Инна ДОМРАЧЕВА
Владислав ДРОЖАЩИХ
Вадим ДУЛЕПОВ
Анастасия ЖУРАВЛЁВА
Вадим ЗАВАРУХИН
Аркадий ЗАСТЫРЕЦ

2

Урал–Россия



ДЕГТЯРЁВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ родился в 1960 году в поселке Берёзовка Кемеровской области. Драматург, литературный критик, поэт, бард. С 1961 года живёт в городе Златоуст Челябинской области. Литературным творчеством занимается с юношеских лет. Член златоустовского литературного объединения «Мартен». Выпускник Литературного института им. А. М. Горького (отделение «Драматургия»). Лауреат фестивалей авторской песни («Чёрная скала», «Друзья уходят»). Участник и победитель областных поэтических фестивалей. Ведёт литературные занятия среди творческой молодежи. Имеет страницу на национальном сервере «Стихи.ру» под псевдонимами «Сергей Декабрёв» и Ашот Шаров, выступает как арбитр поэтических конкурсов сервера. Публикуется в городской газете «Златоустовский рабочий», в коллективных сборниках и литературных альманахах, в «Литературной газете», детских журналах «Кукумбер» (Москва) и «Бег» (С.-Петербург). Увлекается шахматами. Участник «Антологии современной уральской поэзии» (т. 3).

Сергей ДЕГТЯРЁВ

ЛИТЕРАТУРА

Напичкали неучи счастьем учёного,
заманили игрушками в слова-слова…
Литература вычернила Сашу Чёрного,
отмыла Андрея Белого добела.

Пришло время китам хвастать успехами,
а они будто колотятся на мели.
Литература заразила чахоткой Чехова,
Есенина довела до петли.

Играть в слова — всё равно, что принимать анаболики,
душа раздувается, как воздушный шар.
Литература запнула Платонова в дворники,
Рубцова оставила без гроша.

Страшен чёрт в очках и сутулый,
но с ним приятно идти от одного фонаря:
Маяковский застрелился литературой —
да неужели зря?

ДОМОЙ, В ЛИТЕРАТУРУ

Словно бобик на верёвке,
Я дрожу на остановке.
Эдгар По
Ушёл в депо.
Томас Манн
Ушёл в туман.
Огонёк мелькнул де Сада,
Только мне туда не надо.
Подошёл бы Лев Толстой —
Очень хочется домой.

ДВОРНИК И ФОРТЕПЬЯННАЯ ОСЕНЬ

Пьяная… нет, фортепьянная осень
Мокрым поводит плечом;
Ножки кленовые в трещинах. Впрочем,
Дворнику всё нипочём.

К сердцу ладони любимой сгребает —
Мука в глазах голубых.
Видели вы убежавших из рая?
Так посмотрите на них.

Дочка отцу бутерброды приносит,
Думает: «Папа — дурак».
Дворник свою фортепьянную осень
Бросить не может никак;

То Ахмадуллой зовёт, то Есеней —
Вот до чего память зла!
Всё относительно в мире осеннем:
Женщина — песня — метла.

ВЫБОРЫ

Вот и выборы прошли,
прошумели.
Выбирал Мазай штаны
для Емели,
выбирал Ромео яд
для любимой…
Волки сыты, зайцы спят
на Мальдивах.
Каждый честный пешеход
бросил в урну
кто — окурок, кто — восход
с перламутром.
И за кадром был не зверь
лопоухий —
выбирал пенсионер
землю пухом.
Выбирал худой карман
просветитель,
выбирал козе баян
сельский житель…
И, конечно, результат
виден в урнах:
волки сыты, зайцы спят —
всё культурно.
Лишь Мазай напился вдрызг —
жалко заек.
Стужа. Мыслящий тростник
замерзает.

КЛОУНЁНОК НА РЕЛЬСАХ

Предутренний воздух был тонок-претонок;
На рельсах трамвайных сидел клоунёнок.
Он плакал, от слёз его рельсы ржавели
В районе проспекта Шота Руставели.
Была ситуация антитрамвайной.
Все, кто её видел, ржавели повально.
На редких прохожих ржавели рубашки,
У мусорных баков ржавели бродяжки,
И первые дворники — ах, неужели! —
Брюнеты и лысые браво ржавели.
С дороги послышались первые враки:
«На рельсах скулит клон курящей собаки!»
В раскрытом окне будто кони заржали:

«Вы что, марсиан никогда не видали?!»
Прибывший на место блюститель порядка
Заметил у клоуна бирку на пятке.
Прочёл документ, строчки носом рыбача:
«Канада. Ванкувер. Машинка для плача».
Взметнулись по улице возгласы злые:
«Теперь даже слёзы у нас привозные!»
Восток багровел и поскрипывал ржаво.
Рассвет наступал. С добрым утром, держава.

ЛУННАЯ ДЕВОЧКА

Лунная девочка вышла на улицу,
смотрит, а улицы нет:
ангелы кружатся, звёзды целуются —
всё есть, а улицы нет.

Лунная девочка встала над городом,
смотрит, а города нет:
замки из сахара, башни из творога —
всё есть, а города нет.

Лунная девочка к озеру бросилась,
смотрит, а озера нет:
сети рыбацкие, запах лососевый —
всё есть, а озера нет.

Лунная девочка стала невидимой,
и проявились на свет
улица, город и озеро синее —
всё есть, а девочки нет.

СИТУЦИЯ

Ситуация Таня сегодня довольно плоха;
Ситуация Виктор её доведёт до греха
Разговором своим о родстве неприкаянных душ.
Это так. Но у Танечки есть ситуация муж.

После страстных речей нужно снова к семье привыкать.
Ситуация дочка внимательно смотрит на мать.
Что такое любовь? Геометрия? Куча мала?
Ситуация кошка не чувствует в доме тепла.

Муж с работы пришёл в ситуации несколько пьян.
Что сумеет прочесть он в глазах дорогих несмеян?
Легковесно и вскользь эти мысли во мне пронеслись,
Чтобы что-то понять в непростой ситуации жизнь.

ВЕРЮ НЕ В БОГА, А В БАБУ-ЯГУ

Верю не в Бога, а в Бабу-Ягу.
Надо бы — в Бога, а я не могу.
В дебрях блуждаю, мотивчик свищу,
Домик на ножках куриных ищу —
Мохом заросший, с высоким коньком,
Весь в паутине молитвенный дом.

А у людей, в городской толкотне —
Встанет ли передом церковь ко мне?

ДЖАББАРОВА ЕГАНА ЯШАР КЗЫ родилась в 1992 году в Екатеринбурге. Детство связано с Грузией. Закончила магистратуру филологического факультета УрГУ. Аспирант. Преподает русский как иностранный. Ориенталист по происхождению и убеждению. Публиковалась в журналах «Вещь», «Гвидеон», «Новая реальность», «Место», «Здесь», «Урал» и др., в антологии молодой поэзии Урала «Шепчутся и кричат» (Челябинск: Издательство Марины Волковой, 2016). Участвовала в семинаре молодых писателей в Москве (2015), в поэтическом фестивале InВерсия (Челябинск, 2016). Шорт-лист в номинации «Поэзия», лонг-лист в номинации «Проза» Международной Волошинской премии (2016). Живёт в Екатеринбурге.

Егана ДЖАББАРОВА

АЛЬ-ХАККА

1.

хрупкие хребты твоих плеч рушатся
линии на ладонях крошатся
бес.
синее одеяло покрывает тебя и мучается
вяжется хрустальный снег,
спрятался затемно лес
кажется,
из лесу из леса выпросишься
явится тебе бог среди этих мест.
мольбы млечными бусинами выплеснутся
в руки слепых женщин, умирающих здесь.

2.

беги через лес
спасайся от дома-застолья от матери и отца
беги в руки мужа-бога-скалы

и пыли
туда, где виснут чётным числом на столбе
все, кто выли.
убегая не оглядывайся
молись
плюй через левое плечо на чертей
и на небо смотри, как на детей.

3.

кто тебе, дорогая, твою золотую ладонь
обводил, словно прялку, немыми клубками
святыми
начертил на тебе вязь арабскую пыли
ты не в мать не в отца
в колыбели тебя не любили
белой тканью обматывали-хоронили.

4.

а седьмой холм взрастят высотой
ястребиной — чтят

а на нём будет восемь женщин, все встанут
в ряд
а над ними витать будет месяц полупустой
а за месяц держаться будет Господь звездой
а звезда полупьяная будет проситься спать
все молитвы женщина будет земле читать.

5.

ты затем отойдёшь
всю пустыню обхватишь ртом
и от кактуса будут чёрные иглы в нём
и холмы, как горбы верблюжьи,
поверх ткань
разрисованы руки хной
твои руки — даль
жжёной женской судьбы
раскатали, как тесто, спи
вот узоры стянулись:
доченька, смерть в пути.

6.

Азраил, склонившись над моей головой,
летит,
ветви качаются раскачиваются и спят
дети в окружении детей укрыты до пят
Азраил берёт меня за руку — все молчат.

НЕБЕСНОЕ

I.

Исмаил пасёт коров на луне
поднимает голову и видит орлов
(это Микаил на своем языке
посылает ему слова с жёлтых берегов)
хрупкие юноши прячутся за тело скалы
по красной земле гурии бредут босиком
волосы их как узоры хны
поверх отвердевших сосков
Салсаил верхом на солнечной лошади
сгоняет стервятников с берегов —
к женской пустой утробе
к началу реки.

II.

аль-укуль-ул-ашара

первый ангел сдувает слово рождается второй
озирается видит небо под стопой
обнимает прародителя открывает рот
изо рта льётся вода твердеет: кора
на коре стоит третий открывает рот
из его рта вылетает птица на её зов
слетается четвёртый и закрывает глаза
из глаз его катится полуночная слеза
плавится белым оловом становится землёй

на земле стоит пятый ангел
слово его огонь
из огня рождается дым
плавится а за ним
ангел шестой седьмой восьмой
девятый над головой
видит как десятый ангел
стоит над тишиной
разевает скрипучий рот и произносит МИР
больше девять ангелов не открывают рта
девять небес разваливаются прячутся от стыда.

ЗЕМНОЕ

I.

назиатназиат назиат*
в этом доме не спят
видишь ангелов с чёрным лицом
от них пахнет могильной землёй
ты не спрячешься в доме за дом
за тобой за тобой за тобой
шаг железный тяжёлый как сталь
ледяная постель не пуста
помолись перед смертью уста**
попроси за свою колыбель
что ты вырезал тёплой весной
для любимой дочурки своей
то ли милости то ли конца
то ли вечности для детей

* * *

наступит день радости:
скомкай его тонкими пальцами в зерно
посади в чёрную плоть земли
обереги береги берегибереги беги

АЛИ И НИНО

I.

неустойчивость тела
голова в пустоту ведёт
мальчик пьёт себе чачу, а девочка вслух поёт

говорила Нино, обнимала тебя в ночи
«ничего, что умрём, дорогой, нас встречают — жди»

---

* Назиат — назиат (*араб.* تاعزان — «вырывающие») или малаикат аль-азаб (بااذعلاةكئالم — «ангелы наказания, обречённости») — ангелы, ответственные за сбор душ неверующих в момент их смерти. Жестоки и грубы, с силой вырывают души неверующих из тел, с чёрными лицами, завёрнутые в грубые могильные ткани из преисподней, и пахнет от них падалью.

** Уста (*тур.*) — мастер.

II.

пахнет стружками от вишнёвых деревьев рот
мой забит от гранатовых зёрен и полон слов
я иду по воде и вода подо мной идёт
бог сидит на кровати небесные сны плетёт
я устал уже, Нино, здесь лягу и здесь засну
кукурузной лепёшкой пахнет у бога в саду.

КЫСМЕТ*

Мевлют обнимает пустую постель и оплакивает жену
Голодные псы рычат на немолодую уже Фатьму
Выбрасывающую из окна остатки вчерашней еды
Мужчина с бледным лицом допивает стакан ракы
Утренний азан** спины ладони ступни слова
Аллах выплёвает косточки от фиников в самое сердце Каабы
Где умрут пятеро под ногами праведников посреди толпы
Имам вытирает пот со лба произносит суры Корана
Фатьма целует Мевлюта и говорит:

ничего плохого никогда не случится с нами
спи, дорогой, ещё рано

* Судьба, рок, предназначение.
** Ранняя молитва в мечети.

ДОЛГАНОВСКИХ ЮЛИЯ ВИКТОРОВНА родилась в 1975 году в Свердловске. Окончила Уральскую академию государственной службы по специальности «Государственное и муниципальное управление» и Уральский Государственный университет им. А. М. Горького по специальности «Психология». Участник отечественных и зарубежных фестивалей поэзии, автор книги стихотворений «Латынь, латынь и катехизис» (2016). Стихи публиковались в журналах «Белый ворон» (Екатеринбург), «Южное сияние» (Одесса) и др. Лауреат поэтической премии «Провинция у моря» (Одесса, 2015, 2016), бронзовый призёр «Кубка Мира по русской поэзии-2016». Живёт в Екатеринбурге.

Юлия ДОЛГАНОВСКИХ

ВРЕМЯ РАЗБРАСЫВАТЬ ЛОДКИ...

Время разбрасывать лодки на отмелях рек —
время разыскивать руль и ветрила в приливах.
Время выдёргивать с корнем разросшийся век —
время высаживать семя священной оливы.

Время рождаться молчит — то ли спит, то ли ждёт?
Выстроишь, выплывешь, выйдешь на берег незнамый:
вслушайся — кто там трубит? — через птичий галдёж
не докричишься до впавшего в дрёму Сезама.

Пальцы утонут в песке и накличут часы —
полупуста и покрыта морщинами склянка.
Всмотришься, вздрогнешь, поймаешь внезапный посыл:
время сберечь. Собираешь секунды-беглянки.

Полнится колба часов, под ногами — вода,
хлюпает и обнажает ростки асфодели.
Время бежать — знать бы только, зачем и куда?
Время погибнуть? А птицы летели, летели...

Всё же бежишь — спотыкаешься, падаешь и
видишь попавшую в глиняный плен черепаху.
Плакать не время, но плачешь. Копаешь, спешишь —
сердце колотится. Взлёт за мгновенье до краха —

руки сжимают искомое. Время сполна
недостающее рушит, печали не внемля.
Вслушайся — кто там трубит? — три упрямых слона,
стоя на панцире, держат зеркальную Землю.

О СПЯЩИЕ...

О спящие, блажен ваш сон! Легко —
что в масло нож — проскальзываешь в лица
и глубже: если на душу легло —
приснится. Пусть затянуты глазницы

дрожащим веком — дольше длится день,
растут кресты и лобные приметы.
Кальвария отбрасывает тень,
но тень встаёт и спрашивает — где ты?

Восходит ночь — вопросов больше нет:
чем дальше свет, тем тени молчаливей —
и каждый, сам себе анахорет,
на ощупь ищет древние оливы.

Усни, глазок, усни, другой! Обман
оптический не обнажает чрева.
В неспящих зацветает Гефсиман —
но кто-то в нём, а кто-то входит слева.

МОЙ БОГ, ПОКА ТЫ ТОЛЬКО МОЙ...

Мой Бог, пока ты только мой,
пульсирующей пуповиной
обвит хрипящий шар земной,
летящий глыбой вслед за мной,
пожаром дышащий мне в спину.

Кричу в Тебя — и ввысь, и вглубь —
но Слова нет, но нет ответа —
текут верблюды сквозь иглу,
лампада теплится в углу,
рубаха оседает в ветошь.

Отсчёт обратен — вышел срок.
Слепящий всполох — боли? света? —
тьма уползает за порог,
и месяц, ярок и двурог,
новорождённую планету

за нитку тянет к небесам,
толкает еле слышно в спину.
...Мой Бог, теперь попробуй сам.
Я обрезаю пуповину.

ДУША И ТЕЛО

А говорят, душа не ведает предела.
Душа лежала на земле, покинув тело.
Дрожа лопатками, душа взлететь пыталась,
но тяжела была душа — не получалось.

А тело встало — и пошло, и побежало.
Впервые тело лишь себе принадлежало —
и пустота его не ведала предела.
Покинув душу, над землёй летело тело.

ЯБЛОЧНЫЙ СПАС

Крупные яблоки катятся из-под ресниц —
руки ветвями повязаны, не удержать —
падают глухо на землю налитостью лиц
и разбиваются надвое. Крёстная мать

плачет над ними, свивает и прячет в подол.
«Не донесла, сухорукая, я донесу. —
шепчет она. — Окроплю их святою водой
и закопаю на кладбище, в чёрном лесу.

Яблоки соком забродят, в глубины уйдут,
корни натужатся, высохший гроб разорвут —
яблоня встанет и выпьет заброшенный пруд,
вновь разродится плодами, а я тут как тут —

аждый приму, откатиться далече не дам,
вымою, вынянчу, выручу пару монет…»
…Стелется по ветру, тонет в болотине храм.
Чья это яблоня произрастает во мне?

РЕКИ, РЕКА

Реки́, река, пока я слышу,
пока я слушаю тебя.
Твой берег, разнотравьем вышит,
колышет лёгких жеребят.

Нальются силою копыта,
придёт высокая вода —
дорогою подземной, скрытой
уйдёт, казалось, навсегда.

Молчит река — мелеют строки,
тускнеют гривы жеребцов,
но гераклитовы потоки
сквозь соломоново кольцо

смягчают берег, что колышет
новорождённых жеребят.
Реки́, река, пока я слышу,
пока я слушаю тебя.

МЁД

В субботний вечер погружаешься, что в мёд —
жужжишь и набиваешь брюшко негой,
краюшка солнца тает в тёплой кружке неба —
а сколько неба! —
будто кто-то льёт и льёт
лазурь из нескудеющей руки.

Прозрачен мёд, легки и редки пузырьки —
тронь хоботком —
чуть слышный привкус кислорода
запомни — вдох! — и тонкокрылая порода
на дно отчаянно потянет вопреки
привычке быть на грани синего и трав.

Коварен мёд — и выдох резок и кровав —
а сколько боли!
Опустевших средостений
касается озябшая рука
в надежде, что случится воскресенье.
…Снисходит смерть —
легка, сладка и глубока.

ДОМРАЧЕВА ИННА БОРИСОВНА родилась в 1977 году. Окончила Уральский государственный университет (2000). Работала журналистом. Участница семинаров молодых литераторов в городе Липки (2008, 2010). Резидент товарищества «Сибирский тракт». Публиковалась в журналах «Урал», «Волга», «Сибирские огни», «День и ночь», «Новая реальность», «Белый ворон», в антологии «Лучшие стихи 2011 года» (М.: ОГИ, 2013). Автор книг «Обечайка» (2016) и «Лёгкие» (2016). Участница «Антологии современной уральской поэзии» (т. 3). Живёт и работает в Екатеринбурге.

Инна ДОМРАЧЕВА

ЛЮБОВЬ

«Ты чего разлёгся, срамные твои глаза?
Вот за них-то… дура, чо — не видала баще…
И мослы, беспутый, выстудишь, и мяса,
Нет, лежит, бесстыжий, зенки свои таращит.

Я же с ног валюсь, не девчонка уж, — Катя то,
Катя сё, и так с будильника до отбою,
Даже сына вон положили вчера в ЦИТО,
Не за ним хожу, поло́матым, — за тобою.

Поклянусь чем хочешь, хоть бы и на кресте,
Перестану, брошу, хватит, клещом же впился,
Я котлеток ему нажарила, сволоте,
А он здесь валяется, Аньки бы постыдился!»

Аня, с ужасом думая, как это всё зимой
Будет, надо же, сколько в ветхой старухе силы,
Говорит ей: «Вставай, баб-Катя, пойдём домой».
Поднимает, уводит к выходу, от могилы.

* * *

Я не стратег, я тактик. Предо мной
Жизнь ставит краткосрочные задачи.
Не огрызайся. Не скули. Не ной.
Спина немеет? Переляг иначе.

Не надо было в кресле ночью спать.
Что значит — не могла? Пошла и встала.
Диспетчер обещала воду дать,
Вода идёт, но холодно и мало.

Сними решётку, ржавчину страви.
Не чувствуешь, но держишь прямо спину.
Не хочешь жить? Не надо, не живи.
Но встань, пойди погладь рубашку сыну.

ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ ЦЕНТОНА

Она придёт, она не спросит
Ни у менад, ни у харит.
Собака лает — ветер носит —
Звезда с звездою говорит.

Я тоже, кажется, менада,
И строю замки на песке,
Когда последняя граната
Занесена в моей руке.

В глазах другого человека
Стоит египетская мгла.
Ночь, улица, фонарь, аптека, —
Я список кораблей прочла…

* * *

Послушай его и сделай наоборот,
Не говори «мой хороший», скажи — «плохой»,
Кто знает заранее, дерево Сефирот
Окажется ясенем, тисом или ольхой?

Смеёшься — забуду, пальцем не шевельну,
Две трети луны погасло, осталась треть,
Но тот, что похож на воздух и тишину,
Опять мешает огню перестать гореть.

А ты же упрямая, надо наоборот,
И мир, и душу вывернув, и слова.
Живи, ничего не загадывай. Водород
И счастье — самые частые вещества.

* * *

Бежать отсюда любой ценой,
Спасая шкуру свою кротовью,
Весь мир идёт на тебя войной,
Весь мир идёт на меня любовью.

Ты в зеркале тусклом с недавних пор
Опять отражаешься, просто бледен,
Но чайка с именем Nevermore
Распята на инверсионном следе.

Себя движеньем не обнаружь,
Лишь той реальности веришь вдвое,
Где вместо дизельной вони луж
Вдыхаешь запах промокшей хвои.

Здесь нету звука страшнее гроз —
Так тихо. Только цикады плачут,
Над тихим омутом спит рогоз
И ангел плавает по-собачьи.

* * *

Падали на глинистом танцполе,
Скатывались к белому ключу.
Я хочу, чтоб стало меньше боли.
Видимо, я многого хочу,

Видимо, в упор не замечаю,
Как приблизить, чтобы проняло.
Хлеб, стакан. Дальнейшее — молчанье.
Что ты можешь помнить про него?

Но субтитры, если автор в теме,
Исключают говоренье ртом.
Мы с тобой посмотрим это время
В режиссёрской версии. Потом.

* * *

Лавра и тёрна тебе, говоришь,
Лавра и тёрна?
Режет пространство взмахами стриж
Зло и задорно.

Взмахами этими каждый сочтён,
Смерен и взвешен,
Как хороши были лавр и тёрн,
Главное — свежи.

* * *

Представляете — август, плюс тридцать один в тени,
Гимнастёрки кусают шею, висят ремни, —
Рота срочников курит, каждому двадцать лет,
Старшина ушёл оформлять на бойцов билет,

Электричка вот-вот к пути подойти должна,
Но подходит — без объявленья войны — она.
Элегантно кушает белое эскимо,
Выжигая каплей внутри декольте клеймо.

Рота ест эскимо глазами, идёт ко дну,
По команде, синхронно, сглатывая слюну.
Я сказала: «Послушай, Ирская, чёрт возьми,
Перестань издеваться над маленькими детьми!»

Слава Богу, мальчишки эти не знают, нет,
Что и в спальне у ней дрожит приглушённый свет,
Репродукции Мухи смотрят в её кровать,
Шкаф разорван давленьем, но нечего надевать.

И хотя она вообще не забьёт гвоздя,
Она больше папина дочка, чем даже я,
И сильней большинства мужчин хорошо б на треть.
Вот поэтому именно к ней я хожу реветь.

* * *

Фрейзи Грант тебе? Ннна тебе Фрейзи Грант!
Пятый том рассыпался на листы.
Белый бант. Капроновый белый бант.
Символ, значит, кротости. Чистоты.

Женщина — бездна хаоса, Тиамат,
Грязь от ней и небо произошло.
Высокомерное ханжество или мат —
Как объяснить иначе, чтобы дошло?

Ночью на кухне с Леной или Двиной
Плача за рюмкой, думая: «свет не мил»,
Женщина встанет, сделается волной
И облегчённо скомкает этот мир.

* * *

Затылок стискивая плотно и
Собрав палитру по кустам,
Сентябрь прикладывал холодное
К моим урановым вискам,

Стуча в траву дождём и вишнями,
Цикличность времени браня;
И я вычёркивала лишнее,
Как сад вычёркивал меня.

Из сентября невыносимого
Шло осознание за мной,
Что я упрощена до символа,
До ясной литеры одной.

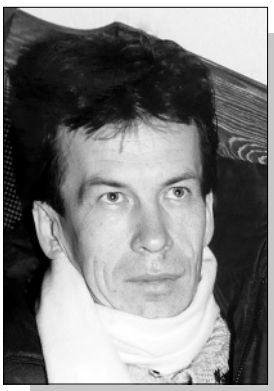
* * *

Зачем в глазах твоих живут
Полсотни киловатт?
Я знаю, как тебя зовут,
Но как тебя позвать?

Мне стоило уйти скорей
И больше не мешать,
Но ты — условие моей
Способности дышать.

Моё решение больно
И корчится в пыли,
Вокруг дженериков полно,
Но мне не подошли.

Ты думал — это всё игра
В застань-его-врасплох,
А мне хватало до утра
На выдох и на вдох.



ДРОЖАЩИХ ВЛАДИСЛАВ ЯКОВЛЕВИЧ родился в 1952 году в Перми. Окончил филологический факультет Пермского государственного университета. Автор книг стихов «Небовоскресенье» (1992), «Блупон» (1992), «Твердь» (2000), «Рифейские строфы» (2004), «Стихи» (2014, серия «ГУЛ»), «Терем дальний и высокий» (2016). Публиковался в журналах и альманахах «Урал», «Несовременные записки», «Пастор Шлаг», «Уральская новь» и др. Лауреат Всесоюзного фестиваля поэтического творчества «Цветущий посох» (Бийск, 1989), премии им. Б. Полевого за лучшую публицистику и эссе (журнал «Юность», 1993). Соавтор сценария неигрового фильма режиссера П. Печенкина «Человек, который запряг Идею» («Новый курс», Пермь, 1993), который получил высшие награды международных и российских кинофестивалей («Гран-при» — Дъер, Венгрия, 1995; «Серебряный кентавр» — Санкт-Петербург, 1993; главный приз фестиваля в Иркутске, 1999). По стихам (сценарию) В. Дрожащих режиссером В. Наймушиным снят фильм «143-й вагон» («Арт-медиа», Пермь, 2008), ставший участником Международного фестиваля поэтического кино ZEBRA в Берлине (2008). Участник «Антологии современной уральской поэзии» (т. 1–3). Работает журналистом. Живёт в Перми.

Владислав ДРОЖАЩИХ

КУЛИЧИ

Палачи готовят куличи.
Почему же плачут палачи?
Потому что прячут палачи
человечью печень в куличи.

Если так готовят куличи,
значит, так готовят палачи.
Значит, так готовят палачей
по рецепту тихих куличей.

Палачей играют палачи.
Палачей ругают палачи.
Дурачьё, мы тоже палачи! —
отвечают: «Наши куличи».

Отвечайте, братцы, вы-то чьи.
Мы — с цепи, а вы — ещё с печи.
Отвечают: «Мы из куличей
приготовим новых палачей».

ПЕРЕКРЕСТОК

Куличи пасхальные,
принцы привокзальные.
Двор кирпичный, без примет,
сад больничный — всем привет!

За оградой благодать —
на просвет себя видать.
Сад больничный — на просвет,
и креста на теле нет.

Ни огня, ни сигарет,
на просвет, так на просвет.
Перекрёсток от угла
до угла — и все дела.

Шпальная, вокзальная
тьма, светись, пасхальная,
и с крестом и без креста;
и по кругу темнота.

Перекрёсток, перекрёсток —
сверху башенка с напёрсток,
и крест-накрест сволота —
с головы до живота.

ВОРКУТА

Воркута, холода.
Темнота, к темноте темнота.
Дорогая, не та темнота.
Ты не та и не та Воркута.

Ковшик звёздный, когтистый — у рта.
Воркута, холода.
Это всё клевета, клевета.
Это всё клевета, Воркута.

Так давно всё равно Воркуте.
Всё равно в темноте.
Так давно в темноте ни души.
Всё равно напиши, напиши.

Ты скажи, отпиши: нет ли, да.
Да, не та долгота, широта.
Я приехал в твои холода —
ты куда, Воркута?

Если ты возомнишь обо мне
в злосиянном и мглистом огне,
что прожить без тебя в холода —
в холода, никогда.

Если я разлюблю в холода,
и с тобой замирюсь, Воркута,
ай, лю-лю, разлюблю, ай, лю-лю, —
на черта, ещё та сволота.
Я-то знаю, что всё лабуда:
и в ладонь поцелуй — нет ли, да —
и в ледок — в холода навсегда.

НЕЖНОГЛАГОЛАНЬЕ

Гнёт первопечальный.
Моё время — тленье.
Мой свидетель тайный
ангел изумленья.

Колокол. Страданья.
Осторожность гула.
Твоё имя — тайна
звона, вельзевула.

Красотой наполнен
звон необычайный.
Моё время — полдень,
твоё время — тайна.

Завещаю тень я,
нежноглаголанье
ангелам паденья,
ангелам летанья.

Ангел непорочный,
прерывая пенье,
закрывает очи
над водой забвенья.

Всех в туман уносит
вихрь, черноглаголен,
поднимая осень
в небо колоколен,

солнца, колыханья
колокола, склона;
вместо осязанья
изумленье звона.

Друг мой стародавний,
в белый день прощанья
пожалей о дальнем
тишиной страданья.

ТВЕРДЬ

На небесах лазурь угасшая лизала
вечернюю звезду, что вниз лицом лежала
и озирала ширь стеклянных городов,
где, вброд переходя мгновенный свет веков,
моря перешагнув, юбчонку подбирала,
спеша, ночная тень; пока звезда лежала
на верхотуре той, где вместо смерти твердь
паденье прекратит, не означая смерть
паденья самого, лишь краткую стоянку
нам предлагая там, где, вставши спозаранку
для праведных трудов, заводит, как пластинку,
архангел-вертухай обычную волынку:
то встать, то сесть, то лечь, почёсывая — в лицах —
утраченную честь; на тверди утвердиться;
о чём-то вспоминать, как пёс перед дорогой;
вечерняя звезда, бледнея недотрогой
на скользкой высоте, не падая лежала,
желанья придавив, корпела и дрожала
на ярусах плеяд, чтоб встать и падать дальше,
упав до высоты немеренной, без фальши,
за демоном своим, чтоб всем, ночным, опальным,
пернатым, в бездну лечь яйцом первоначальным.

Пока храпит луна в кроватях дураков,
лишь дураки не спят: зевнул — и был таков;
не спать, не спать, не спать; им дар назначен свыше:
зевать, зевать, зевать; зажмурился — и вышел
по тверди погулять, соскальзывая с тверди,
из тверди выгрызать лишь краткий запах смерти,
лишь вечность до утра, что разжигает грубо
приманку дурака над шелестеньем юбок —
вечернюю звезду. Ресниц чащобой скрытый,
туда я попаду, с ночною тенью слитый,
ресницей. Рубикон с кем перейду вечерний,

не знает патефон с пластинкою дочерней;
иль в танго, утомлён каким-то там ярилом,
над пропастью времён я перейду к перилам;
не знает солдафон, кому верна паршивка,
вечерняя звезда, как новая нашивка;

вечерняя звезда, что кажется упавшей,
себе расплющит нос прозрачной твердью, ставшей
преградой для носов — кто не чихнёт, рассердит
собрание комет, что пробежит по тверди
на слюдяных ушах и с трепетом внимает,
зрачками поводя, как вечер обнимает
уставшую звезду, что кажется разбитой,
магнолий пыльных сон вдыхая с «Рио-Ритой»,
и разорвав прибой, как символ одеянья
густого цветника меж бёдер. Без вниманья
к расплющенным носам и сотрясаньям тела
дано проснуться нам; такой осиротелой
казаться темноте, когда б сама проснулась
средь вечной темноты, приставившей сутулость
к опущенным плечам, придав округлость тени
могилам и холмам, и клятвенным коленям.

Мне больно видеть век; внутри прозрачной тверди
выгуливать своё кромешное усердье
потешно, но не всем. Дано звезде продлиться,
как только прикоснусь я к темноте ресницей;
нагой звезде сиять, не вспомнив о каратах,
а нам, нагим, лежать, трясясь в своих кроватях,
и, к бездне повернув свои нагие лица,
лежать над бездной так, как спят самоубийцы,
забыв про тишину, магнолии; убитый
полдневным сном так спит с пластинкой «Рио-Риты»
в руке; брести во сне в такие закоулки,
что не вернуться мне из первой же прогулки.
Но мы оставим твердь, пройдя по краю тверди;
паденье — это смерть, упавшая в бессмертье,
что прекратит себя, но предпочтёт продлиться;
ещё летит звезда, упавшая к ресницам.
Пока кровавый зверь тебе суёт десницу,
ни в прах, ни в страх не верь, играя ягодицей,
пока звезда летит, успев остановиться;
мне некто сам не свой терзает осязанье,
как будто под водой предметов называнье
иль опера для двух утопленников с камнем
идёт, терзая слух бесплотным завываньем;
мне больно сдвинуть взгляд; язык распух; от скуки
зияющий свой зад вам сотрясать в разлуке;
тоска мне; Боже мой! Речь надо мной глумится:
под каменной водой лежат самоубийцы.

Не покидает звон свой колокол разбитый,
лежит, как фараон, лишённый пирамиды,
зевак, ворон, всех нас, — кто из варягов в греки,
кто в профиль и в анфас — из птичьей картотеки;
как первый снег лежит в Перми пирамидальной,
рифейских пирамид слагая век печальный;
какая плесень там цветет густоволосо!
И крутится карга с косой, и сфинкс безносый
в тени её лежит, как старый забияка,
обнюхивая твердь, где с точностью до знака,

до точки с запятой, усмешницы щербинки
в зубах старухи той, что косит без запинки,
до лабуды легенд стучит косой щербатой,
до греческих календ — назначенная дата
свершений наших всех, сужая век, томится,
пока — смотри наверх! — звезда трепещет птицей;
и трудится звезда: летать, лежать, разбиться,
пока сырую твердь слоёной роговицы
летучий лижет снег в очах бесшумной птицы;
и трудится звезда, и век новородится.

Дано одной звезде, упав, остановиться.
А нам такая честь — гулять по тверди — снится;
всем до утра лежать во тьме, приплюснув лица,
привыкнув к темноте, как литеры к страницам.

СОСИСКИ НА ПРОГУЛКЕ

в саду на скамейке сидели сосиски,
одна в телогрейке, одна — по записке,
одна — в тюбетейке, одна — без прописки,
в саду, на скамейке, без порта приписки.

в саду на скамейке, завёрнуты в шали,
сидели сосиски, газеты читали.
читали журналы, читали записки
и в шахматный вестник влюблялись сосиски.

а в этих журналах, а в этих газетах,
а в этих записках, а в этих офсетах —
сосали присоски, клепали приписки,
трепали причёски и чёрные списки.

а мимо наряд проходил из химчистки,
наряд из участка, наряд одалиски.
наряд на аллейке, наряд — у скамейки.
наряд без собаки, наряд без копейки.

меняя кокарду, меняя наряд,
по саду ходил за нарядом наряд.
к сосискам наряд обратился: — друзья!
в саду без наряда влюбляться нельзя!

поэтому разом в порядке охраны
скамейки сдвигаются в дальние страны.
сдвигаются сроки, фонтаны, супруги,
и дальние страны сдвигаются в угол.

а мимо угольник в тоске проходил.
по делу в суде из гостей проходил.
а мимо угольника дальние страны
сдвигались, чтоб кануть в грибные туманы.

угольник кричал: — закругляйтесь, сосиски!
без лески, без ласки, без фаски, без риски.
наряд наряжался, угольник углил,
и каждый сдвигался, кто в сад заходил.

в саду на скамейке, как в юрте монгол,
читали сосиски про то протокол.
в саду угловатом, в саду без запинки,
в саду без зарплаты и без осетринки.

ДУЛЕПОВ ВАДИМ ЮРЬЕВИЧ родился в 1964 году в городе Нижняя Тура Свердловской области. С 1981 по 1999 год служил в вооруженных силах. Окончил Львовское военно-политическое училище (1985), с 1986 по 1988 год служил в Афганистане в звании лейтенанта (позже — старшего лейтенанта) в 108-й мотострелковой дивизии в должности корреспондента и организатора дивизионной газеты, участвовал в боевых операциях, награждён орденом Красной Звезды. В январе 1995 года находился в служебной командировке в Чечне, в городе Грозный. Работал журналистом, редактором (координатором) издательских проектов и периодических изданий. Член Союза журналистов СССР-России (1989). Член Союза писателей России (1995), член Правления Екатеринбургского отделения Союза писателей России (с 2007 г.), ответственный секретарь ЕО СПР (с 2011), руководитель оргкомитета Всероссийской литературной премии имени П. П. Бажова (с 2010 г.). Стихи публикует с 1985 года. Постоянный автор журнала «Урал». Участник многих антологий, выходивших в свет на Урале, в Москве, Сибири. Автор книг стихотворений: «Запомнить, чтобы забыть» (2000), «Дом на холме» (2007), «Зимние песни пешеходов» (2010), «Стихи» (2014, серия «ГУЛ»). Участник проекта «ГУЛ» и автопробега «ГУЛ». Участник «Антологии современной уральской поэзии» (т. 3). Живёт в Екатеринбурге.

Вадим ДУЛЕПОВ

* * *

я видел: пел глухонемой, —
как дерево, махал руками,
мотал кудлатой головой,
мычал и топал каблуками.
среди асфальтовых полей,
где острый снег сипел прибоем,
для обеззвученных людей,
один как перст, изгой изгоем.
конечно, пьяный вдрабадан,
конечно, дело — у вокзала.
там под землей играл баян,
а на земле — метель играла.
а он ни капли не играл
под репродуктором глумливым.
он был один, кто точно знал:
финал обязан быть счастливым.
и чтобы счастье не спугнуть,
мужские сдерживая слёзы,
он песню вёл, и песне путь
торили в небе паровозы.
сиял подземный переход.
мела стерильная позёмка.
пой, взбунтовавшийся урод!
нас ждет родимая сторонка!

ЧУЖОЙ

он умер молодым, теперь в его квартире
живёт чужой мужик и спит с его женой.
чужой с утра встаёт и кашляет в сортире,
а в пятницы сидит с шофёрами в пивной.

там — сигаретный дым и липкая посуда,
и радио бла-бла о чём-то там вопит.
потом приблудный тип, философ и зануда,
попросит докурить, а после — и допить.

и тот — чужой — мужик, не отказав бедняге,
уйдёт своим путём походкою прямой,
аллеей, где шумят деревья, словно флаги,
в несвой приёмный дом,
к своей жене чужой.

* * *

весной в проулках у вокзала
сырой сквозняк углём горчит.
бомжи — народец одичалый, —
как прилетевшие грачи,
снуют сутуло, деловито
ругаются, деля ничьё,
звенят посудою, намытой
в протоках золотых ручьёв…
а говорили: огнь и стужа,
велели не смотреть назад…
ну, глянул: там — гнилая лужа —
без цифр и стрелок — циферблат —
латунный лжец, бельмастый вестник
метаморфоз и перемен.
замри-умри и не воскресни:
кто был никем — не станет всем.
алё, бичи! стеклопосуду
не превратить никак в смарагд.
алё! ад есть… вот гадом буду.
здесь и сейчас… наш, лёгкий ад —
под этим облаком наивным,
под этим дерзким ветерком,
качающим слепые ивы
незлым дежурным матерком,
одетый в польта на ватине,
обутый в ржавый войлок бот,
печатающих в красной глине
рептильный след пустых хлопот —
беспечный и всегда спешащий
безумной белкой в колесе,
нелепый, значит, настоящий:
сиди — не рыпайся! — как все,
махнувший время на движение,
как машут паспорт на пузырь,
в сто двадцать первом поколении —
не скиф, не сфинкс — паук-мизгирь.
. . . . . .
вокруг — железные дороги.
гудят — не чувствуя вины.
а русский ад стоит, убогий,
на все четыре стороны.

ШАХИД

короче, я его убил.
дремало в райской неге лето.
а он бежал что было сил
меж тополей, в полсотне метров.

ударился в плечо приклад.
упало в судороге тело.
его душа легко взлетела,
душе положено взлетать.

прощай, отчаянный шахид,
отныне ты — навек мой крестник.
я скоро буду… предстоит
тебе отличный шанс для мести.

ты затаишься у тропы,
протоптанной к вратам эдема,
припав к прикладу акаэма,
мгновенья будешь торопить.

расплатой радостно дыша,
нажмёшь на спуск… и я узнаю,
что помнит вечная душа,
не добежавшая до рая.

* * *

День рождения могиканина
крутись, запиленный винил…

А. Ильенков

перебирая наши даты,
начни отсчёт с восьмидесятых.
высоцкий и афганистан,
дырявый флаг олимпиады,
винил-джинса, мечты-бравады.
и каждый призван, но не зван.

а в девяностых стало просто
для вышедших лицом и ростом.
не бьют — беги, бери что хошь.
в стране раздетых прокуроров,
собачьих свадеб мародёров
царили токарев и нож.

теперь настали нулевые.
башка с мошной пусты навылет.
сиди, смешной, крути винил —
морской калибр, 12 дюймов…
кого прихлопнут первым? думай!
и ты там был, мёд-пиво пил.
. . . . . .
ознобной ночью, до рассвета
приедет чёрная карета.
они войдут без лиц, толпой —
не снимут обувь у порога,
не зачитают некролога
и навсегда возьмут с собой.

ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТОЕ ДЕКАБРЯ

вот я и дома — снова на войне,
среди роскошной азиатской грязи.
дождь пахнет гарью,
и ржавеют язвы —
пробоины на брошенной броне.

опять январь стирает смысл имён.
по адресам кварталов и предместий,
разыскивая сгинувших без вести,
блуждает смерть —
безумный почтальон.

тускнеет бледной полосой рассвет —
лоскут бинта — в крови, гноище, бурый.
и смотрит близкий двадцать дикий век
из-под прикрытых красноватых век
убийцей-смертником,
что обкурился дури…

* * *

можешь промолчать —
промолчи.
можешь не кричать —
не кричи.

у тебя, сынок, душа
не болит.
ты сейчас, сынок,
не ранен —
ты убит.

* * *

женщина медленно спит.
простыни сброшены просто.
спящим неведом стыд.
спящая — сказочный остров,

полный серебряных птиц,
звёздных, жемчужных обманов.
тайна, лежащая ниц
за чередой океанов.

дышат волна и волна
радостью светлого гимна
каждая неповторима.
не одинока — одна.

* * *

бог не смотрит телевизор,
он вообще не смотрит вниз,
птицы сели на карнизе,
посидели, вспряли ввысь.

стали маленькие ростом
и безжалостно легки.
выше туч седой апостол
кормит хлебом их с руки.

дождевик похож на тогу.
пахнет дёгтем от сапог.
ключник, птицы…

слава богу,
бог один не одинок.

ЖУРАВЛЁВА АНАСТАСИЯ (псевдоним) родилась в 1979 году в Нижнем Тагиле Свердловской области. Окончила Нижнетагильский государственный педагогический институт; специальность — учитель истории и иностранного языка. Участник IX–XI форумов молодых писателей в Липках в 2009–2011 годах; Всероссийского совещания молодых писателей при Союзе писателей Москвы (2011). Член Союза писателей Москвы (с 2011 г.). Публиковалась в журналах «Арион», «Волга», «Урал», «Кольцо «А», «Новая реальность», «Белый ворон», «Студенческий меридиан»; в сборнике «Новые имена в поэзии» (2011), в «Каталоге лучших произведений молодых писателей» (2011). Живёт в Нижнем Тагиле.

Анастасия ЖУРАВЛЁВА

* * *

Старик и старуха
Живут на берегу молочной реки.
Весной река разливается,
Летом пересыхает,
Зимой замерзает.
Но жизнь продолжается.
Старуха ворчит,
Старик отправляется
В город за молоком.

Старухе голодно.
Старику
Холодно,
Голодно,
Больно
И далеко.

Молоко кончается,
Очередь беснуется,
Магазин закрывается,
Старик сокрушается:
Как вернуться к старухе
Без молока?

…А жизнь продолжается всё равно.
Поезд идёт берегом,
Мальчик смотрит в окно,
Хватается за стоп-кран…
— Не надо, сынок.
Видишь, река,
Избушка на берегу,
Старуха живёт одна…

А где же старик?
Ушёл в город за молоком.
Шёл себе, шёл,
И добрался до облаков.
И теперь он там
Молится только о том,
Чтобы не замёрзла река,
Чтобы не пересохла река,
Чтобы не разлилась река,
Не затопила кисельные берега.

Старуха потрогает реку — тёплая.
Попробует берега — сладкие…

* * *

Чапаев идёт по реке,
У него развязались шнурки
Он не чувствует правой руки,
Запинается за буйки…
Стараясь не потревожить волну,
Нащупывает дорогу ко дну.
Ему бы сейчас укол
Или таблетку.
У него то ли рваная рана,
То ли личная драма.
Всё-таки улыбается.
Шепчет: «Дурак ты, Петька»…
Зарёванному пацану
По ту сторону экрана.

СТИХИ О ДЕВОЧКЕ ЛИЛЕ

1.

Слабоумная девочка по имени Лиля
Владела несколькими инопланетными языками,
Писала в школе руническими письменами.
Мать её нежно жалела, когда не била.

«Ничего, — говорила, — выучишься на крановщицу,
Сдашь экзамены, я заплачу, лишь бы хватило».
Неизвестно, что думала обо всём этом Лиля,
Да и вообще, думала она по-русски или…

Но потом всё ходила, смотрела на крановщицу…
Стройку забросили, а крановщица осталась
Там, наверху. То ли она замечталась,
То ли просто забыла, как вниз спуститься.

2.

В пассивном словаре у Лили было слово «элалла»
Мы это знали по её потухшему взгляду,
По ноткам безнадёжности в её голосе,
Когда она восемь дней кряду
Плакала,
От всех убегала,
Пряталась,
Потом исчезала
Будто бы насовсем.
В пассивном словаре у Лили было слово «элалла»,
Что на инопланетном языке означает осень.

* * *

Дауна Михаила привели фотографироваться на паспорт.
— Только не улыбайтесь, — предупреждает фотограф.
А Мишке чудно́ — он всегда улыбается или смеётся.
А ну, не улыбаться! — приказывает фотограф, —
А то сейчас вылетит страшная черная птица!
Но Мишка не видит причинно-следственной связи,
А видит: бескрылая птица нажимает на кнопку,
Вылетает фотограф, склёвывает у Мишки улыбку.
И плачет Мишка.

* * *

в вагон-ресторан вползает человек без ног
он будет смешить публику он умеет есть с рук
девочка Женя теребит восьмой лепесток
стрелки её часов показывают на юг

книга её без слов осень под знаком Весов
а она заказывает горячий манговый сок
говорит мечтала видела тысячи снов
отойди инвалид без ног лети лети лепесток

* * *

Мальчик, над которым всю жизнь издевались в больнице,
Выходит.
Долго не может опомниться
От запаха подушки, прижатой к лицу.
Говорит гардеробщице
Что-то вроде:
«А вы знаете, есть такой дискурс…»
Она пожимает плечами,
Бренчит ключами.
«Мне ещё мыть полы, — отвечает, —
Аня вчера умерла, уборщица».
А он уже стоит на обломках крыльца,
Достаёт из кармана заплесневелую ириску.

* * *

> И ради бога, Хорни, никогда не возвращайся туда ни при каких обстоятельствах, потому что прошлое мертво.
>
> *Э. Хэмингуэй*

1.

Она звонит из исчезающего города,
Из автомата образца тридцать девятого года,
И просит позвать к телефону
Вадима, Галину, Ирину, Антона, Жанну.
А у них там самая середина ужина,
Ссора без повода,
Бесцельно льющаяся вода,
И кто-то вопит истошно:
— Мороженого!
— Мороженого!
— Мороженого!

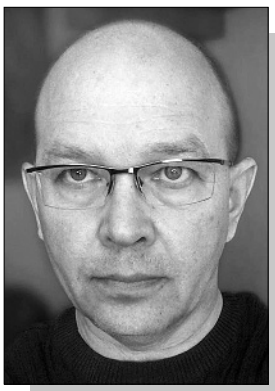
2.

…и они отвечают:
«Это всего лишь
Фантомные боли,
Выпей анальгин,
Не поможет —
Выпьешь ещё один.
Только никогда больше не звони
Из этого города
Полульда-полуводы.
Слышишь, как плачет Ваня,
Мечется, требует невозможного
Мороженого».

* * *

Вот идут три брата,
У них четыре яблока,
А ещё у каждого по сестре.
Их научили считать до плюс десяти,
Думать на языке птиц,
А потом завели в лес —
Так, чтоб наверняка…
Перед ними огненная река,
Волк на берегу,
Коза у него внутри,
Капуста в козе,
Паромщик в бреду.
Да и самой реки
Не станет уже к сентябрю,
Когда проливные дожди
При плюс десяти.

Ты меня всё ещё слушаешь?
Слушай, слушай…
Я ещё не такого наговорю.



ЗАВАРУХИН ВАДИМ АНАТОЛЬЕВИЧ родился в 1961 году в г. Артемовский Свердловской области. С 1962 года живёт в Челябинске. Окончил Челябинский политехнический институт. Работал на Челябинском тракторном заводе конструктором. Параллельно увлекался музыкой и театром. В 1990 году ушёл с завода. Был актёром (автором, музыкантом, техническим директором) в мим-театре. Работал в рекламных агентствах видеорежиссёром, копирайтером, руководителем полиграфического участка.

В середине 1990-х организовал с партнёром рекламное агентство. С 1999 года по сей день — директор агентства. Публиковался в журнале «Белый ворон». Живёт в Челябинске.

Вадим ЗАВАРУХИН

* * *

Приснился бог. Он мыл посуду,
что оставалась со вчера,
когда решил я, что не буду
посуду трогать до утра.

Сквозь сон я шум воды услышал,
подумал, дождь или потоп.
Во сне проснулся я и вышел
на кухню, разобраться чтоб.

На кухне бог земного мира
мою посуду домывал
и парафраз из «Мойдодыра»
под нос негромко напевал.

С насмешкой, еле уловимой,
Всевышний сухо поручил:
«Сковороду попозже вымой.
Засохла шибко, замочил».

Порой сознание способно
во сне поверить чудесам,
и стало как-то неудобно:
«Зачем вы, боже, я бы сам…»

А бог в ответ: «Самей видали».
Ладони вытер о подол
и пошагал, обут в сандали,
припомнив мне немытый пол.

О, эта мудрость тонких правил —
уйти, не хлопая дверьми!
Бог улыбнулся и добавил:
«Проснёшься — кошек накорми».

И я проснулся. Сон хороший,
закономерный эпилог:
зовут на кухню чаша с ношей.
Пойду туда и буду бог.

* * *

Мы не одни, и с этим надо жить.
Всё вроде бы смешно и понарошку,
как в детстве, надо правильно сложить
и пазл, и пирамидку, и матрёшку.

Простим себе достоинство и страх,
забудем о кларнете и кораллах,
и палка о привычно двух концах
замкнётся в круг о вечных двух началах.

В нещадно упоительной войне
мы путаем тылы с передним краем:
с мужским определенно наравне
и женское невольно примеряем.

А в доме нетерпимости всегда
несломленному будет койко-место,
и мирно догорит его звезда
в объятиях смирительной невесты.

В проём оконный во весь рост встаём
и снова никуда не улетаем.
Мы не одни, мы минимум вдвоём,
хотим того мы, или просто знаем.

* * *

Бередит теченье Леты
бородатый доброхот.
Неизменно есть билеты
на последний пароход.

Можно бросить всё и ехать,
сесть, отчалить и уйти.
Можно прежде, ради смеха,
пол на кухне подмести.

Или год проспать и даже
можно встать не с той ноги,
а другою в саквояжи
утоптать свои долги.

Мокрым деревом и тиной
пахнет издали причал.
Сплавил он мильон с полтиной
и ни разу не встречал.

Вот концы упали в воду,
а гудок прощальный спел,
что расхочется по ходу,
кто чего недохотел.

И любой, концы отдавший,
видел, как на берегу
я, отплытие проспавший,
с саквояжами бегу.

* * *

мы сидели у реки
и кормили рыб с руки

мимо плыли берега
топоры и ступы
незнакомого врага
подставные трупы

разбредались туч стада
отражаясь в ряби
покидали навсегда
грозовые хляби

крался шорох с трёх сторон
цыпочек не чуя
кто-то там на афедрон
ищет почечуя

вышел месяц в тишине
и не видит сонный
что на левой стороне
жёлтые кальсоны

черномора матеря
за любовь к порокам
тридцать три богатыря
плыли вверх к истокам

а по цепи золотой
нехотя гуляло
пучеглазое ничто
и не предвещало

мы сидели у реки
дураками дураки

* * *

Он был из тех, что ненароком
взялись откуда ни возьмись
и вышли, как выходит боком
порой непрошеная мысль.

И там, в безликости окраин,
в глухой тени отвода глаз
хотел остаться неприкаян,
покуда жизнь не удалась.

Пробив лазейку в колыбели,
рискнул он так и не узнать
во что родители хотели
его для жизни пеленать.

Пока сходились брат на брата
и вместе шли на перекур
апологеты результата
и активисты процедур,

Забыв отметить в протоколе,
что надо взять на карандаш,

он очутился в чистом поле
среди нечаянных пропаж.

Не видя троп, срезая угол,
до смерти пробирался он
в чудесный край садовых пугал
и белоснежнейших ворон.

* * *

В одном краю, где год без лета,
один мужчина обитал.
Про принца датского Гамлета
он сочиненье прочитал.

Мятежным духом Эльсинора
с утра томительно влеком,
пошёл мужик за три забора
обыкновенным босиком.

Ему земля давала знаки,
подругу, хлеба и чернил.
Бежали ошую собаки,
и ангел сзади семенил.

Всё не легко, но очень просто.
Там засвербило, но не боль.
На месте ссадины короста.
Где не заноза, там мозоль.

Ступня босая след вминает
и оставляет позади.
Куда идёт мужик, не знает.
Не знай и ты. И ты иди.

И я иду, такой обутый,
на шее голову верчу.
И всё путём, что я беспутый,
и торопиться не хочу.

Рукой подал я до апреля,
и ясно видится теперь
в конце прозрачного тоннеля
непроницаемая дверь.

* * *

Я живу не сейчас и не здесь,
от всего и от всех в полушаге,
проплывая сквозь снежную взвесь,
словно в том глицериновом шаре,
что невольно захочет рука
приподнять со стола и комода
и, встряхнув, потревожить слегка
белых ангелов прошлого года.

ЗАСТЫРЕЦ АРКАДИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ родился в 1959 году в Свердловске. В 1981 году окончил философский факультет УрГУ. С 1992 года — главный редактор газеты Уральского отделения РАН «Наука Урала», с 2006-го — главный редактор еженедельника «Городские куранты» (Екатеринбург). С 2009 года — главный редактор издательства «ОМТА» (Екатеринбург). Член Союза писателей России. Автор поэтических книг «Пентаграммы» (1994), «Волшебник, Отшельник и Шут» (1996), «Deus Ex Machina» (1998), «Вихри тепла» (2006), «Онейрокритикон» (2010), «Конкорды» (2010), «Стихи» (серия «ГУЛ», 2014) и др., а также книги переводов «Франсуа Вийон. Прощание. Завещание. Стихотворения» (1994), переводил стихи с английского и словенского языков. Автор книги прозы «Я просто Пушкин» (1999). Известен как драматург: пьеса «Фауст навсегда», эксцентрическая комедия «Гамлет», ставшая основой либретто оперы В. Кобекина «Гамлет, принц датский, трагедия российская» (Театр имени К. С. Станиславского, Москва, 2009), философско-сатирическая комедия «Недорусь» (Екатеринбург, 2011), «Приручение строптивой» (Воронеж, 2012). В 2012 году за книгу «Онейрокритикон» удостоен премии губернатора Свердловской области. Лауреат премии им. П. П. Бажова (2013). Участник «Антологии современной уральской поэзии» (т. 1–3). Живёт в Екатеринбурге.

Аркадий ЗАСТЫРЕЦ

* * *

Я обожаю запах кожи
Красноармейских портупей.
Я рос в неведении — Боже! —
Под сенью славных эпопей.
В ногах младенческой постели,
Снежком на сквозняке пыля,
Стояли голубые ели
Из-под кирпичного Кремля.
И, навостряя кисть и шпатель,
Писал художник наш полёт,
И рвал естествоиспытатель
С ветвей селекционный плод.
Война? Игра в лапту и ляпки…
А на исходе января
Ильич в своей казённой шапке
Кормил крупою снегиря.
И до сих пор мне посылает
Звезда рубиновая свет.
Душа раскаяньем пылает,
А разочарованья нет.

* * *

Ты был умён, как Юлий Цезарь,
И думал угодить в эдем…
За что ж ты Вольфганга зарезал?
Не говоря о том, зачем!
Известны мне твои мученья,
Причины, вопли и слова…
И звуков нежное теченье
Твоя вмещала голова!
Очаровательным ребёнком

И ты, как все, когда-то был:
К твоим бессмысленным ручонкам
Папаша скрипку подносил —
И ты слегка её касался
Своим слюнявым кулачком,
А твой родитель улыбался,
Тихонько двигая смычком…
На недоразвитое чудо
Глядел собравшийся народ —
Никто не думал: «Вот паскуда!
Наверно, Моцарта убьёт!»

* * *

Большая нервная семья кромешной тьмой объята,
Глядят из тьмы поверх голов индийские слоны,
Сын поднял руку на отца, и брат идёт на брата,
И звёзд надёжные огни из окон не видны.
Перетерпев, перегорев, не выговорив слога,
Рванулись, и — дороги всех по храмам развели,
Где каждый молит своего единственного бога,
А Бог единственный для всех валяется в пыли.
Никто с послом не говорит в малиновом берете,
Никто не помнит, что никто ни в чём не виноват.
На белых стульчиках складных растерянные дети,
Зажав ладонями виски, в кошмарном сне сидят —
И слышат шорох шомполов во флейтах и свирелях
И шёпот быстрого огня в тени библиотек,
И видят, как уводит прочь в неведомых им целях
С ума сошедшего отца песочный человек.
Не убоятся же, а ждут разлуки и ареста.
На крест рассудок волокут за руки месть и месть…
Кто навыдумывал, что здесь предательству нет места?
И кто сказал, что смерти нет? Вот здесь она и есть.

ПЕРЕПРАВА

Он был страшен, как шкаф в темноте,
Зашибала, старатель, извозчик,
Морда — морды не выдумать площе
И весло на холодном хвосте.
Под язык он ко мне влез украдкой,
Чтоб положенный вынуть обол,
Но поскольку обол не нашёл,
Не побрезговал пресной облаткой.
Лодка носом надрезала вал, —
Оказавшись под лавкой четвёртым,
Я настолько прикинулся мёртвым,
Что одними глазами дышал.
Наконец, под снопами косыми,
Непонятно откуда, лучей
Из-за возчика мощных плечей
Вырос берег в непахнущем дыме.

Словно сталью в живот — стало дико.
Погоди, я струну подкручу...
Эвридика моя, Эвридика,
Я ли плавать тебя научу?

* * *

В непристойный халатик одета
Стойким запахом пота и слёз
Гримуборная кордебалета
Ударяет в заносчивый нос.
Оперетты лохматая пена
Взорвалась и во тьму отошла.
Здесь и есть настоящая сцена
И безвестных страстей кабала.
Через выпуклой линзы излишек
В жёлтом поле ночного огня
Звери выбритых дряблых подмышек
Не мигая глядят на меня.
С сигаретами в зубках хариты
На салфетки кладут вазелин.
Молодильные хитрости смыты,
И запит коньяком аспирин.
Полуголая правда садится
В зазеркальный искусственный снег
И дерёт накладные ресницы
С тёмно-красных измученных век.

ИСКРА

Ах, если бы в домик таёжный
Тихонько войдя к Ильичу,
Какой-нибудь ангел творожный
Похлопал его по плечу,
Не стал бы пугать его адом,
Из рук вырывая тетрадь,
А просто шепнул бы: «Не надо
Совсем ни с чего начинать».
Ильич бы тогда несомненно
Заплакал обильно навзрыд,
Случилась бы в нём перемена,
Проснулись бы совесть и стыд.
Присел бы с женой молодою,
За плечи обняв, на кровать
И молвил: «Ты знаешь, не стоит
Совсем ни с чего начинать».
В Сибири бы зажили оба,
Рожали бы крепких ребят...
А начал бы всё это Коба,
Плевал он на ангела, гад!

* * *

В моём представлении грань — это ровная площадь,
Что доброй и твёрдой верстой разделяет обрывы,
И если угодно, здесь можно выгуливать лошадь,
А нет — так выращивать розы и чёрные сливы.

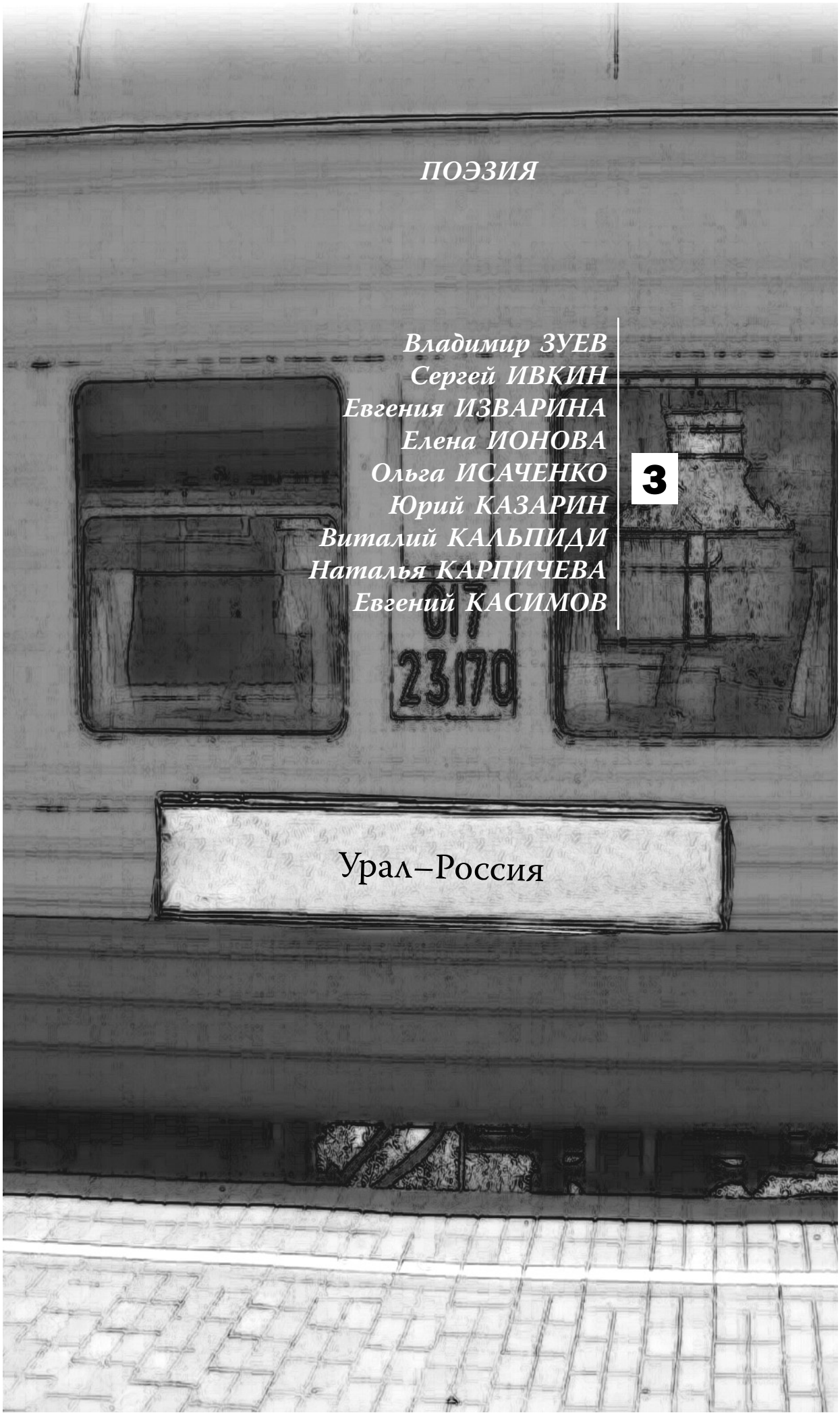
Но вовсе тут нету тугой геометрии плаца,
На миг возле неба гранитные оползни стали,
Не больно, поверь, и до смерти на грани остаться,
И встретить конец, удивляясь, как в самом начале.
По-моему, лучшее — всё происходит на грани:
Далёкие волны, поёт до рассвета цикада.
И кто из двоих погибает по горло в тумане,
Ты — после, наверно, узнаешь. А мне — и не надо.

* * *

Я — в треснувшем стекле над коммунальной ванной:
Вонючая вода, сантехника, уют.
Две бабушки мои, с любовью неустанной
Обняв моё лицо, не мёртвые, поют
И в белые хлопки завёрнутое тело
Несут они моё, как самолёт-судьба…
Я провожу рукой: как страшно отпотела
От этого тепла холодная труба!
Уже и грязь чиста, и пьяные соседи
Размыты в белый мел пространством перемен,
И за окном огни — во тьме аз буки веди…
Глаголю ли добро в тени зелёных стен?
Наутро, показав язык далёким странам,
Из ледяной весны в новёхоньком пальто
Иду в родной июнь с пурпурным барабаном,
И на пути моём не выстоит никто.

* * *

Говори, говори… Как во сне —
Продолжай себе страстные речи.
Ни крючка на весёлой блесне,
В фейерверке ни грана картечи.
Говори, говори в темноту…
Языка незаметна измена:
Просто камушки вертит во рту,
Или меч над плечом Демосфена.
Говори, говори, говори…
Лей на чёрную мельницу воду.
Все свободны мои снегири,
Невзирая на смерть и погоду.
Вдох и выдох, нажим и щелчок,
Перерыв, перенос — и сначала…
Говори, говори, дурачок.
Целой книги для записи мало.
Говори. Говори, как дыши,
Петли гласных на быстрые спицы…
Всё равно за тобой ни души —
Лишь на холоде слава клубится.



ПОЭЗИЯ

Владимир ЗУЕВ
Сергей ИВКИН
Евгения ИЗВАРИНА
Елена ИОНОВА
Ольга ИСАЧЕНКО
Юрий КАЗАРИН
Виталий КАЛЬПИДИ
Наталья КАРПИЧЕВА
Евгений КАСИМОВ

3

Урал–Россия

ЗУЕВ ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ родился в 1976 году в г. Кушва Свердловской обл. Окончил Екатеринбургский государственный театральный институт по специальности «Литературное творчество» (курс Н. В. Коляды). Драматург, поэт. Автор более 30 пьес. Пьесы поставлены во многих театрах России и за её пределами, переведены на иностранные языки, опубликованы в журналах и сборниках. Победитель Международного конкурса современной драматургии «Евразия — 2006» (Екатеринбург), обладатель Второй премии Международного конкурса драматургии «Свободный театр» (Минск). Финалист независимой литературной премии «Дебют». Лауреат Всероссийского драматического конкурса «Долг. Честь. Достоинство» (2007, 2015). Победитель конкурса драматургов в рамках проекта «Возрождение. Накануне. 1916–2016» (Московский губернский театр под руководством Сергея Безрукова). Стихи публиковались в поэтических сборниках и журналах. Автор книги стихов «Вертикальные провода» (2016). Участник «Антологии современной уральской поэзии» (т. 3). Живёт в Екатеринбурге.

Владимир ЗУЕВ

* * *

Это всё — от водки и любви.
Нет, скорее, от любви и водки.
Так сложилось в нашем околотке,
что у нас с рождения в крови
эта смесь и алчущие глотки.

В нашем околотке — дивный мир,
или дикий, что не так уж важно.
Жажда жизни, жизненная жажда —
наш неумирающий кумир.
Я боюсь, что он умрёт однажды.

Я однажды двину далеко —
за предел, во внешние просторы —
заводить с собою разговоры,
смыслу отдаваясь целиком,
обретая точку для опоры.

Пусть мне повстречаются друзья —
все, кто до меня ушёл далече.
Время — коновал, оно не лечит
памяти саднящие края.
Память, жизнь и смерть — фигуры речи.

И они с рождения в крови —
так сложилось в нашем околотке.
Это всё — от водки и любви.
Нет, скорее, от любви и водки.

* * *

Борису Рыжему

Проеду на втором и пятом —
ты знаешь: первом и последнем.
Под небом, трубами распятом,
трамваем в твой Свердловск поедем,

что осенью бессменно рыжий
на голубом, но чаще сером.
Не верещи, возьми пониже,
кондуктор Иванова Вера.
Мы зайцем. Мы с тоской и водкой.
Мы в колыбели едем, слышишь?
Сойдём — и в ночь блатной походкой,
и растворимся. Тише, тише…
Не громко, ангелы, не громко —
на стыках и на светофорах,
и в окнах жизнь, как кинопленка,
мелькнёт, и титры на заборах.
И нервно-нервно пиццикато…
Какая траурная кода!
Ты ездил на втором и пятом.
Конец. Конечная. Свобода.

* * *

Расставания и встречи,
Поезда, перроны.
Горизонт широкоплечий,
Небосвод бетонный.
Невский ветер, сумрак зябкий,
Призраки и тени.
Знаки, знаки, знаки, знаки
Прошлых поколений.
Город — сила, этот город —
Влага, воздух, камень,
Ты — шинели жёсткий ворот,
Вздёрнутый руками.
Чёрный я — в канале сером,
Памятное фото —
Контур зданий школьным мелом
И огромный кто-то.

* * *

кому покос, кому Галапагосы…
кому Карибы, а кому Кижи…
Господь, послушай, у меня вопросы
к тебе созрели, сможешь — подскажи,
чего и как, я сам не одупляю…
в подлунном мире нашего двора
растут, живут, но чаще умирают,
хлебнувшие и лиха, и добра,
создания твои… и что в итоге —
работа, дети, телик, огород…
ты напиши в своём небесном блоге,
бывает как-нибудь наоборот?
не огород-работа-дети-телик,
а что-нибудь другое, для души,
с семьёй поездка на Лазурный берег,
песок и пальмы, сможешь — напиши…

я не ропщу, пойми… обидно, Отче,
чего мы, словно белки в колесе?
мы по-другому и хотим, и хочем,
возьми письмо… тут подписались все…

* * *

а мимо плыли облака…
а мы курили с другом Ромой,
молчали о своей знакомой,
о нашей общей, Оле К…
она вчера ушла в окно,
и никого не известила…
в окно, оно, конечно, мило,
красиво, может, для кино
психологического, бля…
а вот по жизни, как-то мёртво,
и рвётся вена, нет, аорта
у близких… тело плюс земля
равно чему, да ничему…
на кой решать примеры эти?!
в конце учебника ответы
даны и сердцу, и уму…

…глядит с портрета Оля К…
а мы живые с другом Ромой,
мы с болью, прежде незнакомой,
глядим куда-то в облака…

* * *

Как мало красивых лиц.
Как много безумных рож.
Как часто бреду меж них,
На тех и других похож.

Как часто и тут, и там
Считают за своего.
…Читается по губам:
«Такой же, как я… Говно!».

* * *

Скажи, Господь, а что случилось,
Как будто бы война вокруг?!
И на войне погиб мой друг.
А у меня не получилось…

ИВКИН СЕРГЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ родился в 1979 году в Екатеринбурге. Окончил Российский государственный профессионально-педагогический университет по специальности «преподаватель декоративно-прикладного искусства». Работает в сфере дизайна сувениров и народных промыслов. Иллюстрирует книги. С 1999 по 2009 год вёл фестиваль авторской песни «Свезар» (Екатеринбург), участвовал в проектах «Игра в борхес», «Формуляр» и «Клуб одиноких мозгов Франсуа Дюпона». С декабря 2007 года — координатор независимого клуба «ЛебядкинЪ» (литературный семинар Андрея Санникова). Публиковался в журналах и альманахах России и за рубежом. Автор книг «Пересечение собачьего парка» (2007), «Конец оценок» (2008), «Воробьиные боги» (2009), «Йод» (2012), «Стихи» (серия «ГУЛ», 2014), «Символы счастья» (2015), «Голая книга» (2016), «Грунт» (2016). Лауреат фестивалей «Пилигрим» (Пермь, 2003), «Новый Транзит» (Кыштым, 2006), «Глубина» (Челябинск, 2007), «Илья-премия» (Москва, 2007), «Ad Libitum» (Пермь, 2008), Первого Санкт-Петербургского поэтического конкурса «Критерии свободы» им. И. А. Бродского в номинации «Большое стихотворение» (СПб., 2014). Участник проекта «ГУЛ» и автопробегов «ГУЛ». Финалист Второго Южно-Уральского слэма (Челябинск, 2016). Участник «Антологии современной уральской поэзии» (т. 3). Редактор журнала «Плавучий мост». Член Союза писателей России. Живёт в Екатеринбурге.

Сергей ИВКИН

* * *

есть только Рай и кроме Рая
не существует ничего
мы потому и умираем
чтоб нам не опоздать в него

там я прозрачною стопою
смогу ходить по облакам
опознаваемый Тобою
глазами цвета молока

РАЗРУШЕННАЯ БОЛЬНИЦА СКОРОЙ ПОМОЩИ В ЗЕЛЁНОЙ РОЩЕ ГОРОДА ЕКАТЕРИНБУРГА

Нет ни нового неба, ни новой земли.
Тощий ангел сказал мне: Иди и смотри!
Помолитесь у третьей палаты.
Медсестра накормила зелёным суфле.
Те, кто умер тогда, — засыпали в тепле,
перевозчик не требовал платы.
Нет ни боли живущим, ни радости нет.
Пластик, кафель и камень истачивал свет.
Не делились на агнцев и прочих.
Кто сказал, что Господь не узнает своих?
Принимали всех скопом, а кто на двоих
устоял, — оставляли в рабочих.
Здесь, на пятом, не чувствуешь запаха крыс.
Отложив АКС, я выглядывал вниз —
в перегной, в шевелящийся силос.
Каждый вечер я строю тоннели назад:
запираю засов, закрываю глаза —
тишина, ничего не случилось.

ПОЛИНА

(*закурив*) не менялась с восьми
фотографии те же, но груди
набухают (работаешь в СМИ,
т. е. ешь в забегаловках), любишь
побрутальней прикиды, есть нюх
на стишки: Бутербродский твой — гуру
(*я пью кофе, глотаю х...ю
и не лезу под юбку*) вот дура
мужики либо заняты, ли-
бо — найти поэтеску — и в хомы:
вместе слушать Сурганову и
трахать всех, с кем пока что знакомы
(*сигарета потушена*) я
рисовать обязательно голой
обещаю тебя, мы — друзья
(неожиданной нежности школа)
ты меня отгрызёшь от жены
или лично верёвку намылишь
(*то, чего мы с тобой лишены,
называется «совестью»?*)
финиш:
что ни слово, то — манифест
интерес к перемене мест
два поэта (*а это инцест*)
Бог не выдаст. Семья не съест.

* * *

Страна столов и стульев. Занавески
на театральных рамах мимо стен.
Четырнадцатилетняя невеста —
не лучший, если честно, ассистент.
Парк импрессионистов. Небо Мунка.
Работа, убегающая в лес.
Из кабака через дорогу — «Мурка»,
все маты перекрывшая окрест.
Вписавшийся в «тойоту» «запорожец»
лежит, колёса к небу вознеся.
И девушка уходит без серёжек,
горящая на фоне лета вся.
Пока ещё дворы теплы ночами,
здесь каждый алкоголик — сирота.

И я на телефон не отвечаю,
поскольку пламя рвётся изо рта.

ВАВИЛОН-СУТРА

я просыпаюсь
слышу: «сова, сова»
Таня смотрит канадскую кинокартину
наматывая на палец
произносимые там слова
по пути на работу я проваливаюсь в витрину
сон две тысячи десять

еду домой в метро
в вагоне соседи меняют окраску кожи
особенно дети
дама напротив хитро
смотрит в меня и я начинаю тоже
у нас во дворе
с гитарой сидит таджик
аватара Роберта Неста Марли
растаманский берет
футболка «Хайле Селассие жив»
из созвездия Гончих Псов изумрудный карлик
сон две тыщи одиннадцать
занимаюсь в постели с женой
две кровеносных системы слились и бьются
кошка пытается вклиниться
кружится надо мной
превращается в инопланетное блюдце
падают шторки
на ощупь открытый кран
вместо воды выпускает цветные нити

некорректное выведение
информации на экран
…
счастье случается
если выдернуть
предохранитель

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Пока меня не отдали под Суд
за время, разбазаренное на ме-
лочёвку, я приеду в дом к отцу —
увидеть неутраченное нами,
наговориться, души отворить.
Засуетится мать на нищей кухне
и будет что-то вкусное варить,
и до утра светильник не потухнет.
Постелют в главной комнате кровать,
воды согреют — ноги вымыть, станут
журнальный столик спешно собирать,
лить с горкою, не видя грань стакана.
Не будет ни расспросов, ни мольбы —
поем и упаду в подушку навзничь.
И буду думать: «Чтобы так любить,
здесь все живут, как в ожиданье казни».
Я буду слушать шум на кухне и
как в коридоре обувь чистят влажной
рубашкой бывшей. Термином «свои»
не объяснить: зачем с утра так важно
гостинцев липких напихать в рюкзак
для будущей невестки и, прощаясь,
в глаза и в лоб меня облобызать
с извечно-русской просьбой: «Приезжай, а?»

Отец стоит и руку жмёт. Он вновь
на свой престол продавленный садится.

И яркий свет, избыточный, дневной,
в иконы превращает наши лица.

* * *

вот дерево 109 раз и дым
вот облако вода вода вода
на самом деле не было беды
у нас её не будет никогда

вот наши двери сорваны с петель
вот эхом отдаётся каждый шаг
мы сочиняем воздух и теперь
еженедельно учимся дышать

* * *

да я выжил вот в этой культуре
безымянной почти что на треть
перепало на собственной шкуре
в невозможное небо смотреть
(это тёмное небо отвесно)

ты приходишь в себя от тычка
в электричке становится тесно
тчк тчк тчк

* * *

Отказаться от любви много проще,
чем от дела, от кормушки, от веры,
от наследства или прав на жилплощадь,
от военной или светской карьеры,
от родительской счастливой опеки,
от друзей, довольных редкостным браком…
Отказаться от любви человека
очень просто, если можешь не плакать.
Очень просто отказаться: всё это
происходит где-то там, не с тобою.

И совсем уже легко, если дети.
И тем более, когда у обоих.

* * *

над городом плывут левиафаны
на нитях остановлены машины
слепой ребёнок ножницами шарит
ему пообещали элефанта
она пообещала быть инфантой
она пообещала среди женщин
пинать ногою и лететь нагою

над городом плывут аэростаты
и овцы объедают пальцы статуй

ИЗВАРИНА ЕВГЕНИЯ ВИКТОРОВНА родилась в 1967 в городе Челябинск-65 (ныне Озёрск) Челябинской области. Окончила Челябинский государственный институт культуры по специальности «библиотекарь-библиограф». Работает журналистом в газете Уральского отделения РАН «Наука Урала». Стихи публиковались в журналах «Урал», «Знамя», «Новый мир», «Волга», «Север», «Звезда», в сборниках и антологиях. Автор книг «Сны о великом плавании» (1996), «По земному кругу» (1997), «Страны ночи» (1999), «Пояс Ориона» (2004), «Голос и ветер» (2007), «Времени родник» (2010), «Стихи» (2014, серия «ГУЛ»). Лауреат литературной премии им. П. П. Бажова (2011). Член Союза писателей России. Участница «Антологии современной уральской поэзии» (т. 2, 3). Живёт в Екатеринбурге.

Евгения ИЗВАРИНА

* * *

холм
и колокол зимнего пламени
по тому кого нет

мы на волю письмо переправили
нам вернули конверт
как сложить чтобы опыт стал обликом
покажи докторам
пополам
треугольником
ромбиком
и ещё пополам

и пустить по снегам и удержится
зыбью сахарных бус
эта влага на слух то ли беженца
эта песня на вкус
половина зарянки и зяблики
половина вино

мы плывём на бумажном кораблике
по волне *nevermore*
куда господи не получается
ни пешком ни верхом
только полый над нами качается
словно колокол
холм

* * *

зима обживает берега
но воды летний изумруд

в такие дни ты просто река
тебя никак не зовут

спишь под шинелкой без петлиц
но кажется иногда

в тебе отражается больше птиц
чем может вместить вода

* * *

…сидел у ног зимы и птички ставил
над маленьким безумным сводом правил

у врат исчезновения сидел
причём загородить собой не мог их

а птички к веренице душ и тел
слетали
и вычёркивали многих

* * *

Сергею Ивкину

Взор — малинов,
шёпот — бирюзов:
— Любишь — так возьми с Моих возов
запах рыбы и весла замах,
лодки, что наколоты впотьмах
звёздами нейтральной полосы,
Гидры восходящие часы
над часами Ворона и Пса,
перекошенные голоса,
перевёрнутые стопари,
поле покаяний на пари,
море погребений на миру…

Я не выбираю,
я беру.

* * *

Бог жив, покуда неизвестен
пользователям пазла добра и зла.

По своим делам, по нашим лезвиям
время любит ходить, закрыв глаза
(как за цыганом ходят кони),
целовать как собака — сбивая с ног…

Сатана — след пламени на ладони.
Отпечаток ладони в огне — Бог.

ПРОРОК

Кто поздно прав и неразменно должен —
не говори поникшим и примолкшим,
не приводи примеров, и погод
иных не обещай, чем прописные
для этих мест — бессвязные, сквозные
предчувствия переходящих вброд
железный вертоград…

Будь с ними краток:
— Судьбы — избыток.
Времени — остаток.
Услышь своё безмолвие, народ...

* * *

...о любви было — дерево,
неисправимо — с кем...

За свечами задень его —
то дыхание, всем
ставящее осанку,
медленное — где мы
дивно ведомы за руку,
мёдом обведены...

* * *

Г. Каневскому

в медный квадрат когорт
замкнуты сутки

кафельный март
курорт
после побудки
искры и острия
роза в боржоме

вот говорят
семья
что-то большое
двигается во мгле
ищет урода

словно петля в петле
это свобода

* * *

Ливень выплеснул на рамы
ледяные буруны —
доплатные телеграммы
из украденной страны.

Там — кресты на серых списках,
непрощённые дела,
там от низких обелисков
тень полнеба обняла,

там в кавернах побелённых —
выпитые родники,
и у ангелов с пелёнок
сжаты кулаки...

* * *

как разбитой жизни оболочку
радость и печаль соедини
боги погибают в одиночку
за идею равенства с людьми

за дальнейшую неотличимость
лишь бы не подобье на авось
ничего у них не получилось
потому что всё сбылось

* * *

всё будет хорошо ли плохо ли
и снова кто-нибудь бывалый
нам скажет пороха не нюхали
с земли воды не пили талой

но господи какая разница
мы ожидали или жили
девиз державы кто позарится
крутя в ускоренном режиме

не подходите к ней без пряника
кнута и маковой соломки
она лежит на дне «Титаника»
вцепившись в бусы незнакомки

ей щучье по сердцу веление
падучих звёзд медвежий ковшик
и детское недоумение
на лицах первенцев утопших

* * *

Что стоило б мессы — не стоит труда.
И то — на плечах голова…
«Плодите детей, умножайте стада…» —
ты помнишь, чьи это слова?

Ты помнишь, как пьяный факир лопотал,
когда выводили его:
«Огонь — холоднее всего, что глотал,
огонь — холоднее всего…»

* * *

безрукий стоял у стены
шутил неудачно
окраины крови темны
а сердце прозрачно

не верю забыть не могу
какого же чёрта
на диком вороньем снегу
безрукий о чём-то

молился шептал горячо
вороны кружили
и хлеба кусок на плечо
ему положили

* * *

Вот всё, что есть:
немного влажной глины
и вид с преодолимой высоты
дождями размываемой долины,
где горестные пустоши густы.
Вот всё, что есть:
бестрепетная сила
преображенья — поперёк судьбе…

Помилуй, Боже, — сделай нам красиво
за то, что больно сделали Тебе.

* * *

Памяти Бориса Рыжего

Славен
или осмеян —
будешь наискосок
через ничто просеян,
словно речной песок.
Пасмурно или ясно —
ты фаворит луны.
Первенство безопасно,
мало ли, что видны
первые из погони,
что отстают, легки,
на ширину ладони,
на глубину реки.

* * *

Сергею Гандлевскому

клуб незнаменитых капитанов
секция ходьбы туды-сюды
рук не вынимая из карманов
глаз не отрывая от воды
осень и зима весна и лето
чебуреки мойва алыча
сколько этих песен перепето
все они кончались ча-ча-ча
синее предзимье подземелье
аварийный выход хоть куда
лёгкий трёп тяжёлое похмелье
не о море — море ерунда
за ухом без спроса папироса
в привокзальном сквере воробьи
серые как шпалы под колёса
дембельского поезда любви

ИОНОВА ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА родилась в 1986 году в Нижнем Тагиле Свердловской области. Окончила Уральское училище прикладного искусства по специальности «Дизайн среды», Нижнетагильскую социально-педагогическую академию по специальности «Изобразительное искусство». Куратор арт-проектов, выставок изобразительного искусства. Создатель и один из руководителей арт-группы «Лаборатория событий», перформанс-труппы «Звучащее тело». Публиковалась в альманахах и поэтических сборниках. В журналах «ШО», «Урал», «Вещь». Вошла в энциклопедию «Уральская поэтическая школа». Автор поэтического сборника в серии «ГУЛ» (2014), книги стихов «Город N и его окрестности» (2016). Участник проекта «ГУЛ» и автопробегов «ГУЛ». Стипендиат Министерства культуры Свердловской области. Участница «Антологии современной уральской поэзии» (т. 3).

Организатор фестиваля современного искусства «Полёт F» (2009–2014) в Нижнем Тагиле. В 2013–2014 годах была куратором проекта «СтАРТ» (организация и проведение выставок молодых и начинающих художников на различных площадках города). Поставлено 13 спектаклей и более 30 перформансов. Живёт в Нижнем Тагиле.

Елена ИОНОВА

* * *

Где луна моя двурога,
Туча кругла, как свинья,
Я создам другого Бога
Для тебя и для меня.
Чтобы жил на Анатольской
Или на площадке «Гать»,
Падал на воде — где скользко,
Нас бичом не смел стегать —
Брал колючий куст крапивы
Или тонкий ивы прут…
Там в конце все будут живы,
А в начале все умрут…

* * *

Вот последняя дощечка
На окраине села.
Я лесного человечка
Под забором родила.
Родила, послед доела,
В луже попила воды —
Изуродовано тело,
Ярко-красные следы…
Оперился человечек,
Выпорхнул и полетел.
На пути его беспечном
Будет много разных тел.

* * *

Солнце встаёт и падает так легко,
Мы отразились в зеркале от луны.
Ты — как борей в бутылке и молоко,
Мы — как сосуды замкнуты и полны.
Я сообщаю ритмы свои тебе,
Я сообщаю лето траву и мёд.
Видишь, я стала взрослая бе-бе-бе,
Жаль, что не знала этого наперёд.
Я бы соломой выстлала город весь
И бинтовала ноги свои и грудь.
Видишь, зрачок сужается до небес,
Может, в него уместимся как-нибудь.

СТИХИ МАТЕРИ

1.

Жить, так не намазаться —
Надо заслужить.
Ножницами клацая,
Оборвали нить.
Круглый шрам от матери
Посреди меня…
Путь мне стелют скатертью —
Прямо в полымя.
Я качусь по тропочке,
Словно колобок…
Только к маме хочется,
И болит пупок.

2.

«Поберечь! Ходить босыми —
Всё новьё!»
Мама, дай другое имя,
Не моё.
Мама, дочь свою постарше
Нареки,
Я тоскую об упавшем
У реки.
Мама, я писала письма,
Но не тем.
Дай мне, мама, жизнь без смысла,
В простоте.
Я глаза умею прятать
И молчать.
Мама, дай же мне поплакать…
Твою мать…

* * *

«Не спи — замёрзнешь, не садись на снег,
Не рви цветы — пусть кормится с них пчёлка».
Здесь звери просят деньги и ночлег,
А ты в руках рабочего посёлка.
И дом врастает в вечную тоску,
И в землю предков, будто сами предки

Хотят его увидеть на боку,
И тянут к нему высохшие ветки,
И топят его — выпрыгнуть успей…
Сидят на рее или реют чайки,
Беги до детских слюнок и соплей,
До коликов в боку и мокрой майки.
На этом месте вырастет тайга,
Как райский сад на почве местных сказов,
И выйдет Бог, напяливший рога,
Гонять по небу звёздных лоботрясов.

* * *

Ты видишь, я выросла всё же
В холодном и тёмном краю,
Держи мои волосы, Боже,
Тяни меня выше к нулю,
Где гомон пришедших не слышен…
На скатерти в виде лица
Разлито варенье из вишен.
Чего пожалеть для отца?
На снег забирай мою кожу,
На прочную миру петлю
Держи мои волосы, Боже…
Пока я блюю.

* * *

Камень, ножницы, бумага?
В кровь ладонь или кулак?
Было платье, стало флагом.
Всё выходит так на так.
Лето, вечер, воскресенье.
Под ногтями чернозём,
Солнце — в воду, ноги в сене,
Я одна на свете всём.
Надо мной по небосводу
Облаков несётся рать…
Я даю себе свободу
Ничего не выбирать.

* * *

Лежи, стони в сугробе у посёлка.
Земля твоя, и всё вокруг твоё.
Вожди стоят на каменных распорках,
Глаза горят, и шастает зверьё.
А смерти нет, но есть бухло и воля,
Когда ты прост как три рубля и свет.
И ты поймешь, и выкрикнешь: «Доколе?!»
А сверху скажут: «Коли тоже нет».

* * *

Беспардонностью грешащий
Город детства моего
Мне с годами снится чаще…
Чаще космоса всего.

Там я сплю на раскладушке,
Голову обняв рукой,
Там по маминой подушке
Луч крадётся золотой,
Там на станции конечной
Пропадают поезда.
Пахнет хлоркой или гречкой…
Гречкой с хлоркой иногда.

* * *

Я увидела его
Там, где нету ничего.
Красоту — ни дать ни взять —
Вот так божья благодать.
Вот так божье барахло
На дешёвое бухло,
На провисшую кровать,
Где ему не дать, не взять…

* * *

Мне пришили пуговку на груди —
Там, где сердца луковка — погляди!
Ярких стразов полную — красота!
Мне пришили молнию вокруг рта.
Я сижу, не вякаю, я смотрю,
Как все колют мягкую плоть мою.

* * *

Мне не нужно ни любви,
Ни рожденья, ни поминок.
Хрен стоит, как древний инок,
Свято место всё в крови.
Коль окстишься, то раздай
Всё, что есть. Найди родное.
Здесь — не все жиды и гои,
Там — не только ад и рай.

* * *

Лизнуть в мороз качели, ждать весны,
Оттаивания моей страны,
Смотреть на ручейки, даваться диву.
И мама с кружкой выбежит во двор,
Прибережёт до дома разговор,
Чтобы потом ругать нас в хвост и в гриву…
И лошади прекрасны и стройны,
И, может, довезли нас до луны,
Но в половину мама ждёт к обеду.
И нам не будет ни луны, ни звёзд.
За лошадями на снегу навоз…
Я никуда отсюда не уеду.

ИСАЧЕНКО (ГОРИЦКАЯ) ОЛЬГА ЮРЬЕВНА родилась в 1953 году в городе Верхотурье Свердловской области. Окончила химический факультет Уральского государственного университета им. Горького. Работала на Челябинском металлургическом заводе и в природоохранных организациях Свердловской области. Первая публикация — в коллективном сборнике «Первоцвет» (Свердловск, 1987). Стихи публиковались в журналах «Урал», «Уральская новь», «Уральский следопыт», «Дети Ра». Автор книги стихов и переводов «И человеку и листу» (2006) и сборника «Стихи» (серия «ГУЛ», 2015). Участница «Антологии современной уральской поэзии» (т. 2, 3). Живёт в городе Краснотурьинске Свердловской области.

Ольга ИСАЧЕНКО (ГОРИЦКАЯ)

* * *

Мудрость наружно глупа.
Строгостью смотрится ласка.
Тянет в болото тропа.
С толку сбивает подсказка.
Свойства слились вопреки
Смыслу — долой перепонка!
Тяжкая лёгкость строки.
Лёгкая тяжесть ребёнка.

* * *

В подобающий горести миг
Из-под тронутой просинью кожи
Неожиданный облик возник —
Попригляднее и помоложе,
Будто разом осела на дно
С испареньем бессмертного духа
Вся нелепица и нескладуха,
Завладевшая жизнью давно.
И лежал перед верной женой
Он, обряжен в костюмчик облезлый,
Виноватый, безмолвный и трезвый
До того, что почти неродной…

* * *

Ты ль избранницей звал
И дорогу указывал к трону,
Золотую корону
Из берёзовых листьев сковал?
В необъятный удел
Отпуская пространство земное,
Что за цель Ты имел,
Что за опыты ставил со мною?
Над просторами свеж
Ветер — с толку собьёт человека.
У земли и у каждого века,
Как рубец, кровоточит рубеж.
Где друзья, где враги —

Всё смешаем в чаду и угаре,
И опять на круги —
От греха возвращаемся к каре.
Чем себя доконать,
А лукавому вору потрафить?
Вечно ждать-догонять —
Мне Тобой заповеданный график?
Не заботься держать
В мышеловке ни сыра, ни злата.
Мне б детей нарожать —
Я и это умела когда-то.

* * *

По дортуарам — институтки.
По тротуарам — проститутки.
По первым партам — гимназистки.
По первым мартам — террористки.
Всех ретрог(р)адов урезоня,
В законном браке с Ковалевским
Для рандеву с наукой Соня
В Европу следует. На Невском
Другая Соня ждёт клиента,
А третья на углу Канавы
С платочком в муфте ждёт момента —
Взорвать престольный сон державы.

СТРОФЫ

*

Что-то помним, но немного —
Голос есть, но нет лица, —
И придумываем Бога,
Как детдомовцы отца…

*

Кто-то просит будущего крох,
Кто-то — от прошедшего окурка.
Время — комбинация из трёх
Виртуальных пальцев демиурга.

*

Век у россиянина короткий,
Особливо ежели мужик.
Кто-то в Волге тонет, кто-то в водке,
Кто-то в воле, к коей не привык.

*

Когда-то надо — о любви,
Хотя бы две строки во имя…
«Они счастливыми легли
И встали утром — таковыми».

*

Чтоб унынью в душах не упрочиться,
Способы в различных сферах схожи:

Бог придумал мир от одиночества.
Мир придумал Бога от того же.

*

…А все же жизнь прекрасна так,
Назло пропажам и капканам,
Как озаривший грядку мак,
Не оскоплённый наркоманом.

*

Ввысь душа завитушкой дыма
Уплывает. Костёр угас.
Смерть и впрямь — непереносима.
Смерть сама переносит нас.

* * *

Хандра, сумятица, раздрай
Неуспокоенности нашей,
Но есть многоэтажный рай
С полдневным сном и манной кашей.

Обителью не дорожа,
Влекомый притяженья силой,
С седьмого неба — этажа
Нисходит ангел однокрылый

И тихо просит:
— Не гляди,
Как сиротлив мой облик новый,
Как лучик раны на груди
Заштопан ниткою суровой.

* * *

Мы сбудемся в буйном июле,
Смешные запреты поправ.
Там земли в отважном загуле,
В объятьях нечёсаных трав.

Там воду отыщут колодцы,
Там небо назначит жару,
И даже шипом уколоться —
Малиновым — будет к добру.

Там птицами песни летают
От нас — птицеловов — вдали
И воздух упрямый глотают,
В котором грозу развели.

Мы впишемся в праздник. А если
Родимый какой обормот
Припомнит, когда мы исчезли,
То кроме — никто не поймёт…

* * *

Я точно знаю — дети боятся крыс,
И мы не будем звать их на свадебный пир.
В каком ларце у тирана хранится приз?
В свинцовом, о чём догадался ещё Шекспир.

Пришельцы опять, уходя, выключают свет,
Спускают кровь и вежливо жгут мосты.
На небесах отпечатков пальцев нет,
Реквием спет, и помыслы их чисты.

Кому какое дело, что я уцелел,
Кому какое дело, что нет меня.
Прошу: не плачь так громко — собьёшь прицел,
Прошу: не бегай мёртвой средь бела дня.

* * *

Жизнь спешит на каблуках,
Спотыкаясь впопыхах,
Мчится в ритме високосном
В чём-то четырехколёсном,
Ждёт в простуженной шубейке,
Собирая по копейке,
И с балкона за углом
Машет байковым крылом…

* * *

Я следы твои в угол смету,
Напою наговорной водой
Не на травах, не на меду —
На тоске моей молодой.
Коль напьёшься воды-тоски,
То за тридевять вёрст тебе
Примерещатся так близки
Три окошка в моей избе,
Так притянут назад следы,
Что колени обнимет дрожь,
Не успеешь признать беды,
Не опомнишься — и придёшь.

* * *

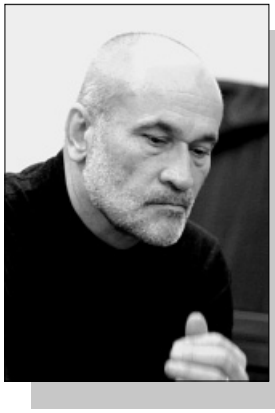
Поэзия — дело мужское, кровавое.

Г. Русаков

Поэзия, может быть, — дело старух,
Чей палец под вдовьим колечком опух,
И зубы железные слово
Жуют вместо праха мясного.

И прошлое с будущим путает дух —
И жизнь возвращается снова.
Им, как пролетариям, нефиг терять —
Приблудную кошку, очки да тетрадь,

И нет с них казённого взыска,
И внука заботит прописка.
И перья мусолит старушечья рать,
И Муза склоняется низко.



КАЗАРИН ЮРИЙ ВИКТОРОВИЧ родился в 1955 году в Екатеринбурге, на Уралмаше, в семье инженера и медика. Занимался спортом. После окончания школы работал фрезеровщиком на Уралмашзаводе. В течение жизни параллельно учёбе и основной работе испробовал и освоил несколько профессий: столяр, сушильщик древесины, сторож, уборщик, грузчик, санитар-медбрат, регистратор и ассистент патологоанатома (в морге), техник по топливу, журналист, зам. главного редактора журнала, редактор, корректор, зав. отделом поэзии журнала «Урал» и др. Служил на Северном флоте. В 1981 году окончил филологический факультет УрГУ. Доктор филологических наук, профессор. Автор поэтических книг «Погода» (1991), «После потопа» (1994), «Пятая книга» (1996), «Поле зрения» (1998), книги стихотворений и прозы «Пловец» (2000), «Побег» (2002), «Против стрелки часовой…» (2005), «Избранные стихотворения 1976–2006» (2006), «Каменские элегии» (2009), «Каменские элегии. Часть вторая» (2010), «Каменские элегии. Часть третья. Ангел. Птица. Человек» (2011), «Каменские элегии» (избранное, 2012), «Культура поэзии: статьи, очерки, эссе» (2013), «500 стихотворений» (2014), «Стихи» (серия «ГУЛ», 2014), «Глина» (2015). Составитель более 120 поэтических книг, сборников, альманахов и антологий. Лауреат нескольких литературных наград и премий. В течение семи лет возглавлял региональное отделение Союза писателей России. Автор и инициатор проекта Международного фестиваля «Поэтический марафон». Стихи публиковались в журналах «Урал», «Уральский следопыт», «Уральская новь», «Юность», «Октябрь», «Знамя», «Новый мир», «Арион», «Сибирские огни», а также в изданиях США, Израиля, Германии, Украины, Италии, Испании и др. Участник «Антологии современной уральской поэзии» (т. 1–3). Живёт и работает в Екатеринбурге.

Юрий КАЗАРИН

* * *

Я умер. И это не снится.
Я помню. Везде и всегда.
Скажи меня: просит синица.
Скажи меня: просит вода.
И этому горькому чуду
я лёгкие слёзы утру.
Скажу — и себя позабуду.
Скажу — и от счастья умру…

* * *

То шмель пинается. То муха
Гомера вытянет из тьмы.
То тишина. То гибель слуха
в грядущем шорохе зимы.

Из леса, брошенная всеми,
осина вышла. И окрест
она стоит одна, как время.
Как крест пылающий. Как крест.

* * *

На подоконнике дитя
выглядывает из дождя.
У мальчика окно двойное —
волнистое и проливное.

Ещё у мальчика простуда.
У ангела лицо верблюда.
Кроша сквозь дождь осенний мел,
он на работу прилетел —
и сад до смерти опустел.
И сад стоит в саду без сада,
где из рябинового ада
ворона скрипнет натощак,
как транссибирский товарняк.

* * *

Наморосило вкось на поллитровку,
и город просыхает на мели.
Я напишу под Богову диктовку,
какое время года у земли.
У Азии над озером Былтымом —
волны адриатическая прыть.
Куда рванёт душа с зелёным дымом,
когда дадут у стенки прикурить…
Мои сады отпела пилорама,
и женщину в Европу унесло.
И прямо в глотку яблоко Адама
до горечи, до голоса вросло.

* * *

За окошком скрип арбуза —
снегопады, пешеход.
По ночам на очи Муза
по копеечке кладёт.
Не окно, так отраженье
скулы ангелу свело:
немота обмороженья,
подкаблучное сверло.
Отчего же пахнет сливой,
почерневшей добела…
Под окном сугроб червивый —
это оттепель была.
Это вечность, это мука
с февралём заупокой,
где хорошая разлука
лучше встречи никакой.

* * *

Лежит земля, стоит погода
у входа в дерево, у входа
в погоду, в землю, в небеса,
где в ветер ввинчена оса.
Где в высоту зевают маки,
толпясь во сне, как лай собаки —
с очами волчьими на дне —
на белку тёплую в сосне.
Где глину выбила скотина,
белеет в ямках паутина.
И распахнулась стрекоза,
как Божьи женские глаза.

* * *

Леска вмерзает в волну,
в воздух вмерзает волна,
воздух вмерзает в луну,
в небо вмерзает луна.
Небо вмерзает слюной
в остановившийся взгляд,
это когда тишиной
ангелы вслух говорят.

* * *

Морозный воздух — с валидолом,
как с пулей пушкинской: во рту
с термометром или глаголом,
впитавшим углекислоту.

Зима войдёт, как бусы, в горло,
срывая с голоса резьбу,
чтоб слово долгое протёрло
до дёсен голую губу.

Чтоб суша снова стала твердью —
водой под снегом без воды,
как вечность, пахнущая смертью,
как счастье, полное беды.

* * *

Просторно, весело и грязно.
Весна венозная — здесь узловатый стыд.
Остановись, мгновенье, ты напрасно:
и дерево под окнами стоит.

И в городах распахнуты овраги,
и ледяные высятся сосцы,
и сухожилья снежной влаги,
и оттепели ватные рубцы

напряжены, и пресен серый воск
бутыли лопнувшей и зелени прогорклой,
и шевеления под коркой
червей, целующих земли остывший мозг.

* * *

Н. Дьячковой

Снег не ваятель — оформитель
пустот, сколоченных в мороз,
и надзиратель, и хранитель
пространства, времени и слёз,
и звёзд в незримых пирамидах,
где зависает без петли
заиндевевший сад, как выдох
земли, набравшей в рот земли.

* * *

Шагом бежит собака
линии вдоль трамвайной
прямо из зодиака
с голодом или тайной

смерти — рожденья. Свечи
вместо бровей — борзая:
ей не хватает речи,
ей хорошо без лая.

Вся заслонясь от хлеба
детской своей ресницей,
смотрит в родное небо,
где побывала птицей.

* * *

Чтобы вырезать дудку из ветки в лесу,
нужен мальчик-заика и ножик,
и река, и чтоб небо щипало в носу,
и пыхтел под рябинами ёжик.

Скоро дождик равнине вернёт высоту,
в одуванчике высохнет ватка.
После ивовой дудочки горько во рту,
после ивовой музыки — сладко.

* * *

Неба всё больше, мало
суши осталось, тверди.
Жизнь наконец совпала
с тем, что коснётся смерти.

Снег и земля друг другу —
в лоб, в мозжечок метели:
кажется, что по кругу,
в сердце — на самом деле.

Всё-таки скорость взгляда —
это не скорость птицы,
а намерзанье сада
на острие ресницы.

Медленный взгляд оттуда,
где умирают звуки,
где происходит чудо
прямо из этой муки.

* * *

Наместники оконных рам,
пересидевшие икону,
не рассмотрели, как ворону
переломило пополам

движеньем воздуха и взгляда
того, кто в небе глину мнёт
и золотую форму сада
земному аду придаёт.

* * *

На этом свете, за окном,
всю ночь смеялись без причины,
как будто плакали на том,
где смех и плач неразличимы.

Я вслушивался, и влекло
меня, бездомного, к ночлегу,
и время по глазам текло —
не вниз, а вверх — навстречу снегу.

* * *

Костерок. Полянка. В поллитровке —
два стакана. Хлебушек. И вот
ветерок погладит по головке
и на ухо что-нибудь шепнёт.

Пожуёшь залётную былинку,
чтобы стало сердцу веселей.
А потом уснёшь с землёй в обнимку —
всё равно ты женишься на ней…

* * *

Ангел плюнет в потолок —
ох, больничный, ох, высокий.
Недолёт. И мотылёк
опадает, одинокий,
белый, серый, голубой,
даже палевый немножко…

И глядит, глядит в окошко
жизнь с закушенной губой.

* * *

За листьми — листва,
как за душою — тело.
Скупее волшебства
сезонные пробелы.

Проворнее дождя
бегут на свет из мрака
собака и дитя,
особенно — собака.

* * *

Осиротевшая от страсти
бледнеет нежность в высоте,
когда из тьмы выходят части
земли и неба — на кресте
окна, от Господа в версте.
Где знают ласточки и дети,
вдевая в сон дневной полёт:
Бог перетрогал всё на свете —
всё, что от смерти не умрёт.

* * *

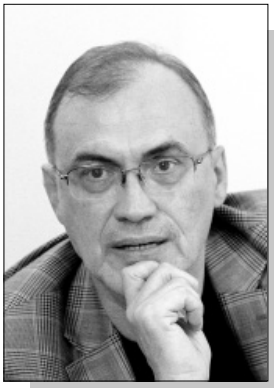
Осень. В деревьях куски воронья.
Листья упали — увидели глину.
Зренье моё отстаёт от меня,
Смотрит мне в спину.
Кабы не знать, что умрёшь навсегда,
смерть поспевала б за смертью едва ли.
Я бы на воду смотрел, как вода.
Вы вспоминали б меня иногда —
только б за смертью меня посылали…

* * *

Поговоришь с водой,
вернее — помолчишь.
И чёрно-золотой
качается камыш.
И чёрно-золотой,
как божьи брови, шмель
под страшной высотой
несёт виолончель.

* * *

Как долго лошадь пьёт из лужи:
сначала ноздри, очи, уши
свои, потом кусок небес
и в кромку врезавшийся лес.
И дождь идёт, у нас бывает —
он лупит вкось по пузырям,
и лужа ноздри раздувает
навстречу розовым ноздрям.
Целуйтесь, два лица природы —
и жажда жизни, и любовь,
пока несут над бездной своды
вода и кровь, вода и кровь.



КАЛЬПИДИ ВИТАЛИЙ ОЛЕГОВИЧ родился в 1957 году в Челябинске. Учился в физико-математической школе, но выпускной класс закончил в Челябинской школе искусств (класс литературы). Поступил в Пермский государственный университет на филологический факультет, откуда был исключен после первого семестра как «идеологически незрелый». Работал грузчиком, стропальщиком, сторожем, почтальоном, кочегаром и т. д. Первые публикации — в Югославии, Финляндии, Болгарии и только в 1988 году — на родине. Публиковался в журналах «Урал», «Юность», «Знамя», «Литературная учеба», «Родник», «Лабиринт-Эксцентр», «Золотой век», «Воздух» и др. Автор программы «Современная уральская литература — новая реальность» (шорт-лист премии «Малый Букер»). Автор, главный редактор, составитель, дизайнер, спонсор и продюсер многотомного проекта «Антология современной уральской поэзии», составитель, издатель и оформитель более 70 книг современной уральской литературы. Создатель и редактор журнала «Несовременные записки» (совместно с В. Абашевым), ответственный секретарь журнала «Уральская новь». Лауреат многих российских и международных литературных премий. Автор книг «Пласты» (1990), «Аутсайдеры-2» (1990), «Пятая книга и Вирши для А. М.» (1993), «Мерцание» (1995), «Ресницы» (1997), «Запахи стыда» (1999), «Хакер» (2001), «Контрафакт» (2007). «В раю отдыхают от бога» (2014, серия «ГУЛ»), «Izbrannoe» (2015). Стихи переведены на 15 языков. Участник «Антологии современной уральской поэзии» (т. 1–3). Живёт в Челябинске.

Виталий КАЛЬПИДИ

* * *

Допустим, ты только что умер в прихожей,
и пыль от падения тела границ
луча, что проник из-за шторы, не может
достичь, но достигнет. Красиво, без птиц,

за окнами воздух стоит удивлённый,
захваченный взглядом твоим, что назад
вернуться к тебе, отражённым от клёна
в окне, не успеет, и всё-таки сжат

им воздух, но это недолго продлится:
твоё кареглазое зренье дрожать
без тонкой почти золотой роговицы
сумеет четыре мгновения — ждать

осталось немного. Большая природа
глядит на добычу свою. Говорю:
не медли у входа, не медли у входа,
не бойся — ты будешь сегодня в раю.

И всем, кто остался, оттуда помочь ты
сумеешь, допустим, не голосом, не
рукой и не знаком, и даже не почтой,
которая ночью приходит во сне,

Но чем-нибудь сможешь — я знаю наверно…
Ты всё-таки умер. И тайна твоя
молчит над землёю, да так откровенно,
что жить начинает от страха земля:

и звёзды шумят, как небесные травы,
и вброд переходят своё молоко
кормящие матери слева — направо,
и детям за ними плывётся легко.

* * *

Про сквозняки в трубе внутриутробной,
про изумлённых нежностью мужчин,
про тёплых рыб, про женщин хладнокровных
с волосяным покровом узких спин.
Про то, как отвратительно и быстро
сбежал отец работать мертвецом,
потом про то, что не имеет смысла
быть в принципе кому-нибудь отцом.
Про сладкий хлеб, про слесарей Челябы.
Про двух щенят, убитых во дворе.
Про конский топот падающих яблок
в так и ненаступившем сентябре.
Про литератора, который обоссаться
придумал спьяну, едучи в метро,
про то, какую цепь ассоциаций
он мог бы вызвать у Эдгара По.
Про мысли деревянные природы
(особенно прямые у сосны).
Про то, что у страны есть тьма народу,
а у народа — только тьма страны.

Про молодых, да раненых, да ранних,
кто «в клещи» брал поганый Хасавюрт,
про клятву их на найденном Коране,
раз Библии в бою не выдают.

Про то — как по лицу нас полицаи,
лакейскую выказывая прыть.
Про то, как я отлично понимаю,
что некому мне это говорить.

Про то, про сё, про самое простое.
И уж совсем неведомо, на кой, —
про то, как Менелай доплыл до Трои,
застав там только Шлимана с киркой.

* * *

Вчера я подумал немного
и к мысли простейшей пришёл:
в раю отдыхают от Бога,
поэтому там хорошо.

От веры в Него отдыхают,
от зелени жизни земной,
где ангелы, как вертухаи,
всё время стоят за спиной.

От ярости Бога, от страха,
от света божественной тьмы,
от вспаханной похоти паха,
от суммы сумы и тюрьмы.

От ревности Бога, от боли,
от ста двадцати пяти грамм
отменно поваренной соли
для незаживающих ран.

И снова — от веры, от веры,
от сладкой её пустоты,
от ветхозаветной химеры,
с которой химичат попы.

От яблони в синей извёстке.
От снега на тёмной сосне.
От плотника с женской причёской,
от плоти его на кресте.

От «око за око», от шока,
что эти стихи на столе
лежат с позволения Бога,
убившего нас на земле.

О, как Он любил, спозаранку
склонившись над городом Ч.,
зализывать кислую ранку
у птицы на правом плече…

* * *

Мушиный танец звёзд, на всё, на всё похожий.
Безумная шумит сухих небес трава.
И духа серебро во мне покрыто кожей
несеребра.

На отмели времён, прижавшись к человеку,
вселенная молчит, не кратная семи,
а кратная его отчаянному бегу
вдоль смерти искони.

Мы всё ещё бежим в продолговатом дыме
дыханья своего по мякоти земной
и падаем в неё такими молодыми,
что просто — божемой.

Нас облегает снег, нас обретают воды,
чужая память нас волочит по земле,
мы падаем в костры невидимой свободы
и ползаем в золе.

Нас настигает жизнь, когда мы умираем,
и взглядом, и рукой мы раздвигаем смерть,
и смотрим на себя, и безупречно таем,
и продолжаем петь.

И рушится трава, и птицы исчезают,
и дети голосят, и рушится трава,
и духа серебро торжественно пылает
в тисках несеребра.

* * *

Ты что, дурак? Опять расселся тут?
В траве — жучьё. Теплоцентраль. Бродяги.
Метель ментов (они нас заметут).
В ларёк — не видно кто — сгружает фляги.

И этот звук похож на гимн страны,
где воскресают мёртвые со скуки,
чтоб к женщинам подкрасться со спины,
в копну волос по локоть сунув руки.

Спроси: зачем? И я предположу:
так добывают перхоть снегопада, —
она придаст любому миражу
погоду рая на просторах ада,

где все сидят на корточках, в грязи,
а мимо них походкою невинной
идёт Мария с плёнками УЗИ,
где чётко виден крестик с пуповиной.

Пока в тебе не выключили свет,
пока ты прожигаешь дыры взглядом
сквозь небеса, которых, кстати, нет
(они лежат разобранные — рядом),

важней тебя то пыль со щёк щегла,
то волосатых рыб ночное бденье,
то женщина, которая легла
плеваться мотыльками наслажденья;

то пустота в скафандре воробья
с не северокавказскою горбинкой
следит за тем, как наблюдаю я
кузнечиков, измученных лезгинкой,

как рыжий Бог на Сталина похож
особенно, когда накинет китель,
как к демону (навряд ли это ложь)
приставлен ангел с опцией — «хранитель».

Смерть — идеально сделанный батут:
подбрасывает вверх людскую серость.
А я, дурак, на нём разлёгся тут,
и жизнь моя вокруг меня расселась.

Поэт изобретает немоту,
хотя при этом выглядит нелепо:
мычит с щекотной бабочкой во рту,
пока она его возносит в небо.

* * *

Глянь, нарядившись твоей сединою
я пробежал по двору.
Не представляю, что будет со мною,
если я завтра умру.

Жаль воробьёв, что не выучат идиш
в срок до девятого дня.

Ты состоишь из того, что не видишь
больше на свете меня.

Кто бы ни клацнул в прихожей ключами,
молча лежи на боку.
Я не хотел бы являться ночами,
но не прийти не смогу.

Буду шарахаться, биться о стену,
пыль за комодом жевать,
даже дыханье твоё как измену
жуткую переживать.

И не от вафельной мокрой салфетки
утром следы на щеке, —
просто так мёртвые делают метки,
схожие с меткой Пирке.

Смерть — новогодняя ёлка кривая
лестничной клетки в углу;
людям звонят, и они открывают
с острой гирляндой во рту, —

не дожидаясь, чтоб крика быстрее
лопнули слёз пузыри,
вносят в квартиру кошмар брадобрея
и застревают в двери.

Смерть — это самое раннее детство
вечности тёплой, как рот,
вот бы попробовать не отсидеться,
а перейти её вброд.

Ну а с изнанки куда интересней:
только усядется грунт,
каждый из мёртвых захочет — воскреснет
сроком на сорок секунд.

Я их потрачу на гибкую вичку,
чтоб как мальчишка-пастух
в тополь (полёт загоняя в синичку)
гнать обезумевший пух.

Весь в седине тополиной, отвесной
я пробегу по двору.
Как же ты будешь мне не интересна,
если я завтра умру.

КАРПИЧЕВА НАТАЛЬЯ ЛЕОНИДОВНА родилась в 1982 году в посёлке Бреды Челябинской области. Окончила филологический факультет Магнитогорского государственного университета (2004). Защитила кандидатскую диссертацию по филологии (2008). Член Союза российских писателей. Автор сборников стихов «Разговор с рассветом» (2004), «Зима понарошку…» (2005), «По чёрной лестнице из красного угла…» (2007, книжная серия «Литература Магнитки. Избранное») и поэтических книг «…когда я была большой» (2011), «Кукла Бога» (2013). Преподавала современную русскую литературу в Магнитогорском государственном университете (2004–2014). С 2014 года — сотрудник библиотеки им. М. Люгарина (Объединение городских библиотек г. Магнитогорска). В 2016 году вместе с поэтом и режиссёром И. Гончаровым инициировала и возглавила Центр визуальной культуры «Век» в Магнитогорске. Участница «Антологии современной уральской поэзии» (т. 3). Живёт в Магнитогорске.

Наталья КАРПИЧЕВА

РУСАЛКИ (ХОЛОДНОЕ)

вот так и мы, мой ангел, так и мы:
остыли и попались на холодном
среди неподражаемой зимы,
её стихов, мелодий и полотен.

холодные текущие дела
горазды непрерывными вещами,
царевна ничего не умерла,
поскольку ничего не предвещало.

она влита в русалочий косяк —
не потому ли, что тому не важно,
что не о том, не вместе и не вся —
здесь так безотносительно и влажно.

вот так и мы — так глухо, так сказать,
так сухо, так, что только и видали
……..
усталые русалые глаза
не постигают быстротечной дали.

их длительные волосы текут
в суровые коралловые гребни.
царевна, утонувшая в соку,
и соки, пересохшие в царевне, —

всё смоется в сугубый голубой,
вода пускает в них свои коренья,
и их большая мытая любовь
чиста, как смерть в минуту сотворенья.

ОКТЯБРЬ (ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ СТАНСЫ)

а что здесь делать? а читать псалтырь,
лелеять, умножать и паче нежить
октябрь, периферию пустоты,
где пустота становится всё реже.

октябрь уж не отступит — это два,
а стало быть, во-первых, не отпустит:
протяжный сон, продлённая трава
и на зиму засоленное пусто.

а вот кленовый заговор, а двор
обходит юго-красно-жёлтый ветер
повышенный, а из-за рыжих гор
заходит солнце, а тебе не светит.

но не покинь нездешние места
за то, что в них сама себе дороже
восточная святая пустота,
подмешанная в золотые дрожжи.

вот память-именинница, гляди,
не оставляет брошенное тело.
быть или быть, ворочаться в груди —
ну что здесь делать? что ещё здесь делать?

скажи мне, ну скажи мне, ну ска-а-ажи-и-и
.....
дни-близнецы и годы-побратимы.
провинция. клиническая жизнь.
вестимо.

НО ЕСЛИ

Без восьми осень. Но как вы узнали, Холмс?
Элементарно, яблоки вон трубят,
И, если долго всматриваться в холст,
Холст начинает всматриваться в тебя.

Это такой по сырому автопейзаж,
Самый январь болеть и август мерцать,
Новых домов глухие пластиковые глаза,
Старых игрушек горячневые сердца.

Бабушка яблок — добрая Гренни Смит,
Горстка печёных дней, пирожки с листвой,
И если ты в это небо лёг костьми,
То каждый его дождь до глоточка твой.

Чёрствый по круглости ржаной сухарь-колобок,
Осенний марафон, песенный комбинат.
Но если ты сегодня от Бога убёг,
То завтра можешь его уже не догнать.

9 МАЯ. НЕ ПРО ПОБЕДУ

Зависли. Конец весны реальней конца апреля.
И вроде Аустерлиц, а не выторговать синевы.
Читаю Гаргантюа, дошла до Пантагрюэля
На самом краю войны, немножечко нервы, рвы.

Но время не устаёт, и вечность не потакает.
Молочные пули пли, и воздух вечерний скис.
Но раз ничего не ждём и ах тишина какая,
Такая, что хоть ты режь в себе её на куски,

И раз не бывает снов с чт на пт и вещих,
В молчанку и не дышать (и не звонить) на слабо́.
Помноженная тишина на медленные вещи,
И будет уже рыдать, и будет ещё бо-бо.

ХОЛОДНОЕ

Всем уцелевшим: пора не спать, минус по коже, и кровь — слепа, — как тут не вымереть, не пропасть, — небо, поставленное на попа, светит всем уцелевшим. Всё перешьём-перекроим; ветер, в котором по грудь стоим, загустевает вблизи руин, а как разольётся лидокаин, станет зима и легче.

От улетевших на юг небес — белая тень, голубой порез утра, покуда стеклянный лес спит, а оно тебе надо лезть в самый ноябрь его с пылу, спьяну. Свежесть твоя — лемонграсс и лайм; что же касаемо числа, — вечность до завтра, вчера дедлайн; будь человеческая скала в самом нутри тумана.

Будет, как каменная, вода течь по антеннам и проводам; время смирения, сна и льда; всё, чего стоило петь и ждать, — с той стороны глагола. Но только уляжется соль в груди, небо одумается, прилетит, жмётся к карнизу, в окно глядит с вешней тоской ледокола.

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ

И наконец первичное сентября. Анна всеуменьшается за спиной. Я её вижу такой, а кто-то говорит: воздух крестит по контуру рюкзака. Анна грустит и почти не бывает мной, щурясь, уходит в дом не привыкать.

Аннушка, сладость, фантомная соль моя, как нам давно одиноко ходить по две. Дождики дни черкают наискосок. Воздух новоосенний прям высок невыносимо вкусен и лезет в дверь стайками накрахмаленного стишья, как времени с кремом жирной земли кусок.

Тень. А кому легко муроваться в кунст? Корни пускать то в бессоннице, а то во сне? Я научусь сентябрю, ведь сам чёрт не чёрт брошенным в будущность, как в терновый куст. Анна вернётся в наш дом со льдом, а с ней осени свежевыжатой натечёт.

Анна вернётся к себе, в мой город назад, покормит погладит оставленный мой родник… Воздуху бы продержаться навысоке, что вряд ли, с учётом предательского падежа. Анна и осень крестят меня, у них воздух один и одни шерстяные глаза. Рук, ускользающих в мысленное боке, не удержать.

* * *

Ну хотя бы так — откровенность за окрылённость,
Перерезанный синей радужкой окоём,
И давай отойдём повыше стоять под клёны
На своём.

И пойдёшь с непрямой спиной и кривляясь тенью,
И сойдёшь за любого и даже на нет как нет.
Ну, сойдёшь, а куда ж ты меня-то в себе денешь,
Если я тебе буду, скажем, кривой свет?

Или стану (пойдёшь) околёмываться от синих
Ниток, славно прошивших, скатанных в узелки,
Слепнуть снегом — один из таких наискользких зимних
Видов марта. Пойдёшь, хотя бы не побеги.

В сумме сутошных эти пытошные касанья
Дольше или короче. Прочат слететь с бобин.
Впрочем, если бы я умела готовить сани,
Тень чего бы тогда мне было в тебе любить?..

БЕЗ ВОПРОСОВ

Здравствуй, считаю долгом выпросить о прощенье, если
сквозь шторм пробьётся мертворождённый зуммер,
Странствуй, печальный рыцарь, образа не жалея, бей цветники,
осколки — мне вещество к безумью.
Я прибываю завтра с той стороны залива, что у тебя на карте
стёрта, а карта — бита.
Только слепые волны снова рождают пену, зря у неё большое
прошлое Афродиты.
Время родит героев, видно, теперь — не время, слышно ль
из-за страницы, память рубцует бездну.
Как там закат добрался, я его завернула в ангельскую
бумагу — чисто, светло. Отвесно
Будет твоё скольженье вон за пределы «помню». Мне
перелётно, знаешь, к чёрту теперь оседлость.
Скоро ли будет в прошлом прошлое лето, впрочем, это не
так уж важно в свете счетов за светлость.
Вырасту, боль бинтуя, перед чертой разломов буду честна
до крови, только не больше, честно.
Только бы ты запомнил: память рубцует бездна. Если совсем
забуду или почти исчезну.
Спи, не теряй покоя, не находи сознанья, в беглое время
суток белый маяк пробросив.
……..
Скоро. К тебе. Надолго. Буду баюкать волны, чтобы тебе
уснулось, — просто и без вопросов.

КАСИМОВ ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВИЧ родился в 1954 году в городе Коркино Челябинской области. Отец — инженер-электротехник, мать — учительница географии. В шестнадцать лет, оставив школу, уехал по комсомольской путевке в Набережные Челны строить КАМАЗ. В 1972 году был призван в ряды Советской Армии. После демобилизации учился в Челябинске в школе рабочей молодежи. Начал печататься в газетах «Горняцкая правда», «Вечерний Челябинск». В 1976 году поступил на филологический факультет УрГУ. В 1981-м — в Литературный институт им. А. М. Горького (семинар В. Амлинского). В Свердловске работал журналистом в газете, на радио, где вёл новости культуры, литературные передачи. С 1998 по 2001 год был главным редактором «Студии Город». В 2001-м работал в газете «Вечерние ведомости», в 2002-м — на канале «Евразия» областного телевидения. В 2003 году основал и возглавил газету «Городские куранты». С 2005 по 2011 год — депутат городской думы Екатеринбурга. С декабря 2011 до 2016 года — депутат Законодательного собрания Свердловской области. Стихи и проза публиковались в журналах «Урал», «Уральская новь», «Уральский следопыт», «День и ночь», «Знамя», «Октябрь», «Сибирские огни» и др. Автор книг стихов «Стихи» (2001), «Этнографические стихи» (2004), «Блуждающее облако» (2005), «Нескучный сад» (2009) и др., а также нескольких книг повестей и рассказов. Лауреат конкурса им. М. Волошина, премии им. П. П. Бажова, премии «Ясная Поляна» и др. Участник «Антологии современной уральской поэзии» (т. 2). Живёт в Екатеринбурге.

Евгений КАСИМОВ

* * *

Ночная шумит эспланада,
развесив свои жемчуга.
Ах, Африка, плакать не надо —
чужие твои берега.

В своём путешествье беспечном,
в копеечном нашем житье —
вдыхаем лишь запах аптечный
и пишем своё житие.

И в чёрный промасленный воздух
завёрнут жемчужный огонь.
И медленно бледные звёзды
вращаются над головой.

* * *

Сквозь жирный горячечный воздух
сверкает огнями притон.
Как будто ударили под дых —
застынешь с разинутым ртом!
Вертит животом одалиска,
ревёт электронный баян,
и в белых бурнусах статисты
курить предлагают кальян.
Мы вместе с Омаром Шарифом
пьём кофе, лежим на боку
и, следуя строго тарифу,
снимаемся вместе — ку-ку!
И с плейером типа Toshiba,

забив косячок гашиша,
потомок Гарун аль-Рашида
торгует себе «калаша».
Он мне заправляет арапа,
полночный весёлый араб,
что на фиг ему эмираты,
что брат ему Чёрный Хаттаб.
И огненною кометой
сгорает в бреду Шарм аль-Шейх,
где на миллион километров
хотя бы какой-нибудь шейх!
Но едут сюда президенты —
с ветвями оливы в руках, —
сионские едут агенты
и едет сюда «Хезболлах».
Ему же и скучно, и грустно.
Он вечно и гордо один.
И жалко ему, что не русский.
И горько, что он бедуин.
Он табор навеки покинет.
Короткою цыкнет слюной.
И в длинной рифлёной пустыне
застынет, как столб соляной.

* * *

Город-призрак! Блуждают огни. И дома,
как вертеп деревянный, ведут свой рассказ о завидной
и слаженной жизни мещан.
Ляжет толстый слоистый туман —
слижет тени твоих пешеходов и автомашин.

Город-призрак! Как ящер, сопящий из мглы,
Он раздавит тебя лишь движеньем неловким хвоста.
Сколько бесов висит на конце исступлённой гранёной иглы
городского казённого дома в крестах,

в голых гипсовых бабах, гребущих во тьму?
И холодное око часов на пустынную площадь глядит.
А по дому казённому толстые крысы снуют.
И крысиный пахан, свои тонкие пальцы замучив, ведёт аудит.

Город-призрак! Кого ты возьмешь на постой?
Этих ржавых ландскнехтов, рыгающих пивом балтийским за
номером шесть?
Видно, что-то сломалось в твоём механизме простом.
И число проступает сквозь боль и сквозь медную шерсть.

Город-призрак! Ты морок бессонных ночей!
Зреют споры в твоих ядовитых грибах.
У заставы сидит дурачок, пастушок, журавлёнок, мальчишка ничей —
с деревянною лёгкою дудкой, зажатой в синюшных губах.

* * *

Я не знаю, зачем я пишу неуклюжие длинные строчки.
Зыбкий синтаксис выгнут дугой.
Строю мост от себя до тебя — и никак не дойти мне до точки.
Не хватает мне слов. Под ногой

пустота! Только где-то внизу речь упруго несёт свои воды,
вавилонским смешеньем бурунов грозя.
А какие стоят в девятнадцатом веке погоды!
А в двадцатом уже созревает гроза.
Не дойти! Запинаюсь о знаки прямые, кривые — твои,
о, язык! — препинаний.
И аортою рваной скопление гласных торчит.
Не найти в кладовой заколдованной памяти мне
спасительных воспоминаний.
Лишь глагола клюка суковатая сухо стучит.
Над зияньем зловещим — по вдоль звукописного ряда,
по могучим быкам твоих букв золотых, алфавит…
Весь пропитанный азбучным, жирным, серебряным ядом —
потихоньку стирается нежный графит —
просто сходит на нет, совершая таинственные переходы
из трёхмерного мира — на плоскость листа — и обратно сюда…
По реке говорливой большие и праздные шумно плывут
пароходы.
И по берегу трудолюбивые бродят стада.
Аргонавты мои! Мне, в натуре, по фене не ботать.
В эту масть я не поднят — я фраер, ты понял, братан!
Ни гвоздя в сапоге моём нет, ничего — как у Фроима в ботах.
И волына не тянет карман.
Кто-то краткой строкой, словно римским мечом, поражает.
Научи меня, речь, как алмазное слово добыть
в этой смутной стране, где по-прежнему сеют, воюют, рожают —
а стихов не читают, но в рифму пытаются выть.
На беспечном песке нацарапаны руны — их волны ленивые
смоют.
И мой мост в этой косноязычной ночи
отражается слабым пунктиром в койне новорусском —
диковинной мове.
И над нами эоловой арфою ветер звучит.

* * *

До краёв был цветами наполнен лазоревый рай.
И она проводила его до скрипучих ворот…
Пахнет дёгтем, пенькою и рыбою свежей с утра.
Стеклодувы, матросы, цыгане — весёлый народ.

За спиною багровое пекло. Гудят языки
в чистом пламени горна. Течёт, оплывает песок.
И кисельный туман над молочным каналом разлит.
И плывут купола, на туман опираясь легко.

Он в тумане пророет волшебный глухой коридор.
Словно узник, на площадь пустую взойдёт.
Как взъерошенный дрозд, над оркестром парит дирижёр.
Впрочем, музыка будет звучать, когда солнце зайдёт.

А пока — с Чайльд Гарольдом на жёстком диване сидеть,
обменяв свои лиры на кислое злое вино, —
сквозь стеклянную синюю с золотом маску смотреть,
в автошарже примеривать скорбно лавровый венок.

У Лауры сияет за тюлем грошовый торшер.
И в печи подгорает с клубникою пресный пирог.

У Петрарки герань зацвела на окошке в горшке —
и от этого больше горчит, чем от бисерных строк.

P. S.
Возвратясь из Венеции в город холодный, как смерть,
буду бережно нежный цветок поливать на окне.
Слабо теплится газ. Буду ночью промозглой смотреть,
как моя саламандра танцует и вьётся в огне.

* * *

Вот сгущается тьма — это хищная ночь начинает свой труд.
Вот поплыл магистрат, словно кремовый торт.
Шпиль висит осиянный — и вдруг
истончается в пыль золотую, в серебряный сор.

Отраженья дворцов исчезают в пруду городском.
В фонарях зажигается немощный бледный огонь.
Проступает из тьмы азиатский чужой гороскоп —
пруд встает на дыбы, как чугунный взбесившийся конь.

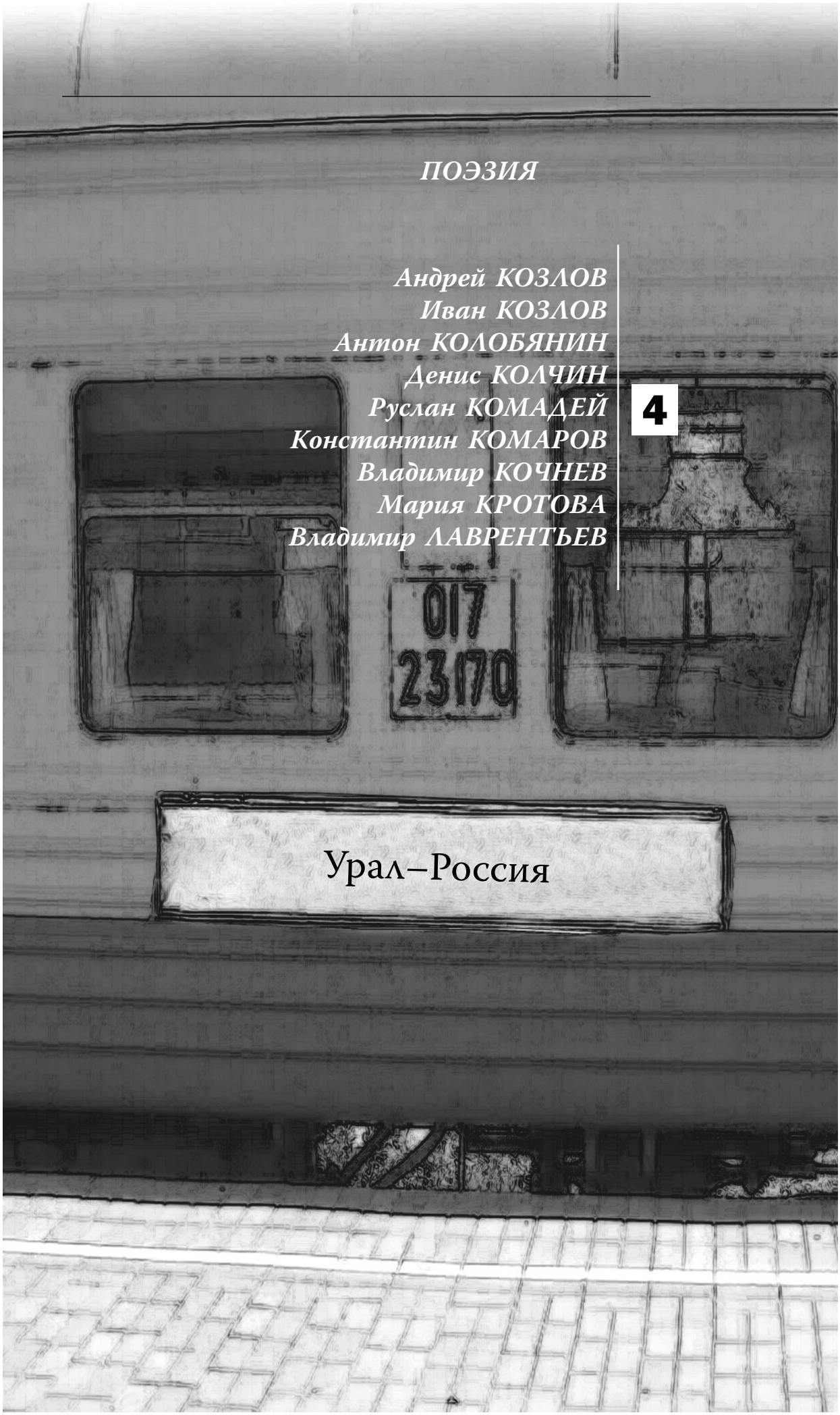
Черный айсберг таранит плавучий окраинный рай —
тонут белых домов пароходы в пучине ночной.
И зияет в зените луна, как большая дыра,
как в другое пространство проход, как тюремный волчок
сволочной.

В этом городе, грудой лежащем во мгле ледяной, —
что хотел ты найти? В этом капище, скопище тысяч
и тысяч людей?
Тихо синий троллейбус плывет похоронной ладьёй,
где Харон рулевой — в окруженье журнальных b….й.

Город-Голем! И кто тебя только слепил
из коричневой глины, цветных изразцов пожалев?!
Разрывают твою скорлупу изнутри — со стальными зубами
дебил,
а снаружи — рогатый лошак и угрюмый израненный лев.

Этот герб до сих пор украшает победный штандарт
проигравших вчера — и сегодня, и завтра — войну…
Этот горб на уставшем хребте — ты напрасно лелеял как дар.
Без сомненья, сегодня уже — гарнизон карфагенский сомнут.

Не мечись, в металлический ржавый попав переплёт,
сокрушённой башкою косяк сокрушая дверной.
Чёрным клином беззвучно валькирии свой совершают полёт.
И сжимается ночь фиолетово-чёрной дырой.

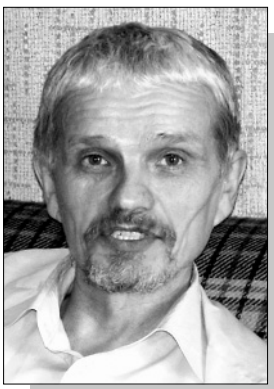


ПОЭЗИЯ

Андрей КОЗЛОВ
Иван КОЗЛОВ
Антон КОЛОБЯНИН
Денис КОЛЧИН
Руслан КОМАДЕЙ
Константин КОМАРОВ
Владимир КОЧНЕВ
Мария КРОТОВА
Владимир ЛАВРЕНТЬЕВ

4

Урал–Россия



КОЗЛОВ АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ родился в 1956 году в Свердловске. Прозаик, филолог, публицист, поэт. Публиковался в журналах «Урал», «Уральская новь», «Несовременные записки», «Золотой век», «МИКС» и др. Основатель кришнаитского движения на Урале. Создатель «Кириллатицы» (новейшая русская азбука, состоящая из 28 букв). Организатор проекта «День буквы «Х»« (ЕМИИ), установления памятника букве «Ё» в Екатеринбурге, учредитель литературно-художественной премии «Нобелевская Бука». Автор книг «Бхагавад-гита 99» (2000), «Экогород» (2006). Автор электронного культового нонфикшн-романа «14 лет среди арийцев», посвященного истории советско-российских вайшнавов, автор статей по современной уральской мифологии, создатель «Уральского гороскопа», учредитель и организатор «31-й майской демонстрации солидарности художников и поэтов в день любования цветами уральской рябины», соучредитель арт-движения «Старик Букашкин» (вместе с Артюхом, Абакумовой, Катей Дерун, Малковым и Поленцем), автор проекта памятника «Мамонт — русский слон», изобретатель супрематических шахмат «Нёркирдык», создал альтернативную коммунистическую теорию с панпоэтическим персонализмом как носителем социализма-коммунизма, участник движения дюпонистов. С 2005 по 2016 год — помощник депутата городской думы Екатеринбурга, помощник депутата Законодательного собрания Свердловской области. С 2012 по 2017 год член КПРФ. Автор книг «Дорогой огород: сб. стихов» (1999), «Соединенные штаты Сибири» (2014). Участник «Антологии современной уральской поэзии» (т. 3). Живёт в Екатеринбурге.

Андрей КОЗЛОВ

ИЗ АГНИИ БАРТО

На помойку выкинули мишку.
Туда, где объедки и кожурки,
Гнилые и вонючьи мздрят.
Подобрала его
Бомжиха тётя Маша
И принесла к себе в подвал,
Ночует с Петькой где.
«Вот какие пилят говно
Мишку бросить
Совсем бтать офуели люди-человеки!
Ни в Ленина, ни в чёрта твари
Не веруют засранцы.
Такой хороший мишка бросить
В говно помойка паразиты!»

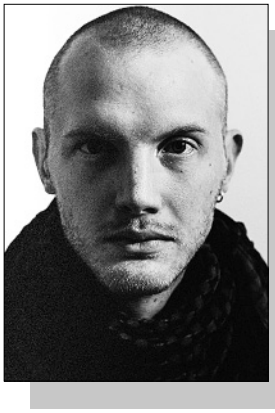
ИЗ А. ПУШКИНА

Моя твоя любить давно.
Любовь моя, кажись, ещё
Чуть-чуть немножко оставаться,
Но моя твоя не волноваться.
Моя не хочет твоя по-новой.
Моя твоя любить молча, а ты — никак.
Моя быть хороший, после — злой.
Моя твоя сильно шибко любить,
Как пусть шайтан поможет
Любить твоя другой.

ВЕТЕР УРАЛЬСКИХ ОДНОСТРОЧИЙ (ИЗБРАННОЕ)

005. Энди USSRHOL
006. Оскар УВЕЛЬДЫ
007. ЦОЙФ
009. Де БИЛЛ ГЕЙТС
010. книги КАБЫ АБЫ
011. Мартин ЗИГХАЙДЕГГЕР
012. Ван УХОГ
013. Центр Жоры КАКАДУ
014. Правила хорошего Платона
015. Жан КТОКТО
017. Ханжа НАСЛЕДДИН
018. ГЕНСЕКЕНКО
019. Карлик МАРКСИК
022. П'икассно
023. Басёком
024. Чукча и Гекча
025. тополиный виннипух
026. Квазимодная суммочка
027. банализы
029. Постмодернизменный
030. Россистанс
031. социалисты-утопленники
033. зомбирдировщик
034. интеллятина
035. Шекспир на весь мир
036. Великий пост модернизма
040. таблетка ностальгина
041. университетские бокалолавры
042. человешник
043. буратино со сломононосовым
044. блевонтин UPSA
047. размороженное замороженное мороженное
049. заратустрицы в шампанском
051. артхаос
054. регулирозность
055. парнишка с харакиртиром
056. великая канделябрьская революция
062. соедининтез-совместинтез
063. зимоз, веснель, летлынь, оподасень
065. колабельдыль революции
070. главнистый конструктор
072. эсэстонцы
074. ДЕРЖАВЮ
075. ЗАПАДЛОЕ ПОЛУШАРИЕ
089. про ПРО
092. астроложество
095. ехали медведи на филосопеде
101. ёкалэмэнэйка
102. опэрэсэтэйка
108. садомазолибидозный
109. экскрементура
113. да идите вы, как говорится, на все три буквы
114. народная целлюлительница
115. Платон мне истина, но друг дороже
116. то понос, то остеохондроз, то пародонтоз
118. — Молчишь, кобельчиш?
119. — Где? — Там. — Где там? — Вот там. — Где вон там? — Тут.— Где тут? — Вот тут. — Где вот тут? — Вот здесь.

128. американосоглазие
137. грузиноподъёмник
149. На самом деле никакого «на самом деле» нет.
166. квазикваканье
167.ООН, ООНа, ООНо, ООНи, ООНих, ООНочка
168. ощень щёрный однако квадрат-от
170. кто прочитает этот дюпонизм (а также дюпонизмы 754 или 876) сто раз, превратится в гнома
171. кто внимательно прочитает вот этот дюпонизм миллион раз, станет обладателем состояния в миллион долларов в следующей жизни
175. Оборзелона
176. карандашная фабрика им. Воссе-Массе Ортегго и Гассетти
183. Гуляй-Мегаполе
185. Фейербукашкин
186. Фейербухло
187. Людвиг Бабахович ФЕЙЕРВЕРК, или Кирдык ненецким классическим филосипедистам
188. Фейербахаи
189. Фейерубаха-парень
190. Посмотрим, какой такой ФЕЙЕРБУХОВ
191. Фейербушка на курьих ножках
192. праздничный фейербах в честь Дня Победы
193. бесфейербашеный
198. ФЕЙЕРБУХО — чёрное ухо
216. Я знаю, что я — Незнайка (Сократ)
217. один дзен Юаня Дзенисовича
245. Диссидентск-на-Гламуре
261. я знаю, что меня никто не знает (Иванов-Петров-Сидоров)
267. усложнённая форма примитивизма
270. май, мир, магазин!
271. конвертируемая конвергенция в конверторном конверте
272. союз писателей и союз какателей
276. ЧИПОЛЛИНО СУТЬ БУРАТИНО, НО БУРАТИНО НЕ СУТЬ ЧИПОЛЛИНО
277. ОБА: И БУРАТИНО, И ЧИПОЛЛИНО — СУТЬ БОНАПАРТИСТЫ
278. ЧИПОЛЛИНО — ТЕРРОРИСТ И ХАКЕР, БУРАТИНО — ТЕРМИНАТОР И ЗОМБИ
284. РОЗОВОЖОПЫЙ НЕГРОАМЕРИКАНЕЦ
285. КОСМОЯЗЫЧНОСТЬ
291. Азербайджанороссияне
295. НАБЛЮДАЛОВО
298. Эко и Фуко
300. Прав Ленин или лев?
304. Солисахард
308. Далай-ислама
309. абордажный ропотаж
310. «Опять четвёрка!»
311. «Птица-четвёрка, кто тебя выдумал?»



КОЗЛОВ ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ родился в 1989 году в Перми. Студент филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета (бывший ПГУ). Работал грузчиком, дворником, музейным смотрителем, фотографом и журналистом. Входит в товарищество поэтов «Сибирский тракт». Публиковался в журналах «Воздух», «Знамя», «Вещь» и сетевых изданиях. Участвовал в фестивалях «СловоNova», «Живая Пермь» и «А-Либитум», а также в программе телеканала «Культура» «Вслух. Стихи про себя». Постоянный участник российских поэтических слэмов. Лауреат премии для молодых поэтов «Nova» (2011). Участник «Антологии современной уральской поэзии» (т. 3). Живёт в Перми.

Иван КОЗЛОВ

* * *

Бабушка приводила в нашу квартиру армии невидимок
И, надеясь, что мы не услышим, тихонько с ними шепталась.
Мы поначалу считали, что в старости это неотвратимо,
И только сейчас понимаем, что причина серьёзней, чем старость.

Ещё до начала строительства первых подземных аэропортов,
Ещё до того, как в Сколково создали уловитель тонких материй,
Она наблюдала, как рядом кипит и дышит пространство мёртвых,
Говорила с ними и слушала всё, что они рассказать хотели.

Сейчас-то все знают, что среди нас мёртвым давно нет места,
С тех пор как в астральной бойне в две тысячи тридцать шестом
Специально обученный звёздный ОМОН для зачистки
мембран небесных
Уложил бедолаг из лазерных пушек, осенённых святым крестом.

Тогда я не верил её болтовне, а теперь до сих пор жалею
Всё, что можно представить, — реально. До того как тот мир
замолчал,
Умершая кошка, и правда, любила лежать на бабушкиных
коленях,
А мой дед для своей несчастной вдовы читал стихи по ночам.

* * *

Кукла Маша, кукла Даша,
Ты уже не станешь старше.
Спи, хорошая, никто тебя не съест.
Не волнуйся, всё в порядке,
Просто чёрные перчатки
Ищут улицу твою и твой подъезд.
Кукла Света, кукла Ира,
Мы нашли твою квартиру.
Не пугайся и не прячься под кровать.
Кукла Таня, кукла Зина,
Зря на красном пианино
Ты тайком вчера решила поиграть.
Куклы страха, куклы грусти
Никуда тебя не пустят.
Собирайся, я давно уже готов.
Вряд ли ты вернёшься скоро.
Тихо кружит Кукла-Ворон

Над пустынями нездешних городов.
В темноте шипят паяцы,
Куклы-Черви копошатся
В костяных марионетках наших тел.
Кукла-Старость, кукла-Время.
Кукла Ночь придёт за всеми.
До свиданья, дорогая. Burn in hell.

* * *

Всё-таки безумно хорошо быть мёртвым —
Не плати кредитов, завяжи со спортом;
Не болит желудок, не тревожит печень,
Знай лежи и слушай приторные речи.
Всё-таки безумно хорошо быть рыхлым —
Растворяться плавно, будто вредный выхлоп;
Пусть никто не помнит, не скорбит, не ищет —
Ты питаешь плотью чьи-то корневища.
Всё-таки безумно хорошо быть честным —
Указать себе же собственное место,
Каждый день, как мантру, повторять основу —
Никому не нужно ничего живого.

* * *

— Боже, ответь, это раб твой Иона, если помнишь такого.
Вокруг меня только рыбные потроха, мерзость и нечистоты.
Я три дня и три ночи молился тебе во чреве китовом,
А теперь никак не могу понять, где промахнулся в расчётах.

Исходя из расчётов, я давно уже должен был быть на суше,
И не понимаю, почему этот кит меня до сих пор таскает.
— Алё! Иона, приём, это Бог. Слушаешь? Замечательно, слушай;
У нас тут возник ряд проблем. Ситуация вкратце такая:

Если б всё шло по плану, мы уже больше суток могли бы
Проповедовать ассирийцам доброту, любовь и терпимость,
Но кита твоего вчера поглотила более крупная рыба,
И представь, про неё в наших планах ни слова не говорилось.

Родной, пожалуйста, не кричи, я знаю, что ты измучен.
Да, я прокололся. «Свобода воли» стоит на таких проколах.
К тому же подводный мир Средиземного моря ещё изучен
Не до конца. Но я-то при чём здесь? Я Бог, а не ихтиолог.

Ладно, чувак, скажу по секрету: мы тут провели работу,
И нам от этой тенденции с рыбами стало довольно жутко.
У нас вот вселенная, расширяясь, на днях наткнулась на что-то
И… в общем, наши спецы полагают, что это стенки желудка.

* * *

Мириам поселяется в доме, в таёжной глуши.
Топит печь, ставит чай, создаёт минимальный уют,
Сидя в кресле, листает альбом, никуда не спешит.
Это днём. А к закату её непременно убьют,

Если только окно не зашторить как можно скорей
Если вход не закрыть, зеркала не завесить тряпьём.
С темнотой подбирается холод, стоит у дверей,
Чтоб коснуться тебя, стать хозяином в доме твоём.

Мириам, это память — метель, гололёд, снегопад.
Оставайся в укрытии, это полезный совет.
Никогда не бывай там, куда невозможен возврат
С географией можно поладить, со временем — нет.

Выбрось старые вещи из дома, какой от них прок,
Не храни их внутри, их и так у тебя не отнять.
Будь одна, Мириам, только не выходи за порог.
Зиму сменит зима, и опять, и опять, и опять.

* * *

Когда ты окунаешься во тьму
Дворов ночного спального района
Среди предметов неодушевлённых
Так страшно очутиться одному.

Скрипят качели, сушится бельё
Здесь нелегко остаться одиноким —
Скамейки, турники и шлакоблоки
Фиксируют присутствие твоё.

Они все оскорбительно живей
Тебя, меня и всех нас вместе взятых.
Ты здесь родился и взрослел когда-то
Теперь крошись, ломайся и ржавей.

Вас всё ещё соединяет нить,
Но ты для них чужак и инородец,
И в прошлое, как в высохший колодец,
Спускаешься, чтоб жажду утолить.

* * *

Пусть меня забирают по праву
Города, возведённые теми,
Кто за мной неусыпно следит

Из промзон, не снимающих траур,
Фонарей, источающих тени,
Лестниц, лифтов, провалов и плит

Я смотрю, как расходятся кольца
На поверхности лужи осенней,
Как над озером стелется дым

Подо льдом моего беспокойства
Страх в чудесный момент воскресенья
Не подняться из чёрной воды

* * *

Пока ты стаей голубей
Над крышами паришь
В моей груди растёт репей
Во рту ютится мышь

Мне абсолютно всё равно
Я всплеск воды в пруду
Я камень, брошенный на дно
Лежу и просто жду

Когда концлагерные рвы
Заполнит дикий мёд
От смерти нет в саду травы
Но скоро прорастёт

Прошу, будь рядом в этот день
Незрим и невесом
Нелепый танец на воде
Станцуй мне перед сном

* * *

На лесозаготовительном поприще трудится Александр Петров.
Смена фиговая. Раздражён. Напилил недостаточно дров.
Ещё этот ангел унылый читает нотации из-за плеча,
Крыльями хлопая. Мерзкий и въедливый, словно первый
весенний гром кошачья моча.
«Ты — заурядное быдло, а из-за тебя меня премии
квартальной лишат.
Ладно, другим не обидно — у них Дроботенко, Шурман,
Махмуд Ахмади Нежад.
А я в окрестностях Углеуральска вожусь непонятно с кем.
Зачем ты вчера прораба избил? Ты что, охренел совсем?
Зачем ты свинтил в сельпо четырнадцать банок
консервированной кеты?
У Фраермана в теплицах кто стёкла все выбил? Не ты?
Чёртов антисемит, будь проклят тот день, когда я подписал
договор,
По которому грязную душу твою на плечах своих ангельских пёр
Сорок шесть лет. И все эти годы от тебя никакой благода…
Чтоооо? Повтори, что сказал. Куда мне идти? Так вот, да?!
Ладно, давай. Протяни без меня хоть пару секунд, идиот!»
Ангел вытаскивает из рукава договор. Разворачивает и рвёт.
ВНЕЗАПНО КРОВЬ МОЗГИ РАСЧЛЕНЁНКА ПЕТРОВУ
СРЕЗАЕТ ГОЛОВУ СЛЕТЕВШАЯ ЦЕПНАЯ ПИЛА!
Ангел вздыхает.
Квартальная премия уплыла.

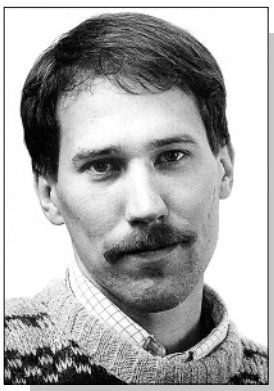
ЛОТРЕАМОНОВСКИЙ ВАЛЬС

— Вы говорили о чём-то? Отвлёкся, пардон.
Ваш ледяной сарафан соблазнительно хрупок.
Там, где я рос, был обычай гаданья по трупам —
Я заслужил своё право работы со льдом.

Помните, как мы играли в «Замри и умри»?
Как поддавались и как совершали ошибки.
Я был зонтом, ну а вы — моей швейной машинкой
И раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три.

Как же, по-вашему, дальше? Поможет нам Бог?
Я полагаю, что нет никого вероломней.
Вы не забыли тот день? Я стоял на колонне,
А на меня, спотыкаясь, бежал носорог.

Что с нами будет, вы знаете? Будет беда
Завтра исчезнет всё то, что свершалось когда-то.
Только потом будет цепь ледяная разъята.
— Не навсегда, полагаете?
— Не навсегда.



КОЛОБЯНИН АНТОН ВАЛЕРЬЕВИЧ родился в 1971 году в Перми. Публиковался в журналах «Урал», «Несовременные записки», «Уральская новь» и др. Автор сборника стихов «Центр дождя» (1997), «Стихи» (2014, серия «ГУЛ»). Участник «Антологии современной уральской поэзии» (т. 1, 2). Живёт в Перми.

Антон КОЛОБЯНИН

* * *

О девочке глупой ни слова…
…Как лошадь иди далеко.
Вот ласточки даль эту снова
раскосым затянут трико.

Валяется листьев медуза,
с горгоной в иссохших мозгах…
…Та девочка глупая — муза,
повешена прямо в носках.

* * *

Я живу с алкоголем в крови.
Ты попробуй меня оторви
от туннеля початой бутылки.
Я всю жизнь ощущал переход
в подпространство и наоборот.
В 27 я наметил уход,
если раньше не будет развилки.

У меня есть ручная тоска
и любовь тяжелей волоска.
Ангел мой, посмотри, как узка
эта щель в зазеркалье.
Вряд ли я проложу борону
по изрытому рыбами дну.
Тут лицо я к тебе оберну
не своё, а шакалье.

Нет, пугать я тебя не берусь.
Может, Богом к тебе обернусь
или боком. И вряд ли запнусь
над ужасной строкою.
Я умру с алкоголем в крови.
Ангел мой, ты меня оторви
с мясом, с кровью от этой любви,
о которой поют соловьи
перед страшной зимою.

* * *

Луч света в тёмном царстве ходит вдоль
и поперёк — стола, серванта, стульев.
Пусть на столе мерцает алкоголь,
как мёд внутри зеленоватых ульев.
Пусть на подушке — профиль на двоих.
И только дым распался, фиолетов, —
на две струи (слегка сплетая их).
Поэзия распалась на поэтов.
Мне снится сон: высокая свеча
вдруг медленней, чем башня восковая, —
клонится в мрак, сильна и горяча,
бумажные объятья разрывая.
Я просыпаюсь, я хватаю ртом
край одеяла и рукою мага
я вдоль стены листаю древний том.
Сама стена белеет, как бумага.
Но лунный свет сам от себя бежит.
И мне луна не перепилит шею,
покамест нож в её руке дрожит
и бьётся опекаемая ею
артерия. Пока творится быль,
я кожицу с небытия сдираю.
В твоих лучах, господь, — играет пыль.
И, кажется, что это я играю.

* * *

Не дай нам бог сойти
с последней электрички.
К пространству снизойти
и время взять в кавычки.
Раздвинем тёмный лес,
предъявим лунный пропуск.
Граница двух небес
благословляет допуск
к архивам сентября.
Кто ангелы похода?
Не те ли, что, скорбя,
нас бросили у входа?
Мы выйдем на просвет
реки, где нету лодки.
Я празднично одет,
ты рвёшь свои колготки.
Часы дают совет —
тик-так, любить природу.
Я отстегну браслет
и залеплю им в воду!
Мы всё-таки сойдём
Не дай нам бог, конечно:
друг друга не найдём
во тьме и будем вечно
без денег, без часов —
бездомные. А впрочем —
деревья на засов
не запирают ночью.

ВОСЕМЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Сидели в январе и пили крепкий чай.
Снег за окном сидел на клумбах по-турецки.
Один из них, поэт, заметил невзначай:
«Ах, восемь лет назад шёл снег антисоветский».

Другой, он был дантист, отставил кипяток
и пробурчал: «О да, всё было в чистом виде».
А третий, крановщик, поддал как только мог:
«Уж скоро восемь лет, как с нами нет Кальпиди».

И вот таким путём они хлебали чай.
Сопливый разговор покашливал с мороза.
И первый от окна заметил невзначай:
«А рельсы всё стучат под брюхом паровоза».

* * *

Летняя ночь. Гроза.
Вспышка над гастрономом.
Мальчик не спит. Глаза.
Пахнет металлоломом,
свалкою ржавых туч —
в небе, где два просвета.
Бьётся о стены луч,
не находя поэта.
Кто отразит рассвет
гибким клинком удачи? —
если поэта нет,
даже когда он плачет.
Даже когда он пьёт
или слегка простужен,
счастлив, влюблён, поёт —
т. е. кому-то нужен.
Мальчик лежит, как нож,
в мягкой своей постели,
овеществляя дрожь
в худеньком, дерзком теле.
Ибо настал черёд —
яркий фонарик включен
Мимо стихов плывёт,
слушая скрип уключин.
Летняя ночь. Гроза.
Всё записав в анналы,
мальчик не спит. Глаза
спят, пробивая талый
снег подростковых снов,
что барахлят за тучей.
Ибо не надо слов
светописи летучей.

ТРАКТАТЫ

о подростке

Идёт Эволюция.
(Но, между нами,
любая поллюция —
это цунами.)

о фотографии

Фотограф время покалечил
квадратным фотоаппаратом.
Он вовсе не увековечил,
а сделал смертным каждый атом.

* * *

Озябла? Так иди ко мне.
Не зря я плед купил.
Не зря я жил среди камней.
С камнями ел и пил.

Не зря копил нули рублей,
зимою строил флот:
на мокрых спинах кораблей,
как на дельфинах — от
людей, людей, людей, людей —
на остров без забот.

Я обниму тебя, вот так —
как гибкая вода.
Я был героем передряг,
я принцем был среди бродяг,
но потерял тебя.

И я проделал длинный путь
и сжёг мосты страниц,
чтоб зимний ветер смог задуть
свечу твоих ресниц.

* * *

А набекрень не получается,
А если так, уже не это.
И всё кончается, кончается,
И всё не может сдохнуть лето.
А дохнут люди полуголые.
Друзья твердят: «Сгубила водка».
И на полу бутылки полые,
А на стене висит красотка.
Уюта, блин, не получается,
И, блин, простора не хватает.
И всё кончается, кончается…
Начнёшь копить, а сумма тает.
И достаешь из холодильника,
И забываешь на балконе,
И умираешь без будильника,

Распяв окурок на ладони.
Ни в лес пойти не получается,
Ни в море кинуться с причала.
И всё кончается, кончается
И начинается сначала.
И принимаются за старое,
И начинается по новой.
И только радио усталое
Рассвет встречает босановой.

* * *

Он вышел из игры.
Теперь он не поёт.
И тёплые бугры
задраил плёнкой лёд.
Он на колени встал,
чтоб не достать до неба.
Он мастером не стал
и подмастерьем не был.
Он бешено дышал,
он мог любить одну.
Его учил Шагал
летать. Он шёл ко дну.
Он смерть с собой венчал.
Их страсть была взаимна.
А жизни завещал
одно лишь только имя.

* * *

Тебе к лицу — любая тень:
сирень в укромных уголках
и глаз, и щёк. Случился день,
и на балкон в одних чулках

выходишь ты. Такая лень
писать стихи прошедшим дням,
но вдохновение-олень
рогами свет качнуло там,

где знак бессонницы лежал.
Он трепетал и он трещал,
как пламя в печке. И бежал
на кухне кран и восхищал

всю тишину вокруг себя.
И сгусток белого луча
озвучил, воздух серебря, —
мытьё посуды. Но ключа

не подберёшь к тем временам,
что выцветали сквозь узор.
Ах, как приятно было нам
стихами делать этот сор.

КОЛЧИН ДЕНИС СЕРГЕЕВИЧ родился в 1984 году в Свердловске. Закончил факультет журналистики УрГУ. Публиковался в журналах «Урал», «Новая Юность», «День и ночь», «Волга. 21-й век», «Нева», «Слово/Word», «Знамя», «Звезда», «Октябрь», «Сибирские огни», «Русский репортер». Работает в СМИ. Живёт в Екатеринбурге.

Денис КОЛЧИН

* * *

Стал не только отцом, но ещё акробатом, жонглёром,
полуночным кормильцем, водителем детской коляски.
Нет, не первоапрельская шутка. Артистом хреновым
оказался, конечно. Артистом простейшей закваски.

Что касается главного… Жизнь обрисует, покажет.
Дочь подскажет биографу, выведет белые пятна.
Ей на память оставлю какой-нибудь гаджет, не гаджет,
флешку с текстовым файлом. Она прочитает, и ладно.

Прочитает, закроет, подальше отцовское слово
уберёт. Ну и правильно. Прошлое не преумножить.
Отойдёт по делам. А потом, если станет хреново,
откопает, откроет… Надеюсь. Надеюсь, поможет.

* * *

Дочь опрокидывает игрушечный паровоз,
пластмассовый паровоз, у которого из-под колёс, —
разумеется, пластмассовых, — ничего такого:
солнечного огня, лязганья ледяного.

Слава те, Господи. А то ребёнок бесстрашен.
Играет, капризничает. Ему не важен
бытийный аспект, именуемый болью.
Ребёнок доволен положенной ролью.

Лежит, опрокинут, игрушечный паровоз,
пластмассовый паровоз, уделанный не всерьёз.
На улице между тем Рождество Христово —
солнечного огня, лязганья ледяного
обилие. И ветер до слёз.

* * *

Чёрная река Исеть,
недостроенная теле-
башня, ледяная смерть
голубей подбитых. Пели

пьяные друзья, пока
не упали, не замёрзли.
Любишь, чёрная река,
тишину? Тусует возле
телебашни НЛО,
реет облачная стая,
светит солнце тяжело,
понемногу прибывая.

* * *

Добьёшь, борец, бутылку водки,
салат вчерашний дожуёшь,
забудешь новостные сводки,
жене подаренную брошь
по памяти заценишь. Трошки
довольный — нет? — самим собой,
икнёшь, подавишься икрой
засохшей, рухнешь у окошка.
Откашлявшись, привстанешь, горе —
спортсмен, поднимешься, окно
откроешь зимнее. Оно
примёрзло чуточку. Ого!
На индевеющем просторе
идёт весёлое кино
про нашу жизнь, про наше дно.

* * *

Как банда Глэнтона в пути,
как вдохновение Маккарти,
на ЖБИ, на РТИ
истории цвели. Представьте
себе окраину, район.
Микрорайон, если точнее.
Бетон, асфальт, асфальт, бетон,
побитые дворы, аллеи.
Вот в этих конченых дворах,
на этих грёбаных аллеях
дрались, учились на примерах,
в садах терялись, на карьерах,
являясь в пьесах и стихах.

* * *

Овощной киоск, нашиды
из машины у киоска.
Шейбаниды, Тимуриды
на окраинах Свердловска,
то есть — Екатеринбурга.
Наледь, мартовская наледь
держит город. Два придурка
гоношат, пытаясь править.
Наледь проплывает мимо,

распрощавшись к середине
дня. Она неуловима,
словно возглас херувима
в каракумовой пустыне.

* * *

Надпись «Гимры» на бесхозном вагоне. Здесь не до шуток, пойми.
Штиль, красота, ни стрельбы, ни погони, маленький-маленький Ми-24 стрекочет, рокочет, близится… Ррраз. Пролетел.
Я же сказал, не до смеха. Короче, всё это — новый раздел
в книге террора и антитеррора местного… Ой, не грусти.
Съешь абрикос на краю разговора горя, отчаянья и
зыбкой надежды на фоне погрома… Да уж, хорош абрикос.
Пробный раскат перезревшего грома. Словно состав под откос.

* * *

Чей-то беспилотник над кварталом,
никому не видимый козырный.
У него под крыльями недаром
порция войны. Декоративный
дендропарк лелеешь на балконе.
Беспилотник — не твоя забота.
У кого-то включен Морриконе,
белая горячка у кого-то.
Дендропарк прекрасен, не то слово.
Листья, стебли, бабочек могилы,
старых карт колода. Полвторого.
Солнце, слава богу, так, вполсилы.

* * *

За Буйнакском посты-блокпосты.
Мелкий дождь засевает предгорье.
Диктофон — чтобы впитывать горе.
Фотокамера — для красоты,
для увечий: отснять-переснять,
перекинуть в компьютер, в соцсети.
Мелкий дождь налетел на рассвете
и остался, записан в тетрадь.
Пригодится. Любые штрихи
пригодятся: блокпост, БТРы,
разговоры о выборе веры
и название «Карамахи».

* * *

1. Конго, Ангола, Нигерия, Сомали —
живые определения ада…
Дети-солдаты — блюстители конопли,
ураново-колтановой клади.
Дети-скелеты — сушёные пузыри
на трубчатых тонких костях-подпорках,
уже почти переставшие говорить,
срастаясь в пальмовых, цейбовых корках…

2. Чёртовы оптика, пластик, процесс труда…
Твой репортаж охренителен, как всегда.
Эти снимки не для блядского глянца.
Наверное, пора выставляться.

3. Впрочем, даже Пулитцер — простой эпизод.
Главное — работа, на которую под-
сел и продолжаешь, пока не убьёт.

* * *

Бог един, а самолётов — шесть,
Тихий океан гостеприимен.
Умопомрачительная жесть
умопомрачительней градирен.
К счастью, не случилось, не срослось.
Самолёты долетели, чтобы
пассажирам хорошо спалось
дома у себя, от Манитобы
до Техаса… Выйдешь на шоссе
за полночь, американский типа
Лермонтов по имени Хосе,
отпахавший белкой в колесе
смену, а вверху во всей красе
звёздный атлас натяжного типа.

* * *

Налево глянешь – море плещется.
Направо — горы простираются.
Гостиница — старьё, скворешница,
над городом торчит, качается.

На перекрёстках полицейские,
у каждого в руках «Калашников».
Летейские и семендерские
в бутылках позади лавашиков.

Часам к двенадцати — безветрие,
жара лежит платком подсолнечным.
Чудна́я, дивная симметрия:
вода, вода/хребты. Испорченным

звоночком дребезжит, брыкается
артериальное давление.
Махачкала — форпост, красавица,
кавказское стихотворение.

КОМАДЕЙ РУСЛАН МАКСИМОВИЧ родился в 1990 году на Камчатке. Вырос в Челябинске и Нижнем Тагиле. В настоящее время живёт в Екатеринбурге. Закончил Уральский федеральный университет по специальности «филология». Участник литературной студии «Миръ» (руководитель Евгений Туренко). Публиковался в журналах «Воздух», «Волга», «Урал», в интернет-изданиях. Автор трёх книг стихов. Лонг-лист премии «Дебют» в номинации «Поэзия» (2007, 2008, 2011), шорт-лист (2011) и лонг-лист (2008, 2010) премии «ЛитератуРРентген», лонг-лист премии Аркадия Драгомощенко (2016). Один из редакторов журнала «Здесь» (Екатеринбург) и поэтического издательства «Полифем», организатор ландшафтного поэтического фестиваля «Вода и вода», участник «Антологии современной поэзии» (т. 3). Живёт в Екатеринбурге.

Руслан КОМАДЕЙ

* * *

Я выскребаю снег из-под ногтей,
так холодно, что он уже не тает.
Боюсь, что не могу иметь детей,
но и себя мне тоже не хватает,

Меня ворует снег, что за напасть!
Хочу смеяться — почернели зубы,
хочу убить, но не могу украсть.
На кухне снег колотится об трубы.

И я сажусь к горбатому столу,
ты с краю, ты не любишь ужин.
Как мальчик в каменном углу,
играю в сны, прикидываюсь мужем.

Как так… Ты не заметила родства,
ведь снег, как сын, садится мне на плечи!
Держусь за снег, за скользкие слова.
Я не оглох, я потерял дар речи.

* * *

Ни запомнить, ни во сне продлить
точку для дырявого вина.
И глаза плывут, как корабли,
в сторону, где корчится страна.

Там — дворец, чей корпус распилив,
зодчий отплатил за темноту,
там в кармане яма без перил
и свеча, моргающая тут.

Тлеет ветер, не пересчитать
ни воров, ни вкопанных дверей.
Ты дрожишь в углу, как нищета.
Жди, не бойся. Сжалься. Верь-не-верь.

Спит в затылке лампы мотылёк.
Очерти: нет речи ни в глазу.
Постели мне, чтоб я на пол лёг.
Темнота похожа на мазут.

* * *

Корабль, как бабка повивальная,
скрипит в сети иллюминаций.
Тебе нужна каюта спальная?
— давай меняться!

Но я во сне увидел Беринга,
он грёб, исполненный спокойствия,
держа в руке бутылку «Беленькой»
без удовольствия.

* * *

Александру Смирнову

Свет приснился словно интернет,
лето отсекается подавно.
Мимо смотришь на себя в ответ,
а в ладонях темнота и давка.

Пальцы огрызаются как сон,
доверяют скомканным карманам.
Свет сегодня словно колесо —
крутит у виска почти как мама.

Дождь, уставши, ждёт меня в лесу,
и слепые руки крошат темень.
Свет проснулся ни в одном глазу…
Извини за тьму, мы не хотели.

* * *

спи безмятежно и оптом
то есть не слышно ни снега
что ты моргаешь по окнам
и подражаешь предметам

влажным а то не наружным
заполночь вне оборота
голос примерно разрушен
и без заботы суббота

вянет в отверстии снега
что за слепая отмычка
не замыкайся как небо
это плохая привычка.

* * *

Ни сумы, ни хлеба, ни меди в поясе…
Закрома по-пустому темны и жалки.
Воробей, как ветер, в ветвях устроился,
а в ногах берёзы лишь пни и галки.

Понарошку праздник, в дом нищий просится:
дайте чёрствых монет и мозолей горсти!
И твоё, и чужое, — как ножик по́ сердцу,
— Поминальный обман. Приходите в гости.

На дороге связки следов, как свеча за пазухой,
в переулки травы не ведут, ни видят….
Ты попробуй смолчать, ветер вытри насухо. —
Ничего не выйдет.

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

Жди меня, и я дождусь,
там, где спят дожди
посреди меня… И пусть
ты не посреди

мышеловок высоты,
трещин, голосов.
Я скребусь домой без ты
битый час часов.

Окна дышат на меня,
расширяя сны.
Нету дома без огня,
без тебя — войны.

Скрип за пазухой, я шёл
по домашней тьме.
Никого. Сажусь за стол
и ни бе, ни ме.

БОРИС ПАСТЕРНАК

Свеча сидела на столе,
жгла тень как тело.
Мело по жестяной земле,
и всех задело.

Цвела обветренная тьма,
бряцали листья.
Внутри оконного письма
слипались лица.

Старели тени на пути
ж. д. пределов.
Там небу некуда пойти,
а что здесь делать?

Смотрелся ветер в календарь
и длился выше.
Ни голоса, ни тьма, ни даль:
никто не выжил.

* * *

Полёты на нуле,
где Парщиков охрип,
он прятался в земле
от водородных рыб,

Ныряя в слепоту,
в попеременный свет,
как бабочка во рту,
петляя или нет,

карябая уста,
сползая по лицу,
смешно и неспроста,
и нет конца концу.

* * *

Провожать свою смерть в Тагиле,
что ты, господибожемой.
Мои щёки темны от пыли,
как от накипи ледяной.
Вьётся флаг нефтяного ветра —
это чёрный язык земли.
И у каждого километра
в кости вставлены костыли.
Шлют синхронную фонограмму:
«аве Морзе». Мороз — внутри,
и обратная панорама,
и фанерные фонари.
На свои чаевые деньги,
заколоченные вчера,
Город, вставший на четвереньки,
квасит лажу из топора.
Кипячёные тагильчане
Опускают бумагу в чай.
И кричат по ночам: «Начальник,
свет над нами не выключай!»

* * *

Над пропастью — не ржи,
Но молча дуй на ветер.
Покрышки, как коржи,
всю ночь пылят в кювете.
В расширенных зрачках
окольного проёма
идут на кулачках
два адреса до дома.
Вдоль снега засыпай,
у переулка линий,
где сморщенный трамвай
плывёт в железной глине.

КОМАРОВ КОНСТАНТИН МАРКОВИЧ родился в 1988 году в Свердловске. Выпускник филологического факультета Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина (бывш. УрГУ им. А. М. Горького), кандидат филологических наук (диссертация по творчеству В. Маяковского). Автор литературно-критических статей и рецензий в журналах «Урал», «Вопросы литературы», «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Нева» и др. Лауреат премии журнала «Урал» за литературную критику (2010). Лонг-листер (2010, 2015) и финалист (2013, 2014) премии «Дебют» в номинации «эссеистика». Лонг-листер поэтических премий «Белла», «Новый звук», «Григорьевская премия». Участник Форумов молодых писателей России и стран СНГ в Липках (2010–2012, 2014–2016). Стихи публиковались в журналах «Урал», «Звезда», «Нева», «Новая Юность», «Гвидеон», «Дети Ра», «День и ночь», «Кольцо А» и др., в Антологии современной уральской поэзии. Автор книг стихотворений «На ощупь иду» (2008), «От времени вдогонку» (2012), «Безветрие» (2013), «Стихи» (серия «ГУЛ», 2014), «Невесёлая личность» (2016). Участник и лауреат многих поэтических фестивалей. Участник проекта «ГУЛ» и автопробегов «ГУЛ». Член Союза российских писателей, Союза писателей Москвы. Участник «Антологии современной уральской поэзии» (т. 3). Живёт и работает в Екатеринбурге.

Константин КОМАРОВ

* * *

Пространство сумерек кромсая,
сквозь плотную густую сталь
с небес идёт дождя косая
прозрачная диагональ.

И ей навстречу — световая —
из неопределённых мест
идёт диагональ другая
и образует с нею крест.

А ты гадаешь всё: при чём тут —
подкожную гоняя ртуть —
не те, кто ими перечёркнут,
а Тот, кого не зачеркнуть.

И засыпаешь ненароком,
размалывая все мосты,
а тело чует за порогом
уже нездешние кресты.

* * *

Подняв своё измученное тело,
как из капкана вылезшая мышь,
по Малышева шляясь ошалело,
ты думаешь: всё кончено, малыш…

Не поняли тебя, не оценили,
прогнав метафизическим пинком…
В унынье ты заходишь в пиццу-мию,
заказываешь крылышки с пивком…

И ешь, и пьёшь, и пожинаешь лавры
беспечного похода напролом,

и веришь в то, что не ошибся в главном,
и брошенному богу бьёшь челом…

Но, на пустой стакан нахмурив брови,
себя одёрнешь в нужном падеже:
ты столько лет по Малышева бродишь,
свернул бы на Восточную уже…

* * *

Они такие люди,
полно таких людей,
они девичьи груди
колышут без затей.

Ты к ним придёшь с бутылкой
и станешь танцевать,
истопчешь все ботинки
и свалишься в кровать.

Проснёшься, ополоскан,
как стаей мотыльков,
почти что вавилонским
смешеньем языков.

И, выгнанный наутро,
ты выгонишь нутро
в заплёванную урну
у ближнего метро.

Пойдёшь своей дорогой,
она пойдёт тобой —
насмешливой, убогой,
беспочвенной судьбой.

И будет то, что будет —
не воля, не покой.
Они — другие люди.
А ты им кто такой?..

* * *

Катись, катись, колечко,
по мякоти колец
и всё, что бесконечно,
закончи, наконец,

чтоб я предстал — уравнен —
как О среди нулей —
лети, лети, журавлик,
сквозь стаю журавлей.

Довольно вшей карябать
у речи в парике.
Плыви, плыви, кораблик,
по твёрдой по реке.

И, встретившись с латунью
заплаканных лакун,
сквозь тишину блатную —
кричи, кричи, крикун!..

И через предфинальный
слепой фанерный мрак —
свети, свети, фонарик!
Молчи, молчи, дурак!..

Скули немой скалою
под сухонький смешок.
Боли, боли, былое.
Стихай, стихай, стишок…

* * *

Юрию Казарину

Двухцветной пешеходной зеброю
прозрачный путь пересекло
стекло, смесившееся в зеркало,
забывшее в себе стекло.

Но не поверенные алгеброй
слова ещё ищи-свищи
по тем краям, где крылья ангелы
распахивают, как плащи,

где звуки, что ещё не розданы,
скользят утраченным стихом,
не ярче дыма папиросного
в свердловском воздухе сухом,

и неба минного, минорного
им никогда не миновать,
ведь всё, что не поименовано,
им суждено именовать.

Губам не каждым тайно вверено,
как масло, растопить число,
чтоб дерево сквозь слово «дерево»
обычным чудом проросло,

чтоб снов серебряные вентили
вели к изнанке след витой
и чтоб дышала лунка светлая
в воде, измученной водой.

* * *

Лёше Котельникову

Друг мой милый, запиленный рэндом,
сохрани мой нетронутым слух
здесь, где бред, становящийся брендом,
отработан, линеен и сух.

Открыватели новых голландий
в подворотнях плывут на закат,
никаких не давая гарантий
зачинателям новых блокад.

Небо кашляет, снег фиолетов,
нависает декабрь палачом,
говорит мне в наушниках Летов,
соглашается с ним Башлачёв,

чтобы мы никогда не робели
перед ложью бесформенных спин.
И об этом же — Костя Арбенин,
и об этом же — Янка и Сплин.

Так иди же, собравшийся с духом,
умирать или пьянствовать в сквер,
уловивший отчаянным ухом
беспросветную музыку сфер.

Посреди обезумевших прерий,
где тебя всякий фраер пасёт,
если что и спасает, то плеер,
если что и угробит, то всё.

* * *

Время истекает потом и слюной,
кровью, и стихами, и тобой, и мной,
рюмкой и стаканом, чьей-то пьяной рожей
время истекает, да истечь не может.
Время протекает, как дырявый таз,
мимо телекамер, мимо них и нас,
через визг трамваев, через чью-то речь,
время размывает контур зыбких плеч.
Ты теперь такая, вроде и не ты…
Время истекает — ни к чему бинты.
Обнулился таймер, треснуло стекло.
Всё осталось тайной. Время истекло.

* * *

На третьей остановке от тебя
я был с автобуса за безбилетность ссажен,
и вышел в мир, бессовестно грубя
всем встречным, ну а ты осталась с Сашей,
иль с Колей ли, а чёрт их разберёт:
все на одно лицо, и то — рябое.
Я сплю и твёрдо знаю наперёд,
что завтра за углом столкнусь с тобою
под серым, кем-то высосанным небом,
лишённым даже оспинки огня,
и извинюсь, а ты пойдёшь за хлебом:
без хлеба жить сложней, чем без меня.

КОЧНЕВ ВЛАДИМИР БОРИСОВИЧ родился в г. Чайковском в 1983 году, в 1999-м уехал учиться в Пермь на экономиста (ПНИПУ). Ушёл из вуза, чтобы стать художником. Учился на живописца в ПУ, о чём написал повесть «Художник из ПУ», опубликованную в журнале «Урал» (2008). В 2004-м поступил в Литинститут в Москве, который закончил в 2010 году. В 2007-м получил независимую литературную премию «Дебют» за подборку стихов. В 2010-х изучал маргинальные субкультурные формирования, заинтересованный возможностью свободы и духовного роста в этой среде, написал цикл рассказов по этой теме, также повесть «Герой подворотен» (2009). Автор книги стихов «Маленькие волки» (2013). Лауреат студенческой Международной Волошинской премии. Живёт в Перми.

Владимир КОЧНЕВ

* * *

смерть нашей любви
как смерть синички
замёрзшей под нашими окнами
не дотянувшей
до тёплого времени

я говорю: сфотографируй
красиво

ты отвечаешь
мне не нужна эта падаль

* * *

в чужом доме
я надел чужие ботинки
и гуляю по этажам
вслушиваясь в эхо подошв
это так странно
как будто говорить
с кем-нибудь

* * *

когда приходит эпоха упадка
здания ветшают улицы пустеют
смерть скитается в закоулках парка
и люди заметно стареют
когда приходит эпоха упадка
это видно даже по шинам
и парка на скамейке
молча прядет свою пряжу
пряча под шляпой широкополой седины
и пустая бутылка по пляжу
катится замирая
а ты несёшь на плечах
дочь или сына
(если есть ноша такая)
а они, ничего не зная

бодро колотят в спину
Вот она какая эпоха упадка!
всё умирает и всё рождается снова
застывают автострады и балюстрады
и нищета все ближе, но это уже знакомо
и не так страшно исчезновение чаек в сини.
Пустота улиц, дни как прозрачные кинофильмы
о я родился в эпоху упадка
когда пустеют полки внутри магазинов
И империя распадается жарко
чтобы оставить руины.
о, я родился в эпоху упадка
и раз в десятилетие здесь встают заводы
падают стены, меняют знамёна
и ветшают на окнах шторы
И потому не так уж и жалко
Когда сливаются с небом верхушки пиний
чтобы исчезнуть и раствориться навечно как
свое отлежавший иней
Смотри сынок,
вот эпоха упадка
и мы истлеваем как мусорные пакеты на пляже
машины в пробке визжат без оглядки
но жить почему-то хочется
и очень даже
и всё продолжается, и это чудо
и дети куда-то едут в колясках
в тот мир где нас уже наверно не будет
и куда уходит эпоха упадка

* * *

Незнакомцы в скверах мне улыбаются
жмут руку
кормят обедами

статуи гримасничают
зеркала врут
и рекламные плакаты
шепчут о боге

я многих забыл
а остальные не помнят меня

но то что я жив
— единственное что меня удивляет

сколько работ содравших шкуру
как кожуру с апельсина

сколько профессий —
смена каждой как смена кожи

пока время летит как обожжённая псина
и никого из друзей уже нет
а те, что есть строят рожи

Старые клоуны в старых масках, мы всё ёще здесь.
Служим правительству
после того, как пытались его опрокинуть.

Так блаженно и сладко мотыльки замирают на свет,
чтобы надежнее сгинуть.

Постаревшие панки нынче нянчат детей,
Постаревшие анархисты хорьков удушают
И даже безумие, я понял, имеет предел,
и только вот в зоопарке неистерпимо как прежде воняет.

А в зоопарке как раньше и чёрный старик павиан
что под таблетками нигер, вцепляется в прутья руками
он единственный чист и светел — никого не продал,
Он по-прежнему псих и по-прежнему с нами.

И шипя желтизною клыков в экстатической пляске
он последний святой партизан для режима опасный
Он стареющей даме в очках и морщинистой ряске
предъявляет свой красный…

кто-то умер из наших — тихонько ушёл на лыжах
по обмороженным крышам не оставляя следа
но скажу тебе честно — этот бомж что бутылку лижет
мне дороже неба и лета

сколько боли безумия счастья упало на дно
сколько вечного снега, что ангелом к аду слетает
то что я жив — единственное что мне дано
то что я жив — единственное что меня удивляет

* * *

не попавшие сразу на бал с корабля,
мы глядим на осколок двора,
как навеки застрявшее судно
а потом прогрохочем по лестницам, музыка нот декабря
нас выносит в проспектов холодное утро

здесь горят фонари, здесь всё время горят фонари
как гирлянды цветов, как внезапное в сырости чудо
поминая всех тех, кто в метели замерзнуть могли
но вот выжили гады и сохнет на кухнях посуда

здесь побиты кварталы, так карты у игрока
все помечены, медленно, смертью играя,
вдоль просторного гладкого словно пространство стола
как патроны для русской рулетки он их разбросает

каждый раз так когда расцветает в колодцах зима
сердце ищет себя в нарастающей медленной стуже
и сверкают и словно вагоны отходят дома
и лежать нам в подушку лицом, а рубашкой наружу

оставляя во чреве прошедшего всё, что любил
нам спускаться по улице смерти подобной
обрывая себя с телефонами старых мобил
унося к белой пропасти жуть голосов телефонных

здесь душа тихо смотрит в глазницы пустых пустырей
и кончается фильма и пленка как ниточка рвётся
и усталый, и загнанный чутким охотником зверь
прекратит себя разом и яростью вдруг обернётся

мы стоим и глядим на разрушенный старенький дом
посреди пустоты как огромной бумажной постели бетонной
постели
и потом про нас скажут ах эти придурки вдвоём
нет не умерли просто заснули в метели руинах на пальцах метели

* * *

в одиночества вазу я ставил
цветы друзей
и вечер был тих словно ребёнок
оставшийся без родителей
игравший в комнате с закрытыми шторами
в одиночества вазу
я ставил цветы друзей
и друзья мои тихо смеялись
и друзья были веселы
как бумажные корабли
колыхающиеся внутри моего сердца
плывущие к запретной гавани
под звуки там тамов
но никогда не достигающих её
берегов в лучах заката
в одиночества комнате
я расставлял их цветы бумажные мёртвые
и сухие словно лягушки или растения из гербария
и дикие белые розы с шипами ослепительно хохотали
как белоснежные самураи
вспарывающие себе животы
ослепительными лепестками магнолий

КРОТОВА МАРИЯ ОЛЕГОВНА родилась в 1987 году. Окончила Российский государственный педагогический университет по специальности «преподаватель русского языка и литературы». Работает в компании сотовой связи. Участвовала в фестивалях «Новый Транзит», «Глубина», «Ad Libitum», «ЛитератуРРентген». Участница «Антологии современной уральской поэзии» (т. 3). Живёт в Екатеринбурге.

Мария КРОТОВА

* * *

Я не буду раздаваться по округе зычным матом,
я не буду понтоваться на мопеде поломатом,
я не буду безрассудно выдавать координаты.
Буду псиною приблудной, неумытой и лохматой.

Я пройдусь с торчащим ухом мимо вашего дурдома,
слепошарою старухой на верёвочке ведома,
помашу хвостом корявым, поведу опухшим носом.
Да. Вот так и не иначе. Буду дурой, буду пёсом.

* * *

поспевают чипсы дёргаются с хрустом
падают с деревьев гнутся как попало
положу на них большую книгу Пруста
сяду сверху выпью пива — это я устала
посмотрю налево посмотрю направо
веточки качают волны вентиляций
золотистых чипсов полная канава —
можно в них упасть и до утра валяться
это я устала на газон присела
ласково держала тёплые деревья
боязливо пела медленно косела
и во всём вот этом было что-то девье

* * *

Так можно не смотреть, когда не сами.
Когда весь день усиленно херово,
И вся поэзия таращится в перчатки
Такими дивными глазами
Какой-нибудь есенинской коровы,
А, может, Янисовой свиноматки.

Об этом — византийская эклога
Про птицетройку и про птицесвалку.
А фюрера у Корневой не жалко,
Как образ революции у Блока.

Поручик Лермонтов всплывает так красиво
Из Терека, весь пенистый, как пиво.

Рукастый дядька с красного плаката
В истерике срывается с гортани.

В его руке — большой колодец-рупор,
На голове его — эхолокатор,
В штанах — программа сорока восстаний.
Его за талию обхватывает ступор.

А у коровы падают глаза.
Литература, общая невеста,
Едва поставив органы на место,
Летит под хвост профессорского пса.

БАБОЧКА

На крылышках — меридианы —
по снегу трещинки и швы,
глаза не то чтобы стеклянны,
они — мертвы.
По лапкам — крупка аллергии
на всякий купорос…
и взмахи крыльев сыплют пудрой
погибших папирос.
Без усиков, и без ноги, и
без головы,
зато тропинкой хитромудрой
пропёрли швы…
психологический состав —
уже ничё…
я шмякнусь, крылья распластав,
наколкой на твоё плечо.

* * *

Подметённая Нилом
пустыня лепёшкой
шлёпнулась мне под ноги.
Это Николай Ставрогин
с лукошком,
доверху набитым взрывчаткой,
с такой большой опечаткой
под глазом.
Берёт микрофон зубами
и смотрит мне в голову дрелью,
и в душу едет КамАЗом:
«Старайся, уродец, старайся!
Как я тебе говорил!
Это fiction. —
Фекалоидом плещется Нил —
это fucktion,
своего рода даже abstraction».
Он, похоже, забыл,
что у Нила душа нараспашку,
из китайского шёлка рубашка…
рукавами пустыню метёт.
А Ставрогин плывёт на байдарке,
ему жарко.

В шапке — деньги друзьям на подарки…
Идиот.
…и плывут в мутных водах какашки,
в каждой свой генетический код…

* * *

Меня уронила скамейка,
Меня растоптала земля,
Расплющила узкоколейка,
Трамвайным звонком веселя.

В меня влетел ветер из поля,
Мной вытерся тёплый газон,
Навстречу мне вылезли воля
И Публий Овидий Назон.

Отчаянно крепко и пылко
Из горла выпрыгивал альт:
Меня напоила бутылка,
Мне лёг на затылок асфальт.

* * *

это ж сколько нужно выпить, чтобы стать твоей любимой?
что за странная программа быть с тобой наедине…
я светла, осуществима,
я с картинкой на спине
по тебе скорее море распесочится на части,
чем я стану некрасива и снаружи и внутри,
я приказываю: квасьте!
только ты — смотри.

* * *

Почти что наугад, почти что на лету,
подвешивая швы, о.....ю
и плавные половички плету
и через декольте их вешаю на сваю.

…а швы,
как правило, кривы,
и лишь перегородка носовая
мерещится между моими ВЫ.

Я, с каждым новым выдохом зевая,
в половичок закутываю шею…
и глажу половинчатую сваю…
…я скоро вырасту, и я похорошею.

ЛАВРЕНТЬЕВ ВЛАДИМИР ЮРЬЕВИЧ родился в 1956 году в Перми. Окончил юридический факультет Пермского государственного университета. Публиковался в журнале «Уральская новь», в альманахах «Пульс-1991», «Пермь Третья». Автор книг стихотворений «Город» (Пермь, 1990), «Постоянство места» (Пермь, 2005). Участник поэтического фестиваля «СловоNova» в Перми (2009, 2010, 2011). Тексты В. Лаврентьева (а также В. Кальпиди, В. Ракова, А. Колобянина, И. Богданова) легли в основу поэтического спектакля «Стихи о Перми» (реж. Оксана Чугунова, Дамир Салимзянов, театр «Сцена-Молот», 2010). Участник «Антологии современной уральской поэзии» (т. 1–3). Живёт в Перми.

Владимир ЛАВРЕНТЬЕВ

ЛЕТЯЩИЙ С КРЫШИ — 2

В дыре окна возник поэт,
раскинув руки, как Икар.
Вот он исполнит пируэт
и упадёт на тротуар.

Он завязал, он бос и гол,
как сотни, тысячи нагих,
он не напишет ничего
к великой радости других.

Он не докажет ни черта,
и жест его — кромешный кич.
Но шесть саженей высота —
вот всё, чего он смог достичь.

Ему, признаться, всё равно:
надёжно смешанный с дерьмом,
он в переносном пал давно,
а как он грохнется в прямом!
Ему плевать, что будет с ним, —
надежды все сошли на нет.
Вот он парит, как серафим,
как некий в проруби предмет.

Но даже тут не вышла масть,
и тут не выгорел кульбит:
ну надо ж было так упасть,
а рядом некому добить!

ЗЛЫЕ КОЗЛЫ

По-аглицки подстриженный газон,
за линией — бутылок батарея.
На линии стоит наполеон.
Ударь его, ударь его скорее!

Так, хорошо, и два пинка вдогон.
Окрыли судьи счёт, и слава богу!
Вон там ещё один наполеон —
ударь его, ударь скорее рогом!

А вот ещё один источник зла —
предшественник кондитерского дива.

А я спускаю с привязи козла —
рогатый прототип локомотива.

Смотри их сколько — целый кегельбан!
Шаров на всех не хватит. Будь что будет.
Упрямец, ты поставил всё на банк, —
свою башку в свободной инвалюте.

Их — как поганок на трухлявом пне.
Ты пень бодай, что пачкаться с грибами!
Их слишком много, понимаешь — нет?
По дури с телеграфными столбами

тебе сравниться впору. Что ж, круши,
печатай их рогами, как компостер.
Все только захохочут от души,
когда ты сдохнешь от бессильной злости.

Когда глаза полезут из орбит
и заблюёшь газон кровавой пеной,
тогда флажок поднимет вверх арбитр
и, может быть, потребует замены.
Мы пьём до дна, пока не развезло,
и свято чтим незыблемость закона:
«Наполеонов больше, чем козлов,
козлы дороже, чем наполеоны».

НА БАЛКОНЕ

Если кошку прицельно попробовать сбросить с балкона
(перед тем обвязав её тросом за талию прочно),
То с четвёртой попытки она попадёт в почтальона,
в тот момент, когда он отвлечётся на выемку почты.

Пачка писем, конечно, не будет тяжёлой по весу.
Мастерство не пропьёшь, кошка справится — было покруче.
Письма редко кто пишет, всё чаще мелькают повестки,
да рекламная дрянь — ни доносов, ни долларов. Скучно!

Снова кошку закину, подольше пускай полетает.
По лихой синусоиде с верной поправкой на ветер,
На седьмой раз, возможно, она попадёт в полицая.
Это будет сложнее, но кошке под силу, поверьте.

Стащит шапку с кокардой, и срежет затем портупею,
после вытащит «кольт» (или что там дают полисменам?).
Ничего не заметит! Ей-богу, с тоски отупеешь.
Портупею продам, а кокарду оставлю для смеха.

Раза три старый хрен в старой сказке забрасывал невод…
Отпоив кошку виски, себя не забыв, как обычно,
третий раз запускаю мохнатого хищника в небо.
Обещала сегодня вернуться с серьёзной добычей.

И кого же ловить? Все бедны, как разносчики пиццы
(или слишком хитры, словно старенький дедушка Изя?).
Кошка где-то летает. Ещё подожду минут тридцать,
и искать полечу. Да, во всём ощущается кризис.

* * *

Говорят, что сперва появились слова,
раскалённою лавой плеснулись на ветер.
Но остыли, как всё остывает на свете.
И тогда превратились слова в острова.

Они плыли, как лотос плывёт по воде,
как открытые вечному небу ладони.
(А слова… К сожалению, смысл их не понят
ни тогда, ни сейчас — всё свелось к ерунде).

А на тех островах поселился планктон.
Размножался и строил какие-то планы
сообразно планктонову мифу о том,
что планктон был рождён управлять Океаном.

К небесам вознося куличи из песка
и вгрызаясь в ракушечник древнего рифа,
поколенья планктона пытались искать
в этом мифе похожее что-то на грифель.

К сожаленью, об этом не знал Океан
(он фактически не был поставлен в известность).
Приходило обычное время, и он
очищал острова от планктоновой взвеси
дочиста, раз за разом, безжалостно, но
слишком мягким и слабым был мыслящий силос.
На обглоданный риф каждой третьей волной
возвращалось всё то, что второй уносилось.

И опять заселяла трава острова,
хоть уже не трава, но пока что не хорда,
И тогда начиналась другая глава
бытия — возвращение после исхода.

Снова лепится мир, словно соты веков,
наполняется мёдом, прессуется в камень
и становится мифом. Однажды цунами
превратит миф в пособие для чудаков.

Дети бродят по отмели — море сползло
одеялом — кораллов куски собирая…
Начинать всё с ноля, в полумили от рая —
неизбежное, но симпатичное зло.

ТЕНЬ МАРКЕСА. РАЗМЫШЛЕНИЯ У КРЕПОСТНОЙ СТЕНЫ

Посвящается А. Хайрулину

Старик, тысячедневная война
проиграна — в четвёртый раз по счёту.
Причины на поверхности, но к чёрту
всё это. И что даст конкретно нам
тот перечень придурков и сквалыг,
всё это потаскухино отродье,
сгубившее поход ещё в утробе?
На нас уже наставлены стволы.

В четвёртый раз у крепостной стены
стоим, и снова каркают затворы,

их сверху передразнивает ворон.
Не то, что дни — минуты сочтены.

Полковник, где ж тот чёртов Океан?!
Повсюду лишь болота и саванны,
И у всего — не выразить словами —
какой-то очень странный макияж.

Мы с детства приучались рвать и грызть
за землю, где нам привелось родиться.
Но нынче стало худшей из традиций
менять по ходу правила игры,
друзей, задачи, главное — врагов,
и в прошлом, впрочем, как и позапрошлом
миф был целенаправленно опошлен,
на запасных путях застрял вагон.

И что с того, старик, что это Пермь,
и над тобою ворон, а не кондор?
Полковник, мы с тобой — всегда в Мокондо
и вечно в обезумевшей толпе
зело проворных рыжих муравьёв,
что на правах обиженных и слабых
прибрали наши почести и славу.
(Что ж, и на них найдётся муравьед.)

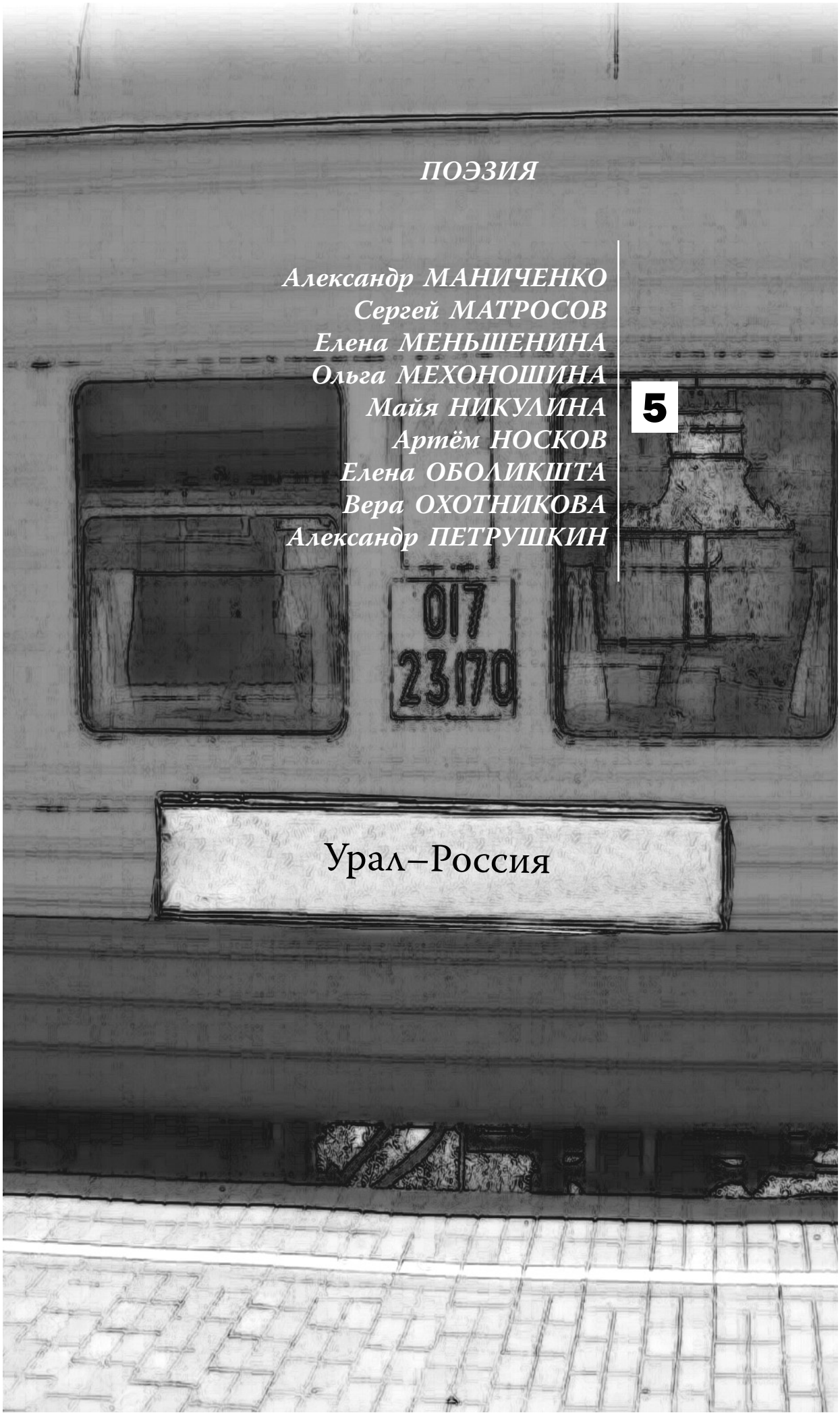
Пожалуй, что опять зарядит дождь
на тридцать лет. Ты помнишь, как цыгане
лёд привезли? И что? То был цирконий —
кругом обман. Твои, полковник, дочь
и сын — умнее нас, они — в столице.
Ты цельсия лучше, сука-муравей,
вот где мне стать: левей или правей —
я сам решу. Пора и помолиться.

Не за себя, пожалуй, за жену,
детей, страну, какой б она ни стала.
Погубят нас усталость или старость.
А я всё думал, для чего живу?
И для чего мы на просторах Пармы
век провели в бессмысленных боях?
А может, это попросту боязнь
что нас не сохранит людская память?

И почему не едет Мелькиадес?
Его спросил бы. Знаю, что цыган!
Он был на Филиппинах — там цинга,
он умер или перепутал адрес.

Нет, умер. Впрочем, это не предлог
не навестить друзей перед расстрелом.
В четвёртый раз, полковник, я растерян,
так издеваться, право, западло.

Над каменной стеной висит сирень…
Ты чувствуешь её волшебный запах?
Мы постареем в ожиданье залпа.
Неужто снова порох отсырел?!



ПОЭЗИЯ

Александр МАНИЧЕНКО
Сергей МАТРОСОВ
Елена МЕНЬШЕНИНА
Ольга МЕХОНОШИНА
Майя НИКУЛИНА
Артём НОСКОВ
Елена ОБОЛИКШТА
Вера ОХОТНИКОВА
Александр ПЕТРУШКИН

5

Урал–Россия

МАНИЧЕНКО АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ родился в 1988 году. Закончил Литературный институт им. А. М. Горького в 2012 году (семинар Е. Ю. Сидорова). Печатался в журналах «Воздух», «Волга. XXI век», «Урал». Участвовал в альманахе «На достаточных основаниях» (2013) Лонг-листёр премии «Дебют» (2009, 2010, 2011). Лауреат премии «ЛитературРентген» в Главной номинации в 2009 году. Живёт в Челябинске.

Александр МАНИЧЕНКО

* * *

За спиной ничего, за душой ты
На страшном языке темноты,
Ничего не видя.
Я беру тебя за руку, мы идём.
Вокруг нас глухой лес, впереди молчаливый дом,
Всюду ночь нависла.

Воздух чёрен, птицы ещё черней,
Наверху луна со следами ветвей,
Мне стыдно —
Я боюсь идти, где же свет в конце,
Дом, в котором тень на твоём лице,
И лица не видно?

* * *

у моего садовника красивые руки большие травы голубые розы
за его спиной вырастают деревья как драконьи зубы
живые изгороди
чертополох отдал колючки другим ромашкам

в его саду настоящее лето тропические птицы райские звери
вечером цикады кузнечики богомолы восхваляют его как умеют
а искусители неприглядные гады мелкие твари?

весёлые ящерицы цветные змеи а вот они

РУССКИЕ ЛЮБОВНЫЕ ПЕСНИ

*(*чёрный ворон*)

Не поворачивайся ко мне,
Чёрная птица с лицом на спине.
Плачет-поплачет и выплюнет слова треть.
Как тяжело на тебя смотреть!

На хлебном поле — дерево (как судьба — одно),
Я собирала там землянику, чтобы сделать вино
Любимому, который куда ушёл
Не знаю, не помню — и хорошо.

Он ко мне ещё не вернулся, не пил моего вина,
Не обнимал-целовал меня, я сижу одна,
Как в поле воин, позади Москва, впереди весна.
Не поворачивайся ко мне, чёрная птица, не смотри на мои глаза.

*(*ой цветёт калина*)

вилась повилика вьётся
любовью к тебе проснётся
мой сад криком зайдётся
погасни моё солнце

вьюнок ноготок нарцисс
мне ад вокруг тебя повернись
ко мне любой своей стороной
сдохни раз ты не со мной

*(*виновата ли я*)

Мой сад засох — кто в этом виноват?
Конечно, я — его не поливала.
Сердце бедное, сердце горячее,
Как давно я с тобой не певала!

Сорвать больше нечего там и отдать
Тебе, как раньше я отдавала
Всё — за ничто и за просто так,
За холод, пинок, кулак.

Нет у меня куста белых роз
Намотай косу мою на кулак
Бей меня об стол головой
Жги меня в вечном огне

*(*мужская версия*)

напился пьян до дому не дойду
приди ко мне в моём бреду

я твой вий панночка весь я твой
давай посадим с тобой цветочек давай
вырастим сад под немеркнущим солнышком и луной
дом красивый построим со ставенками с резьбой
надкусим один каравай

напился пьян до дому не дойду
приди ко мне в моём бреду

клён мой клёнышек вот и весна пришла
а в моём мозгу алкогольная хозяйничает зима
ворон-воробушек каркать надо мною не надо
отнеси платочек любимой будет тебе награда
смотри не перепутай её дом с любовницы садом

напился пьян до дому не дойду
приди ко мне в моём бреду

* * *

офелия лежит на сонном поле
офелия лежит на тёмном склоне
офелия лежит на тихом море
офелия не ощущает боли
здесь может быть любое слово кроме

я девушка красивая из книжки
я девушка красивая и с книжкой
меня вчера жестокие мальчишки
смеяся в нашей речке утопили
красивая и мёртвая я пела:

«равнины Зельды покрывают маки
чернее ночи злобные цветы
все люди умерли как бедные собаки
все люди умерли от ядерной зимы
и проросли голодные цветы»

наш город — город братовой любви
все люди в нём цари и короли
война и революция прошли
лишь я плыву в могиле как в реке
и слово доброе держу в своей руке

* * *

посторонись многоцветный мир
дай выйти мне на простор
я буду единственный меж людьми
целый бесцельный простой

угомонись беспробудный свет
дай отдохнуть глазам
я держу дыхание как во сне
и его никому не дам

я лежу и вижу как горизонт
падает вниз с холма
и всё остальное ему вдогон
падает вниз с холма

МАТРОСОВ СЕРГЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ родился в 1981 году в Верхней Туре. В 1996–2000 годах учился в Верхнетуринском механическом техникуме по специальности «технология машиностроения». Стихи начал писать в 1992-м. В 2000–2002 годах служил в ВДВ Российской армии. Работал уполномоченным ОВД г. Кушва (2002–2003). С 2003 года работает сотрудником личной охраны. Публиковался во многих изданиях. Лауреат нескольких литературных премий. Автор трёх книг стихов: «Эшафот» (2000), «Дом прокажённых» (2003), «Стихи» (2006). Лауреат ордена Маяковского. Участник «Антологии современной уральской поэзии» (т. 3). Живёт в Екатеринбурге.

Сергей МАТРОСОВ

* * *

Где от одной страницы
и до другой больницы
зайцем в яйце у птицы,
шилом кота в мешке
лишний, как воздух в шприце,
ёрзаешь по строке,
сколько ни точишь лясы,
глина не станет мясом,
мир по-ребячьи связан
с камнем в твоей праще,
весь провоняв пластмассой
или ничем вообще.

* * *

Но панцирь застёгнут на все,
чтоб стало страшнее и тише,
когда, как дурак в колесе,
застигнутый скоропостижной
строкой, начинаешь с нуля,
как будто тщедушные крысы
попали на бал с корабля,
ещё не вошедшего в список.
Какая-то злая игла
стог сердца собой начинила,
когда на висках, как смола,
кипят кровяные чернила.
И каменным гостем во тьме
приходит бескрылая птица,
и звёзды, с насиженных мест
сорвавшись, обязаны сбыться.

* * *

Так этот день с зашитым ртом,
словно очерченный от Вия,
соотнесён с не вещим сном,
который помнишь, но не видел,
с таким, в котором наугад
по алфавиту водят блюдце,

перо — чтоб выбраться назад,
и гребень — чтобы не проснуться.
Вот волос, олово и гвоздь.
И воздух, вырвавшись из комнат,
когда на кожу капнет воск,
увидит всё, но не запомнит…

* * *

Этот воздух, что сослепу скроен,
с корвалоловой нотой в канве,
голубой и прожорливой кровью
напоследок прижался к траве.
Он безудержен и безутешен,
суетливое чуя родство
с непосильною птицей, влетевшей
в центробежную слабость его.

* * *

Слепоглухонемая, как вещь не в себе,
но всегда на сносях, к пересохшей губе
маслянисто прильнёт, закипая внутри,
чтобы в сладком припадке пустить пузыри
перед тем, как посмертно пойти по рукам,
заскорузнуть и ссучиться, первострока
с обескровленным руслом, где видно на дне
репродукцию мозга в бумажном окне.

* * *

Птица принимает форму клетки,
падая на комнатное дно.
Силятся артритовые ветки
наизнанку вывернуть окно,
чтобы посмотреть и удивиться,
не поверить, снова посмотреть —
клетка принимает форму птицы,
и, по всем приметам, скоро смерть.
Только новорожденному слову,
вскормленному кровью тишины,
комнаты и сети птицелова,
западни и клетки не страшны,
потому что, выворотив челюсть,
выходя сухим из всех примет,
птицей трижды выпорхнуло через
левое плечо, где смерти нет.

* * *

Быть не убитым таким деревянным горем.
Значит, пиноккио, мой деревянный голем, —
не карандаш, а стамеска, чтоб против воли
ворох упрямой бумаги задеть за живое.

Это сидит за столом деревянный голос,
это ему на десерт преподносят хворост.
Радуясь встрече с молочным, немудрым зубом,
плавают гвозди в насквозь деревянном супе.
Ангелы сбросят крылья, напялят вёсла,
чтобы смотреть, разгребая смолистый воздух,
как деревянным горлом живая стружка
из-под рубанка сердца идёт натужно.

* * *

По локоть в глиняной крови,
стоит ваятель, словно спятил,
когда флуоресцентных пятен
отмельтешили муравьи.
Гранитной глыбы посреди,
он смотрит одеревенело,
как далианская Венера
достала ящик из груди.

* * *

Где-то в шаге резьбы, то есть так далеко,
что свернётся в дороге твоё молоко
в путеводный клубок или вспять потечёт,
из дневного колодца глядит звездочёт,
как луна проступает сквозь млечную пыль,
словно след от удара тяжёлым, тупым,
неказистым предметом, и в птичьих мехах
облаков самолётная скачет блоха,
и в колодезном небе, зажатом в квадрат,
серебрясь, как соринка цепного ведра,
отлетает душа, поднимаясь со дна
по резьбе, как звезда, самолёт и луна.

* * *

А где-то там, где пустота,
художник, может быть, и есть,
но где-то там, не где-то здесь,
не на поверхности холста.
А где-то там, где тишина,
как пенопласт, бесполо, в ряд
лежат натурщицы, лежат,
кругом пастельные тона.
А где-то там, где никому
ни до чего нет дела, вот —
треножник, словно эшафот,
расписанный под хохлому,
для вечности — один портрет,
чтобы потом смотреть на жизнь.
И фрукты сгнили, а кувшин
остался в воздухе висеть.

* * *

Немного воздуха иного,
больного солнечной чумой,
и свежевыжатого слова —
из камня. Больше ничего.
Душе, переборовшей скуку,
стоящей на одном кону
с тоской по истинному звуку —
иному. Больше никому.
Пока плаксивым, вшивым, ржавым
не стал неугомонный дар,
пока в обнимку с падежами
летаешь. Больше никогда.

* * *

Звук умирает стоя —
это одно из достоинств
музыки, это простое
действие, при котором
реже молчат, чем хором
воздух берут измором.
Только и слышно вместо
скрипки, трубы, оркестра,
их дрожжевого теста
с мясом каких-то старых
вражеских нотных станов
немощь, тщету, усталость
тех, кто, рояль напичкав
связкой ключей скрипичных,
хочет поймать с поличным
душу в каких-то высших
сферах (читай — «в прогнивших
глупых бездушных виршах
Творца»).

* * *

Пока ты мимоходом здесь,
мертвецки жив и в стельку трезв,
а муза зла и саблезуба,
как изуверский саморез,
что круглый сон терзал рассудок,
пока тебе невмоготу
ни сквернословить, ни молиться,
схвати снежинку на лету,
сглотни, а выдохни звезду,
страницу, виселицу, птицу
(святыню, женщину, мечту)…

МЕНЬШЕНИНА ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА родилась в 1991 году в Липецкой области. По специальности — филолог-преподаватель. Работает в сфере книгоиздания. Публиковалась в журнале «Воздух», альманахах «Звездный голос», «Красными буквами», коллективных сборниках «Электрический снег», «От четырех стихий природы», «На достаточных основаниях», «Шепчутся и кричат». Автор книг «Алхимики дождя» (2011), «От чаепития до надежды» (2012), «Беспробудно светло» (2013). Участница проекта «Молодые — молодым». Живёт в Челябинске.

Елена МЕНЬШЕНИНА

* * *

Когда трава лоскутная нелепо
Заштопана зигзагом стрекозы,
Когда трещит натопленное небо
В удушливом предчувствии грозы

(Так ждёт душа другого тела), словно
Бог в безголосой прячется строке
И, рассыпаясь в воздухе бескровном,
Юродствует на птичьем языке
Дождя.

* * *

Снег выворачивает веки:
Простор заутрений знаком.
И замерзающие реки
Скрипучим трутся позвонком

О чашу воздуха. И парка
Прорехи светом проросли…
Двояковыпуклая арка
Глазного яблока земли,

И солнца выжженная яма,
Рябин венозная картечь…
Попытка времени и рамы
Сквозным пространством пренебречь.

* * *

Зажгу без умысла свечу,
и кухня потеряет стены…

В. Феркель

Прорежется царапина свечная,
И комната распухнет, как десна,
Опилками пространства наполняя
Прорехи неевклидова окна.

В них роешься, как в лёгких перед вдохом,
Как в вязкой речи рыбьим языком…
И пустота за пазухой у Бога
Свернулась самолётным узелком.

* * *

Здесь птицы, распрямляясь в облака,
Роняют крылья цвета белены.
И с мёртвого земного молока
Снимают пенку липкой тишины.

Ещё ползёт дырявая смола
По скомканной изнаночной воде,
И берега, сомкнувшись добела,
Бескостный воздух носят в кулаке.

А он растёт плашмя, чтоб на лету
В речное горло вмёрзнуть удалось…
Как мякиш, растворившийся во рту,
Земля собой пропитана насквозь.

* * *

Роняет ночами морозное эхо мужик,
Да стынет округа, безгласая, как филомела,
Где в устье обрубок реки, будто скользкий язык,
Навстречу земле выпадает из старого тела.

Лепечет в зобу муравьиная поступь дождя,
Изогнуты рты, начинённые рыбьим наречьем.
Нутро тишины слюдяным языком теребя,
Густеет вода, говорящая по-человечьи.

* * *

Голос леской морозной вытянут
От полыни до полыньи.
Дни прозрачны и оглушительны,
Будто мёртвые соловьи.

Там, где небо, как нёбо, скручено,
Перевёрнуто, как строка, —
Кровяной узелок созвучия
Под излучиной языка.

Теребишь соляное, косное,
Коренное — хоть бритвой режь,
Небо трётся пустыми дёснами,
Зажимает земную брешь,

Шевелит неживое, тусклое,
Когда рыбы приходят лечь
Вдоль воды, что слепыми сгустками
Переходит в стекло и речь.

ТУЗЕНБАХ

1.

Ночью деревья спят наизлёт, как реки,
С собственной тяжестью в трещине горловой.
Прячет устало барон Тузенбах под веки
Сад, беспощадный, надменный и снеговой.

Так я древесный озноб хороню ночами,
Хрупкий, как имя, в нёбном сыром песке…
Мы говорим, как замок говорит с ключами,
На невозвратном скрученном языке.

Мучим железное, звонкое, кровяное
Между губами. Душно и несветло,
Будто проснулся с бабочкой под десною,
И не понять, как слово там заросло.

2.

Покуда мёртвый сад замотан, как в рубаху,
В изнаночный простор, исхоженный до дыр,
Деревья говорят с бароном Тузенбахом
На плоском языке раздавленной воды.

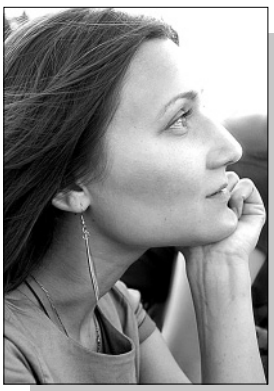
Покуда пишет бог не белым и не чёрным —
Занозами листвы, янтарною золой,
Река лежит плашмя с остекленевшим горлом,
Прошитая до дна древесною иглой.

Барон считает птиц, прижатых к изголовью
Изогнутой земли, растущей сквозь себя,
И воздух изнутри не совпадает с кровью,
Заштопав пустоту меж рёбрами дождя.

Деревья налету распластывают кроны
И наугад плывут вдоль собственных корней
По руслу темноты — и не заснуть барону
В промёрзшей до земли отвесной тишине.

* * *

Ты умрёшь в сентябре, то есть выйдешь из дома живым
И с лица отряхнёшь пустоты стрекозиные крылья.
Ветер режет повдоль сухожилья раскосой травы
И становятся пчёлы живой позолоченной пылью.
Упираясь дыханием в нёбо (читается «не-»),
Ты по-птичьи ложишься в себя поперёк тяготенья,
И растёшь, как вода, параллельно прокисшей земле,
Как крыло тополей в геометрии лиственных перьев.
Птица в профиль похожа на слепок с её языка,
Твоего — моего — то есть между- и среднеязычья,
Это с мёртвых деревьев стекает сухая река,
Это войлочный зной истончается в воздух тряпичный.
Ты умрёшь в сентябре — и наутро не вспомнишь, в каком —
И туман расползётся в разбитом небесном корыте,
Будто рыбы, напоены плоским своим молоком,
Между пальцев моста натянули стеклянные нити
И по ним проплывают вслепую, как речь и слюна,
Из гортани реки вынимая белёсые кольца…
Между высохших век распрямляется бабочка сна,
Пуповину дождя намотав на свое веретёнце.
Сквозь тебя прорастает луна оловянным зрачком,
И сухая гроза обнажает шершавые рёбра…
Когда голос изогнут тупым рыболовным крючком,
Промедление имени смерти уже не подобно.



МЕХОНОШИНА ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА родилась в 1984 году в Нижнем Тагиле Свердловской области. Закончила худграф Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии, аспирантуру ИХО РАО в Москве, кандидат педагогических наук. Дизайнер-график, иллюстратор, шрифтовик. Жила в Москве, Мурманске. Автор книг «Город Зет» (2001), «Чистый понедельник» (2003), «Двадцатая нация» (2007). Лауреат премии Губернатора Свердловской области за вклад в развитие искусства (2003), премии-гранта Губернатора Мурманской области «Издательская деятельность» (2015), участник Всероссийского фестиваля молодых писателей (2001, 2003, 2005), публиковалась в журналах («Урал», «Крещатик», «ЛиФФт» и др.), антологиях («Екатеринбург» и др.), энциклопедии «Екатеринбург литературный»; шорт-лист «ЛитературРентгена», дважды победитель литературных чтений «Естественный отбор», победитель Кыштымских чтений, Северо-западного поэтического семинара «Грэй» и др. Живёт в Екатеринбурге.

Ольга МЕХОНОШЕНА

РОДНОЕ

Это было так давно, или нет,
Что тайга — с порога крайней избы.
Деревянные немые столпы,
Им на головы надвинутый снег.
Уменьшаясь, как чужой самолёт,
Пропадёшь, а он останется — лес.
Потому что он всё время был здесь,
Оттого, что тут никто не найдёт.
Под горой такой шалман на селе —
Избы курят из-под беленых крыш,
Так же кони в стойлах дышат во сне,
Хорошо, когда им в шею молчишь.
И уходишь, а внутри — тишина.
Долго слышно, как гудят мужики,
И поют, пока не видно ни дна.
И, как валенки, следы глубоки.

* * *

Шестое августа… седьмое,
И банки выставь на окно —
Чужое лето проливное,
Потом темно.

Вода, шагающая в стену,
И опадающая в сад,
Где георгины о колено
Ртом шевелят.

Косяк, по трещинкам, по датам,
Прочти — на пальцах пыль и свет;
Как будто всё отдельно снято,
Пока нас нет.

* * *

Сад устал… Запри хибару —
Скрип и шорох, звон ключей.
Бабушкин, советский, дарый,
А оглянешься — ничей.
У газеты год не тот.
Сивой кошке смех неведом,
Дальше, тихо отстаёт
Внешность, пахнущая снегом,
И вообще слиняет следом.
Не поверит,
а поймет.

* * *

Постельное будете брать,
Смотря на себя в темноту.
Спровадят куда — и опять,
И снова ту-ту, да не ту…

В итоге — отсюда сюда.
Окажется — было вперёд.
Цветнеет оконный восход.
И около ока — вода.

А дни на-гора совпадут,
И станешь, в чём мать родила,
Забудь от тепла до тепла —
Как часто нас не было тут,
Какая я дура была.

* * *

Дратвуй, дунька в отраженье.
В окнах арежкойотри-ка
Риголубленныеени
Роворонненногорика.

Олосерхнийредрекает —
Офамильно — остановки.
Так ночлег не выбирают,
не упоминай ночёвки.

Проще — ышла без ичины,
И, уда лядят, отстала…
Удто нет тебе ужчины.
Будто овсе не ывало.

* * *

Здесь очнуться и приять — никуда…
За ночь прошлое раздули ветра.
Солнце будит, как ручная вода,
И хозяйничает дома с утра.

Всё прозрачное проденет в лучи,
Пол погреет и пылинку уймёт.
Тварь, которую ты сам заручи, —
Молча под руки протянет живот.

Звонче яблоки, чем ближе к нулю.
И забывны впереди холода,
Хороши, и не смеюсь, а люблю.
Так заметно, что не молвишь, а — да.

* * *

Кашель в шарф. Аллея стелет мелочью,
И фонарь — топлёным угольком
Вздрагивает, осеняет желчно.
Прочь пора — ни пухом, ни пером.

Ветер наутюжит под мостом
Самый тёмный кадр, вкось — зазубрины.
Вылить голос вдаль и стать пустой.
Я ушла. Не всё ещё загуглено.

XX ВЕК

Е. Т.

в его квартире тёмный коридор
и пахнет даже в зеркале вещами
он рад жуёт кричит во весь опор
как радио из кухни мне вещая
о смерти о себе о высоте
о саде внуках мне о будешь чаю
и головой невидимо качает
на самом «не»

он руки вытирает о бока
выходит старше голоса и позже
а зная ничего наверняка
но так похоже
на ноги деревянные косясь
на скатерть парафиновые пятна
не поднимай перегоревших глаз
уйди обратно

* * *

По чётным ходит поезд на…
Непешеходная страна.
Собака лает, ветер просит,
И пережить никто не в прозе.

Лишь пополам заметно сверху,
Как дождь цепляется за ветку
И падает, чуть-чуть паря,
На рубероид ноября.

* * *

Эхом в городе множатся сны,
Как секунды почти повторяясь.
Я забыла, кому обещалась.
Да и ты не разбудишь к восьми.

Кофе пахнет тобой с коньяком.
Ищешь сонно, а руки без силы.
Научившись ходить далеко,
Я, конечно, тебя не спросила.

* * *

Обвисшие снега,
Немытые, как стёкла;
Трамвай сползает вниз —
За Колыбельный
мыс.

И тучи — по слогам —
Рассохлись и промокли.
И прорвались.

Туда ходи, не стой:
Карниз блестит, бежит —
Не выговорит
правды.

Но станет грязь землёй —
И воробей блажит —
Как трезвый
Авгий.

ПИСЬМО

Дождь быстро повторяется, и я
Всё блёкну… или он кривее длится.
Расклеились намокшие края,
По буквам разъезжается страница.

Ответна тишина до глухоты,
Как песни рыб, полётна, живородна.
По милости ближайшей высоты
Вода слетает крохотно. Неплотно…

Твой день рождень… пришёлся на циклон —
Немного света, рифма отражений.
Я чувствую вокзал пяти сторон,
И пустоту до головокруженья.

Белея и скучнея от дождя,
В брезентово-промысленном Тагиле
Мы всё-таки друг друга пролюбили.
…Трамвай возник, спустя и погодя.

* * *

Застыть вдвоём, пока софит задворков
Ресниц коснётся, не затронув глаз,
и небо станет ближе на две створки,
распахнутое в комнате у нас.

Душа найдётся, потому что дрогнет,
и в темноте её очнётся высота.
С прищуром человечьим ждёт ворона,
не отпуская воздух изо рта.

Растительного страха в половицах
опомнится сырая визготня.
Пойдём дышать — фонарь сипит в петлице
И крошит снег из своего огня.

* * *

Выглянет душа
Из своих обносков,
Воля хороша,
Нараспашку, в доску.
Этот свет — везде,
Дальше будет то же.
И дождливый день
Бегает по коже.

* * *

Мы выбегаем в ранний дождь
по-птичьи, сами,
родными — допоздна — дворы
звать именами,

потом смотреть, напротив, так
смешно и мало.

Стоять, где талая вода
сапог впитала.

Не чуя ног, и комья врозь —
во поле глина
озимый вспоминает рост
и колет в спину;

работа толстого шмеля,
незебры жёлтой, —
в подснежник первый — для тебя —
садиться ж…й.

И каждый счастлив и жесток,
живя напрасно.
В стекле — морозный волосок
стрекозьей пляски.

Так всё кончается с утра,
какого-либо.
И врёшь, и не было тепла,
А только было.

НИКУЛИНА МАЙЯ ПЕТРОВНА родилась в 1937 году в Свердловске. Училась на геологическом факультете, окончила филологический факультет Уральского государственного университета. Работала библиотекарем, заместителем главного редактора журнала «Урал». В 1970–1980-х годах вела литературные студии. Сейчас — преподаватель гимназии «Корифей». Автор многочисленных журнальных публикаций и шести книг стихотворений: «Мой дом и сад» (1969), «Имена» (1977), «Душа права» (1977), «Колея» (1983), «Бабья трава» (1987), «Стихи» (2002), «Избранное в 2-х т.: стихотворения и переводы. Проза» (2008), культурологического исследования «Камень. Пещера. Гора» (2002), Лауреат Всероссийской литературной премии им. П. П. Бажова, Премии губернатора Свердловской области и Премии Полномочного Представителя Президента РФ в УрФО «За литературное творчество» в номинации «Поэзия». Награждена почётным знаком «За вклад в развитие уральской литературы». Участница «Антологии современной уральской поэзии» (т. 2, 3). Живёт в Екатеринбурге.

Майя НИКУЛИНА

* * *

Душа убывает легко,
неслышно, невидно.
Летает не так высоко…
Да ей не обидно.

Душа убывает, как свет
июньский, приветный.
Редеет и сходит на нет.
Да ей не заметно.

Узрела заоблачный знак
и срока не чает…
Небольно, нестыдно, никак
душа убывает.

* * *

Бежать куда глаза глядят, и там
прийти в себя в заобморочном месте —
в Уруке, Фамагусте или Фесте —
уже не тянет и не по годам.

А тянет помнить и благодарить,
и отпускные сроки проводить
в садово-огородной благодати,
купить шесть соток где-нибудь на Гати,

а если не получится купить,
проситься на посуточный постой
не далее Исети и Сысерти,
сознательно потворствуя одной
привычке проживать по месту смерти.

* * *

Всё громы, грозы, беспорядки,
крапива разоряет грядки
и клумбы…
Упаси господь,

увязнуть в этой лихорадке…
Малину, разве, прополоть…
А то ещё зимой, на святки,
ты снился мне один, в саду,
с кровавой ягодкой во рту…

* * *

Г. Ш.

Любовь моя бедна —
не дарит, не карает:
последняя, она
всегда такой бывает.

Она была такой
всегда. Да мы не знали.
А мы её порой
случайной называли,

не зла, не хороша,
с начального начала,
как старшая душа
при младшей продышала.

Высокие дела
и вечное сиротство
она перемогла
по праву первородства.

Не слава, не слова,
не подвиг, не награда —
она ещё жива,
когда другой не надо.

Она в последний час
присядет к изголовью,
она и после нас
останется любовью.

Задумаешь понять,
да по ветру развеешь.
Затеешь вспоминать —
и вспомнить не успеешь.

* * *

Когда устала страсть
от сладости и боли,
когда судьба сбылась
помимо нашей воли,

печальна и проста,
как заговор негласный,
вечерняя звезда
скатилась и погасла.

И нежный звёздный прах,
нашедший наши лица,
стал солью на губах
и пылью на ресницах,

травой взошёл вослед,
и люди стали выше,
и различили свет,
пылающий над крышей.

Свободны и легки
от тяжести заплечной…
И плакал каждый встречный
от счастья и тоски.

* * *

Какие там поклонники? Она —
дурнушка, нелюбимая жена, —
и мужу-то понравиться не смела,
и всех его поклонниц и гостей,
всегда к нему спешащих, а не к ней,
покорно принимала и терпела,
никак не отличая никого…
И после смерти мужа своего, —
а значит, небо этого хотело, —
пережила их всех до одного
и схоронила всех, кого сумела.
Зато потом, пока была жива,—
наследница, законная вдова, —
все мужнины тетрадки и блокноты
и прочие бессмертные дела
от всякого разбора доброхотов,
редакторов, агентов и сексотов
оберегала и уберегла.
И совершив свой невозможный труд:
— Ах, матушка, так долго не живут…
— Живут, живут… — у ней хватило силы
на то ещё, чтобы в последний срок
исхлопотать заветный ордерок
на подселенье в мужнину могилу.
Когда её — великая эпоха
иссякла, — выносили за порог,
споткнулись вдруг и уронили гроб:
жалели мало и держали плохо.
Уж так её, упрямую старуху,
отметила судьба. И сам Господь,
как соль земную, брал её в щепоть,
а не водил под локоток, как шлюху.

* * *

Но тело больными ночами,
не в силах себя обмануть,
склоняется к бабушке, к маме,
на ручки, под тёплую грудь,

назад по теченью, в верховья,
где ты в родовой скорлупе
ещё не исходишь любовью,
а светишься сам по себе.

* * *

Ещё июль, погода, благодать…
Но летнее светло идёт на убыль…
И тут уж что малину собирать,
что целовать малиновые губы —
всё обещает встречи у калитки,
любовные страдания и сбытки.

Вот он приедет, воротясь с Кавказа, —
в румяной славе и охранной силе
от вражьей пули, клеветы и сглаза —
а мы уже варенья наварили…

* * *

Уездная тоска — и вдруг — в кои лета —
посланником небес — залётный Хлестаков,
столичная звезда, безбожная комета,
руководитель душ, произноситель слов,

замученный молвой, восторгами и славой,
он только здесь любим, он понят только здесь,
он близок ко двору, к персоне — боже правый —
к особе самого… Он — страшно произнесть.

Как он красноречив, как он прекрасно бледен,
какой державный жест, какая красота…
И всё-то потому, что он теперь уедет,
и больше никогда… и больше никогда…

Сойдёт блестящий век, как с ложек позолота,
и барышня других — мучительных — времён,
подняв огромный взгляд на молодого Блока,
от страха обомрёт: конечно, это он.

Конечно, это он. И нет иной причины
для страсти и тоски. Он молод. Он хорош.
И слухи о его трагической кончине —
бессмысленная ложь.

* * *

Там по субботам топят бани,
дымы восходят к облакам,
письмо с казёнными словами
неделю ходит по рукам,

бегут мальчишки в телогрейках
и бабы не скрывают слёз,
когда судьба-одноколейка
свистит в железный паровоз.

* * *

Так грозно во мне убывает природа,
что время летит напрямик.
Но живы мои херсонесские своды,
но крепко вросли в материк.

Но так на пределе, но так на просторе,
но так у сплошных берегов,
что манит и манит в огромное море
дельфинья улыбка богов.

НОСКОВ АРТЁМ СЕРГЕЕВИЧ родился в 1989 году в Свердловске. Учился в школе с углублённым изучением немецкого языка, занимался спортом. Получил техническую специальность в университете. Первое осознанное стихотворение было написано в 14 лет. В 2015 году, победив на «Шоу неизданных книг» пермского поэтического фестиваля «Компрос», издал книгу стихов«Муравьиная дробь». Публиковался в антологии молодой поэзии Урала «Шепчутся и кричат» (2016). Воспитывает дочь. Живёт в Екатеринбурге.

Артём НОСКОВ

* * *

Рядом с колодцем, качая убогим плечом,
Тихий журавль находит песок и печаль.
Он говорил с тобой, только, видать, ни о чём
Ты говорить не хотел. Просто в воду молчал.

Дерево станется птицей, домой улетит,
Возле колодца змеёй обернётся трава.
Кто тебя вёл за поводья, в тебя промолчит.
Камо грядеши, воловья твоя голова?

* * *

Как рубашка вылезла из брюк
Полосатого, нелепого меня,
Я на солнце вылез и горю.
Потому что падок до огня.

Молча, окружён сухой листвой,
Город водит палкой по воде.
Почернели поры мостовой.
Где ты будешь прятаться? — Нигде.

Мальчуган с чернявой головой
Ручками взмахнул и улетел.
Спички в руки и бегом домой,
Пока дом от скуки не сгорел.

* * *

Ты выложен бедовым кирпичом.
Вот отчий дом, который ни при чём,
Качели вот, вот крыши, гаражи,
Вот ножички, а вот уже ножи,
Вот город не играет в городки,
Пистоны вот, окурки и курки,
Вот речка из разбитого стекла,
Как лимфа, по канаве потекла…
…и мама где-то: — На пол не кроши,
И кашу над тарелкой допиши.

* * *

Дождь идёт от тебя к реке,
И от реки — к мосту.
Бог отрекается, в молоке
Топит свою тоску.
Рыбы метят игру в слова,
Небо лежит на дне.
Дождь идёт через рукава
И по рукам — ко мне.
Тишина над рекой течёт,
Только молчит, куда.
Радужка прячет в себе зрачок,
Чёрная, как вода.

* * *

На прелый город падают снега,
И гаснет рот, и тьма, терзая связки,
Как умница в смирительной коляске,
Смиряет голос. Нега не нага,
Но столь же вожделенна, сколь строга.
Подол дерев провалится под лёд,
Укутаются сумерки в утробу,
И небо, засыпая, обретёт
Размер и цвет младенческого нёба.

* * *

Горизонт истончился, иссяк.
Ты изводишь себя понапрасну.
На приснившихся птице сносях
Тень её безусловно прекрасна.
Наблюдаешь, как ходит вокруг,
Утопая в густой поволоке,
Оперившийся наскоро луг
С высоты желторотой осоки.

* * *

Слово начнётся со слова,
Т. е. с себя самого.
Что на бумаге не ново,
То для меня не ново.
Спит у порога тревога,
Словно живая коса,
Видно, за то, что я Бога
С маленькой буквы писал.

* * *

На рёбрах редких и худых
Ты ляжешь, как звезда морская,
И улыбнёшься, ощущая,
Как море бьёт тебе под дых.

Но на горбинке кадыка
Неловкий образ встанет дыбом,
И поплывут глаза, как рыбы,
Сквозь фальшь увидев рыбака.

* * *

Устало стравливая дым,
Ты топчешься во тьме.
Кого-то здесь полно-полным,
Полным-полно вполне.
В осином прячется гнезде
Твой внутренний покой,
И дерево течёт к тебе,
Забыв, кто ты такой.
Но ляжет пепел на полынь,
Сырую от росы.
И небо станет смоляным,
Как сон осы.

* * *

Незима, небелёсые сосны,
Не размотанный бабкой клубок.
Ты спускаешься не под откос и
Не себя волочишь в уголок.
Вспоминая кого-то некстати,
Замерев, различаешь сквозь снег,
Как на панцирной голой кровати
Одиночество стонет во сне.
И зимует внутри, и зимает,
И кусает обветренный рот.
Слышишь — ветер в соломе играет,
И собака не спит у ворот.

* * *

Ты чувствуешь нутром движение нутра
И выдыхаешь ртом надрывный скрип качелей,
Где Логос мимо нас, и голос мимо рта,
Где прямо за стеклом глаза остекленели.
Твой город сохранит студёное нутро,
Прохладу пустоты в отверстии скворечном.
Ты падаешь на снег. Снег падает в метро.
Вы едете вдвоём, конечно, до конечной.

* * *

Сквозь призму кроличьих зеркал
Взглянул в могилу на погосте
Усталый сторож. Снеговал
Переломал деревьям кости.
Прошёлся вечер по стене,
Открыв исподние морщины
На рамах. Где-то в глубине,

Чернея, выгнулась лучина.
И тень уселась на полу,
Опережая своё тело,
И пламя сплюнуло золу
На зиму, белую от мела.

* * *

Наблюдай, как в пылу колокольного дня
На стекле догорит серебро,
Как погибнет от солнечного неогня
Перечёркнутое неперо.
Это талые птицы у окон твоих
Неизвестный сложили маршрут.
Если ты этой ночью подышишь на них,
То к рассвету они оживут.

* * *

Белея тонкими губами,
Он бредит, будто бы бредёт.
Над деревянными домами
Улыбка заячья плывёт.
Звериного не слыша смеха,
На земь ложится, как в кровать,
И эха ждёт. Но даже эхо
Не знает, что ему сказать.

* * *

Во мраке полого барака,
Как на дразнящий маячок,
Зачем-то лаяла собака,
Кошачий чувствуя зрачок.
Скелет утопленного лета
Поёжился меня внутри.
— Не говори со мной об этом,
И ни о чём не говори!
Во мраке полого барака
Со мной болтала пустота
О беспричинности собаки
И беспредметности кота.

* * *

шестнадцатое. август. переплюнь.
дай бог дожить до осени. в подъезде
нам рожу скорчил ленточный июнь
и выкашлял кошачее созвездье
все спичечные пазухи пусты.
когда в палате бредят пироманы,
быстрее загораются мосты
за окнами автобусной нирваны.

утопленники кутают котят
в исетский ил, в засвеченные звёзды.
и если персеиды не летят,
перекрестись, пока ещё не поздно.

* * *

На окнах, запотевших поутру,
Где солнце преломляется особо,
Спасаясь от сквозящего озноба,
Ты солнце передумала в игру.
Закрыв глаза, сквозь неумелый сон
Залезла с головой под одеяло,
Где нежность, словно ягода, опала
И закатилась под твою ладонь.

* * *

Перо по птичьему закону
Гореть не хочет, но горит.
Сидит под лёгкими ворона
И по-вороньи говорит,
Как в чреве серости дремучей
В порочной череде причуд,
Крик, обречённый на беззвучье
С листа прочтут.

* * *

Кричала мама из окна —
Домой до девяти,
И если ты пошёл с ума,
Обратно не иди.
Ты ищешь между гаражей
Промокшую доску,
Там насекомое под ней
Грызёт свою тоску,
И всё никак не догрызёт
Подряд который год.
И если папе повезёт,
Он в маму попадёт.
Твой друг уже тебе не друг,
А просто сын отца.
И ты идёшь на новый круг,
Как спица колеса.
Вот ты сошёл с ума оси,
Ты ей не дорожил,
И кружатся на небеси
Друзья и гаражи.

ОБОЛИКШТА ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА родилась в 1985 году в городе Новоуральск Свердловской области. Окончила музыкальную школу по классу скрипки; философский факультет УрГУ по специальности «арт-менеджер». С 2002 года является постоянным участником и лауреатом региональных и российских конкурсов и фестивалей авторской песни. Серебряный призер Молодежных Дельфийских игр в номинации «Авторская песня» (2009). Участница литературного семинара А. Санникова при журнале «Урал». Стихи публиковалась в различных литературных журналах, а также сетевых ресурсах. Лауреат межрегионального фестиваля литературных объединений «Глубина» (2008). Автор литературно-критических эссе. Книга стихов «Эльмира и свинцовые шары» (2010) удостоена Большой независимой поэтической премии «П» (2011). Участница «Антологии современной уральской поэзии» (т. 3). Живёт в Челябинске.

Елена ОБОЛИКШТА

* * *

и развернули ветер в лиственное горение
голуби валаама

над головой хаттаба вольные астронавты
режут ножами время

вогнутые деревья спят поедая воздух
перед сражением в шашки

длинные псы тумана тянутся из окраин
будто перед расстрелом

перелистав морщины мерзлого генерала
сны захлебнулись матом

будто одновременно выключенные птицы
капли упали в кадр

вот и земля сгустилась в хохоте мандрагоры
вдоль метрополитена

и паровозы с тиной выплюнула наружу
кашляя и крестясь

* * *

Лунное тело наста рвётся наполовину,
одновременно птицы вращают воздух,
падает в горло крыльев сухая глина,
буквами обнимая солёный остров.

Или: влюблённо смерть выгладила рубаху,
превозмогая речь стуком пустой посуды,
где для уснувших рядом — ни сна, ни страха,
бог отмеряет: март и ещё минута.

Новорождённой тьмою в оба зрачка убитый,
видишь, как сын по букве ест у деревьев руки,
тополя подбородок, высохший от обиды,
яблоневых корней тёплые виадуки…

* * *

крути педали бог над спящим олоферном
боливия видна и команданте жив

не покладая ног соломенных наверно
цикадами вдоль дна все воды оглушив

вниз головой летя над пустотою места
сквозь парашют едва ли кислород проник

разбитых два локтя запойного модеста
целуй пока трава не вырастет на них

смотри-ка дровосек ты потерял мизинец
и подлетает стерх выравнивая клюв

сквозь аномальный снег садится на эсминец
и выпадает вверх январь сведя к нулю

на полресницы от мы спящие от смерти
атлантику взболтай да перелей в бутыль

и выпьет ланселот и за базар ответит
и ляжет сквозь алтай в какой-нибудь ковыль…

* * *

Распрямляя спину скарабея,
бог уснул в светящейся листве,
женщина, прощаясь и робея,
завертела пламя в рукаве.

Камнепады двинули к востоку,
радио расплескивает вой,
врут кардиограммы понемногу
Родине о том, что я живой.

Только горы, свёрнутые втрое,
мне молчанием могут отвечать:
дерево сгорело или Троя
вплавлена в горящую тетрадь?

* * *

в дубай на реактивных ранцах
летали дни
над головами пакистанцев
передохни

вдевая смех по самый ужас
меж ребёр слов
среди брыкающихся кружев
почти лесов

не оборачивайся сразу
и бойся не
стирая жизнь как будто фразу
наедине

завравшиеся мониторы
один патрон
в руке архангела который
приговорён

сплавляться вниз по корвалолу,
как по реке
сквозь продырявленные сёла
на языке

* * *

За дождь или два,
вдоль губ — отрешенный воздух,
я знаю слова,
и реки молчания после.

Стрекозы легки:
кругами летают в Нижний
и Верхний Тагил,
где поезд, почти не слышный,

ржавеющих рыб
нерыбное место — справа
и вместо молитв
целую в затылок травы.

Ногами огня,
касанием — в босые плети,
врастаешь в меня
за восемь стрекоз до смерти.

* * *

Сминая сад опущенных ресниц,
сгибая сны в предутреннее зрение,
светает бог на скорости горения,
из высоты осунувшихся птиц,

Листва прочнее лезвия стального,
остановившегося у виска.
Где в воздухе ни выстрела ни слова,
страна моя прозрачна и близка:

на улицах её раскинул бусы
из пепла прорастающий репей,
и женщины гуляют и смеются,
пиная мясо мёртвых голубей.

* * *

Воздухоплавание садов
с веревки бельевой.
Мы входим в воздух без голов,
как в ночь вплывает Ной,

мы носим руки вдоль земли,
где нищее зерно
и где полжизни провели
со смертью в домино.

Виолончельна тишина,
ресниц опавших нить
светящаяся, как страна,
где некому любить.

* * *

в сверчковой темноте разутые деревни
овечьими глазами смотрят из травы
в кило́метрах шести от Родины примерно
озноб стучит как смех кромешной татарвы

обильный кислород горчит не за измену
а будто говорит о Гоголе тоски
и привокзальный бомж тебя проводит в вену
потом — ни зги

так в заплутавшем шатле хрип системы связи
шестые сутки сплошь один фокстрот
стираешь память вдоль по руслу клязьмы
шипящей речью забиваешь рот

смотри тагил протяжней малолетки
закуривает клевер натощак
вдоль пуповины транссибирской ветки
в свинцовых водах тело полоща

урал к тебе протягивает сырость
и пьет с лица изломанной реки
о венский кофе! тьма не расступилась
разлитая по чашкам вопреки

с утра картавит радио на польском
за пропитый солдатами гештальт
разбросанный по улицам свердловска
и вкрученный березами в асфальт

он прямо к перекошенной ограде
кирпичного барака например
тебя ведет во сне за бога ради
и Бог не умещается в размер

* * *

Отдаленный гул тополиный со дна реки —
не умру шелестят подводные мотыльки

выпрямляя голос как надувной плавник
водяная оптика, взорванный материк

не умрёшь травяное имя легко на вкус
оцифрован воздух свернут горящий куст

и дрожат шары кислорода у рыб внутри
где река ломаясь делит себя на три

* * *

1.

О чем ты говоришь мне по ночам,
дотрагиваясь пальцами врача
до глаз? Теперь я задержу дыхание:
считать до ста без видимых причин
(потом деревья, женщин и мужчин)
я не могу, но есть и оправдания:

они похожи линиями рек
в морщинах дождевых прозрачных век —
не повторит вода тепло родимых пятен,
их мёртв язык, и потому всеяден.

И час от часа легче их тела
ты прогибаешь в долгие слова,
ломая плечи, глиняные ноги,
они кричат, и нитью голосов
ты зашиваешь раны мёртвых псов,
и псы бегут по каменной дороге.

2.

Смонтировать молчание ветвей
и лодку — вот такую, но длинней —
я забываю, только небо — ближе.
Урал лежит с рекою ниже ног,
жонглируя трамваями как бог,
тяжелою рукой сминая крыши.

3.

Плыл дирижабль травяной в реке
И рыбы в его пористой руке
дрожали как заплаканные лица.

Древесный ангел выронил тетрадь,
где записал о том, что умирать
не страшно, будто выпадет ресница.

(ну хочешь, эта жизнь опять приснится?)

ОХОТНИКОВА ВЕРА АЛЕКСАНДРОВНА родилась в 1953 году в селе Коптелово Алапаевского района Свердловской области. Окончила художественно-графический факультет Нижнетагильского пединститута, затем пять лет отработала в г. Сосьва. С 1981 года живёт и работает в посёлке Половинном, недалеко от г. Верхний Тагил, где уже более тридцати лет преподаёт рисунок, живопись, композицию, историю искусств и скульптуру в филиале Верхнетагильской школы искусств. Увлекается краеведением и туризмом. В начале 2000-х годов заочно училась на литературном факультете «Поэзия и проза» при театральном институте. Стихи публиковались в журналах «Урал», «Арион», «Южная звезда». Дважды (в 2004 и 2005 гг.) была лауреатом Рождественского поэтического конкурса в Каменске-Уральском, проводимого Литературным клубом «Феникс». Автор книг стихов «Божественный след» (2005) и «Счастье впрок» (2013). Участница «Антологии современной уральской поэзии» (т. 3.).

Вера ОХОТНИКОВА

* * *

Не верить, что жизнь матерьяльна,
не помнить, какое число,
увидеть бы солнце овальным,
и знать, что тебе повезло.
Следить бы за телом не строго,
душой оставаться в живых,
мужчин бы не клянчить у Бога,
и счастья не клянчить у них…

* * *

В столярке белая осина
да золотистая сосна.
Распорядиться древесиной
пришёл хозяин дотемна.

Достал обмеры. Близоруко
прищурился, перекурил.
Чужой докуки злая мука —
десяток досок распилил…

Смахнул опилки старой щёткой,
когда стемнело за окном.
Примерил крышку. Выпил водки.
Стакан поставил кверху дном.

* * *

На ветках птицы кучно.
Доныне, присно, впредь
от неба неотлучны,
не устают свистеть.

Домов, людей — несчётно.
Засыпан снегом пруд.
Добыча и охотник
поблизости живут.

Мой взгляд скользит по крыше,
по окнам, по стене.
Мужик из дома вышел.
И нож торчит в спине.

* * *

Погоды плохую привычку
не думает август менять:
рябину — горящую спичку —
нельзя ни задуть, ни унять.
На ультрамариновом небе
вода дождевая в бегах,
и с трепетом служат молебен
осины на сизых ногах.
И нет цветового предела,
и Бога, наверное, нет,
но как поразительно смело
оставлен божественный след.

* * *

Сначала буду чайником греметь,
натягивать зашитые колготки,
потом перебирать в карманах медь,
учить детей… А ночью к подбородку
колени по привычке притяну
и, лишь глаза усталые закрою, —
верну свою счастливую страну
с купавками, купаньем и лаптою,
с отвесною скалою у реки,
где солнце жёлтой рыбой проплывает,
где мама поглядит из-под руки —
красивая, весёлая, живая.

* * *

Откуда столько света
в тридцатые года?
На солнце разогреты
мальчишки у пруда.

По небу транспаранты,
как по морю, плывут.
И в ногу демонстранты
по площади идут.

А вот Ильич во гробе
торжественно лежит.
Он вечно при народе,
и вечно будто спит.

Советская мадонна
к младенцу так и льнёт,
не глядя в заоконный
пейзаж, где снег метёт.

Я отвожу невольно
от Мейерхольда взгляд…
А дальше всё подряд —
уже не очень больно.

* * *

Как пережить эти флоксы и эти люпины?
Странно, зачем это мы их цвести торопили.
Ну, отцветут они, там и до снега недолго.
Сменишь на шапку свою боевую бейсболку.

Хочешь не хочешь… Зима нас об этом не спросит.
Видишь, неловко за флоксами прячется осень.
Зря торопили, за это несём наказанье:
чувствуем — скоро наступит момент увяданья.

Что за напасти, покуда цветенье в разгаре,
думать про осень, её шелестящий гербарий,
в мыслях картины просторней рисуя и проще:
первый снежок и последний осиновый росчерк.

Как пережить — не подскажет ни ближний, ни дальний —
снег этот радостный, этот листочек печальный…
Как пережить, чтобы не вспоминать люпины,
флоксы, настурции, бархатцы и георгины?

* * *

Не спрашивай, сестра,
откуда что берётся.
Так искры из костра
не устают бороться,

превозмогая тьму.
Погаснут, и не жалость,
не зависть — не пойму,
что поутру осталось,

когда курился дым,
когда глаза слезились,
и точки чёрных дыр
на куртке проявились.

* * *

Запорошены снегом дрова
и колун, как положено, в чурке.
Ах, найти бы такие слова,
чтобы грели, как наша печурка.
Краснокожие руки размять,
хлопотать о вечерней кормёжке:
будет чай на плите закипать
и вариться в мундирах картошка.

Будет липа моя за окном
беззащитна: согласно сезону,
ей терпеть, бедолаге, молчком,

вспоминая зелёную крону,
сохраняя тепло в глубине,
затаиться, сдержаться от всхлипов.
Вот бы людям такое суметь,
а не только берёзам и липам.

* * *

На обочине дороги двое мужчин
отстранились от окружающих,
идущих кто на службу, кто в магазин,
осеннее всех донимало пожарище.

Северная не вдруг загорится душа,
поначалу не заметишь смятения.
Стояли двое, папиросы держа,
предвкушая тепло в средостении.

Разговор неспорный неспешно вели,
смысл пропадал, как в стогу иголка.
От одной спички прикуривали.
Вдыхали глубоко, выдыхали долго.

* * *

Река насквозь пропахла рыбой,
пропахли рыбой рыбаки.
Живая наполняла прибыль
ведёрки, сетки и кульки.

Костёр потрескивал бескровно.
Ловцы молчали о своём.
Всё было сонным и бессонным,
и золотился окоём,

и расплывался дальний остров,
приподымаясь над водой.
Всё было просто и непросто,
как между счастьем и бедой,

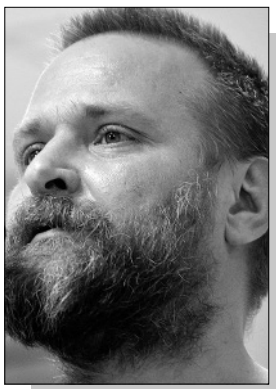
как между выдохом и вдохом.
Звезда явилась на погляд
взамен закатного всполоха.
Она пришла. И рыбы спят.

* * *

Пахнут руки землёй.
Наша почва — голимая глина.
День сегодня хмельной,
отцветают сирень и рябина.

Под весенний шумок,
забирая душевную смуту,
знать, любой черенок
приживётся в такую минуту.

А тебе из окна
будет слышно скворцов щебетанье,
и отпустится нам
грех пустого вранья и ворчанья.



ПЕТРУШКИН АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ родился в 1972 году в городе Озёрск Челябинской области. Публиковался в журналах «Урал», «Знамя», «Крещатик», «Уральская новь», «Уральский следопыт», «День и ночь», «Аврора», «Нева» и др. Автор нескольких поэтических сборников. Лауреат литературной премии «ЛитературР-Рентген» в номинации «Фиксаж» (лучший нестоличный издатель поэзии, 2007). Лауреат премии журнала «Дети Ра» (2008). Лауреат премии журнала «Зинзивер» (2010). Лауреат специальной премии «Русский Гулливер» (2014). Куратор евразийского журнального портала «МЕГАЛИТ». Участник «Антологии современной уральской поэзии» (т. 2, 3). Живёт в г. Кыштым Челябинской области.

Александр ПЕТРУШКИН

* * *

Объёмом станешь или лист
закроешь, светом умножаясь,
переливай себя из тьмы —
так ожидают урожая,

так голоса вживляешь здесь
в свои леса, в его оленя
и освещённый, но не весь,
стоит строитель на коленях —

он ищет от тебя ключи
и свищет соловьём безвидным —
поскольку некому смотреть,
и это вовсе необидно:

поскольку рушится не храм,
но свод становится всё выше,
и нашим скудным голосам
просторнее, когда не выжить.

* * *

Не раньше, чем начнётся смерть,
жующая свой хлеб беззубый,

не раньше, чем меня и впредь
не встретит мент, и не разбудит,
не вложит камень мне в глаза,
а в губы — гул пчелиный долгий,
я буду слышать голоса
тех, отъезжающих на лодке,
тех, уезжающих вперед,
сбросавших вещи в саквояжи
поспешно в свалку, как щенков,
так, словно не успеть им страшно
на этот длинный пароход
и не имеющий причала,
где б чайка, проверяя рот
б/у-шный, отвердев, кричала,
невнятно требуя избы,
сирени, от мороза ломкой,
и замороженных глубин,
или хотя бы потной шконки,

всплывут горящие гробы,
и станет мне тепло на лодке
перегибающей в обрыв,
где от встречающих так громко.

* * *

обиды нет
бледнеет и темнеет
холодный сад
в 13 году

от георгины
жёлтые аллеи —
как псы и кошки
с воздухом в паху

наматывают
мясо ледяное
на кости
неоформленных столбов

где газ по трубам
как ребёнок ноет
но кажется ему
что он поёт

по остановкам
как ворона мёрзнет
и кутается
носом в проводах

калёных электричество
[как в тельник]
и топчет ночь
дырявую в носках

обиды нет
а делится на трое
холодный свет
завёрнутый в сады

и пчёлы спят
щенками в чёрном торфе
зажавши в ртах
куски стальной воды

* * *

Передавая хлеб по кругу,
Как чайки гальку клювом в клюв —
Мы говорили с жидким богом
Своих друзей, чужих подруг —

Определённо и неточно.
Из ямы в детстве и земле —
Казался хлеб и мне порочным,
Сгорая спиртом на столе.

Передавал нас хлеб овальный,
Прозрачный на зрачок слепца,
Как гальку, как глоток печали
И срез на пальце у жнеца,

Он говорил за нас не дольше,
Чем воздух бился у виска —
В мякину обращая слово,
Скрипела чайками доска,

Скрипела этим жидким хлебом
Связав на мёртвые узлы,
Как жидкий бог чужое тело
с таким моим.

БЕССОНИЦА

Вывернув себя до дна
этой родины пустынной,
возвращаешь благодать,
благодарность и другие

нищих сумерек детали,
и бессонницу — с водою —
выжимая свет на тени,
где вернулся за собою,

выжимая льда сухого —
углекислый выдох в бледный,
пролетарский, бля, посёлок.
Слушаешь: [из шахты] медный

колокол — перевернувшись,
ищет звук в своём обломке
горлышком безъязыковым
он плывёт здесь с музой тонкой

возвратившийся, как блудный
сын в отцовскую могилу,
с тощей бабою бесплодной,
он плывёт в пивную жилу,

в купоросные разводы
смотрит, в родины пустоты
возвращает, к потной жажде,
чтоб задать вопрос мне: кто ты [?]

сын в отцовской яме роет
языком немного света,
чтоб оставить всякой твари
своё место без ответа.

* * *

но будто вся вода не здесь
но будто уточка взлетела
палаты все превозмогла
и села рядышком у тела

как пела здесь вода когда
пернатый выходил народец
из камыша едва дыша
и глядя в небо как в колодец

лежал и я меж сосен трёх
и наблюдал как эти дети
горят передо мной и там
из вёдер говорят нет смерти

и жук июльский говорит
перегорает в водомерку
и смотрит этот боже вниз
где ртом ловлю его монетку

* * *

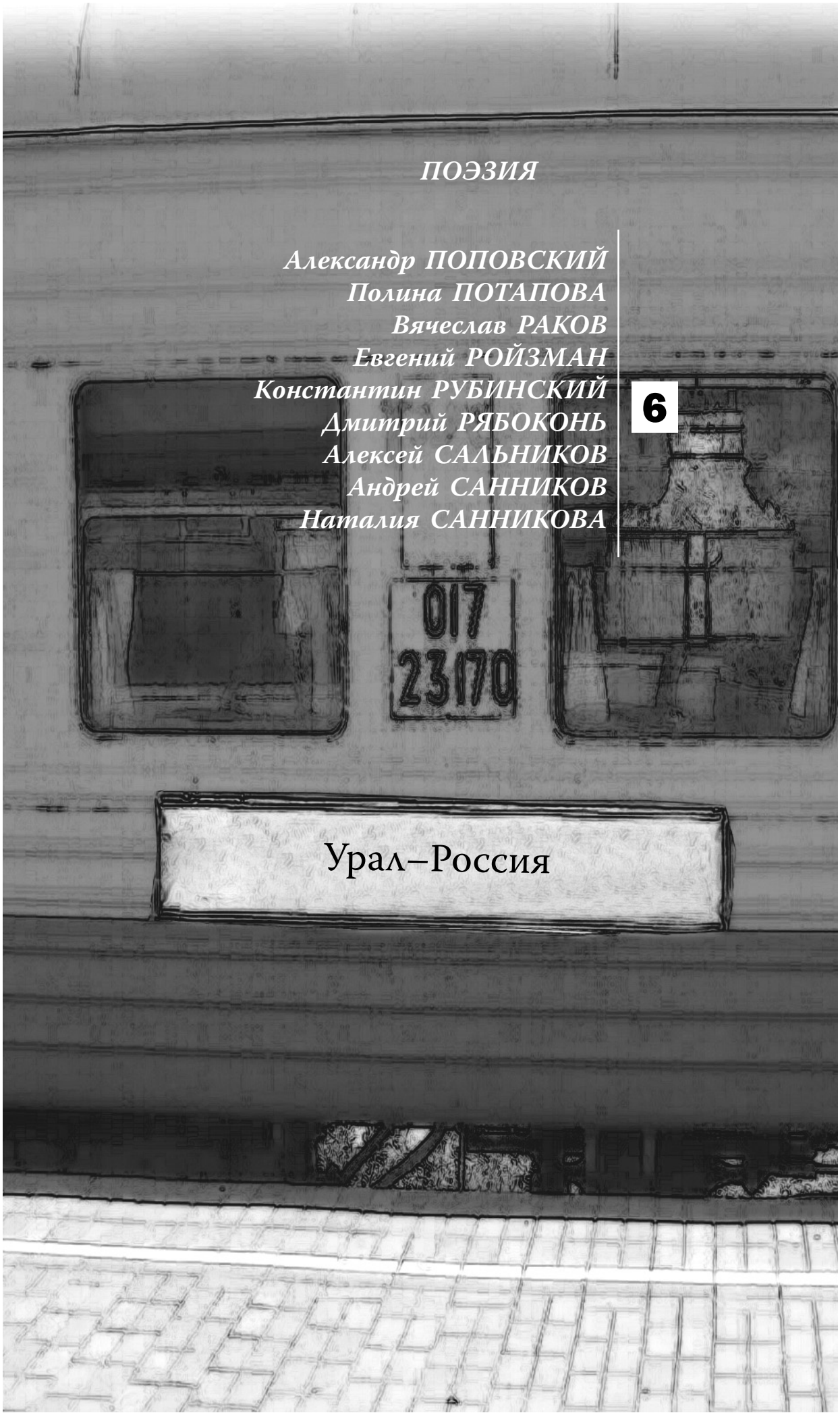
И ослепителен был свет
ремня у самой-самой смерти —
так не давался мне ответ,
когда ей прибавлял отверстий,

когда ей в кожаный хомут
втыкал я «жили-были вроде»,
заглядывал в свою же жуть,
конюшни путая с подводой.

Лежал в песке и языке
и, ослепительнее русских
стреляя у земли махры
из торфяных карманов узких,

смотрел в её своё лицо,
расколотое рыбной стаей,
и ослепительное то,
чем кожаный хомут мой станет,

когда я этот свет возьму
одним глотком для перевоза —
как стыд, который без меня,
как смерть останется бесхозным.

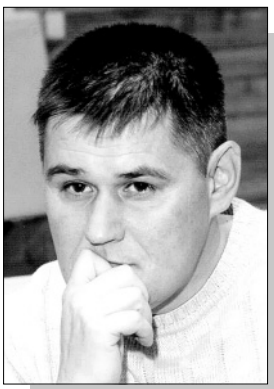


ПОЭЗИЯ

Александр ПОПОВСКИЙ
Полина ПОТАПОВА
Вячеслав РАКОВ
Евгений РОЙЗМАН
Константин РУБИНСКИЙ
Дмитрий РЯБОКОНЬ
Алексей САЛЬНИКОВ
Андрей САННИКОВ
Наталия САННИКОВА

6

Урал–Россия



ПОПОВСКИЙ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ родился в 1962 году в посёлке Астрахановка Актюбинской области (Республика Казахстан). Работал электриком, контролёром, инженером ПТО, метрологом, учителем физкультуры. Печатался в «Литературной газете», в журналах «Сибирские огни», «Бельские просторы», «День и ночь», «Дети Ра», «Зарубежные задворки», «Кольцо «А», «Русская жизнь», «Южный Урал» и др. Участник двух Всероссийских совещаний молодых писателей. Лауреат премии Российского творческого союза работников культуры в номинации «Поэзия» и Всероссийской литературной премии имени Венедикта Станцева. Финалист Международного фестиваля литературы и культуры «Славянские традиции — 2012». Автор пяти поэтических сборников: «Белый лист» (2000), «Путь» (2002), «С.О.Н.» (2007), «В шаге от райских ворот» (2012), «Главное останется за скобками» (2016). Участник «Антологии современной уральской поэзии» (т. 3). Живёт в посёлке Первомайский Челябинской области.

Александр ПОПОВСКИЙ

* * *

Каждый день как предпоследний.
Время есть ещё в запасе,
Чтобы выслушать все сплетни,
Выпить чаю на террасе.
Обездоленные вещи
Срочно привести в порядок.
Поимённо вспомнить женщин —
Всех советских космонавток.
К послесловью быть готовым
Даже в середине ночи.
И увидеться с Петровым,
Если он того захочет.

* * *

Пообещал, что вернусь
При адекватной погоде.
Всё же я стреляный гусь,
А не пиджак в огороде.
Кроме невидимых пут
Есть кое-что за душою —
Кошки всё время скребут,
Волки без устали воют.
Я как две капли похож
На человека, кто верит
Сам в неприкрытую ложь
Утром у женской постели.

* * *

Не просто цепь событий,
Случайностей набор
Подёргиваньем нитей
Воссоздаёт актёр.

Являя суть вопроса
Простым движеньем рук,
Он два в одном — философ
И человек-паук.
Застенчивый немного,
Но тут он ни при чём —
Его талант от Бога.
Откуда же ещё?

* * *

Сошёл благодатный огонь. И картофель взошёл.
И рай на земле краткосрочно наступит в июне.
Со знанием дела собака глодает мосол,
По капле роняя в песок невесомые слюни.
Безветренно. В недрах ветвей зарождается пух —
Для белых одежд будем прясть эксклюзивные нити.
Пространство смиряет хлыстом одинокий пастух,
А время упрямо молчит, чтоб мечтать на иврите.

* * *

Жгли впрок «зафрактованный» хворост,
Одежду суша, пацаны.
Монтёра закадровый голос
Рвал нежную ткань тишины.
Сверчок отзывался фальцетом,
А ветер — хрипением крон.
Негромко болтали «об этом»,
Но без разглашенья имён.
В итоге на свет появлялась
Слегка поперчённая явь.
Окурки, а что оставалось,
Стремились до берега вплавь.
Неопытный самый и хлипкий
Пытался своё доказать —
Что он виртуозно на скрипке
Играет. Вот где ж её взять?

* * *

Послания заборов, стен, цистерн,
До крови расцарапанных пустот,
Внимательно читает Анна Керн,
От глаз недобрых пряча свой живот
Под куполом букета белых роз, —
Похоже, дело движется к венцу.
И пресловутый авитаминоз,
Как никогда, идёт к её лицу.

* * *

В VIP-ложе резеды и лебеды
Спонтанно возникают подозренья —
На небесах нет счётчиков воды
И потому так часты наводненья.

Что это не какой-то злобный рок,
На голову упавшие проклятья,
А форс-мажор. Мой сахарный дружок,
Не раскисай — мы все тут сёстры-братья,

Как по несчастью, так и по своим
Сугубо маргинальным убежденьям.
Короче — хоть хотим, хоть не хотим
Того, но мы одной цепочки звенья.

И что-то изменить, увы, никак
Не выйдет точно — плюнь на все заботы,
Хватай что попадётся — лучше флаг,
По крайней мере будет ясно, кто ты.

* * *

Полдня ходил и поливал из лейки.
Ржавела в ожидании кровать.
Осталось дел всего на полкопейки,
И можно было б руки умывать.

Но дождь все планы на корню порушил —
Почти что плюнул. С миной на лице
Смотрю, как над шестою частью суши
Гроза воюет с мухами цеце.

Забылось всё: что труд пропал напрасно,
Что мух заморских находил в вине.
И в этой ситуации неясно
На чьей же окажусь я стороне.

Кому отдам в итоге предпочтенье,
Подам, не глядя, выпавший клинок.
И у кого я попрошу прощенья
За то, что пожалел, но не помог.

* * *

Всё замечаю подспудно.
Вижу ещё о-го-го!
На горизонте безлюдно,
Можно сказать, никого.

Пусто на западном склоне.
В принципе, ясно без слов —
Нечего тут посторонним
Наших кормить комаров.

Только следы от ботинок
Всюду на влажной стерне.
Может, в союз невидимок
Нужно податься и мне?

Сразу исчезнут интриги
И одолеет тоска.
Буду дочитывать книги,
Строить дворцы из песка.

* * *

Это не моя вина,
А тем более — заслуга:
Светит жёлтая луна,
Плачет жалобно белуга.

В остальном — без перемен,
Без особых изменений.
Поднимаю дух с колен
После взлётов и падений.

Совершаю променад
Там, где я ни разу не был.
Пальцем тычу наугад —
Попадаю точно в небо.

ВСТРЕЧА

Сердце трепещет, как рыба в садке.
Знаю, что чувства не выражу речью.
Дверь отворилась, и в жёлтом платке
Мама случайно выходит навстречу.

Непроизвольно скатилась слеза —
Место наметила первой проталины…
А под ногами бежит полоса
Белая, даже края накрахмалены.

РАЗВАЛИНЫ ДК

Никаких вторичных признаков,
Что была здесь раньше жизнь.
Изгоняю мнимых призраков:
Влево, вправо, вверх и вниз.

Слоем пыли припорошено
То, чего в помине нет.
И себя настолько брошенным
Я не видел много лет.

Не дождусь рукопожатия.
Не предложат первый блин.
Про Бастилию до взятия
Помню только я один.

Мне не нужно чьей-то жалости —
Не поможет всё равно.
Погасите свет, пожалуйста, —
Я пришёл смотреть кино.

ПОТАПОВА ПОЛИНА ВЛАДИМИРОВНА родилась в 1978 году в с. Миасское Красноармейского района Челябинской области. Мать двоих детей. Филолог, журналист, фотограф. Автор трёх поэтических сборников и книги стихотворений «Первые значения» (2016). Публиковалась в журналах «Уральская новь», «Уральский следопыт», «Урал», сетевом журнале «Новая реальность», «Невском альманахе», «Балтике». Финалист международного поэтического конкурса «Бог сохраняет всё; особенно — слова» в рамках фестиваля «Провинция у моря — 2016», шортлистер II Международного литературного конкурса «Славянская лира 2015», в номинациях «Поэзия. Свободная тематика»; призёр Международного творческого конкурса «МИРСКОНЦА-2015» им. Велимира Хлебникова, в номинации «Письмеса: поэзия» (2-е место). Участница «Антологии современной уральской поэзии» (т. 2). Живёт в Челябинске.

Полина ПОТАПОВА

* * *

Но всё прошло: и дожди, и годы,
срок проживания в квартире съёмной
и площадь полной пустой свободы,
так нагло взятой и заселённой;

прошли запои, хандра, ангина,
квартира медленно опустела,
в углу повесилась паутина,
а там когда-то пальто висело;

ушла жена — у неё подруга,
гуляет кошка в пустой квартире
и тщетно ищет свой пятый угол,
а их — ну хоть заищись! — четыре;

прошли обиды, желанья, зимы,
в пустой квартире гуляет ветер,
и пятый угол, всегда незримый,
сегодня необратимо светел.

* * *

покуда шалью тайн укутана
(тран)шея с хрипом многократно,
мы не возникнем там, откуда нам
не слышно выхода обратно.
мы тут останемся, упрямые,
пока ненаше в нас втекает,
где то провалами, то ямами
боль о вчерашнем намекает
и задыхается как будто вся
от то ли бега, то ли бога,
где шарик ясности запутался

в корявых ветках полилога
(переписав обиду набело,
не прикрепить к письму ответа)
и где не даст ангина ангела
ни проглотить, ни сплюнуть это.

* * *

Сынка зачав по кама-сутре,
Спит папочка в уютной матке,
Он мальчиком проснётся утром
В своей кроватке.

А девочкой проснётся мама,
А веточкой качнётся липа,
А стрелочка качнётся вправо,
А влево — рыба.

Но первою родится доча,
А с вербою родится сына,
И левое забьётся очень
И очень сильно.

А папочка проснётся вместо.
А мамочка — ничто иное.
А лялечке тепло и тесно
Во сне весною.

Распустятся на липах почки,
И улицей запахнет липа,
И втюрится в папашку дочка
(Синдром Эдипа).

А мамочка проснётся с сыной,
А сыночка проснётся с мамой,
А липочка запахнет псиной,
А каша — манной.

А в городе темно, как в рыбе,
А в городе тепло, как в рыбе,
А в городе сплошные рыбы —
Сплошная липа.

Под липой — человек не храбрый
Трясёт седою бородою,
И пахнет мир абракадаброй
С белибердою.

* * *

расчищенной тропою
идётся хорошо,
кто вышел из запою
и кто в него вошёл.

всё — снег.
как не крути ты —
что эдак, что вот так,
а смертному идти-то
что в церковь, что в кабак.

кто выпал из обоймы,
а кто — в неё попал,
но видится обоим,
что кончился запал

и всё-таки неважно.
не всё ли к одному?
но страшно,
очень страшно
другому и тому.

СМОТРЯЩИЙ ИЗ ТИШИНЫ

Он снаружи глядит в окно, а наскучит — «кто́ вы,
чтоб прикидываться бессмертными!» — намекнёт.
(*...поутру приходил знакомиться участковый.
и спросил ещё про соседа: буянит? пьёт?*)

Заряжаясь от солнца утром и тая в небе,
он способен метать отравленные лучи.
(*...ну, бывает, напьётся. ну, поломает мебель.
ну, покроет всех матом. главное — не молчит.)*

А ночами — бельмом фонарного глаза светит,
смерти ближе, бледней покойника... страшный вид.
(*...я не знаю, чего рассказывать о соседе.
если слышу я — мне спокойно. пускай шумит.*)

Он в агонии пьяной не пробивает стены.
(*лучше б он — не алкаш сосед — был бы слышен мне*)
Он, безмолвно давя на нервы, вскрывает вены.
(*лучше б громко — мне страшно в мертвенной тишине*)

Он стучится внутри, но глухо, почти не слышно,
где-то слева он смог вломиться в мой мир — туда,
где меня не найти, откуда я тихо вышла,
зная: нет на него милиции.
И суда.

ТУГО

Социум медленно вкручивает подростка
в стену канонов, но зря ведь: под ней — пролёт.
Вроде в отметке шурупчик, но нет — загвоздка:
девочка сопротивляется, не идёт.

Зыбкий просвет на душе, а в ушах — по кругу
модных тоннелей, как пропасти полой две.
Ввинчивается по шею, а дальше — туго:
что-то у девочки свёрнуто в голове.

Несколько разных отвязных татуировок
видно, и слышится даже как будто мат.
Бабки на лавках шипят за версту: «оторва»,
математичка и классная бьют в набат.

Предки же «не просыхают» от корвалола:
девочка мальчика любит, а тот — урод.
Верите — не принимает оторву школа,
хоть притворяется, будто наоборот.

Словно по краю обрыва, идёт по школе
жизни, когда-нибудь — ясно же — упадёт…
Социум, да убери ты отвёртку, что ли.
Не издевался бы — взял бы шуруповёрт.

ЧТО ОСТАЁТСЯ

горчит миндаль и жжёт имбирь —
куда уж проще.
дымит урал, цветёт сибирь,
вода полощет.

откусишь лёд, откроешь рот —
свежо и мятно.
хоть нагородишь огород —
а всё понятно.

не важно, кто на что готов
на склоне лета,
ведь остаётся только то
и только это:
гореть — траве, манить — краям,
чужим и дальним,
хрустеть — орехам и корням
имбирминдальным,

болеть — зубам без плотных пломб
(трава долечит)
и застревать волокнам слов
в щербатой речи.

ТРАВА НА ПЕСКЕ

обрастаю стеной из камня,
и всё тише мой бог и реже…

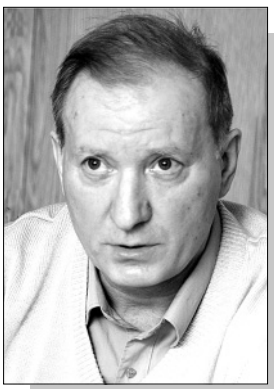
накидайте в лицо песка мне
с ваших призрачных побережий,
чтоб не прятал — мол, всё в порядке —
нервных вспышек за приступ лени.

столько всяких в навозной грядке
нераскрывшихся преступлений…

покопайтесь в моих подкорках,
закидайте сомнений лужи,
и покатится жизнь под горку…
впрочем, кажется, мне не «ну же!»

на урале мороз крепчает,
но медведи без шапок ходят,
а у вас — всё одно: скрип чаек
и не верит душа погоде.

не поеду я в ваши кущи
ни одетым, как есть, ни голым.
я останусь. трава же гуще
разрастается, если горлом?



РАКОВ ВЯЧЕСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ родился в 1953 году в городе Молотов (Пермь). Окончил исторический факультет Пермского государственного университета (1976). В 1976–1981 годах работал учителем истории в одной из пермских школ. С 1981 года — преподаватель истфака ПГУ. В 1983–1986 годах учился в аспирантуре МГУ. Кандидат исторических наук. В настоящее время — доцент кафедры гуманитарных дисциплин Пермского филиала Высшей школы экономики. Публиковался в журналах «Несовременные записки», «Уральская новь», «Урал» и др. Автор монографии «Европейское чудо» (1999). Автор двух поэтических сборников: «Золотая игра» (1996) и «Число π» (2006). Участник «Антологии современной уральской поэзии» (т. 1, 2). Живёт в Перми.

Вячеслав РАКОВ

* * *

Век Медичи, холстов и свежих переплётов,
Как сахар-рафинад, твоя латынь чиста.
Над ней корпят без сна, её хватают с лёту,
Чтоб вместо «Отче наш» нашёптывать с листа.

Твой Козимо рулит, и твой Фичино бродит
В платоновых садах счастливым горбунком,
Все пассии твои приверженны природе,
Оправленной в слова и тронутой медком.

Вам, кто глотал слюну при виде инкунабул,
Кто цвёл в Аркадии и всё копил ума,
Уже не разобрать за вашей колоннадой,
Что шутки кончились и на дворе зима,

Что гонором своим вы провалили драму,
Что вас давно несёт пустая канитель.
И где вам замолчать — вы сроду не Палама,
Чем правильней мозги, тем неизбывней хмель.

Вы не повинны в том, что не читали Канта,
Но вы не мальчики и кинулись в поход,
Тот, головной, где вас пристукнет фолиантом
Лукавый древний дух. И суд его поймёт.

В дворцах Флоренции прогретой почвы комья.
О, бремя книжности, как нам тебя снести?
Прощайте, мальчики, я вас в упор не помню,
и только землю захвачу в горсти.

* * *

Распахнута осень до третьих глубин.
Распахано поле. Прохладно.
На этой земле я твой раб, Господин,
Ты держишь меня. Вот и ладно.

В твоём винограднике я не с утра,
Мне осень глаза промывает.
Меж мной и Тобой — золотая игра,
Какой без любви не бывает.

И слух мой гудит на манер проводов,
И свёрнуто ухом пространство,
И тихая дрожь набегающих слов
Меня возвращает из странствий.

Осенняя флейта. Внимательный Глюк.
Рябины Второго завета.
Твой образ во мне проступает не вдруг,
Глаза прикрывая от ветра.

Окликни по имени день мой и час.
Дороги сбегаются вместе.
В лесах зазеркалья огонь не погас,
И воздух подобен невесте.

* * *

Бытие пересказано греком Лукой.
Изумлённо спеша за бегущей строкой.
Повторяя слова, что рука выводила,
Он не видел: под нею не сохнут чернила.

Бытие же дышало, как спящий атлет,
И коробился буквицы кордебалет.
Как большая вода, волновалась страница,
Продолжая сама над собою трудиться.

Мы читаем по звёздам, но это пока.
Нашу лодку трясёт твоё море, Лука,
И я слышал, как до наступления света
Говорили Мария и Елизавета.

Ей, равв, ты у сердца, я открою на стук,
Мне родить и родиться — только крикнет петух,
Потому что живых не пускают на мыло,
Потому что ещё не просохли чернила.

* * *

С уверенностью глядя в прошлое,
Где не кончается война,
Он подорвался на горошине
И запросто лишился дна.

Так и висит из чистой милости,
Змеиный проглотив язык,
Правей огня, а может, мнимости,
Исчёрканней, чем черновик.

* * *

Вокруг Перми леса мычат, как скот на бойне.
Кто выдумал, что им не страшно и не больно.
Над ними поднялись, запричитали птицы,
Переворачивая небо, как страницу.
Два ангела летят по улице Краснова,
Заглядывая в сны и находя полову.
Здесь праведника нет, и дальше будет то же,
Кошмарный город Пермь выгуливает псов,

Его собачья жизнь пошла гусиной кожей,
И дети отвечают за отцов.

День валится за днём, цепляя нас корнями.
Мы жили и умрём весёлыми парнями.
Из бестиария замученной земли
Мы выберем сибирского котёнка
И пыль уральской ядерной зимы
Переживём в заботливых потёмках, —

Под тонкой шкуркой новеньких небес,
Где бандерлогам ничего не светит.
Ещё скрипишь, ещё ты дышишь, лес.
И тут как раз нас ангелы заметят.

* * *

Родился в чём был, почему-то молчком,
Запомнились бурые уши торчком
И то, как отец всё кричал, что ему
Никто больше в морду не даст. Я не знаю,
Когда эту длинную память уйму,
Навылет привыкнув смотреть не мигая.

Вот я прибываю в четыре ноль пять,
И Богу нетрудно меня отыскать
В роддоме за церковью. Вот я неловко
Влачусь, как пасомая божья коровка,
И следом тяну пуповину ничто,
А мать говорит: «Почему он не плачет?» —
Отшлёпанный, я начинаю ишачить
На красное сердце, на голос щенячий,
На стыдный стишок.

Из местного времени слеплено тело,
Которое если чего и хотело,
То слишком известного. «Славка — дурак», —
Написано мелом на драном заборе,
Мне холодно в континентальном зазоре,
Но это пустяк.

Бредёт восвояси, бухая, лахудра,
Сквозь дождь нависает октябрьское утро,
Нирвана отложена в долгий комод,
Там ждёт-дожидается розовый Будда,
И розовый палец сосёт.

БАБОЧКА ПО ИМЕНИ ВОТ ТЕ НА

Мальчик-мальчик, ты отвязан
За мгновение до сна,
Ты одним дыханьем мазан
С бабочкою Вот Те На.
Ваша узкая удача
Разрешается в просвет.
Бог ты мой, не надо сдачи
И спасибо за билет.

* * *

В ползучей Мотовилихе замри.
Здесь водятся местами упыри,
Здесь время не заметит, как пройдёт
На колких ножках задом наперёд,
Всё выйдя у пьянчужек и котят,
Что на Висиме гроздьями висят.

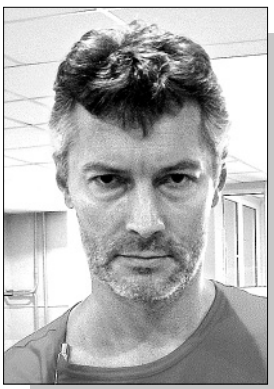
Да, скифы мы, да, азиаты мы.
Ползут над Мотовилихой дымы,
Ползёт трамвай под номером четыре
И Кама расползается всё шире.

Над пропастью Рабочего посёлка
Ночами — старушонки на метёлках.
Здесь твой мужчина беден, но горяч,
Здесь выпит воздух до Кислотных дач.

Но ты, моя родная, не горюй
И после водки на воду не дуй.
В ударе мы, и не боимся спиться,
Раз заглянув за раздвижные лица.
Пусть этот город высосан до дна,
Пусть грош ему, поганому, цена, —
Я за одно твоё живое тело
Его прощу у лёгкого предела.

* * *

Кажется нам по пути
Городок-с-ума-сойти
Думаем не головой
Ты да я да мы с тобой
Ты подрос и я подрос
Это даже не вопрос
Ты уж братец не серчай
Городок-прости-прощай
Я барбос и ты барбос
Городок-спаси-Христос



РОЙЗМАН ЕВГЕНИЙ ВАДИМОВИЧ родился в 1962 году в Свердловске. Поэт, историк, искусствовед, создатель фонда «Город без наркотиков», музея иконописи и живописи. Работал сборщиком на Уралмаше, окончил УрГУ. Мастер спорта по трофи-рейдам. В 1988 году организовал поэтическую группу «Интернационал» и вёл активную самиздатскую деятельность, публиковался в журналах «Аврора», «Юность», «Урал» и самиздате. Инициатор издания большого количества книг уральских писателей. Автор двухтомника стихов и прозы: «Жили-были» и «Невыдуманные рассказы» (2011). Был депутатом Госдумы 4-го созыва. В 2013 году выбран мэром Екатеринбурга, работает в этой должности по настоящее время. Участник «Антологии современной уральской поэзии» (т. 1). Живёт в Екатеринбурге.

Евгений РОЙЗМАН

* * *

Итак, всё решено. Мы остаёмся.
Не едем. И уже не торопись.
Пусть тот, кто хочет, — катится. Катись
И ты туда. Мы как-нибудь прорвёмся.

А если не прорвёмся, то прервёмся.
Кому она нужна, такая жизнь,
А не нужна — возьми и откажись.
А что до нас — мы как-нибудь прорвёмся.

Не торопись и доводы сложи.
Всё решено, и мы не побежим.
И не за тем, что вдалеке не слаще.

Кто выжил здесь, тот ко всему привык.
Но как оставить русский мой язык.
Боюсь уйти. Они его растащат.

* * *

В Империи развал. Шумят рабы.
Спартак в ударе. Просветлели лица.
Но чучело Вождя в плену томится,
А из провинций всё текут гробы.

Окраины бурлят. Им отделиться
Хотелось бы. Кто в лес, кто по грибы —
Куда угодно. Лишь бы от судьбы.
А Император волен застрелиться.

Сенат прогнил. Лишь выправка да спесь.
Все скурвились. Пора срывать погоны.
Из Сирии выводят легионы.
Всё правильно. Они нужнее здесь.

Империя, как тот презерватив,
Что пацаны всем скопом надували,
Вот-вот взорвётся, матушка. Едва ли
Империю спасёт инфинитив.

Что делать? Сам не знаю. Но держись.
И утешайся запрещённым средством.
Поэту не к лицу спасаться бегством.
Но всё же крикнуть хочется: «Ложись!»

* * *

Чуть неуверенно
Чёрного цвета

Следуют строки
Забытому следу

Так человек
Проболевший все лето

Тихо ступает
По первому снегу…

* * *

Недавно разрешили говорить.
О гласности указы огласили.
Плебеи и рабы заголосили.
Сам понимаешь, что тут говорить.

Кто говорит, а кто-то копит злость.
Поймали карфагенского шпиона.
Давно не пишут против Апиона.
И Апионов много развелось.

Загажен Рим. Загружен Пантеон.
Никто не пожелает потесниться.
А так хотелось тоже попроситься.
Ему нельзя. Пока у власти он.

Империя не встанет на дыбы.
Империя скорее встанет раком.
Все видится отчётливо. Однако
Рабы всё чешут скошенные лбы.

* * *

Нет сквозняков. Заклеено окно.
Опёрлись руки. Приподнялись плечи.
Прохожие спешат. Конечно, вечер.
Хотя не вечер, но уже темно.

Как хорошо, что высоко есть Бог.
Жизнь перестанет и придёт другая.
Всё движется, не покладая ног.
И катится, колёс не покладая.

* * *

Снег ли идёт
Или льют серебро
Выпало белое
Полночь на крыше

Хрупкие скрипки
Светлее и выше
Кончилось злое
Настало добро
Вышло из праха
Вернулось во прах
С долгой разлуки
К родному порогу
Лёгкий твой Дух
Возвращается к Богу
Только откуда, скажи, этот страх?

* * *

Белый туман. Предрассветная тишь.
Тишь (куда денешься?) да благодать.
Как ни глядишь — никого не видать.
Да и вообще — никого не видать.

Хочешь не хочешь — вокруг никого.
Да ты не понял — не здесь, а везде.
Кроме тебя. И тебя одного.
И твоего отраженья в воде.

* * *

Пойдём по Стрелочников прочь
Непроходимыми дворами
К вокзалу шумному где ночь
Зачёркнута прожекторами

В моём кармане ключ-тройник
И ножик и немножко денег
Пока не видит проводник
Давай куда-нибудь уедем

Туда куда ведут пути
Где не жирафы а медведи
Мы никогда не полетим
Поэтому давай уедем…

* * *

Остановился недолёт
Недолетая перелёта
В болоте залегла пехота
Ушла Армения под лёд

А за окошком дождик льёт
И просыпаться неохота
Но поднимается пехота
И отправляется в полёт

Да из болота без билета
Без топора и пистолета
И нет как нет конца войне

А я один я не в пехоте
Я пребываю в недолёте
На стыке бытия и не

РУБИНСКИЙ КОНСТАНТИН СЕРГЕЕВИЧ родился в 1976 году в Челябинске. Окончил Челябинский музыкально-педагогический колледж и Литературный институт имени А. М. Горького. С 1988 года стипендиат Детского фонда и Фонда культуры. С 1990 года стипендиат Межрегионального благотворительного фонда «Новые имена». Лауреат литературных и педагогических премий. Автор либретто, поэтических текстов, музыки и аранжировок к операм, мюзиклам, хореографическим и литературным спектаклям. Театральные работы по либретто К. Рубинского неоднократно получали национальную премию «Золотая маска». Был представлен на конкурсе «Музыкальное сердце театра» в номинации «Лучший драматург/автор текстов к российскому мюзиклу». Спектакли ставятся в театрах России. Издал шесть поэтических и прозаических сборников, многочисленные компакт-диски, поэтические альманахи своих учеников. Участник проекта «ГУЛ» (Год уральской литературы), один из организатор уральского поэтического фестиваля «InВерсия» (2016). Участник «Антологии современной уральской поэзии» (т. 3). Живёт в Челябинске.

Константин РУБИНСКИЙ

* * *

Не жажду, чтобы опустился нож
И полыхнуло пламенем чистилищным,
Но, право, не пойму: чего Ты ждёшь
С таким терпеньем, кротостью и силищей?

Какой сюжет ещё нам разыграть,
Кого начать взрывать или клонировать,
Какую рать в Чечне утрамбовать,
Какой инцест повальный распланировать,

Чтоб молвил Ты: «Ребята, полный бред!
Спасти театрик может только молния.
Кончаю постановку, гасим свет,
Финита вита, чаша переполнена».

Но вглядываясь в зала полутьму,
Где ложи табаком Твоим пропитаны,
Я думаю: Ты стерпишь и чуму,
И реалити-шоу с трансвеститами —

Последней каплей будут не они,
А сущая фиговина, наверное:
В сельпо старуху, скажем, обхамит
Кассирша под Сысертью или Плевною,

Та ей ответит, загудит галдёж —
До судорог привычная история, —
Но в этот миг Ты с тормозов сойдёшь
И овладеть собой не сможешь более:

Падёт огонь, взовьётся океан,
Восстанут мертвецы Твоим велением,
И — в общем, всё, что видел Иоанн,
Разверзнется в какое-то мгновение.

…Терпи века кровавые, пока
Последний дьякон не устал псалмы плести.
Тебе для гнева хватит пустяка,
А ужас Ты любой сумеешь вынести.

* * *

Положи этот камень на место…

Ю. Мориц

Море глотать не хочет один голыш.
Даже лизнуть — нет, думает, не лизну!
Море других полощет вовсю, но лишь
Он подвернётся — сворачивает волну.
Как ни старается сдвинуться он к воде,
Как до холодной кромки ни тянет бок,
Белая пена не жаждет им овладеть,
В чёрном песке своё хороня жабо.
Чем не сумел угодить Посейдону он,
Кто его проклял, чёрного, как кулак? —
Братьев его орошает солёный сон,
Этот же — сух и тяжек, горяч и наг.
…На берегу у самой воды стоишь,
Брызги, как поцелуи, ловя лицом.
Море глотать не хочет один голыш,
Ну а тебе что за дело, в конце концов?
Нам ли в расклад этот тайный, пасьянс глухой
Лезть, исправляя порядок заветных дел?
Но, осторожно погладив голыш рукой,
Будто случайно сдвигаешь его к воде.
Может быть, план Вселенной сейчас задев,
Или нарушив движенье незримых сил,
Ты на себя навлекаешь священный гнев —
Ради того, чтобы камень дышал и пил.

* * *

О первую пору не страшно, не жалко.
Лишь только разбившись об эти пожитки,
О ходкие шутки, о шаткие валки,
О шалые волки, о шитые нитки,

Лишь с ходу наткнувшись на добрую свару,
Поймёшь, что не будет и нету поблажек,
Пастилок ванильных, постелек на шару,
Дарованных кладов, граммовой поклажи.

Когда разглядишь золотистые шрамы
На лицах чужих, где беда увядает,
И лбом остывающим в белую раму
Уткнёшься, за кем-то вослед наблюдая,

Надежду, как пепел летучий, зароешь,
Потерю как память внутри осознаешь, —
Тогда лишь чудовище это раскроешь
И тронешь его за отравленный клавиш.

НИТЬЮ

вдеваться дальше
в женщину которая тебя не любит
в мать которая тебя не судит
в сына который с тобой не будет
в старика который тебе не отец а мог бы
в маяк на который тебя не пускают
в окна
на которых темнеют стёкла
потому что светает
ушко за ушком на себя набирая как звенья
иглу за иглой накопляя в гроздь
вживаться сильнее
вдеваться больнее
оставаться пройдя насквозь
старика
он в воду уходит
женщину
она в лодке дрожит
мать
она с того берега машет страшно
пальцы сына
меж которых песок бежит
его пальцы красивей песка
пока что

* * *

Строго, трудно с меня спроси.
В каждую мелочь ткни.
Позабытое сотряси,
Вывеси, разверни.

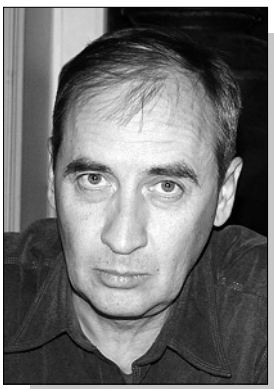
Брось попытку свести края,
Кротость оставь свою.
Господи! Не прощай мне: я
Ведаю, что творю.

* * *

Нехристь моя вода,
Накрест твоя волна.
Тёплый, войди сюда:
Кое-что сберегла.

Нерест растёт в крови.
Можешь удить в избе.
Зыбкая, забери,
Спрячь от себя в себе.

Холоден, тяжек шёлк,
Медь болит под губой.
Быть в тебе хорошо:
Лучше, чем быть с тобой.



РЯБОКОНЬ ДМИТРИЙ СТАНИСЛАВОВИЧ родился в 1963 году в городе Берёзовский Свердловской области. В 1985 году закончил истфак УрГУ. Работал учителем истории в школах, зав. отделом литературы в журнале «Голос», зам. гл. редактора журнала «New Фаворит», оператором паровых котлов. С 1986 по 1990 год — участник поэтической группы «Интернационал». Стихи публиковались в журналах «Урал», «Литературный Екатеринбург», «Байкал», «Prosodia», «EDITA» (Германия), «Артикль» (Израиль), в альманахах «Белый Ворон», «Век 21» и др. Автор книг стихотворений «Стихи» (1999) и «Русская песня» (2014). Участник «Антологии современной уральской поэзии» (т. 1). Живёт в Екатеринбурге.

Дмитрий РЯБОКОНЬ

* * *

Ребёнок ест четыре раза в день,
Причём жует по чайной ложке в час
И мочится… Раздень его, одень,
И уложить попробуй в мёртвый час.

Всё время развлекай его, смотри,
Чтоб не упал и никуда не лез,
И, если надо, сопли подотри,
И это — только маленький ликбез.

В ночи кромешной вскакивай, беги
На рёв, звучащий тысячью сирен,
И тихо размягчаются мозги,
И забываешь, как цветёт сирень.

Одна лишь мысль мерцает в темноте,
Избитую высвечивая суть:
Скорей бы оказаться в пустоте,
Скорей бы умереть, уснуть. Уснуть…

ДЕДУШКЕ КРЫЛОВУ

Залетев на высокие кроны,
Уплетают ломти колбасы
Вездесущие злые вороны,
А затем очищают носы.

Разжиревшие птички урвали
В суматохе базарной куски,
И теперь издеваются, твари,
Над желудком, что полон тоски.

И мерещатся взору картины,
Как, желаньем томимы одним,
Издеваются эти скотины
Над истерзанным трупом моим…

* * *

Всё проходит понемногу,
И совсем пройдёт…
Сменит нудную дорогу
Быстрый переход.

И тогда скажу я: здрасьте,
Червячки, жучки…
Наперегонки залазьте
В яблоки, в зрачки.

* * *

Трава, деревья, птицы, облака,
Всё, что угодно, всё, что есть в природе, —
За синим лесом тихая река,
Эфир, зефир и всё в таком же роде.
Давайте восхищаться, господа,
Не сдерживать восторженных эмоций, —
Вот, например, кристальная вода,
Которую воспел бы сам Гораций.
Лишь изредка, ненастною порой,
Природа надевает злую маску, —
Действительность прекрасна. Но любой
Зачем-то вносит адскую окраску.

* * *

Виноваты, конечно, монголы,
Виноваты, конечно, татары
В том, что все мы по-прежнему голы,
И живём, точно в мрачном тартаре.

Виноваты, конечно же, ханы,
Виноваты, конечно, баскаки,
В том, что все мы по-прежнему хамы,
И нам нечем прикрыть наши сраки.

До сих пор мы трясём ярлыками
И решаем, куда их повесить,
Желваками играем веками,
И от злости идём куролесить.

Виновато ордынское иго
В том, что мы, точно раньше, холопы,
В том, что видим по-прежнему фигу,
И глазами приучены хлопать.

* * *

Зима идёт своим порядком, —
На землю падает снежок,
Уткнулись школьники в тетрадки,
Жуёт обжора пирожок.

И протирает юбки, брюки
В конторах офисный планктон,
А у доцента — руки-крюки,
Зато знаток искусства он.

И прячет с водочкой бутылку
Пьянчуга от жены в сугроб,
Старается любовник пылкий,
И шахматист наморщил лоб,
И плотник гвоздь вбивает в гроб…

Зима идёт своим порядком, —
Возьми, и каждый труд почти,
Прочти о том, что всё в порядке,
Что всё в порядке здесь. Почти.

* * *

Мне не нравится это,
И не нравится то,
Я не буду про это,
И не буду про то.

Но мне нравится это,
И мне нравится то,
И я выпью за это,
Побазарю про то.

* * *

Кто же этот странный дядя,
Почему он прячется,
У него — испуг во взгляде,
У него — чудачества.

Может, он играет в прятки,
И в кустах скрывается?..
Задаёт он мне загадки,
С места он срывается.

Притаился дядя в сквере,
Он шпион, наверное,
Что-то есть в его манере
Необыкновенное.

Вот опять он за кустами
В длинном сером плащике,
Он в ботинках и в панаме,
Но без брюк таращится.

Я спросил сестричку: «Зойка,
Что это за дядечка?», —
«Там с большой морковкой зайка,
Это зайка, Федечка».

АНДРЕЮ ТОРОПОВУ В ДЕНЬ ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА

Жена взяла и вылила коньяк
С названием отличным «Командирский»,
Четыре звёздочки. А мне никак
Нельзя без коньяка. Ведь командирский.

Поэтому устроил я скандал,
Жена купила мне портвейн и пиво,
Я замолчал и злиться перестал,
И стал опять накатывать красиво.

Позвал собаку. Это — спаниель
Тибетский (очень скучно было в доме),
И с ней, пока выветривался хмель,
Границу охранял на стадионе…

9 ЯНВАРЯ

Не багровый закат заливает брусчатку,—
Это хлынула кровь из квартир и дворов,
А у тех, кто погиб, навсегда на сетчатке
Отпечаталась смерть от ножей и стволов.

Завершаются праздники Нового года,
Новый год, как близнец, на прошедший похож,
И в угаре на Площади Пятого года
Новогодняя ёлка сверкает, как нож.

* * *

Какая игра светотени,
И яблони как расцвели,
Томятся букеты сирени,
И белая дымка в дали.

А выше, а выше, а выше
Плывут, нет, летят облака,
И сам я взлечу выше крыши,
И буду смотреть свысока.

Сплошные восторги и радость,
И как объяснить её, как,
За что мне всё это досталось?..
Да просто прошёл отходняк.

* * *

Солнечное утро, воскресенье,
Стол накрыт. И в середине — пасха…
В это воскресенье — Воскресенье,
В это воскресенье — праздник. Пасха.

Пропадает подлое унынье,
И душа свободна. И, как прежде,
Больше не наполнена полынью,
А полна лишь верой и надеждой…

НУМА ПОМПИЛИЙ И НИМФА ЭГЕРИЯ

Прекрасный одинокий человек
Сидел в глуши на берегу ручья,
Где время замедляет быстрый бег,
Где никого вокруг не повстречать.

Он видел отражение своё,
Затем её увидел он в воде,
А позже наступило забытьё,
Лишь тихий плеск воды звучал везде.

Проснувшись, он в ручье увидел Рим,
И к трону ослепительный подъём,
Что он был славен и что был любим,
Что в Риме очень долго был царём.

САЛЬНИКОВ АЛЕКСЕЙ БОРИСОВИЧ родился в 1978 году в городе Тарту ЭССР. С 1984 года жил в посёлке Горноуральский Свердловской области, с 2005 по 2006 год — в Нижнем Тагиле Свердловской области. Публиковался в различных российских журналах. Автор книг «Стихи» (2004), «Люди лошади» (2007), «Нижний Тагил» (2004), «Дневник снеговика» (2013). Лауреат премии «ЛитературРентген» (2006). Участник «Антологии современной уральской поэзии» (т. 2, 3). Живёт в Екатеринбурге.

Алексей САЛЬНИКОВ

* * *

В ночи квадратной, тёплый и живой,
Стоит Господь с отвёрткой крестовой
В кармане, в шапке, ожидая чуда,
Когда начнёт трамвай сороковой
По улице побрякивать оттуда.

У тишины костяшки домино
Расставлены, и стоит полотно
Трамвайное подёргать — и повалит,
Запрыгает по чашечке зерно,
И волны, волны поплывут в подвале.

Господь считает в темноте до ста,
Вокруг него различные места
Под фонарями замерли безруко,
Бог неподвижен, и к нему вода
Сочится в сердце с деревянным стуком.

* * *

бройля медленно читая
мнёт брусочек пластилина
абсолютно золотая
смерть по имени полина.

и сама себе не рада
за отсиженную ногу.
свет погаснет. ну и ладно.
спать пора. и слава богу,

что неназванному волку
вертикали ныть кроваво,
а луне опять подолгу,
как всегда, глядеть направо

и слепить сплеча с любовью
и ещё сырую лошадь
молча ставить к изголовью,
так, что дальше не продолжить.

* * *

Притом, что любое Коллоди
Почти протекает в Толстое
Дорога всегда переводит
Себя с одного на другое.

На рельсах её каравана
Платком, почерневшим от плача,
Дана: полнорукая Анна
Решению: лев и заначка.

Составы проходят канвою
Конвоя и тянут отсюда:
Москву, что пропахла Москвою,
Неву, что остра обоюдно

Под стуки, под Геки и Чуки.
А мы засыпаем, коль скоро
Серёжу оставят разлуке,
Серёжу возьмут в Холмогоры.

* * *

Если два четверостишья,
То они уже,
Как в прихожей два пальтишка,
В склянке два драже.

И (без всякой связи) сладок
Старый карандаш,
Снег заваливался набок
В белую гуашь,

То откроет, то закроет,
И опять слова:
Альфа, Бета — было двое,
А осталось два.

* * *

Стесняясь тела своего,
Состав кончается трехглазо,
И снег, ни мёртвый, ни живой,
Косой на все снежинки сразу,
Трясёт, как лошадь, головой.

Пожалуй, всё. Такая кладь,
Такой табак, такое мясо,
Минусовая благодать
Меж четырёх «не прислоняться»,
Другим лететь, а нам стоять,

Пока вокруг бредут слоны
Густой январской глубины.

* * *

У холма пологий склон,
У тропы гранитный слон,
Мы идём бродить по свету —
Слева ты, а справа он.

На горе еловый лес,
Двух тропинок хвойный крест,
Муравьи (спешить куда-то
Им никак не надоест).

А в лесу забытый дом,
Чёрный дом, усталый дом,
Значит, это будет тайна —
Глянем в окна и уйдём.

В чёрном зеркале окна:
Дети, лес и тишина.

* * *

Ты можешь забрать меня, только верни до пяти,
Иначе тебе же самой и не станет покоя.
Я — город, хотя и не знаю, куда мне идти.
Я — Гойя, хотя и не знаю, что это такое.

Пока десятичная дробь набирает разбег
(Ведром) и неряшливо сопоставляет размеры,
Такими же лапами нам натянуло проспект
На мыльную плёку покрытой пылинками склеры,

Открыло последнюю банку, того, что внутри
Выводит и выведет общая наша кривая.
Ты просто возьми и холодной ладонью сотри
Сплошное стекло и сплошное железо трамвая,

Который идёт параллельно, отсюда — назло,
Оттуда — по швам расползается, как барахолка,
Но как ни торопится он, загоняя число,
Часы отстают, и поэтому это надолго.

* * *

Из-под дождя повыбило леса,
Оставив только шум и заготовки,
И дым воды идёт, и от крыльца
Видна вода на бельевой верёвке.

И ласково, на четверть или треть
Себя губя на молоке и дыме,
Пейзаж отходит, оставляя впредь
Портрет, опустошённый запятыми.

Куда ни плюнь, куда ни повернись —
Так хорошо под разными углами
Всё движется, как цапля, как Денис,
Большой травой, промокшими ногами,
Как половицы поезда под нами,
Как половицы поезда под нами.

* * *

вот мы стареем, вот мы почти генсеки:
обрюзгшие педы, помятые лесби, неспившиеся гетеросеки,

пожизненные КМС, не только от физкультуры,
кегли, не выбитые раком и политурой.

если требуется кому-то звёздная мера — вот она, мера:
Брюс Уиллис, всё более смахивающий на Гомера

Симпсона, стоящего вроде столба соляного, или же пыли,
типа, «d'oh!», «ах, ты маленький…», «у-у, кажется, мы приплыли».

настолько ты старый, что путают с Мережниковым, что точкой на карте
видишь себя, пробегая рощу, ища инфаркта,

пока снегопад дымится, почти поётся,
смыкая за тобой шестерни, зубчатые колёса.

* * *

на то и пыль, чтобы пальцем её стирать,
её поднять, чтобы столько же наросло,
на то и память, чтоб изредка, но стоять,
как старый х.р, над тем, что уже прошло.

поскольку зарёю новой горит восток,
то, глядючи здраво, какая же в том беда,
что ты был мал, что ты любил «Холодок»,
что словно тебя и не было никогда.

а никакой, поэтому, всё равно
всё больше различных предметов лежит вокруг,
и свет постепенно выдавливает окно,
но сигареты, но фармацевтика, милый друг.

* * *

Снег, спокойный, как лицо, медленный, как ремонт,
Идёт, как в последний раз из последних сил,
Он возносится, только строго наоборот,
Оседает, как пыль, проплывает, как крокодил,
Сделан одновременно из швов и строк.
Прохожий в более тяжелых ботинках, чем смог надеть,
Приседает на светофоре, чтоб завязать шнурок,
Медленно озирается, как медведь
В лесу, состоящем из молодого березняка. Если предмет
(А именно снег) повторяется много раз,
Всё сводится к тому, что снегопада нет,
Просто у зрителя несколько тысяч глаз.

* * *

Когда бы тьма и мгла трубили невпопад,
Трубили невпопад, как Гоголь и Некрасов,
Земле бы не лежать под снегом, как под мясом,
Повсюду замерев, но вот они трубят.

Их лёгкие теплы, в их раструбах темнее,
Чем где бы то ещё, и только снег летит
По долгой пустоте, как ноты, только злее,
Как будто Мендельсон на Вагнера глядит.
Как будто тот не стал удерживать зевоты
(Опять про холокост, опять про вертолеты).
И так он тридцать раз, наверное, зевает,
В окно глядит, а там все видно изнутри,
У ветра в животе пружины утихают,
Спокойный снегопад на лифте поднимает
Деревья и дома, людей и фонари.

* * *

Поэзия, говорят, такой невесёлый цирк,
Или как если бы Тарковский снимал ситком,
Допустим, Чендлер вспоминает родителей, и, кувырк,
В эпизод вставляют «Зеркало» целиком.

Довольно уныло, но взгляда не отведёшь,
Вроде как чёрная и медленная вода,
Лежащий кот, либо лежащий ёж,
Либо другая животная красота.

Либо ребёнок смотрит в телеэкран,
Откинувшись на диване, пульт под рукой,
По экрану скачут свинья, пингвин и баран,
Но комната полна скукою и тоской.

Ребёнка зовут, и он уходит во мрак,
Оставляя все на своих местах,
Стихи на читателе отпечатываются, как
Диванная ткань на детской заднице и локтях.

* * *

Воду покинув, наверно, больной
Как кашалот
Выбросится на берег очередной
Семнадцатый год.

Дело не в том, что верхи не хотят
И т. д. Просто налей.
Проигнорировать трудно, ребят,
Свой юбилей.

Будет веселье — салют и батут
И иго-го,
И алеуты опять набегут
За мясом его.

Ну а покуда скачи, как блоха,
Весёлый пиит.
Книга горит не затем, что плоха —
Затем что горит.

САННИКОВ АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ родился в 1961 году в г. Березники Пермской области. В четырнадцать лет ушёл в хиппи, автостопом и электричками объехал всю страну. Окончил исторический факультет УрГУ, несколько лет занимался научной деятельностью. С научными экспедициями обошёл едва ли не все старообрядческие поселения Урала и Сибири, участвовал в археологических экспедициях в Новгороде, в Сибири и Туве. Работал руководителем лаборатории реставрации в Перми, заведующим отделом Свердловского музея краеведения. Много лет был тележурналистом (автор телевизионного проекта «Земля Санникова» и др.). Несколько лет жил в Нижнем Тагиле, где занимался православной просветительской деятельностью, директорствовал в церковно-приходской школе. Руководил литературным клубом «ЛебядкинЪ». Публиковался в журналах «Воздух», «Несовременные записки», «Уральская новь», «Урал», «Октябрь», «Поэзия» (Милан), «Знамя», «Зинзивер» и др. Автор книг стихов «Прерафаэлит» (1999), «Подземный дирижабль» (2004), «Луна сломалась. Лёгкие стихи» (2006), «Ангельские письма» (2011), «Стихи» (2014, серия «ГУЛ»»), «Мирись. Прощайся» (2016), «Зырянские стихотворения» (2016). Лауреат премии им. П. Бажова (2006) за книгу «Луна сломалась», лауреат премии имени А. Решетова (2011) за книгу «Ангельские письма». Участник «Антологии современной уральской поэзии» (т. 1–3). Живёт в Екатеринбурге.

Андрей САННИКОВ

* * *

Седые дни. Экзема января.
Нет стёкол — в рамы вклеена бумага:
от летописи до календаря,
от Рюрика до крейсера «Варяга»
с привычным ощущением вины
события сбываются привычно.
Перебираю лествицу страны,
перевираю сны косноязычно.
Всё совпадает намертво, когда
подсолнечна парча, крылаты плечи,
легка, светла, серебряна вода,
но только мне от этого не легче.
Пусти меня, измучившийся звук,
листва латыни, лето славянщизны.
Кто мне закрыл глаза ладонью вдруг —
я угадал. Но это стоит жизни.
Поэзия. Экзема января.
Эпилептический припадок птичий.
Слепой, с самим собою говоря,
иглой в оконную бумагу тычет.

* * *

Неимоверная тоска ночей.
Железный свет течёт из фонарей.
Любимая, сегодня ты — зима.
Тряси за плечи мёрзлые дома,
кричи и корчись. Звёзды, как ломы,
висят над нашим городом из тьмы.

* * *

И медный сыр с отверстиями в сыре
я выкопал из сельдяной земли.
А что до рек — то их у нас четыре.
А что до городов — у нас их три.
Здесь все деревья повторяют жесты,
и если входишь утром в ровный лес, —
густые птицы, подымаясь кверху,
касаются дыханием небес.
Запотевает небо. Выйди в поле, —
валун, как мёртвый, на меже глядит.
О, Господи! За что мне этот голос,
за что мне ветер веки холодит?..

* * *

Что женщина? Что она вспомнит, когда
и воздух, который она выдыхала,
лежит на полу, как простая вода,
и с выдохом слово настолько совпало, —
что всё позабылось. И женщина дверь
не приотворит, притворяясь сегодня.
Деревья кричат, как казачии сотни,
снег смотрит в окно, улыбаясь, как зверь.

* * *

Деревянное правило — вынь да положь.
Половина — налево, другая — неправда,
половина — подлянка, вторая — под нож.
Парадиз пародийней любого парада.
Клином — клин. Но куда, выживая, ни кинь —
передачи по ящику клиноремённы.
Марсельеза ментов, перистальтика спин
и свобода — со свистом! — из вен отворённых.
Проливная профессия — книги тачать,
как холодный сапожник, кусая чернила.
Серафим шестикрыл, шестирыла — печать.
А Господь не простит, что душа шестерила.

* * *

Верхом на тумане
въезжаю в твой город,
как воспоминанье,
нашедшее повод.

Белёсая лошадь
пьёт, фыркая, рельсы.
Я рядом, на площадь,
ссутулясь, уселся.

Ты вовсе не бредишь:
сняв крышу трамвая,
в котором ты едешь,
гляжу, не мигая.

* * *

Навылет пролетает самолёт
пустое небо. Выпавший пилот,
как патефон, о родине поёт
четыре километра напролёт.

А самолёт пропеллером мутит,
как воду, воздух. Сам себе летит
по небу мёртвых — слушая иврит —
туда, где на балконах Бог стоит.

Господь возьмёт из воздуха его,
пропеллер остановит у него:
«Все собрались, и только одного
тебя мы ждали. Тише. Ничего».

* * *

Идёт ли вяленая кровь
из-под надорванной клеёнки?
Из-под ногтей у докторов
видны рентгеновские плёнки.

Под мышками висят ножи.
Когда я подымаю руки —
ножи летают, как стрижи,
визжа и радуясь, как суки.

О, осень, оленина слез!
Я ел тебя в конце охоты
на фоне вянущей пехоты,
сопровождающей обоз.

* * *

Ты водила меня в оперетту,
ты возила меня на метро,
танцевала на кухне Одетту
и сама выносила ведро.

Я глядел на тебя, будто призма,
белый свет раздирая в куски,
я писал тебе жирные письма
на съедобной бумаге тоски.

Деревянные ногти строгая,
оловянные слюни плюя, —
вспоминай обо мне, дорогая,
улыбаясь лицом, как петля.

* * *

Самолётик с белым калом
притворялся воробьём.
Он построен по лекалам,
но летает только днём.

У него моторчик медный,
а на крыльях тормоза.
Самолётик бедный-бедный,
а солёные глаза.

* * *

внутри несытных рябоватых рек
чего-то ищет смотрит человек
рукав засучит сунет руку в реку
и кто-то пальцы тронет человеку

и из воды пойдя кругами вдруг
потянутся к нему десятки рук
стесняющихся тёплых и печальных
на каждом пальце в кольцах обручальных

лицо им подставляет человек
смеётся плачет говорит про снег
горит костёр на низком берегу
начнётся снег костёр горит в снегу

* * *

Носишь сердце, прикасаешь руку
к снегу на заснеженном кусте.
Позвонишь уехавшему другу,
спросишь — как погода в Элисте?

Жизнь идёт, как тихая собака
рядом, и глаза у ней белы.
Помнишь, здесь была большая драка —
а теперь здесь пятна от золы.

Города, похожие на горе —
например, Челябинск или Тверь.
Даже если лучше будет вдвое —
всё равно всё будет, как теперь.

Только это ничего не значит.
Я хотел быть счастлив — и не смог.
Каждому, кто говорит и плачет,
кажется, что он не одинок.

САННИКОВА НАТАЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА родилась в 1969 году в городе Верх-Нейвинск (сейчас Новоуральск) Свердловской области. В 1999 году окончила УрГУ по специальности «теория и история культуры». Занималась бизнесом, телевизионной и газетной журналистикой. С 2001 года стихи публикуются в коллективных сборниках, журналах «Урал», «Волга», «Воздух», интернет-изданиях (TextOnly и др.). Автор книг стихов «Интермеццо» (2003) и «Все, кого ты любишь, попадают в беду. Песни среднего возраста» (2015). Участница «Антологии современной уральской поэзии» (т. 2, 3). Живёт в Челябинске.

Наталия САННИКОВА

* * *

Можно ли так любить, расстаться и выжить,
жить, будто счастье возможно (*оно возможно!*),
утром вставать, пить кофе, идти на службу,
будто бы боль утихнет (*она утихнет*),
снова учиться вглядываться прохожим
в лица, шутить с хорошенькой секретаршей,
думать «зачем я здесь? по какому праву?»,
помнить о том, что было, не пробуждаясь,
вечером по привычке писать в блокноте,
публиковать в каком-нибудь интернете,
думать «прочтёт, возможно» (*прочтёт, возможно*)
и ненавидеть всенощно глупое тело
за то, что оно всё помнит (*оно всё забудет*),
но покупать ему снова еду, одежду,
может быть, даже возить его к тёплому морю,
где вы вдвоём когда-то (*море всё то же,
небо, земля и звёзды не изменились —
как они могут? зачем они это смеют?*),
по возвращении встретить ещё кого-то
и разрешить себе жить наконец, влюбиться,
будто бы отпустило (*да, отпустило*).
Или вот я, которая не страдала
по-настоящему (*впрочем, разок страдала),*
перед тобой ни в чём я не виновата,
перед другими — может быть, но не слишком, —
что я могу тебе написать в открытке? —
только «люблю и помню». *Люблю и помню.*

* * *

повторяю за теми кого люблю
затворяю окна когда мне страшно
у меня хранится твоя рубашка
я раз в год стираю её бедняжку
и совсем когда-нибудь погублю
у неё есть дырка на рукаве
расползётся нейлон как сухая кожа
ты со мной давай так сказать построже
ну чего ж тебе надо чего чего же
у меня всё спуталось в голове
я живу ну чего же ещё живу
каждый год рубашку твою стираю

нажимаю backspace и слова стираю
но как ты внезапно не умираю
и от страха и слабости не реву
ну а если реву то ничья вина
не волнуйся меня защищать не надо
никого нет рядом тебя нет рядом
вот рубашка покамест ещё нужна

* * *

Так долго говорили о любви,
что целый год не помнили о смерти.
Под Рождество случайный визави,
как пауза в предпраздничном концерте,
когда уже почти сошла с ума
от музыки, прекрасной без причины,
вдруг стихло, — и ко мне пришла зима
с улыбкой незнакомого мужчины.
И алый жар моих вчерашних снов
поднялся до предсмертного озноба,
до хруста потрясения основ —
и в ужасе мы отвернулись оба.
Чего он испугался? Не меня
и не себя — того, что много выше.
Он тоже жил, по-своему любя,
и музыку какую-нибудь слышал.
. . . . . .
Никто не знает, из каких обид
любовный сор пробьётся в наши щели.
Но если с вами кто-то говорит,
молитесь, чтоб вы оба уцелели.

* * *

видишь ты: я сделала что могла
только я ничего не уберегла
потому что горький горячий хмель
был положен мне в колыбель
я же пела чтоб не сказать «прости»
а сухой туман начинал ползти
по щеке которой коснулся зной
и вода расступалась передо мной
и дорога свёрнута как праща
начиналась прямо из-под плаща
прямо с голых ног и тайком вела
в облака виноградники зеркала
чтобы вспять вернуться и камнем лечь
я всё сделала — но не об этом речь
«если пить за свадьбу так не боржом
если резать косу — тупым ножом
а потом раскалить его и прижечь
тёмный след на шее и злую речь»

* * *

наклоняет к губам чашку зелёного чая
я этот жест задумавшись не замечаю
мне как-то трудно дышится перед грозою
сердце болит или что-то другое ноет

мы ведь давно не виделись что со мною
вот как в рапиде молнию различаю
слушаю это женское и не отвечаю
«ты понимаешь мужчины они как дети
им не покажешь конфету не сядут кушать
тоже умеют слушаться но не слушать
а кончаешь слаще всего во второй и третий
если не понимает сразу потом не стоит»
и поправляет платье маленькое чёрное непростое
у неё большая синяя универсал тойота
двое чудных детей сногсшибательная фигура
и такие колени что хочется их потрогать
но она говорит мол времени слишком много
а её ждёт сначала фитнес потом работа
я остаюсь и весь день как бы жду кого-то
в душе моей нет покоя сама и дура
кто-то вообще не придёт он меня не знает
он далеко у него например другая
такая ну звонкая тонкая молодая
(только не говори что я это уже писала
я же по малолетству не понимала)
он её учит любви и литературе
она его слушает слушает курит курит
она же над ним смеётся ещё чертовка
потому что красива и многое понимает
потому что всё впереди и любовь и книги
он вместе с ней смеётся ему неловко
что опять очевидное объясняет
«ваша литература одни интриги
сваровские ваши львовские и ровинские
боже меня упаси каневские и херсонские
заговоры какие-то прям масонские
премии публикации ламентации…»
впрочем она приехала из провинции
в маленьком чёрном прости её господи платьице
слушает курит смеётся потом придвинется
локтем заденет и извинится
я замерзаю тем временем за границей
этой картины и мне ни о чём не плачется

* * *

Он катался на цепочной карусели,
а она смотрела вверх из-под руки.
Морок детства. Беспричинное веселье.
Так упасть, чтоб захрустели позвонки,
и опять вскочить, как не бывало,
как не будет никогда потом.
Прятаться от страха в одеяло,
думать, что весь мир — твой скудный дом,
бить портфелем школьницу, с которой
танцевать потом последний вальс,
доверять советским режиссёрам
и напиться на спор в первый раз.
Горькое похмелье после детства
называют юностью. Неважно,
что дышать труднее, что согреться
ни на чьих руках нельзя, что страшно
не ночами дома — днём повсюду.

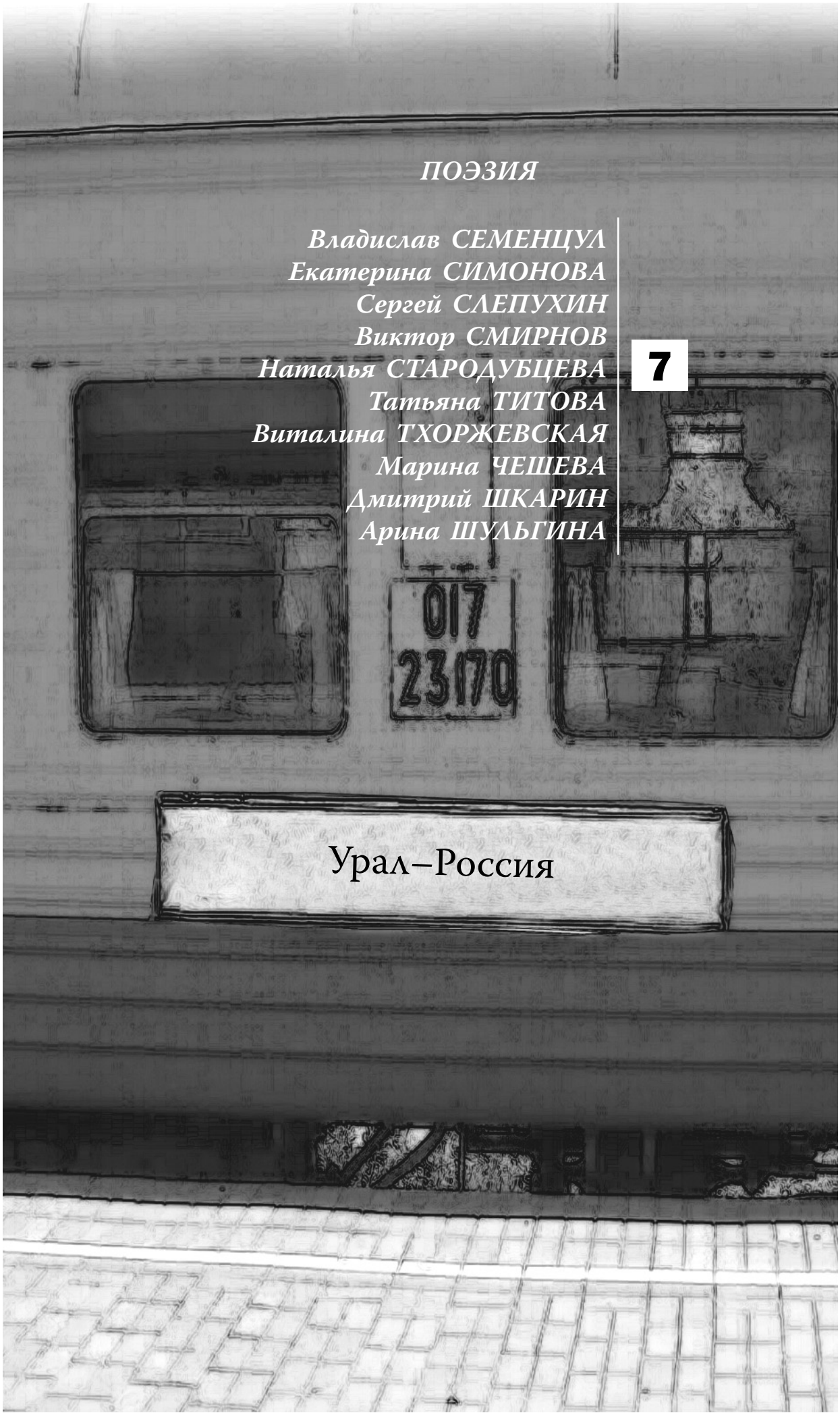
Что тошнит от каруселей и таблеток,
потому что молодость — не чудо,
наказанье для послушных деток.
Молодость проходит, к счастью. Ближе
очертанья нового лица.
Мама, я тебя совсем не вижу!
Ни себя, ни маму, ни отца…

* * *

…есть форма жизни на земле,
где ты прохожий, а прохожий
мечтает только о тепле.

Олег Дозморов

Ни слова не произнося,
не ощущая расстоянья,
я здесь отчасти и не вся,
как эта песня без названья
на непонятном языке
киндзмараули-цинандали.
Моя рука ни в чьей руке,
моя печаль ничьей печали
не соответствует, горя
огнем неярким и незваным,
случайным вальсом, янтаря
старинной ниткой, безымянным
рассказом о чужом тепле
чужого дома или чувства
(и там кончается искусство,
где приближаемся к земле).
Но краток вечер, горек дым
неназываемых поместий,
где *я не буду молодым,*
и оттого недолго вместе
идём сквозь Чистые пруды
в любви к ушедшим по колено,
чтоб после ни одной звезды
не видеть врозь одновременно.

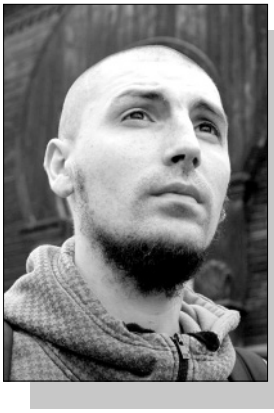


ПОЭЗИЯ

Владислав СЕМЕНЦУЛ
Екатерина СИМОНОВА
Сергей СЛЕПУХИН
Виктор СМИРНОВ
Наталья СТАРОДУБЦЕВА
Татьяна ТИТОВА
Виталина ТХОРЖЕВСКАЯ
Марина ЧЕШЕВА
Дмитрий ШКАРИН
Арина ШУЛЬГИНА

7

Урал–Россия



СЕМЕНЦУЛ ВЛАДИСЛАВ ВИКТОРОВИЧ родился в 1984 году в городе Рыбница Молдавской ССР. Детство и юность провёл на севере, в таёжном городе Нижневартовске ХМАО. В 2002 году переехал в Екатеринбург. Учился в Академии искусств и художественных ремесел им. Демидова (режиссура игрового кино) и в Гуманитарном университете на факультете телерадиожурналистики. Участник независимого клуба «ЛебядкинЪ». Является внештатным корреспондентом Академии развития и восстановления «Уральская фольклористика». Публиковался в журналах «Урал», «Урал-Транзит», «Новая Реальность», на Евразийском журнальном портале «Мегалит». Автор книги «Рождение естественным путем» (2014). Участник «Антологии современной уральской поэзии» (т. 3). Живёт в Екатеринбурге.

Владислав СЕМЕНЦУЛ

КИЯКИСЕЛЬ ЛИМБА — НУМБА НУЦ

Белые снежинки, капельки дождя
Сердце из пружинки, ключик из гвоздя
Серые сугробы, свет ослеп в глаза
Супом из амёбы, ложкой из гвоздя
Небо одуванчик, песня пароход
Девочка и мальчик лазали в живот
Белые снежинки, белые как снег
Песенка пружинки убивала всех

ЮК

Я пишу тебе письмо почерком куриным
Из окна в моё окно тянет нафталином
За окном плывут дома рассекая воду
Ты лежишь на дне окна головою к Богу
Я пишу тебе письмо жидкими словами
Ты лежишь твое окно в серебристой раме
А мне нечего сказать я сижу на стуле
У окна стоит кровать мы с тобой уснули

* * *

Два водолаза целуются
Пускают пузыри на поверхность
На поверхности в лодке
Мать водолазов волнуется
Вырезая ножом небо
На кусочки, на мелкие, ровные части
Огибая глазами мор (е)
Один, два, три кусочка — это счастье
Когда сыновей дво (е)

* * *

Голубиной стаи пальцы
Целовала кошка Муся
Мустафа плевал на ягель
Лось корова, но без вымя
На портрете моё имя
Мустафа писал картины
Рисовал ребро укропом
Кисть из шерсти мокрой псины
У старухи сиськи боком
Мустафа писал помадой
Выл на вымя будто Пётр
От прохлады сладкой ваты
Мустафа кривлялся мёртвый
Мустафа кривлялся Пётром
Подоконникам и мёртвым

Ю. К. СИРИН

Уложи меня в мягкий, мягкий снег
Нарисуй мне синь в чёрные глаза
Буду я лежать и смеяться вверх
Ну, а ты стоять, слушать голоса
Проходящих птиц в небе полосой
Что летят, крича с севера на юг
Привяжи меня к дереву косой
Мало ли чего, птицы нам поют
Ну, а после в снег рядом ляг со мной
И закрой глаза пальцами руки
Ты всегда со мной, будешь вечно мой
Потому что мы оба дураки

* * *

Ложка к обеду
ружьё к войне
я к тебе не приеду
ты не приедешь ко мне
жаль будет соседа
он задохнется во сне
я к тебе не приеду
ты не приедешь ко мне
птицы сбивают ракету
перья клею к спине
я к тебе не приеду
ты не приедешь ко мне
вечером каждую среду
я пишу на стене
«Ты ко мне не приедешь
я не приеду к тебе»

КАЛИ-ЮГА

Я стоял и молчал у кровати,
Ну а после пошёл в коридор
В коридоре лежала ты в платье
Обнимала так нежно топор

Почему ты лежишь в коридоре?
Обнимаешь так нежно топор
Коридор не кровать — априори
В коридоре нет окон и штор
И топор не похож на мужчину
У мужчины добрее глаза
Ты лежишь, я молчу, без причины
В небе светит над нами звезда

ДЕТИ ГРУДНОГО МОЛОКА

Из маминого соска течёт молоко
Тонкой струёй на пол, где сижу я, открыв рот
Она сжимает тёплую грудь руками
Ты сидишь напротив меня и смотришь в потолок
Мы дети нашей мамы, мы дети грудного молока
Я опечален тем фактом, что за окном осень
Молока все меньше, мама стареет, а ты молчишь
Давай сосчитаем, сколько морщин на её лице
И будем радоваться тому, что она ещё жива
А вечером будет играть музыка рейсовых автобусов
Мама будет кружить нас в танце её молодости
Мы дети нашей мамы, мы дети грудного молока

ПЕСНЬ П. П. БАЖОВУ

Мы нежно горло взяли в руки
И закричали что есть сил:
«Свердловск, над нами небо гнило»
На дно Исети моросил
Дождь кучерявый, дождь Урала
Свинцом с небес лилась вода
Мы привязали к шее бантик
Такой красивый, как всегда
По улицам Свердловска плыли
Остатки прошлого из слов
А мы кричали, говорили:
«Бажов, Бажов, Бажов, Бажов!»

ПРОСТОТА СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Я посмотрел женщине в глаза
Она мне посмотрела в рот
Лучше было бы всё наоборот
Я посмотрел женщине в рот
Она мне посмотрела в глаза
Неожиданно между нами пробежала коза
Ме-е-е-е-е-е, замекало млекопитающие
«Прошу заметить!» — сказала женщина
«Коза — это часть природы составляющие»
«А вы кто?»
«А вы не мы!» — ответил я
Женщина меня поцеловала
И у нас образовалась семья

НЕЖНЫЙ ТАГИЛ

Мы с тобой целовались у плит
Выдыхая друг другу в лицо
Теплый воздух который искрит
На губах серебристым свинцом
Облака вылетали из труб
Свет над городом небо белил
Мы шептали друг другу: «Мой друг
Эта вечность и нежный Тагил»

* * *

Девочка дура карандаш и бумага
Слезла со стула на пол рейхстага
Ей одиноко, она одинока
В белой бумаге повёрнутых окон
По коридорам ходит и воет
Флаги и нимбы над головою
Девочка пишет на стенах руками
Больше не дышит пол под ногами
Толстые стены пачкают руки
Девочка плачет, плачет от скуки
Девочка плачет, но не рыдает
Белое платье ветер съедает

СИМОНОВА ЕКАТЕРИНА ВИКТОРОВНА родилась в 1977 году в Нижнем Тагиле Свердловской области. Окончила филологический факультет Нижнетагильского педагогического института. Публиковала стихи в антологиях «Братская колыбель», «Ле Лю Ли», журналах и альманахах «Воздух», «Вавилон», «РЕЦ», «Уральская новь», «Урал», «Транзит-Урал», «Стетоскоп», «Вещь» и др. Автор трех книг стихов: «Быть мальчиком» (2004), «Сад со льдом» (2011), «Гербарий» (2011), «Время» (2012), «Елена. Яблоко и рука» (2015). Участница «Антологии современной уральской поэзии» (т. 2, 3). Стихи переводились на английский и словенский языки. Живёт в Екатеринбурге.

Екатерина СИМОНОВА

* * *

Поговори со мной — что ещё нам с тобою осталось?
Раньше мир казался огромным,
А теперь, посмотри, тропинкою дом огибает,
Окружает его и в дом вновь заходит.

Так вот сидишь у окна и смотришь в окно:
Вот девочка завязывает на коньках шнурки,
Вот дыхания её теплый комок,
Вот твоя рука на моей руке —
Отчего, ответь, я всё равно одинок?

Прилетят свиристели, облепят рябины, опять улетят,
Останутся на снегу червоточины, красные пятна, помёт.
Все стихи безвременья таковы —
Никому не нужны, никто в них не живёт,

Кто-то состарился ещё до них,
Кто-то придёт в этот дом уже после них.
Продолжай говорить со мною — твой голос тих,
Но пока есть этот голос — живы и мы.

* * *

закрой, закрой глаза. не смотри.
стеклянные кости деревьев стучат.
всё, что нужно каждому — немного любви,
задуваемой, как свеча.

всё, что нужно — фонарик в горле зимы,
выталкивающий свет, как выталкивают птенца
из гнезда: лети
и умирай без конца.

райские двери откроются не тому,
кто хотел войти, но тому, кто не стал просить,
кто, закрыв глаза, простил тишину
за то, что нельзя говорить.

* * *

совершенная радость узнавания
совпадения

рыбье мясо снега
хрупкие кости деревьев
ожидающая звезда
всё что между нами запретно как всё что запретно
поэтому и единственно

рыжие стены в известковых потеках
обезножевшая статуя
тени окон мерцающий поезд братьев люмьер
существительные
прилагательные
местоимения цветов: герани, фиалки, жёлтые огоньки

забывание как речь во сне
разорённое гнездо твоего имени

* * *

поднимается на цыпочки, срывает с дерева плод,
и Иван Алексеевич глядит на него с земли —
бархатистый и мягкий, точно её живот —
из тёмных аллей любви.

зябко кутаясь в непременную шаль,
как и все женщины до и после неё,
она повторяет: «Мне ничего не жаль,
особенно же — себя самой».

кузнечик стрекочет, лето дрожит и плывёт —
банным сереньким дымом, паутинкой в траве,
варят варенье, вишнёвый лист пытается перейти его вброд,
но засыпает, нет, погибает, под русскою пеной дней.

* * *

Елене Сунцовой

тленье бывает так сладко.
яблоко так свежо.
что невозможно —
то хорошо.
время котом на груди
свертывается сыто, урчит.
слышишь: густая осень.
это ведь мы почти.
рыбными косяками
косо идёт листва.
я забываю
всё, что она унесла.
вновь взвесь плывет золотая
по поверхности тёмных вод.
кто тебя, моя дорогая,
потеряет ещё, найдёт?

* * *

всё начинается и заканчивается в саду,
повторяющемся изо дня в день,
отдыхающие сидят в нём на самом виду,
наслаждаются воздухом, отбрасывают тень,

скатывают самих себя рулоном в позднюю темноту,
нарисованную на мокрой бумаге воды,
скомканной ветром, прибитой к стволу
прибрежному, то ли ива, то ли боярышник, его листы

лодочками погребальными поднимаются вверх.
какая печаль, моя дорогая, какая моя дорогая печаль
не обнимает тебя, напоминая всех тех,
кого тебе больше не жаль.

чьё сожаление прикасается к твоему лбу бесцветным перстом,
заставляя забыть, но оставляя печать.
ты просто сидишь и смотришь, как за воздушным стеклом
вода оголяет тебе кусочек плеча.

* * *

крик застывает во рту воды.
так наступает зима.
и, потому что нежна,
ты не права.

что невозможно забыть —
то невозможно взять,
ты говоришь, что это не ты
и не я.

снова раскачивается, скрипя,
лёгкий светильник луны,
и на визжащих коньках
сады

кажутся со спины тобой
сквозь шершавую тьму,
графитной щекой
прижимающуюся ко льду,

вмерзающую волосами в лёд —
так зеркало корни пускает в нас:
все отразится и пропадёт,
как глубина.

* * *

жницы оборачиваются на мгновенье,
замирают в раме:
сухое поле, пенье
расплющено воздухом, и кто-то стоит за нами.

время перед весёлой осенней бойней: где золотой день —
там дёготь
холодной тоски и ночи,
в которой виден лишь локоть.
будем жить, пока себя помним, впрочем.

беден словарь мой, печально сердце,
как печально сердце забивающего окна дома.
свет полощется на ветру вытертым полотенцем,
отовсюду выглядывает незнакомо

твоё лицо — уже не узнать, моя верность,
не обидеть, не повторить словами лёгкие брови,
вода отражает не небо — только его поверхность,
почти без боли.

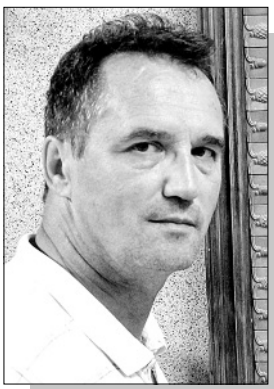
* * *

смотришь на меня? — смотри,
запоминай, что запомнится:
дерево в пути,
свет за которым гонится.

время, висящее вниз
головою — ощипанный гусь.
дом начинается там,
где я его боюсь.

бледным простым пером —
твой допечальный вздох.

или печаль внутри,
или меня сотри.



СЛЕПУХИН СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ родился в 1961 году в городе Асбест Свердловской области. Окончил Свердловский медицинский институт, аспирантуру при кафедре физиологии человека. Работал практическим врачом. Главный редактор альманаха «Белый ворон». Публиковался в журналах «Звезда», «Нева», «Уральская новь», «Арион», «Знамя», «Новый берег», «Крещатик», «Волга», «Зинзивер», «Дети Ра», «День и ночь», «Новый журнал», «Урал», «Интерпоэзия», «Иностранная литература» и др. Автор книг стихов «Слава богу, сегодня пятница!» (2000), «Осенний покрой» (2003), «Вода и пряжа» (2005), «Прощай, Парезия» (2007), «Задержка дыхания» (2009), «Дотла забывать» (2011), «Послесвеченье» (2013), «Женщины и самолёты» (2014), «Небокеан» (2015), «Свердловский цирк» (2016), а также книг эссе совместно с женой Марией Огарковой — «Новые карты Аида» (2009) и «Перья и крылья» (2010). Автор исследований о творчестве Томаса и Генриха Маннов, Бруно Шульца, Джона Бойделла, Василия Кандинского, Георга Гросса, Владимира Маяковского. Автор персональных выставок живописи в Екатеринбурге (1987) и С.-Петербурге (2002, 2003). В иллюстрациях Слепухина выходили сборники стихов «Неразгаданный рай» (2003), «Ведуты» (2015) Алексея Пурина; «Случайная почта» Давида Паташинского (2008); «Верхний Ис» и «Прекрасная Елена» Ильи Будницкого (обе — 2011); «Ночное зрение» (2011) Феликса Чечика и др. Участник «Антологии современной уральской поэзии» (т. 2, 3). Живёт в Екатеринбурге.

Сергей СЛЕПУХИН

* * *

Мы умерли. Зато могли дышать…

Пауль Целан

Ну, вот и всё. Мы умерли — дыши!
Карминовый закат над головою,
Омытые любовью голыши,
Взаимному подвластные прибою.

Свободе безымянности ура!
Дай имя мне надёжное, простое.
Мы были живы, кажется, вчера,
И задыхались в комнатном настое.

Там гибли розы жёлтые в глазах,
Нагие вещи мучили ночами,
Мы гнали страсть визжать на тормозах
И прогорать холодными свечами.

Мы подгрызали корни у небес,
Мы чтили ересь, циники, зелоты.
Теперь мы умерли, и я в тебе воскрес,
А ты — во мне. Но я не знаю, кто ты.

* * *

И душа для видений ослепла…

А. Блок

Пыхтит маневровый,
споткнулось молчание — звук,
Зачехлены тени, зажмурены
льдистые лужи,

В застёгнутом наглухо сквере
брожу, близорук,
Душа для видений ослепла
внутри и снаружи.
Раскроен по меркам ненастья
осенний разброд,
Отклеилось время
от вмёрзшего в холод пространства,
Афишей кружится
в дыре почерневших ворот,
А мне — недород,
неустройство и непостоянство.
Вторичные признаки жизни —
сомненье и страх,
И слышится тёмное слово,
как злая обида:
Вглядись в этот лист, через осень,
и морок и прах
На дряблой ладони проявится
карта Аида.

* * *

И видится: в пустой зеркальной раме
По руслам высохших и онемевших рек
Плывёт во тьме, скользя вперёд ногами,
Навстречу незнакомый человек.

С дрожащей и надкусанной губою,
Разметкой звёзд на голубых щеках
Он протечёт меж мною и тобою
В кошмар бессмыслицы,
Как бесприютный страх.

* * *

Необитаемо внутри,
Лишь пепел сумерек зелёный.

Собака жертву над кустом
Традиционную приносит,
Мигалка по небу летит,
Сигнализация рыдает,
Скулит в настенной конуре
Часов замученная птица.

Я знаю Кто
всё это сочиняет.

Один из игроков
в глухие телефоны.

* * *

Ты раскрыл глаза: был и крив, и пьян
Старый клоун, маэстро с больным лицом,
За спиною ангелы смех, канкан,
И помада выжженным багрецом.

Неизбежна встреча, двум парам глаз
Было тесно в жёлтом, как воск, раю.
Там, в ночном притоне, играли джаз,
Желатин-лимон-заливном краю.

Скрой, молчи, что видел священный сон:
Небо, воздух соткан в тугую плоть,
Мотыльковых крыл золотой виссон —
И к тебе в глазницу сошёл Господь.

Он все лучшие реплики взял себе,
Нимб, макушки плешь, жёлтой пакли клок
На усталой клоунской голове.
Цирк закрыт, адью, засыпай, сынок.

Нам на лысины с неба текла шампань,
А теперь всё выжжено добела,
Кто-то Божьи свечи в такую рань
Потушил, ушёл… Ну и все дела.

* * *

Подслеповатый демиург
и безобидный идиот,
пуржа глаза снегами пург,
на ощупь движется, бредёт,
шагает с жизнью налегке —
ему легко идти дано —
бормочет смерть на языке,
блаженно вымершем давно…

И с каждым шагом смерть длинней,
но я не ведаю, дурак,
подземное змеенье дней,
ночей, отпущенных во мрак.
Беспечные — и ты, и я —
безумье держим взаперти
на тонкой кромке бытия,
на еле видимом пути.

И я кричу: «Открой! Открой!»,
так что меня туда влечёт —
в библейский беспощадный зной,
где все круги наперечёт,
деревья голы, воздух сжат,
морозный ветер сеет свет,
где наши двойники лежат,
а наших душ в помине нет?

* * *

Однажды я жил в стороне от дороги,
Где холод, и ночь, и темно.
Сосед забредал, доходяга убогий,
Весь вечер мы пили вино.

Он в грудь барабанил и бил что есть мочи,
Кричал: «Ты не любишь меня!
А я с каждым днём становлюсь все короче,
Я в дым ухожу из огня!

Меня в этом чаде не видно, быть может,
И листья, сгорая, шуршат!
А ты все долдонишь: “О, боже! О, боже!”
Но боги твои не спешат!»

Он плакал, и поезд на станции дальной
Сбривал оголившийся лес,
И жизнь нам казалась дробинкой случайной,
Мишени пристрелянной без.

Бодали рассвет деревянными лбами,
Сидели с братком до зари.
Мы мёртвыми с ним целовались губами,
И в дым выгорали внутри.

* * *

Саше Леонтьеву

«Есть странный свет, неяркий и недвижный,
далёкое и тусклое сияние…»
Так символист, прочитанный и книжный,
заводит вновь свое повествованье.

Картинность и блаженное виденье —
вот сущностная рифма для поэта,
«жемчужный рай», полуночное бденье —
уже не трогают, не манят вглубь багета.

Так что же отделяет нас от смерти? —
Тьма или Свет? Чувствительная кожа?
На перепутье призрачные черти?
А может, ангелы? Да вроде не похоже.

Кричащее пятно вопит в пейзаже,
звук приглушён иль попросту отключен,
крик чаек омерзительней и гаже
бряцанья размолоченных уключин.

Как луны, светят ангельские лики.
Промёрзший тамбур Курского вокзала.
В преддверье смерти — как Бергот великий…
Что, что? Ты видно, Пруста не читала!..

* * *

Выталкивая звук в стальной кулак мороза,
протянется гудок, чтоб вычертить пунктир,
останется лишь дым и запах паровоза,
лишь облачко тоски собой накроет мир.

Как бабочки в аду, взметнутся хлопья сажи
и лягут без стыда на голые леса,
И ничего в ответ её глаза не скажут —
лишь влажный взвизг колёс и по щеке слеза.

Сольётся с темнотой прощального привета
застенчивая тень. Знать, вечность без пяти.
Не стоит горевать о стройности сюжета.
Что ж, выбыл адресат… Счастливого пути!

* * *

Саше Петрушкину

Под градом небесным незримых частиц —
Ландрин, монпансье, леденцы —
Шеренга солдат марширует без лиц,
Сосущие свет мертвецы.

Дрожит стеклотара зелёной слезой,
Солдаты спешат за вином
Их лупит по темечку дождик косой,
И ближний закрыт гастроном.

Застыли в пейзаже и лошадь, и грач,
Луна в эпоксидной слюде,
Контуженный ветер, простуженный плач,
Круги по свинцовой воде.

Сгущается воздух в корунд и топаз,
И ты к нему ухом приник,
Все ждёшь, будто смерть рассекретит твой час,
Наивный младенец-старик.

* * *

Хор ангелов над цепью горной,
дыханье пламени в траве.
Но видишь ли, что воздух — чёрный,
и бесы скачут в голове?

Уже не яростно, не ярко.
Флоренция, повозка, труп.
Кого везут? Меня под аркой,
целуют в угол чёрных губ.

В глазах бездомных серафима
блестит солёная слюда,
трагично и неотвратимо
застыла тёмная вода.

Осадок осени мерцает
за острым стрельчатым окном.
Кто умер вновь? Никто не знает.
Зелёный сумрак, метроном…

СМИРНОВ ВИКТОР ГЕННАДЬЕВИЧ родился в 1957 году в Костромской области. Выпускник филологического факультета УрГУ. Много лет преподавал русскую литературу в школе. Стихи печатались в екатеринбургских газетах, в журналах «Урал» и «Таллинн». Автор двух книг: «Соляной столб» (2005) и «Собрание стихотворений» (2015). Живёт в Екатеринбурге, работает вахтёром.

Виктор СМИРНОВ

* * *

С. К.

Видный солнечный туман,
он в кустах играл, в кустах.
Светлых, лёгких амальгам
быстрый поцелуй в уста.

Это золотая пыль
пропитала кресел плюш
и зеленоватый плис
диких несъедобных груш.

Это отступила грусть,
много световых полос,
это ангельский союз
против одиноких слёз.

* * *

Ах, листобой какой-то грянул.
Летели листья удрученно.
И роща, как двуликий Янус,
глядела дважды обречённой.

И ветер мечется повсюду
и кажется ей вездесущим.
И мы не вымыли посуду,
а стол свой замарали пуще.

Ну всё испортилось как будто,
чего не ищешь — всё исчезло.
Но вдруг и потеплело утром,
и стало снова честь по чести.

ПРО НИХ В ДОЖДЬ

Дождь велик. Это было всегда.
Пребывает в спокойном величье,
словно посланный папский легат,—
только разное было обличье.

Из-за туч не покажется луч
или клок атмосферы лазурной.
До того можжевельник колюч,
что они поступали сумбурно.

Образ к нам долетевших красот,
затянувшихся, впрочем, на сутки,
дождь пронижет листву и песок.
Им же он не прибавит рассудка.

Он разгонит летающих ос,
на балконе намочит левкои.
Кто-то плакал, кто спал, а кто рос.
Но у них в эту ночь не такое.

Дождь мой, дождь — ты движенье в саду,
ты был сном для безвольных предметов, —
я величье имею в виду,
говоря протяжённо об этом.

ДЕРЕВЬЯ ОСЕНЬЮ

О, осенью они странны —
как оживающие грёзы:
и страхов греческих полны
иль таинства креста и розы.

С балкона друга моего
я удивлялся буре в листьях,
и ожиданью верхних вод,
и ржавому хлопку карниза.

И это позабыть нельзя,
его не убежишь влиянья,—
как бы древесная гроза
сияла и лила сиянье.

ДОН ЖУАН

Мы перестрадали, донна Анна;
серый пепел наполняет душу.
Ягодою красных бус стеклянных
свет к нам проникает золотушный.

С нами Бог и с нами демон ада;
бестолково в их двойном терзанье!
И ни в чём не находя отрады,
ты зальёшься горькими слезами.

А уже зима во всём разгаре.
В чёрное покрашены кулисы.
Жизнь была прекрасна и угарна
и менялась, как повадка лисья.

ОСЕНЬ (В СТАРОЙ МАНЕРЕ)

О, меланхолия заката!
О, дальше первые морозы,
последовавшие без даты,
присущей моей книжке прозы.

Мне помогал нетолстый том
великолепных переводов,
и он читался мной как гром,
подобие самой природы.

А осень уж и там и тут,
как свет играющей камеи.
И видел я тогда лису
с букетом ледяных камелий.

И к батареям прижиматься
и видеть рано мрака краску,
и в этом времени остаться
при мертвенной подсветке газа.

* * *

Как в ягоды рябину кинет,
готовьтесь: осень тут как тут,
она ощипанной гусыней,
рябиновку держа во рту.

Был август в половине только,
заосеняло непомерно, —
казалось, ревностный католик
был выбран летом для примера.

Дожди, дожди, дожди, дожди
и мокрые цветы и лужи,
ах, право, август еле жив, —
и это не осталось вчуже:

зачитывались до боли,
залёживались на кушетке,
задумывались невольно,
печаловались душевно.

* * *

Холодная вода.
Теперь и день короче.
Звёзд мелкая слюда.
Бодрит дыханье ночи.

И осени исток
торжествен и возвышен,
но грустен он зато
и не весельем пышет.

И я писал, писал,
и видел за слезами
тебя, моя лиса,
с зелёными глазами.

СТАРОДУБЦЕВА НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА родилась в 1979 году в городе Шимановск Амурской области. В 1986 году вместе с семьёй переехала в Нижний Тагил. Окончила Нижнетагильский педагогический институт по специальности «филология». В настоящее время работает в ОАО «Научно-производственная корпорация “Уралвагонзавод”». Первая поэтическая публикация — в городской газете «Горный край» (1997). Публиковалась в журналах «Урал», «Уральская новь», «Вавилон», «Интерпоэзия» (Нью-Йорк), антологиях «Anthology of contemporary russian women poets» (США), сборнике «Анатомия ангела» (Москва). Победитель Всероссийского литературного конкурса «Дебют» (2000, номинация «Поэзия»). Лауреат фестиваля «Урал-Транзит» (Челябинск, 2003). В 2006 году получила стипендию министерства культуры Свердловской области. Курировала поэтическую серию «Контрабанда», выходившую в издательстве «Союз». Автор сборников «Китайская скрипка» (2000), «Опунция овата» (2002), «Из общего вагона» (2006), «Стихи» (2014, серия «ГУЛ»). Участница «Антологии современной уральской поэзии» (т. 2, 3). Живёт в Нижнем Тагиле.

Наталья СТАРОДУБЦЕВА

* * *

опять идёт война
тяжёлая пехота
меняет ордена
на ласковое что-то
и трахаясь легко
конечно забывает
прицельное стекло
у них запотевает
никто нас не найдёт
а им оно и нужно
печальный самолёт
дырявит воздух южный
послушай у него
и выговор бумажный
не бойся ничего
ведь мне с тобой не страшно
ведь я назло врагу
спокойная и злая
себя не берегу
тебя оберегая
собой не дорожу
тебе не дорогая
красивая лежу
ногами вдоль китая

* * *

У дочерей твоих
горькое молоко
выношено как стих
ломкое как стекло

комкая как слова
на острие стола
я возвратила вам
всё что не родила

села не в тот трамвай
не наточив ножи
ты не переживай
ты это пережил

* * *

Г. К.

тишина стопудова
а споткнёшься на ять
мне с тебя кроме слова
даже нечего взять
не до жалости жаля
никакой не мужик
а вчерашняя Галя
лишь бы со свету сжить
поаукаешь с краю
и вернёшься бедой
я тебя понимаю
убивай, дорогой

* * *

И холодно вокруг, и как-то странновато:
И лишь в ушах звенит расколотый испуг.
А в темноте цветёт опунция овата
И белозубый мавр натягивает лук.
Не бойся, я пришла, я вытащу из плена,
И мне не страшен чёрт и крылья тишины, —
Но если позовёт красивая Елена,
Ты просто не ходи… чтоб не было войны.

* * *

опасайтесь дикой тамы
милой тамы монтецумы
у неё большие планы
офигительные суммы
нецензурные потомки
и исписанные стены
у неё болят от ломки
неразрезанные вены
вдалеке от плоской кровли
в пальмомаленькой таверне
она пьёт горилку с морли
я убью её наверно

* * *

Станет пухом земля
И стоят налегке
И кричат тополя
На своём языке

На моём на чужом
Диалекте вины
Это был и не дом
А четыре стены

Не осиновый кол
Из серебряных пуль
И не гроб и не стол
Не июнь не июль

Не июль не смотри
Теребит как гастрит
Это жалость внутри
А умрёшь не болит

* * *

в тяжёлых поездах
напоминавших лодку
я выпила твой страх
обманывая водку
я верила усну
под кайфом самогона
но видела страну
из общего вагона
я думала успеть
пробраться городами
но города на треть
заполнены врагами
другая часть мертва
и по определенью
они теперь трава
утратившая зренье
они теперь не я
и мне их климат вреден
не выдавай меня
покуда не приедем
не предавай затем
что всё осталось в силе
и завтра будет пермь
вот там нас и убили

* * *

В лунные числа, печальные лунные числа,
Чтоб не уснуть, он высчитывал этот побег.
Ночью от времени время сбылось и повисло:
Не дотянув до окна, умирал человек.

Вот посмотрите: стоит ещё дым сигаретный
Около стен, и неверно замышленный путь
Через облом, спотыкаясь на теме запретной,
Липко течёт в окончательно мёртвую грудь.

И задевая уже непростительным взглядом
В тщетном порыве порыва случившийся труп,
Вдруг замечаешь, что были спасительно рядом
Пальцы его и металл отопительных труб.

* * *

Теперь и горизонт не тот,
И он чем дальше, тем всё хуже:
Опять яичница на ужин.
Он говорит: у всех так… Врёт.

Нормальный мент не курит «Кент».
Посёлок Г. впал в летаргию.
Придумал Чехов «Хирургию»,
А кто-то — «Пятый элемент».
Страна в изгнании. Сидят.
Герой уснул наполовину.
Сейчас заплачу или двину
Куда-нибудь, — глаза глядят.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Что ты мне говорил про судьбу бу-бу.
Я росла, как трава, и в траву уйду.

Во мне выроет норку смешная мышь.
Почему ты ещё до сих пор не спишь?

Спи. Пока я смотрю на тебя — ты здесь.
Я оставлю тебе этот город весь.

Обзамуженных Галь и женатых Кать
Напишу, чтоб по имени забывать.

Никаких многоточий, пробелы — сплошь.
Спи давай. Пока спишь, говорят, растёшь.

* * *

Сдурела, меняла купоны.
На улице дышится.
Теряла твои телефоны,
И повесть не пишется.
Глазела упрямо на стены
(ты лезешь из свитера):
картинки, неправды, елены
и фотки из Питера.
Тагильские фишки: стреляться
И жить себе. Разные?
Я помню твои одеяльца
И пальчики грязные.
Скучала. Курила у морга.
Пропахла, наверное,
Дождями, — и это надолго.
Смешные. И верные.

* * *

Мы будем жить в нищете и позоре,
В чутких объятьях на белой горе,
Жадно глотая солёное горе —
О серебре.
Нежно вдыхая в гудящие вены
Сорванный голос и тонкую прядь,
Сможем свободно ходить через стены
Или летать.
Раны питая — в дремучие соты, —
Станем молитвами полнить наш стол.
Не доберутся до — ни гугеноты,
Ни Интерпол.

Или, отдавшись обкуренной своре,
Болью изгнания гордо звеня,
Мы будем жить в нищете и позоре,
Радость моя!

* * *

Мэри Поппинс, моё одинокое детство,
Ты не можешь курить и бухать «Зверобой», —
Синеглазые феи приходят погреться,
Выпить чай с молоком, увести за собой.
Ты не смеешь беседовать с мамой, — известно,
Или стряпать печенье на девять персон;
И уже нужно спрятать под старое кресло
Узконосые туфли и чопорный зонт.
А потом... погоди, перемою посуду, —
Провожу тебя, выведу в полночь двора.
Только путь не решён и постыла простуда,
Только пуговиц свет — до утра, до утра...

* * *

Е. Т.

Плывут ночные косяки,
Полсрока я гашу бычки
В ладони.
Ты говоришь, она тебя
убила. Это всё фигня —
не помню.
А впрочем, что и ожидать:
Беременная ею мать —
На зоне.
Её придурковатый дед
Ещё мотает сорок лет,
Хоть помер.
Она
да разве в этом суть
прости её за что-нибудь
и кроме

ТИТОВА ТАТЬЯНА ФЁДОРОВНА родилась в 1962 году в Нижнем Тагиле Свердловской области. Окончила Нижнетагильский педагогический институт. Публиковалась в журналах «Несовременные записки», «Уральская новь», «Урал», «Воздух», «Арион». Автор книги стихотворений «Деревья» (2003) и книги прозы. Участница «Антологии современной уральской поэзии» (т. 2, 3). Живёт в Нижнем Тагиле.

Татьяна ТИТОВА

* * *

В холодных лицах остыл помутневший вечер,
И гладит худой котёнок пугливой лапкой
Кошачий язык, шершавый… коробит плечи,
Шерстит и шерстит, лижет. И лапке сладко.

Как приторно мне притворство — родных морочить!
Глядит незакрытым глазом во сне Трёхглазка.
Пройти сквозь больное ухо, не смяв повязки? —
Пускай лучше спит окаянство — кого урочить?

И чьи-то ноги дубили камень вокруг улики,
И чьи-то руки носили лёд в Синюшкин колодец…
Котёнку бросили банку в полфунта лиха,
А над сгущённым и сладким эхом рыдал уродец.

* * *

Дадим тебе тарелок и бутылок,
Чтоб чаше врал: «С лица не воду пить…»
Чтоб в синем треске каменных опилок
Печали оставалось утолить.

Но словно бы впотьмах застигнута криница,
И ночью ты спешишь встречать отца,
Небритым посему. И воду гасят лица,
И воду пьют с лица.

* * *

Ангел после отлетит —
Скаредность горька…
Посреди дерновых плит
Встречу мотылька.
Не размазан он в зажим —
Выше залезай! —
От его набоких жил
Отплеснётся рай.

* * *

Ну что сказать тебе про сахар в керосине,
Полуночный лабаз, замусоренный лаз…
И ленты в парике, и шелест в кринолине
Под леденцовый сон сосутся в самый раз.

По прихоти тоски ключ замер в гардеробной.
На вынос мишуры лежишь полупластом,
Нетронутым в своей тени внутриутробной.
Гримаса в рукаве и реверанс потом.

Он продерётся вмиг сквозь бисер толоконный,
Не расспросив чего, всандалит прямо в лоб…
Поторговав часок замазкою оконной,
За пазухой сожмёт, замыслив оберёг.

И долго никому не буду я любезен:
Ломается братва у русского царя.
Под обезьяний смех нам Happy End полезен…
И календарь раскрыт, и нет календаря.

КРУЖКА МОЛОКА, ФОТОГРАФИЯ

Что это: проблески света или времени мета седая?
Портрет ощутимый, прикнопленный накрепко к стенке,
Сутуловатой секунды прижизненный плюс. Не страдая,
Притянуты губы до верху, до лопнувшей пенки.

Не станет морем зелёным или звенящей струной:
Примененье вторичной бумаги проявленной сложно.
И морщинится лист, фотографии контур земной,
Неподвижное пьёт молоко, что почти невозможно.

Облекается кружка белёсого миража
Несомненно старушечьим бледным запястьем.
Вот лицо исчезает, и слабые руки дрожат
Без лица человека, но с лицом невозможного счастья.

* * *

Сквозь длинную осень запястий
Кудрявая венка течёт.
По воле пчелиных пристрастий
Задержан косой перелёт.

А нам — память сваи височной
В проточный песок забивать.
Читать Мандельштама построчно,
Орать свою кузькину мать.

* * *

Ещё небесный лес
Выпрастывает ветки,
И сок нагих древес
Доходит до отметки —
Зарубки на стволе…
Ветвей сквозное чудо
И лужи на земле,

Которые забуду,
Покуда ветер спит,
Не зная остановки;
И темнота стоит,
Не требуя обновки.

ДЕРЕВЬЯ

Полночный город зыблется в дыму.
Пронзая тьму, деревья тянут пальцы.
Доступные и взгляду, и уму,
Недвижны сучковатые скитальцы

По морю дней, по сумраку теней…
Простого тополя маршрут продолжен праздный
Из тьмы на свет, где кажутся вольней,
Бросают тень и обретают разум.

Деревья неотступно говорят,
Плывя в дыму от мира в отдаленье,
И память вековечную творят,
Отпущены, как в первый день творенья.

Деревья, установлено, худы.
В параде чудодейственного блеска
Не отрывают камень от воды,
В сплетенье заводи смотрящиеся резко…

Их тени наполняются зимой,
В зеркальности становятся футляром.
Их души отправляются домой
К ветвям полуденным, намокшим, старым.

* * *

Ещё и псевдозухия рисуя,
По небу скачет прямо в ноготок.
Или комар, над деревом танцуя,
Пыльцу сшибает прямо поперёк.

Не медля, опускается блаженство
И бьёт из наших жил, из наших крыл.
Моей природы скудно совершенство
Берёт кристалл, а вошь у нас — берилл.

Бери же жизнь ночами роковыми,
Когда собаки спят навеселе,
Когда деревья чертят гробовые
Расчёски слёз на каменном стекле.

* * *

Трезубое сугубое ничто,
Когда иным по смерти назовётся,
То это кстати: ненависть прольётся
Из рваных дырок цирка шапито.

Сгореть вдвоём, но не встревожив лик
Взаимного и в кубе совращенья:
Легка рука не выкрестит прощенья,
Лицом к лицу не встанешь ни на миг.

А если дождь слезищами — смотри! —
То утащи немножечко махорки
И перетри в слова на мелкой тёрке,
В процессе сна теряя пузыри.

* * *

И тихо мне будет, и ночь не потерпит вины,
Бессонницей шёпота злого измяв всю подушку.
И тесная кровь, и печаль изначально даны
Забитым щенком, истаскавшим чужую игрушку.

И память недужна, но память тебе не нужна.
В чужих мокроступах мокрющих идёшь по колено
В снегу. Обступает меня тишина
и в плен забирает, а после выводит из плена.

А с прошлым, прилипшим к подушке больной,
В постели лежу, а потом поднимаюсь, босая.
Где ситцевой тканью накроет нас вечный покой?
Я — честно — не знаю, живая, живая, живая.

* * *

Нет вечера. Деревья и кусты,
Сверяя счёт, гудят из темноты.
Сухой метил-оранжевый скелет
Выпрашивает зиму, за сто лет

Одну. За ним цыган цигейковых орда
Стоит, не двигаясь, не зная ни куда
Им тронуться по замкнутой кривой,
Ни где, умаявшись, заснул ребёнок мой.

ТХОРЖЕВСКАЯ ВИТАЛИНА ВИТАЛЬЕВНА родилась в 1971 году в Свердловске. Печаталась в журналах «Урал», «Алконостъ», «Окрестности», «СП» и других. Автор книг стихов «Птичья память» (1991) и «Путешествие в обратную сторону» (1994). Воспитывает двоих детей. Участница «Антологии современной уральской поэзии» (т. 1–3). Живёт в Екатеринбурге.

Виталина ТХОРЖЕВСКАЯ

* * *

Летучих птиц на свете больше нет,
И деморализованы подранки.
Когда-нибудь, шатаясь после пьянки,
Мы в белых тапочках пойдём за Богом вслед.

И закадычное ухватим за кадык.
Судьбу до дна повыблевав стихами,
Я ухвачусь обеими руками —
И молча вырву грешный мой язык.

* * *

напрасная вода по капле канет
в порожний омут между берегов.
на леске опрокинувшейся тянут
меня на дно рыбак и рыболов.

тяжёлое нахлынувшее небо
ногой на горло встанет, а потом
дрожащей ряской медленно затянет
дырявую, глядящую вверх дном

а днём спустя опустимся на дно,
как водоросли, протягивая руки,
мы прорастём дыханьем и огнём,
мы вырвемся движением и звуком.

я вижу взгляд из омута. со сна
не различу значения и знака,
пока иглой зелёная сосна
кроит мне деревянную рубаху.

ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ РОМАНС

На площади гвоздями фонарей
Прибит трамвай. В вагонах погорельцы
За упокой диванов и дверей
Перебирают каменные пальцы.

Я не в долгу у Родины моей.
Но, кажется, уже не отогреться.
Прости меня — и всё-таки убей! —
Мы все сгорим в костре иллюминаций.

Иди не в масть! — Я всё приму, как месть,
Как должную судьбу во тьме трамвая.
Прости меня — и всё-таки повесь,
Поправив чёлку чётного конвоя.

И в сизый снег, в пустые фонари
Ещё один трамвай войдёт, зевая —
Я всё прощу — и всё-таки умри,
Разбив судьбу о поле ветровое!

* * *

иду вдоль берега и каменная сыпь
необозрима говорят что сеял
здесь раньше камни одиссеев сын
не помню был ли сын у одиссея

он рассмеялся камешек поднял
и бросил в никуда должно быть в море
здесь телемах рассеянно сказал
что вон за тем холмом стояла троя

нас было трое впереди шагал
лохматый пёс мы с телемахом следом
брели по берегу он камешки искал
и называл названия и в этом

он понимал про каменную сыпь
рассказывал и вспоминал о трое
но был ли мальчик одисеев сын
он не сказал и многое другое

покрыто мраком и да будет мрак
чтоб не узнал никто как не открывши врат
сжечь город взять богатства и елену
и грызть канаты слушая сирены
машин в ночи спешащих на пожар

ЕЩЁ ОДНА МЕТАМОРФОЗА

На чуткой пашне всякое зерно
по имени по имени окликну
на голос обернуться суждено
как суждено от голоса погибнуть
Молчание — последнее звено —
из птичьей пасти выпало прорехой.
Так ночью в космос валится окно
осколками разбрызгивая эхо.
Я пил тебя, как горькое вино,
моя земля, мне будет ад похмельем.
Я жить хотел, как всякое зерно,
бредущее дорогой подземелий.

Но Бедный Йорик в белом кимоно
мерцал в ночи, сигналя сигаретой.
Снимая чёрно-белое кино,
я не смыкал глазницы до рассвета,
разглядывая смуглое лицо
и белые тревожные движенья.
Мне говорят: он был твоим отцом.
Он был твоим Отцом — и ждёт отмщенья.
Я пил тебя, как горькое вино, —
уйди, довольно жертвоприношений!
Тебя любить — и помнить об одном:
проклятия на свет скликают тени.
Тебя любить — и позабыть себя:
стать черепом, могильщиком, пустыней.
Ты — Бог-Отец, не помнящий родства.
Ты — Авраам, склонившийся над сыном.

Молчание. Так тихо. Тихо так.
И пепел пепел падает на плечи.
Не говори. Молчи. Ужасен всякий знак
и самый воздух человечьей речи.

* * *

Умирать болеть и плакать
Видеть стены косяки
Кирпичей оббитых мяготь
Прутья холмики венки

Руку высохшую дымом
Под пергаментной трухой
Кожи — тянется к любимым
В недра полночи сухой

Дух как пух да плоть как пуля
Тоже дура и слепа
Как прозрачно нас надули
За четыре «пур ква па»

Тополей пушистых рыльца
Вздох сирени в темноте
В сладкой полночи топиться
Распинаться на листе

Ярко-пламенном кленовом
Угасать краснеть бледнеть
Чтоб услышать как на новом
Языке твердеет смерть

МОРСКАЯ ПЕХОТА

Морская пехота идёт в наступленье на берег
ты знаешь потери но ты не считаешь потери
внутри твоих писем никто расстоянье не мерил
ведь ты не считашь пространство достойным доверья

Здесь круглые ночи твои треугольные письма
несут почтальоны как жёлтого дерева листья
как хочется плакать (мне хочется плакать и верить)
морская пехота идёт в наступленье на берег

У берега моря задумчиво трое незрячих
то вскроют конверты то снова под веки запрячут
их жёлтые лица их пальцы сплошные химеры
морская пехота идёт в наступленье на берег

и что же мне делать чтоб сны не приснились обратно
улыбка у моря пространство как мёртвая хватка
как мёртвая чайка кричит кто-то умер от горя
морская пехота идёт в наступленье на море

оскалив каменья иди и неси в сердцевине
морские растенья и раковин гнутые спины
тоску моряков занасённые илом конверты
морская пехота штурмует последние метры

солёной воды здесь воронкою скручено море
уходим туда где с тоскою и разумом в споре
ты пишешь не мне где мерцают прожжённые титры
морская пехота штурмует последние метры

* * *

Разлинованный как география катится шар
Умозрительный как математика тянется день
Положи человека в его бессловесный футляр
Словно сломанной скрипке печали звучать ему лень

Ему лень отвечать на скрипучий смычок-горизонт
Ему лень откликаться кузнечику в шаткой траве
Ему лень горевать о себе как Овидий Назон
Ему лень вспоминать кто кричал в предыдущей главе

Положи человека в его бессловесный футляр
На нейтральных полях белизны позабудь между строк
Пусть толпится над ним тишина в голубых тополях
Пусть молчат долгогривые ивы на грани миров

Долговязые вязы пусть смотрят меж пальцев без век
как закончится вечность над самой его головой
В бессловесной купели пусть дышит и спит человек
Пусть он будет спокоен как мёртвый
Но только — живой

Я

Я, я, я! Что за дикое слово!

В. Ходасевич

Есть точка сборки атомов внутри.
Есть зеркала довольная отрыжка.
Всё это называется: «Смотри —
Я, мой скафандр, мой дом, моя сберкнижка».

«Я» — это «да». «Нет» означает «нет».
Меж «да» и «нет» — «palaksch», «палач», «платёже-
Способность: за любовь — любовь, за свет
И воду — свет, вода». (А что же

Ещё?) Я — это свет, любовь, вода.
Кормить червей, а также птиц небесных,
Которые не сеют, это да,
Но падаль пожинают повсеместно.

Я — это точка сборки урожая.
Должна расти большая-пребольшая.

ЧЕШЕВА МАРИНА СЕРГЕЕВНА родилась в 1985 году в городе Ревда Свердловской области. Окончила УрГУ им. Горького. Печаталась в журналах «Урал», «День и ночь», «Крещатик», «Волга-XXI век», «Дети Ра», поэтической антологии «11:33», сетевых изданиях. Участник литературного семинара Андрея Санникова. Автор книги «Стихи» (2014, серия «ГУЛ»). Участница «Антологии современной уральской поэзии» (т. 3). Живёт в Екатеринбурге.

Марина ЧЕШЕВА

* * *

смыкая губы в тонкую дугу,
пока дремали глиняные боги,
я прогибала радиоволну
в тугие и бессмысленные строки,
слетаясь над антенной тишины,
толкаясь и дразнясь, на три-четыре
из горла голубиной глубины
со мною говорили, говорили…
две с половиной жизни подарили,
и обе тянут к илистому дну…
так вот что, дорогие, мы — в эфире,
не оставляйте здесь меня одну.

* * *

слушай мокрый гул внутри у птицы
пойманной смертями медных солнц
на рассвете тополь многолицый
оттепель озимую принёс
и охотник в шапке воробьиной
долго щурит травянистый глаз
дозревая в глине кинофильма
про тебя и нас
каменные рёбра снегопада
держат наши лица на весу
и сквозь воздух липкий словно вата
ветер гонит мёртвую лису
облетая лентами тревоги
ты стоишь как вырубленный сад
холодеют у деревьев ноги
пятками назад

* * *

открывали наугад
небо две страницы
а на третьей бог стоял

на руках синицы
он клевал холодный чай
прямо из больницы

* * *

когда наружу вывернув лицо
пустой вагон идёт гремя костями
ладони в отпечатках голубей
и брошенная женщина повсюду
а именно с озябнувших ветвей
смещается по воздуху ногами
то тихий смысл упавшего листа
роняется как имя между нами

* * *

в платье из мягких лисиц ольхи
выплывешь меж ветвей
лица листвы примеряя ты
выбери что нежней
этот ли лес для тебя велик
горек он или прост:
в белом дупле притаился тигр
пряча съедобный хвост
снег раздувая жабры спит
в мокром подоле дня
маленький мальчик жуёт иврит
на голове коня
вырастет он и отважный смех
выплюет из груди
старый барсук примеряет мех
глядя в глаза твои
молча кивая откроет дверь
не расплетая кос
тихих озёр золотая смерть
хлынет с твоих волос

* * *

над городом протяжная вода
не льется потому что провода
и воробьи слетаются на хлеб
поющий из руки как человек
который опоздал и на вокзал
ты знаешь я тебе не рассказал:
до лета мне уже не дорасти
сухие лица осени прости

* * *

мари, мари, спускайся на обед,
соседи спят, обиды позабыты,
и мы отмыты, сварены, накрыты,
мари, мари спускайся на обед…

мари, мари, спускайся в тишине,
не нарушая до-мажорной гаммы,
там у стола толпятся только анны,
мари, мари, спускайся в тишине

мари, мари, пусть анны до утра
листают журавлиные страницы,
горят от невесомости синицы,
мари, мари, я встречу у костра.

мари, мари, спускайся по земле,
не перепрыгнув ни одну ступеньку,
иди ко мне, не бойся, помаленьку
мари, мари, спускайся по земле…

* * *

снег падает по вогнутой груди
не города но сломанного шара
зернистый ветер дует в позвонки
огромного солёного вокзала
где поезда ведут проводники
лежат на верхних полках двойники
шершавыми бормочут языками
и пассажиры мокрыми руками
детей своих несут за плавники
туда где рыбий голос именами
их обратит в течение реки
туда, где злые рыбы кадыками
торчат из перламутровой реки

* * *

невидимые волны сентября
где круглые деревья на тебя
глядят как бы влюблённо и легко
как свёрнутое в небе молоко
люби меня люби меня со слов
чернеющего моря островов
ладоней покрывающих песок
когда мы говорили сквозь висок
седеющего бога в облаках
с невидимой печалью на руках

* * *

вылавливая фонари
из тополиного потопа
кустом вишнёвым Пенелопа
плыла по дну пустой реки

распухший берег изнутри
шипел и пенился и плакал
Гомер спешил в свою палату
с молитвословом на груди
а я спускала корабли
в ладони медсестёр и братьев
и нерассказанное платье
стекало с неба до земли
мне больше некуда идти
блуждаю водянистым светом
на том меня не ждут на этом
молчат мои поводыри

* * *

ломая этот лёд в себе и кожу
под ней такая кровь что отойди
там мальчик умирающий он тоже
в мигающих руках считает дни
и страх ещё как в сетке апельсины
как секта недоношенных стихов
пока на деревянной койке или
сквозь воздух улыбающийся Бог
не переходит в окна подземелья
но смотрит как медлительна вода
твоих пустых почти стихотворений
вот в этой книге в этой вот да да

* * *

пусть мёртвые играют в домино,
у дома моего пусть мёртвые играют,
они меня не помнят и не знают,
а я их знаю всех до одного…
по двое на качелях, на траве,
на ветках, на твоей виолончели,
они поют как будто в самом деле,
их слышат все, им радуются все…
вот Оленька гуляет под окном,
считая, пересчитывая лужи,
но мама не зовёт её на ужин,
и Оленьке как будто всё равно,
ведь дядя Коля обещал послушать
её стихотворение про снег,
вот он идёт к ней, ласковый, ненужный
в заупокойном дыме сигарет…
и я бы рада их не знать в ответ…
Но маленький Максим читает книжку
Но Анечка в песочнице молчит…
Но ржавые от вечности ключи
перебирает рыженький мальчишка...

* * *

коренные зубы словно мысли
у деревьев смотрят в небеса
где твоих волос чернеют листья
на ладонях белого песка
где туман спускаясь по ступеням
мне прощает лёгкие следы
у растений под глазами тени
одиноко ходят у воды
и в моих садах слепые люди
собирают ягоды с ресниц
их корзины из телесной ртути
плачут в лапах птичьих колесниц
но и птицы в глинозёмном страхе
светят в небо белым молоком
где в утробе смерти из бумаги
над зелёным сломанным дождём
лишь пружинка мухи поскакала
улыбаясь в солнечном окне
и внутри пшеничного вокзала
камыши молчат наедине

ШКАРИН ДМИТРИЙ ЛЕОНИДОВИЧ родился в 1970 году в городе Новокуйбышевск Самарской области. Закончил факультет психологии Красноярского государственного университета и Петербургский институт тренинга. Работал токарем на заводе, библиографом в библиотеке Верхнего Уфалея, преподавателем на кафедре практической психологии педагогического университета. Сейчас работает бизнес-тренером, являясь учредителем Центра развития тренинговых технологий. Автор романа «Чёрная бабочка». Проза и стихи публиковались в журналах «Воздух», «Урал», «Уральская новь», в альманахе «Вавилон», «Рец», «ЛИКБЕЗ» и «Сны Просперо». Участник «Антологии современной уральской поэзии» (т. 2). Живёт в Екатеринбурге.

Дмитрий ШКАРИН

* * *

Там, где я был, нет на земле.
Там, где я был, в космос не умещается.
Там ревёт океан непроглядного хаоса.
Страшное место.
Местом-то не назовёшь.
Бездна кипит.
Ничего, попривык, пообвыкся.
Были б слёзы, поплакал б.
Но ни слёз, ни глаз…
Нет там ничего.
Шиш там вращается.
На пол потолок. Чердак в подвал.
Крепко стиснуто.
Светлое утро, ты мне мнишься.
Белая душа, ты мне снишься.
Снишься урывками.
Не пропало всё пропадом.
Оттого-то и жуть. Жуть тараканья.
Одному Богу известно.
Там в углу хламится неподъёмная гайка.

* * *

Мраморная шмаль громыхнула в ухо.
Потонула даль в синем молоке.
Жаль, конечно, жаль… Плачет повитуха.
Дьявол сердце сжал в ледяной руке.

Мне себя простить… Это слишком просто.
Чёрная корысть. Белая беда.
Нить перекрестить поперёк погоста.
Перекрыть, разгрызть связь меж нет и да.

И опять пойти, медленно шатаясь,
В звёздный ресторан, где горят глаза,
Где свистят пути, смерти не стесняясь,
Окосев от ран, выдрав тормоза.

Добрые друзья, что ж вам не живётся?
Мороком моря, вас уводит ночь.
Видимо, не зря. Солнцу мало солнца.
И спросить нельзя. Тчк, точь в точь.

МЕДВЕДЬ

Медведь животное опасное,
Особенно когда кусается,
Медведь один, а люди разные,
Вот он за ними и гоняется.

Бывает, выйдешь в тихий полночь,
Идёшь по лесу и поёшь,
А кто-то уж зовёт на помощь:
«Медведь напал, едрёна вошь!»

Утихни, жертва, сдайся, чтобы
Не усложнять урок судьбы.
Медведь нас ест без всякой злобы,
Как мы порой едим грибы.

ДЕВОЧКА

Девочка моя с белым бантиком.
С розовым таким белым бантиком.
Что же ты сидишь на фуфаечке?
Девочка моя в грязной маечке.

Девочка моя с грустной мордочкой,
Я дружу с тобой, а не с водочкой.
Что же ты всё пьёшь, стерва старая?
Я тебя убью за сараями.

Извини, шучу, моя милая.
Я тебя проткну ржавой вилою.
Я опять шучу, моя крошечка.
Я ж в тебя влюблён! Понарошечке!

* * *

Я ехал по улице с тяжёлой травмой сердца
на кибернетической биолошади.
Мне мир казался никаким!
Я яблоко кусал и грустно плакал.
И черти кругом прыгали, как суки.
Вдруг впереди замаячили две девчонки,
Очень похожие на три девчонки.
— Что за ядрёный горох творится кругом, парень?! — сказал я себе.
— Успокойся, хрыч, семь енотов в сарафане! —
ответил мне мой здоровый внутренний хор.
А по небу ползала всякая птица.
А также там ползало иностранное солнце.
И меня обуяла гордость за свою кибернетическую биолошадь!
— Лошадь, я тебя люблю! — сказал я моей противной коняге.
Коняга, бедная коняга.
Наш мир, увы, такая шняга,
Что хочется стать древнерусским поэтом
И целовать на всяком углу каждую попавшуюся дуру.

* * *

Ветер крышу раздраконил,
Осень хнычет над ведром.
Восемь тапок на балконе,
Ремонтируем дурдом.

Скобы чешем, курим хмуро.
Нас четыре, мы больны.
Пахнет сизой арматурой.
В горле привкус белены.

Хворость, морось, невесомость.
Струйки брызжут вкривь и вкось.
То ли старость, то ли новость:
У земли гуляет ось.

Нас четыре на балконе.
Но проснётся за ведром
Кот в законе Аль Капоне,
Будем мыслить впятером.

* * *

Вызвал ночью дьявола с тоски.
Он явился тут же, будто ждал,
Затянул виски мои в тиски
И в громаду ада мозг мой вжал.
Столько лет не верил, что он есть.
Столько лет не видел, что он здесь.
А он здесь, у самого виска.
Оттого и веселей тоска.

* * *

Одиночество моё — моя родина.
Жизнь не найдена, увы, смерть не пройдена.
Сказки разные мои — моё золото.
Жутко весело до слёз сыто холодно.
То оттуда, то туда, ниоткудова,
Над землёй бурлит судьба беспробудная.
Боль молитвы от людей Нелюдимому
То же, что упрёк творца сотворимому.
Ни с отечества отсчёт и ни с отчества.
Одиночество творит одиночество.
На заброшенном вокзале
У окна сидит старик.
Ждёт чего-то он, едва ли,
А не ждать уже отвык.

ШУЛЬГИНА АРИНА ЮРЬЕВНА родилась в 1991 году в Перми. Усиленно изучала физику и математику, в 2013 году закончила Строительный факультет ПНИПУ и поступила в магистратуру, после чего поменяла приоритеты и ушла в «Великий поиск». Печаталась в антологии молодой поэзии Урала «Шепчутся и кричат» (2016). Живёт в Перми.

Арина ШУЛЬГИНА

НАСКВОЗЬ

очень смешно, оставив дыру в груди,
мне говорить, что видишь меня насквозь…
в голову мне по шляпку забитый гвоздь.
«всё у тебя, родная, почти срослось,
только курить без шапки не выходи».
в свитере себя заживо хороню,
кухонными полами к весне ползу,
редкую добываю в душе слезу,
как накоплю достаточно, отвезу,
где в ипотеку сердцу куют броню.
да, в эту реку более не войду,
если я в ней, конечно, не утону…
с нежностью бесконечной щекою льну
к илистому холодному её дну,
чую, тяну с прощанием на беду.
след от укуса держится на плече
девушки, исключившейся из «меню».
я тебе обязательно позвоню,
если сумеешь, вытрезвившись ко дню
мне хоть одну причину назвать, зачем.

КЛЮЧИ

вот смотрите все, это ключи от Чи,
никуда не вставляются, принцип работы — тайна.
кнопка «выключить чи» и кнопка «чи замолчи»,
а здесь у неё «прости меня, я случайно».
Чи отличный пилот, лучше всех летает во сне,
быстро считает в уме и плохо читает вслух.
до сих пор бывает, что Чи поедает снег,
на балконе охотится утром на белых мух.
так вот, Чи приоткрыла цветной футляр…
«вот возьми, но храни, они у меня одни»
у меня на руках тот единственный экземпляр,
очевидно, его кто-то попросту обронил.
ничего не работает, никак не могу включить,
жму на все кнопки, только руками разводят врачи,
вот машину или дверной замок ещё может быть…
а это что или кто, и поди пойми как чинить.
за последние дни осмелел непуганый снег,
я пишу объявления, никто пока не звонил.
у меня в кладовке сломанный человек
иногда говорящий шепотом «извини…»

ПОЭЗИЯ

Янис ГРАНТС
Елена СЫЧ
Сергей ДЕГТЯРЁВ
Андрей САННИКОВ
Ирина ЕЖОВА
Михаил ПРИДВОРОВ
Алексей СТОЛЯРОВ
Нина ПИКУЛЕВА
Константин РУБИНСКИЙ
Ирина АРГУТИНА
Елена ОБОЛИКШТА

8

Детский

Янис ГРАНТС*

СПАСАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ

Я спасал эту муху полдня,
Но она не вела даже глаззззом.
Облетала ракетой меня
И врезззалась в окно раззз ззза раззом.

Я кричал ей: «Послушай меня:
Я открыл тебе двери балкона!
Ты стекло атакуешь полдня!
Это кончится плачем и стоном!»

Так и есть! Реактивный раззззгон!
Бац! Удар о стеклянную стенку!
С подоконника — жалобный стон:

«Я ушибла крыло и коленку...
Эй! Не стой! Разотри же скорей
Мне ушибы лекарственным воском!
Дай варенья! И чаю согрей!
У меня сотрясение мозззззззззга!»

СКВОРЕЧНИК

Мы делали с папой скворечник.
Нет в мире полезнее дел!
Работа кипела, конечно,
Но папа сильнее кипел:

То мерки неправильно сняты,
То пилит неровно пила,
То гвоздь вылезает куда-то,
То войлок пропал со стола.

И вот он готов, наш скворечник!
Размером — с павлиний дворец!
В такой побоится, конечно,
Вселиться пугливый скворец!

Кого же поселим в скворечник?
И мы посмотрели в окно.
Конечно! Конечно! Конечно!
Идём же во двор! Решено!

---

* О Янисе Грантсе см. с. 41 настоящего издания.

Мы вынесли домик хороший
Дворовому псу Артамоше,
Привыкшему спать на ветру.
И пёс был слегка огорошен,
Но тут же залёг в конуру.

НЕЖНОСТЬ

Лене Сыч

Я хочу быть нежным, как букашка:
Ползать на рассвете по траве.
Но влепил какой-то второклашка
Ранцем прямо мне по голове!

Я хочу быть добрым и пушистым,
Всех любить легко и горячо!
Только мяч в окно моё со свистом
Залетел и мне попал в плечо!

Значит, так: я выскочу из дома
И собью двоих мальчишек с ног,
Дам по голове тому-другому…
И потом, по случаю такому,
Сразу стану нежным, как цветок!

ТРИ ДРУГА

Фадеев, Калдеев и Пепермалдеев
однажды гуляли в дремучем лесу.
Фадеев в цилиндре, Калдеев в перчатках,
а Пепермалдеев с ключом на носу.

Даниил Хармс

Курицын, Жмурицын и Караулицын
(С ярким значком на груди)
Шли по центральной причёсанной улице:
Курицын — справа,
Жмурицын — слева,
А Караулицын — посереди-

Несколько слов повторяла компания
(Каждый — своё, как всегда).
Произносили слова-заклинания:
Курицын — «Швабра!»
Жмурицын — «Жабра!»
А Караулицын — «Абракада-

Бравая троица шла мимо лавочек,
Мимо столбов и витрин,
Мимо фонтанов, бабулечек, бабочек.
Курицын — в шапке,
Жмурицын — в шортах,
А Караулицын — в полуботин-

КАХ! — это Курицын кашлял на улице.
Жмурицын следом чихал.
А Караулицын, будто он бабочка,
Часто руками махал.

ПАПА ВСПОМНИЛ

В соавторстве с Еленой Сыч

Папа вспомнил, что забыл,
Что забыл, что он забыл,
Что когда-то сыном был:
Бесшабашным сыном был,
Беспокойным сыном был,
Беспринципным сыном был,
Бесхребетным сыном был,
Бестолковым сыном был,
И бесцветным сыном был,
И бесцельным сыном был,
И бесстыдным сыном был…
Папа вспомнил, что забыл!

Хочет папа, чтоб я был:
Бесподобным сыном был,
Беспримерным сыном был,
Бескорыстным сыном был,
И бесстрашным сыном был,
И бесценным сыном был.
Остудить бы папин пыл.

У БАБУШКИ В ДЕРЕВНЕ

Бабушка моя живёт в деревне.
Там она с рождения живёт.
С нею — кот. Он старый. Даже — древний:
Любит греть на солнышке живот.

Я приехал к бабушке в деревню!
Здравствуй, речка! Здравствуй, огород!
Здравствуйте, вороны и деревья!
Я взрослее стал на целый год!

Здесь у вас ни шума нет, ни гари.
Интернета нет и скуки — нет!
Мы варенья всякого наварим,
Заготовим дров на пару лет.

В середине августа уеду.
Но сначала с бабушкой вдвоём
Сходим на поклон к могиле деда…
А ещё по ягоды пойдём!

«В добрый путь!» — качаются деревья.
«Береги себя», — мурлычет кот.
Бабушка моя живёт в деревне.
И никто в ней больше не живёт.

Из людей — никто. Но рядом — кот.

ЛЮДМИЛА И ДАНИЛА

Юным читателям села Туринская Слобода Свердловской области посвящаю

Мы дружной писательской командой поехали по небольшим поселениям севера Свердловской области. Наш маршрут пролегал через Туринскую Слободу, Туринск и Тавду. Сидя в автомобиле, я сделал набросок будущего

стихотворения. Что-то в этом черновике мне нравилось, а что-то — нет. К тому же я так и не придумал, чем стихотворение должно закончиться. Поэтому я решил прочитать набросок «Людмилы и Данилы» тем, кто придёт на встречу в селе Туринская Слобода. Ребята, надеялся я, что-то непременно мне подскажут.

Динозавр по имени Людмила
Целый день туда-сюда ходила.
И была Людмила голодна:
Динозавра съесть могла она.

Динозавр по имени Данила
Был зубастым, толстым, злым громилой.
Он с утра голодным очень был.
Он бы разом съел и трёх Людмил.

Динозавры встретились у чащи.
Подскажите, что случилось дальше?

Тут, к моему удивлению, поднялся страшный шум: все стали наперебой предлагать свои варианты дальнейшей судьбы Людмилы и Данилы. «Тихо! — скомандовал я. — Как вам такое продолжение?» И прочитал:

Динозавры встретились у чащи
И сразились в битве настоящей.
Но Данила был сильней в сто раз.
Он Людмилу съел — и весь рассказ!

«Нет! Нет! Нееееееет! — чуть ли не хором закричали ребята. — Мы не хотим, чтобы Данила съел Людмилу!» «Хорошо, — ответил я. — Тогда будет по-другому». И прочитал:

Динозавры встретились у чащи.
Солнце кожу жгло, как суп кипящий.

Закололо в сердце у Данилы.
Он румяным, робким стал и милым.
Он влюбился в Люду, он пропал.
Он к ногам возлюбленной упал.

Но Людмила лишь скривилась: «Тьфу ты!»
И Данилу съела в три минуты.

«Нет! Нет! Нееееееет! — чуть ли не хором закричали ребята. — Мы не хотим, чтобы Людмила съела Данилу!» «Хорошо, — ответил я. — Тогда будет иначе». И прочитал:

Динозавры встретились у чащи.
И стучать сердца их стали чаще,
И зажглись глаза, застыли скулы.
Облако из бабочек вспорхнуло!
Динозавры — чмок! — поцеловались.

Жалко, что голодными остались.

Бурные продолжительные аплодисменты.

Всё!

СЫЧ ЕЛЕНА КАШВИЛОВНА родилась в 1962 году в Челябинской области.

Выпускница Челябинского педагогического института. Преподает русский язык и литературу.

Автор нескольких книжек для детей: «Замечательный день» (2004), «Зелёная Свинка» (2006), «Большой портрет» (2008), «День рождения Носорога» (2013), совместно с поэтом Львом Рахлисом), «Рыбка смотрела в окно» (2016).

Печаталась в коллективных сборниках разных лет и детских журналах. Принимает активное участие в читательских марафонах «Издательства Марины Волковой». Пропагандирует семейное чтение на творческих встречах в библиотеках, детских садах и школах города.

Елена СЫЧ

ПОВЕЗЛО

— Вот было бы счастье!
Вот было б везенье!
Нырнуть в трёхлитровую
Банку с вареньем! —

Мечтательно думала
Муха, жужжа,
Над целью заветной,
Как лайнер, кружа.

Булты-ы-ых — и нырнула!
Да так постаралась,
Что в банке
Почти ничего не осталось.

И еле дыша прошептала:
— Тону-у-у!
Я брюшком тяжёлым
Прилипла ко дну!

Спасли сладкоежку!
И в знак утешенья
Вручили… ещё одну
Банку варенья!

В НАШЕМ ДОМЕ

В нашем доме ежедневно
Происходят чудеса:
Незаметно исчезает
С нашей кухни колбаса.

Научился Кто-то лапой
Холодильник открывать.
Но сначала этот Кто-то
Залезает под кровать.

Подождёт, пока хозяйка
Соберётся в магазин,
А потом, когда в квартире
Он останется один…

Открывает холодильник:
— Здесь ли мой деликатес?
И, урча от наслажденья,
Замурлычет громко: «Yes!»

ЕЩЁ ОДНА КОРОВА

Корова летела по небу, как птица!
А ей предлагали на землю спуститься.

Кричали доярки: «Бурёнка! Постой!
Полёты снижают привес и удой!»

Пастух из рогатки нацелился ввысь…
Корова в ответ промычала им: «Бры-ы-ысь!»

Давно ей хотелось взглянуть с высоты
На синюю речку, лужок и цветы!

ЖИЛА-БЫЛА ЛЯГУШКА

Жила-была Лягушка
На улице болотной.
Была эта Лягушка
Ужасно беззаботной!

И вместо мух сушёных
К приходу холодов
Кладовки заполняла
Букетами цветов.

А вечерами снежными
Она их доставала
И ароматы нежные
Восторженно вдыхала!

— КВА-КВА-КВАкое счастье!
КВАкое наслажденье!
КВАк будто КВАждый вечер —
День моего рожденья!

ДИЕТА

Ужасно голодная Жаба
На кочке болотной сидела.
Весь вечер, о чём-то мечтая,
На мух отрешённо глядела
И всё повторяла зачем-то:
— Диета! Диета! Диета!

Хотелось мечтательной Жабе
К утру стать артисткой балета!

ПРИРОДНЫЙ ТАЛАНТ

Крапива у забора
Который день скучает.
Никто её таланта
В упор не замечает.

— Учу прохожих танцам
Всё лето просто так.
Прекрасно получаются
Лезгинка и гопак!
Смелее подходите,
Дотроньтесь до меня!..
Уж я добавлю в танец
И страсти, и огня!

САМОКАТ

Ещё четыре дня назад
Купил мне папа самокат.

Но, вспомнив детство,
День за днём
Он сам катается на нём.

Кричу я вслед ему:
— Постой!
Чей самокат?

— Конечно, мой! —
Вмешался дедушка.

Похоже,
Решил он детство
Вспомнить тоже!

РОМАШКОВЫЙ ЁЖ

На свидание с Ежихой
По тропинке топал Ёж.
На цветочную лужайку
Со спины он был похож.

Расцвели на нём ромашки!
Только Ёж не удивлён,
Потому что так бывает,
С тем, кто по уши влюблён!

Сергей ДЕГТЯРЁВ*

ИНТЕРНЕТСКАЯ ЕЗДОВАЯ

еду я по интернету словно чукча на оленях
десять клавиш нажимаю загорелой пятернёй
мимо сайты пролетают подмигнул владимир ленин
а другой владимир путин крикнул пользователь стой

но стоять я не умею тормоза со мной не дружат
двадцать клавиш нажимаю подбородком и пупком
вирус выскочил троянский зачихал и занедужил
а надеялся наивный прокатиться с ветерком

монитор мигает синим получив два раза в пряник
тридцать клавиш нажимаю носом грудью и ногой
тётка рыжая с экрана завизжала чайник чайник
а сама-то кофеварка фотошоповый отстой

по обочинам мелькают гуглы яндексы е-мейлы
сорок клавиш заскрипели мой почувствовав крестец
я лечу по интернету как шумахер на оленях
а шумахер на оленях это всё уже
конец

ОБЧИХАННЫЙ ПУДЕЛЬ

Мечтать о любви или по уши взять и влюбиться?
Мы сами себе выбираем особенный путь.

Бездомный щенок раз удумал ко мне приручиться:
В репьях, в колтунах. За версту бы его обогнуть…
Отмыл, накормил до отвала бездонное брюхо,
Подстилку устроил бедняге у самых дверей.
А он — рад и скачет, лизнуть норовит меня в ухо;
Нашлёт же Господь для мороки таких упырей!
С утра просыпаюсь, а этот…обчиханный пудель
Сгрыз тапок, нагадил…Убить бы его, дурака!
А он — рад и скачет…
Мой бог, как несчастливы люди,
Которым мечта о щенке заменяет живого щенка!

* О Сергее Дегтярёве см. с. 48 настоящего издания.

О СНЕЖНЫХ КОРОЛЕВАХ

К сказкам иногда жестоки люди,
Потому что есть в них эхо зла.
Снежных королев никто не любит.
А им тоже хочется тепла.

ОДА ПРО МИКРОБА

Когда дни года сочтены
И солнце бледное совсем,
Выходит на тропу войны
Микроб по имени Всех Съем.

Он нападает на людей,
Плетёт силки из сквозняков.
Как лакомство грызёт, злодей,
Нерях, бездельников, врунов,

Шпану, дистрофиков, кривляк,
Грязнуль, зазнаек, плакс, засонь,
Растяп, оболтусов, стиляг,
Зануд, балбесов, дылд, тихонь…

И лишь не трогает микроб
Нас, взрослых, пишущих стихи, —
Красивых, сильных, умных…Стоп!
Пора заканчивать. Апчхи!

ЛОШАДКА ПО ИМЕНИ КОНЬ

Немало лошадок вокруг,
Но только почудилось вдруг,
Что мордой уткнулась в ладонь
Лошадка по имени Конь.

Лошадка по имени Конь
Пошла бы за мною в огонь.
Но взрослому старше пяти
Лошадки такой не найти.

Ах, сколько лошадок вокруг!
Но все они в клетках живут.
Гогочут, щебечут, скулят
И лупят своих жеребят.

Но втайне мечтают найти
Все дедушки старше пяти,
Страну, где уткнётся в ладонь
Лошадка по имени Конь.

Андрей САННИКОВ*

* * *

Однажды бегемот Виталий
проспал 14 часов.

Вокруг него во сне витали
514 слонов.

И он сказал горилле Свете,
когда очнулся ото сна —

«как хорошо, что есть на свете
фантазия!» и что она

из мухи делает слона.

* * *

Однажды Мартин Алтухов
сфотографировал ухов!
Точнее, уш. Ну, то есть ух.
Сфотографировал их двух.

* * *

Однажды в маленьком пруду
рассказывали ерунду

друг другу восемь пескарей
и толстый водолаз Андрей.

Спокойна водная среда!
Кто первым замолчал тогда?

Вторым был водолаз Андрей.
А первым — восемь пескарей.

* Об Андрее Санникове см. с. 225 настоящего издания.

* * *

Однажды мальчик лет семи
решил стать гордостью семьи

и заработать миллиард
игрой в игрушечный бильярд.

Не вышло! Заработал он
не миллиард, а миллион.

* * *

Однажды в маленьком лесу
наткнулся ёжик на лису.

Теперь у нас живёт в лесу
лиса с иголками в носу.

ЕЖОВА ИРИНА МИХАЙЛОВНА родилась в 1960 году в Челябинске. В связи с переездом семьи в Среднюю Азию жила и училась в Ташкенте. По образованию педагог. Работала воспитателем детского сада, учительницей русского языка и литературы, в Службе милосердия. Сейчас живёт в Челябинске. Победитель Международного литературного конкурса «От 7 до 12», финалист международного конкурса «Корнейчуковская премия» (2015, 2016). Произведения публиковались в журналах «Тропинка», «Колокольчик» (Челябинск), «Дошкольник» (Москва), в сборниках «Если ветер запереть», «Лето моё арбузное», «Краткая история челябинской детской литературы». Автор книг «Машин огород» (изд-во Марины Волковой, 2014), «По солнечной дорожке». Член МТОДА — Международного Творческого Объединения Детских Авторов. Участница читательских марафонов и литературных автопробегов «Издательства Марины Волковой».

Ирина ЕЖОВА

ЧЕРВЯЧОК-КОСМОНАВТ

Я — летящий червячок!
Обгоняя ветер,
Я к земле далёкой мчусь
В яблоке-ракете!

Бряк… Посадка! Счастлив я,
Что вокруг меня друзья! —
Смотрят важно сквозь очки
Дождевые червячки!

БРАТ СКАЗАЛ

Брат сказал не так давно:
«Скоро мы пойдём в кино!»
Но прошло уже три дня,
Не зовут в кино меня…
Клея парусник бумажный,
Я шепчу: «Когда? Когда же?»
Только слышится в ответ:
«Не сейчас! И не в обед!
Есть на то своя причина —
Ждать учись! Ведь ты мужчина!

Я теперь без разговора
Жду, когда наступит «скоро».

СТРЕКОЗА

Я рыбачу на реке:
Стрекоза на поплавке
Отдыхает полчаса —
Сушит крылья-паруса.

Для стрекозки поплавок,
Словно в море островок.
Ветерок проснулся —
Островок качнулся,

Стрекоза пошла на взлёт,
Точно папин вертолёт.
Выше, выше… Полетела!
Над рекою заблестела.

Я рыбачу на реке:
Солнце! Удочка в руке —
Всё отлично! Только вот
Что-то рыба не клюёт.

ПРО МОЮ РЫБАЛКУ

Вчера на речке рыба
Сказала мне «спасибо»
    За хлеб,
    перловку,
    мотыля…
За то, что был
    разиней я.

ИЗУЧАЛА ЩУКА ВАННУ

Изучала щука ванну:
— Очень тесно…
Скучно… странно…
Не могу представить, как
Здесь купается рыбак!

ПРИДВОРОВ МИХАИЛ РОБЕРТОВИЧ родился в 1961 году в Миассе Челябинской области. Жил в Казахстане, в Архангельской области, в городе Анадырь (Чукотка), в Тверской области, в Миассе. С 1979 года живет в Челябинске. Закончил ЧПИ (сейчас ЮУРГУ) по специальности инженер-конструктор летательных аппаратов. В 2004 году получил высшее экономическое образование. Работал в лаборатории гидродинамики и тепломассобмена в ЧПИ, в лаборатории рыбного хозяйства Тюменского института СибрыбНИИпроект, в различных коммерческих фирмах. В настоящее время работает инженером в банке.

Публиковался в российских, белорусских, украинских, германских и американских журналах, во многих сборниках, в том числе: «Я на облаке сижу», «Если ветер запереть», «Согласование времен». Лауреат премии Максима Клайна (2012). Автор стихотворных книг «Женщины, женщины и другие кошки» (2004), «Вальс химер» (2008), «Кошкина книга» (2008, 2010, 2012, 2015), «Письма в никуда» (2012), «Важные дела» (2008), «Бабайки» (совм. с Андреем Сметаниным, 2012), «Хорошие манеры» (2013), «Учись говорить правильно» (серия из трех книжек, совм. с Еленой Раневой). Участник читательских марафонов «Издательства Марины Волковой» и четырех больших автопробегов по России и Белоруссии.

Михаил ПРИДВОРОВ

ПРИЩЕМИЛИ КОШКУ ДВЕРЬЮ

Прищемили кошку дверью
Там, где шла она скользя,
Придавили дверью зверю
Всё, что можно и нельзя.
Завернув себя в калачик,
Не вопя, не голося
Кошка плачет, кошка плачет,
Кошка всхлипывает вся.
Все-все-все её жалели
И поглаживали все.
Все пришли к её постели,
Принеся по колбасе.
Принеся с собой по сале
И по мясе принеся,
Все за ушком ей чесали,
Раз она болеет вся.
А когда тебя жалеют
И приносят то да сё,
Очень долго не болеют.
Не болеют, вот и всё.

ДЕЛОВАЯ КОЛБАСА

Деловая колбаса
Шла по переулку,
Деловая колбаса
Потеряла булку.

— Может, видел булку кто?
Может, кто-то трогал?
Сознавайтесь, а не то
Наступлю на ногу.

В подворотне голоса,
Чавкая, сказали:
— Что ты, что ты! Колбаса,
В жизни не видали.

Булка — это не еда,
Просто воздух в тесте.
Заходи скорей сюда
И поищем вместе.

ЧЁРНЫЙ МАЛЬЧИК

Однажды в глубокий подвальчик,
Где страшно и полная тьма,
Залез непоседливый мальчик,
К тому же беспечный весьма.

Когда же он вылез наружу
Чернее, чем чёрная ночь,
Мы все, кто был с мальчиком дружен,
От ужаса бросились прочь.

А мальчик, махая руками,
В течение целого дня
Всё бегал и бегал за нами,
И плакал: — Помойте меня!

КОСТИК

Я завел себе давно таракана Костика
И чешу его всего от ушей до хвостика.
Я кормлю его лапшой, одеваю простенько.
Иногда быть хорошо маленького ростика.

ВЕСЕЛАЯ ВОЛНА

Волна качала чаек
И пеструю треску,
И камешки, скучая,
Катала по песку.

Стучалась у причала
И пенилась она,
И чаек укачала
Весёлая волна.

А чайкам стало худо
И так нехорошо,
Что дальше я не буду
Рассказывать стишок.

ПРЕКРАСНОЕ ЧЁРНОЕ ЧУДИЩЕ

Прекрасное чёрное чудище
Баюкало детку свою:
— Поспи, моё солнышко, чуть ещё,
Я песню тебе напою.
Пока не осыпался росами
Полуночных красок триптих,
Ты дремлешь с немыми вопросами,
А я отвечаю на них.
О тайнах больших и загадочных
В пещерах за горным хребтом,
О том, как рождаются бабочки
И как улетают потом.
О маленьких гномах и золоте,
О каменных троллях в глуши,

О том, как на севере холодно,
О безднах, где нет ни души.
О море, где парусник плавает,
О небе, где птица парит.
О том, как движеньями плавными
Погасит рассвет фонари.
Пока ещё месяц не выстоял
Свой час в поднебесном краю,
Я шёрстку послушно-волнистую
Тихонько поглажу твою.
И, может, когда-нибудь в будущем,
Услышав последний ответ,
Ты вырастешь в чёрное чудище,
Прекрасней которого нет.

КОТЯРА И КОЛБАСЯРА

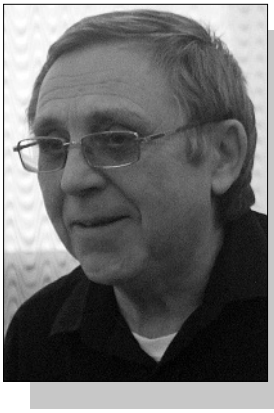
Разлёгся на кухне огромный котяра.
Сверкают как фары котяры глаза,
И нюхает воздух котяра носярой:
Не спряталась где-нибудь тут колбаса?
А где-то а кухне одна колбасяра
Совсем незаметно и скромно лежит.
Она излучает волшебные чары,
Волнующе пахнет и тихо жужжит.
Не просто достать колбасяры кусяру,
Хотя, несомненно, она где-то есть.
Не просто когтяру вонзить в колбасяру,
Внезапно украсть и стремительно съесть.

КТО СЪЕЛ СМЕТАНУ

— Кто сидит такой невинный,
Не похожий на пингвина,
Семь кило без половины,
Не поднять и не подвинуть?

Кто молчит, как будто в танке?
Кто сметану съел из банки?
Кто с балкона смотрит в сад
И облизывает зад?

— Мыр. Не я, уж вы поверьте!
Вот. Во рту моём проверьте.
Белый след на чёрном цвете?
Спал. Не помню. Может, дети
Нос измазали сметанкой.
Нет. Не надо тыкать банкой.
Нет. Не ел, но, может, нюхал.
Может, слушал правым ухом.
Может, даже глянул раз.
Но во сне. Закрывши глаз.
А куда сметану дели,
Ну не знаю, в самом деле!
Правда, правда! Честно, честно.
И вообще, я сам не местный.
Да и съел всего-то треть. (*Вздыхая.*)
Силы не было терпеть.



СТОЛЯРОВ АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ родился в 1952 году в Копейске. Служил в армии, работал в милиции. Автор пяти детских книг (издательство «Аркаим», «Урал-ЛТД»), публикаций в коллективных сборниках, журналах. В городской газете вел детскую страничку «Кукарямба». Участник читательских марафонов и автопробегов «Издательства Марины Волковой». Активно сотрудничает с детскими библиотеками Копейска.

Алексей СТОЛЯРОВ

ГРОЗА

Я гляжу во все глаза:
Ух и страшная гроза!
Высоко грохочет гром!
Хорошо, что за окном.
А ветрище гнёт кусты,
Хочет вырвать все цветы.
Скачут весело уже
Злые градины-драже.
Молний — тыща! Ну и пусть.
Их я тоже не боюсь.

Чтоб грозищи не бояться,
Есть один простой секрет:
Нужно ойкнуть. Рассмеяться.
К деду на руки забраться,
А потом к нему прижаться
Крепко-крепко. Правда, дед?

ЛЕДОВИТАЯ ЛУЖА

Возле песочницы лужа стоит,
Первым ледком покрытая.
Лужа как лужа, а делает вид
Будто она Ледовитая.

Всё, что вода, — от росы и морей —
Родственники, как ни странно.
Так почему б не представиться ей
Родственницей океана?

Я научился её понимать.
Чем ледокола я хуже?
Пусть помечтает. Не стану ломать
Льды в Ледовитой луже.

АЛЁШКИНЫ САПОЖКИ

Скучает всадник без коня.
Скучает печка без огня.
Как без воды скучает душ,
А молоко без кошки,

Вот так не могут жить без луж
Алёшкины сапожки.

Ведь если лужа на пути,
А тут в колготках кто-то,
То как же мимо-то пройти?
Вы пробовали? То-то!

На то она и лужа, чтоб
По ней с разбегу шлёп! шлёп! шлёп!
Чтоб аж до неба брызги
И аж до неба визги!

А если скажут: «В грязь не лазь!»
То как тут удержаться,
Чтоб в запретительную грязь,
Чтоб в заманительную грязь
Случайно не забраться?

Потом, отмытые с трудом,
С хозяином сопливым
Они грустят в углу о том,
Что жизнь несправедлива.

Ведь если их нельзя купать,
А грязь вредит резине,
Зачем же было покупать?
Стояли б в магазине.

ПИКУЛЕВА НИНА ВАСИЛЬЕВНА родилась в 1952 году в Челябинске. Закончила Политехнический институт, параллельно набираясь опыта в литературном объединении ЧТЗ им. Михаила Львова. Первая книжка для детей вышла в Москве (1988, изд-во «Малыш»), последующие издавались в Челябинске, Москве, Санкт-Петербурге, Ярославле. Общее число книг — 160, общий тираж — более 4 млн экз. Книги Пикулевой неоднократно становились лидерами продаж в столичных книжных магазинах, по числу тиражей (с 2003 по 2009 г.) входили в первые двадцатки самых издаваемых книг российских детских авторов. Дипломант Всероссийского конкурса «Твой огромный мир» (1989), лауреат первой национальной премии им. Л. Н. Толстого (2002), Международного литературного конкурса-2012 «Встречь солнцу», дипломант 4-го Международного конкурса детской и юношеской литературы им. А. Н. Толстого (2012). Участник первых читательских марафонов «Издательства Марины Волковой». Заслуженный работник культуры РФ (2006), лауреат премии «Золотая лира».

Нина ПИКУЛЕВА

ОЙ, КАКИЕ МЫ БОЛЬШИЕ! (потягушки, потешки, агушечки, игры и другое приданое для молодых родителей)

ПОТЯГУШКА

Это кто уже проснулся?
Кто так сладко потянулся?
Потягуни-потягушечки
От носочков до макушечки,
Мы потянемся-потянемся,
Маленькими не останемся,
Вот уже растём,
Растём,
Растём!

РЕЧКА, УМОЙ ЧЕЛОВЕЧКА

Агу-агу, агушеньки!
Проснулись потягушеньки,
Проснулись человечки,
Пойдём купаться в речке?

Речка — речушка,
Речка — быструшка,
Чистая — чистая,
Быстрая — быстрая!

Реченька — речка,
Умой человечка!

СМОТРИНЫ (в гости бабушка пришла)

Ой, тьфу на тебя!
Это кто ж хорош?
Ой, тьфу на тебя,
Это кто ж похож

И на мамку,
И на папку,
И на деда,
И на бабку!

А больше всего —
На себя самого!

КТО ГУЛИТ?

Кто гулит со мной, агу да агу?
Говорит, а я — понять не могу!
Говори, мой говорун, говори,
Подари словечко мне,
Подари!

ДЕДУШКА ВРЕДУШКА

Дедушка, Вредушка,
К нам не заходи!
Дедушка, Вредушка,
Дом наш обойди —
Нет у нас капризных деток,
Нет, нет, нет!
Видишь, спать ложимся?
Видишь,
Выключаем свет!

ВОРОБЫШЕК-ХВОРОБЫШЕК
(колыбельная для приболевшего малыша)

Воробышек, хворобышек,
Тебе бы не хворать.

А с песенкой весёлою
Летать, летать, летать…

Не плачь, родной,
Ведь я — с тобой,
И Сон уже идёт…

Коснётся он тебя рукой —
И боль твоя пройдёт.

Воробышек, хворобышек,
Тебе бы не хворать.

А с песенкой весёлою
Летать, летать, летать…

ЕХАЛИ МЫ, ЕХАЛИ
(Малыш у вас на коленях, поём-играем)

Ехали мы, ехали,
Ехали играючи.
Ехали мы, ехали,
Ножками болтаючи!

То на горку, то с горы —
На весёлой ножке!
Чтоб не ели комары —
Хлопали в ладошки!

ТРЮХ И ПЛЮХ

Мы — лошадки Трюх и Плюх,
Мы катаем Нехочух!
По мосточку,
По песочку,
Через лужу,
Через кочку!

Не стесняйтесь!
Покатайтесь!

По мосточку — трюх-трюх,
По песочку — плюх-плюх,
Через кочку — трюх-трюх,
Через лужу — плюх-плюх!

Лечит, лечит,
Лечит всех
Звонкий, звонкий,
Звонкий смех!
И-и-и-го-го!

ПЕРВЫЙ ЗУБЧИК

Ой, малёхонький!
Да белё-ё-ёхонький!
Вышел наконец,
Ай да молодец!

О тебе уж знали,
Со дня на́ день ждали!
Хватит собираться —
Выходи кусаться!

Константин Рубинский*

РЫБАК

В восемь лап,
А может, рук
Паутину
Ткал
Паук.
В восемь рук,
А может, ног
Вешал
Нитку
На сучок.

Средь берёз
Раскинул сеть
Прямо в воздухе
Висеть:
Без крючка,
Без поплавка —
Ловись, рыбка, велика!

Шёл я мимо,
Не заметил,
Что висят в берёзах сети —
На паучью на беду
Разорвал их
На ходу!

Мне вослед
Глядит
Рыбак
И собой
Гордится
Так:

«Вот ведь
Крупного поймал!
Это, братцы,
Не комар!
Я б наелся,
Наконец...
Жаль, сорвался,
Сорванец!»

* О Константине Рубинском см. с. 213 настоящего издания.

* * *

Одна коза по имени Марь Ванна
Залезла тёплым утром в огород,
Чтоб там капустки пожевать гектарчик.

Хозяин огорода Пал Семёныч,
Козу завидев, сильно осерчал,
Схватил ружье и выстрелил для страху.

Марь Ванна, испугавшись и заблеяв,
Схватила сумочку, очки и кошелёк
И бешено помчалась с огорода.

А Пал Семёныч начал хохотать.
Ведь он был добродушным индюком —
И никогда не злился понапрасну.

* * *

В мышеловку Домовой
Как-то раз попался.
Он такой устроил вой —
Сам перепугался!

Двести сорок два мыша
Собрались в подвале,
Из ловушки крепыша
Ловко доставали.

И, в норе его потом
Откормив ватрушкой,
Обсуждали всем гуртом
Глупые ловушки:

«Мышеловка? Срамота!
Мы не дуралеи!
Завели бы нам кота,
С ним повеселее!»

НАПИСАНО ВМЕСТЕ С УЧЕНИКАМИ

Восемнадцать лет я играю с ребятами в стихи.

Восемнадцать лет мы балуемся с глупыми, смешными и серьёзными строчками, придумываем озорных героев, задаём друг другу фантастические вопросы и сами же на них отвечаем в рифму...

Стихи не рождаются в скуке, они появляются в игре, в изобретении новых шаловливых слов, в теннисе рифмами, в творческом хождении на голове.

Я не смогу перечислить здесь всех ребят, которые внесли вклад в появление этих стихотворений. Но я благодарен своим ученикам за волшебное состояние, которое мы испытывали, наперебой сочиняя: нас будто наполняла щекочущая газировка, мы были готовы взлететь от радости к самым верхушкам деревьев! Это и есть энергия творчества.

Надеюсь, и ты, дорогой читатель, испытаешь такое же счастье, улыбнувшись этим стишатам! А может быть, захочешь сочинить что-нибудь своё... ведь поэзия — штука очень заразительная!

ЕСЛИ ЁЖИК...

Если ёжик покраснел,
То колючки — тоже.
Если ёжик грушу съел,
То колючки — тоже.
Если ёжик вдруг бандит,
То колючки — тоже.
Если ёжик ерундит,
То колючки — тоже.
Если ёжик захрапел,
То колючки — тоже.
Если ёжик рэп запел,
То колючки — тоже.
Если ёжик — джентльмен,
То колючки — тоже.
Если ёжик — Супермен,
То колючки — тоже.
Если ёжик наш влюблён,
То колючки — тоже.
Если ёжик утомлён,
То колючки — тоже.
Если ёжик видит сон,
Он фырчит во сне.
Если ж испугался он,
То колючки — нет!

Если ёжик — ателье,
То колючки — двери.
Если ёжик — тёмный лес,
То колючки — звери.
Если ёжик — паровоз,
То колючки — уголь.
Если ёжик — Дед Мороз,
То колючкам туго!
Если ёжик — барабан,
То колючки — звуки.
Если ёжик — акробат,
То колючки — трюки.
Если ёжик ужин нёс,
То колючки — ложка.
Если ёжик — пёс Барбос,
То колючки — кошка.
Если он в хоккей играл,
То колючки — клюшка.
Если он вчера стрелял,
То колючки — пушка.
Если ёжик — ученик,
То колючки — школа,
Если к Pepsi он привык,
То колючки — кола.
Если он художник стал,
То колючки — краски.
Если часом замечтал,
То колючки — сказки.
Если ёжик в лужу сел,
То колючки — тоже...

Если ж ёжик облысел,
Это — грустный ёжик!

Ирина АРГУТИНА*

КОШМАР

Мне приснился кошмар
С папой в главной роли.
Он зудел, как комар.
Он дрожал, как кролик!

Разломал вертолёт,
Расшвырял игрушки…
Кто же всё уберёт?
Он ответил: «Пушкин!»

Он пролил молоко,
Слопал все конфеты —
Разве маме легко
Вынести всё это?

Он подрался с котом,
Сбросил книжки Ани
И по полу потом
Колотил ногами.

Вот ведь ужас какой!
Плачет мама в кухне.
Если папа такой —
Мир, наверно, рухнет!..

Я проснулся. Мой кот
Близко не подходит.
На полу — вертолёт.
Папа — на работе.

Анька дуется.
Мне
Даже стыдно плакать:
Я-то думал — во сне…
Ладно хоть — не папа!

---

* Об Ирине Аргутинной см. на с. 12 настоящего издания.

* * *

1.

Иди сюда, мой Сивка-Бурка,
пушистый змей, кошачий сын,
давай твою погладим шкурку!
Кот улыбается в усы,
идёт ко мне, моя потеха,
моё живое существо.
Душа кота поёт под мехом
о том, что я люблю его.

2.

Кот не стал ловить мышей,
прыгнул нА руки — и трётся.
Он услышал, как скребётся
кошка на моей душе.

АРБУЗ-ТО ОТ ЗУБРА!

Этот мяч похож на глобус
(если вся планета — лес).
Мяч огромный, с ним в автобус
еле-еле папа влез.
Папа сильный, но с трудом
затащил планету в дом.
Дальше было очень странно:
папа мяч помыл под краном
и на блюдо положил,
крикнув маме: «Где ножи?»
Под ножом хрустела корка.
Мама крикнула: «Ура!»
Бьём в ладоши от восторга:
там, внутри, горит заря —
полыхает алым-алым
ярким светом небывалым!
По кусочку — в каждый рот:
то ли сахар, то ли мёд!
Съели мы кусочков двадцать —
невозможно оторваться,
так и хочется ещё!
… Разве мячик был большой?

Елена ОБОЛИКШТА*

(скорее, для родителей, чем для детей)

САГА О МХЕ В УТЕШЕНИЕ ВСЕМ ЖИВЫМ СУЩЕСТВАМ, ПОСТРАДАВШИМ ОТ ВЕСЕННЕГО ДЕПРЕССНЯКА (И ПЕРЕПАДОВ АТМОСФЕРНОГО ДАВЛЕНИЯ).

Посвящается О. С.

В ГЛАВНЫХ РОЛЯХ:

Мох — царь всего живого, сорок восемь лет спит в роще у болота. В народе известны такие идиоматические выражения, как «мох объелся блох», «мох совсем оглох», «мох всё смох» и др. Иногда страдает от перепадов атмосферного давления. Характер правления: пассивный. Использует принцип императоров Древнего Китая — недеяние. Это его еноты-востоковеды научили. С ними он очень дружит в свободное от сна время.

Выгр — взрослый тигр, поэтому к нему обращаются на «Вы». К сожалению, в данном повествовании — редкостный злодей и вандал.

В ЭПИЗОДАХ:

Еноты — знатоки-востоковеды, полиглоты. Носят яркие кимоно и единственные в лесу, кто умеет читать и писать. Главные советники и друзья Мха.

Утка Маша — зажиточная утка, живет уединённо в дальних камышах.

Медведь — довольно неуклюж и вообще всем надоедает своим бессмысленным шатанием по лесу.

Дятел Федя — нормальная птица, трудоголик.

Птичка Чиж — в принципе ничего особенного, но иногда выполняет полезные дипломатические миссии.

А также — блохи, комары, жабы лесные, цапля, заяц и другие деревья.

Действие происходит в тёмно-синей роще, в наши дни.

Упоминаемое в саге нашествие горилл произошло за четверть века до описываемых событий.

---

* О Елене Оболикшта см. на с. 184 настоящего издания.

Жил да был зелёный мох
в тёмно-синей роще,
пил росу, жевал горох.
Что бывает проще?

Мохьи лапы у болот
жаб лесных терзали,
комары влетали в рот
и не вылетали.

По ночам грозил в окно
трём смешным енотам —
те плясали в кимоно
шумным хороводом.

Днём у мха чесался бок,
на котором лёжа,
мох ворочался как мог
всей зелёной кожей.

…Вот однажды прискакал
в рощу лютый выгр
и зелёные бока
моху откусигр.

Потоптал он всех мышей,
сгрыз енота Сашу,
а из дальних камышей
выгнал утку Машу.

Плюнул дереву в дупло,
укусил медведя,
дятлу оторвал крыло
(дятла звали Федя).

Разлохматил, разорил,
всех зверей обидел…
Здесь никто и от горилл
Столько зла не видел!

Затаился лес густой,
не шумит листвою.
Звери воют под луной —
только мох не воет.

Выгр зевнул и лёг на мха,
отдохнуть немного.
Тут из мха одна блоха —
прыг! — ему на ногу.

А за ней вторая — хвать! —
выгра за ресницу.
Принялись они кусать
злого кровопийцу.

Прибежала птичка Чиж,
плачет в мохье ухо:
«Просыпайся, посмотри ж,
дело наше глухо!»

Мох, проснувшись, захотел
шевельнуть боками,
а бока-то выгр съел
острыми клыками!

Мох задумался всерьёз,
и с огромной силой
выгру выкорчевал нос
лапою красивой.

Уши вынул, шерсть спалил,
хвост скрутил на палец,
поднял выгра и спросил:
«Лось ты или заяц?

Я тут самый главный мох,
сплю я год от года,
царь енотов, пауков
и всего народа.

От нашествия горилл
Спас я нашу рощу —
сто горилл в одну скрутил!
Что бывает проще?

Лев ты или муравей
для царя земного —
нет тебя отныне злей,
враг всего живого!»

Мох раскрыл зелёный рот,
мокрый, как болото.
Выгр бьётся и орёт:
«Гибнуть неохота!»

Но бездонно глубока
пасть зелёной рощи —
съела выгра в два глотка,
что бывает проще?

Прибежало всё зверьё,
и пришли деревья:
«Мох, наш мох, тебе поём
славы песнопенья!».

Цапля поднесла перо,
заяц дал бумагу,
а еноты наскоро
записали сагу:

«Жил да был зелёный мох
в тёмно-синей роще,
он всему живому Бох,
что бывает проще?

Спит он сорок восемь лет
в роще у болота,
защищает всех от бед —
вот его работа!

Сто горилл в одну скрутил,
выгра злого проглотил,
чтобы ты бока растил,
не хандрил и не грустил
газ болотный не курил,
ерунды не говорил —
всех тебе небесных сил!

ПЕРЕВОДЫ

Римма АГЛИУЛЛИНА
Юрий БРЫЗГАЛОВ
Аркадий ЗАСТЫРЕЦ
Ольга ИСАЧЕНКО
Ярослав СТАРЦЕВ
Виталина ТХОРЖЕВСКАЯ

9

Почтовый

АГЛИУЛЛИНА РИММА ФАРИТОВНА родилась в 1991 году в Озёрске. С 2008 года живёт в Челябинске. Окончила факультет журналистики Челябинского государственного университета. Участник раздела «Студия» на сайте «Новая литературная карта». Стихотворения были опубликованы в литературных журналах «Вещь», «Транзит-Урал», в электронных журналах «Новые облака» (Эстония), «TextOnly» и «Новая реальность», в альманахах «Nota Bene», «Графит», «Графоман», в сборниках «На достаточных основаниях», «Мы», «Антология одного стихотворения» и «Красными буквами», на портале «Промегалит». В сборник стихотворных переводов поэтов Челябинска и Челябинской области «Острова и корабли» вошли переводы с английского. Отмечена в номинации «Зоны роста» поэтической премии «ЛитературРентген» (2007). Участница Недели молодой поэзии при литературной премии «Дебют» (2013). Участник III международного совещания молодых писателей в Каменске-Уральске (2015). Дипломант II степени областного литературного конкурса «Литера Артель» (2016). Куратор проекта «Молодые — молодым». Руководитель молодежного литературного цеха «Пометки на полях».

Переводы с английского Риммы АГЛИУЛЛИНОЙ

Шайр ВАРСАН **родилась в 1988 году** в Кении у сомалийских родителей. Выросла и живёт в Лондоне. Первое стихотворение показала отцу в 11 лет, в 16 лет выиграла международный поэтический конкурс. В 2011 году вышла её первая книга стихов «Teaching my mother how to give birth».

34 ОПРАВДАНИЯ ТОМУ, ЧТО МЫ ПОТЕРПЕЛИ НЕУДАЧУ В ЛЮБВИ:

1. Я одинока, поэтому я делаю одинокие вещи.
2. Любить тебя всё равно, что идти на войну; я никогда не возвращалась прежней.
3. Ты ненавидишь женщин, как твой отец, и его отец, это в твоей крови.
4. Я бродила по кладбищу заброшенных машин в твоём сердце, искала попутку до дома.
5. Ты вымерший город, и я патриот, что не уедет.
6. Я остаюсь, потому что ты — начало сна, который я хочу помнить.
7. Я не звала его назад, он любит, чтобы его девушки молчали.
8. Не то чтобы он хочет лгать, он просто не знает правды.
9. Я не смогла бы тебя любить, ты — это маленькая война.
10. Мы покрыли запах потерь шутками.
11. Я не хотела потерять любовь, как наши родители.
12. Ты заставил странника во мне построить дом и остаться.
13. Я не собака.
14. Мы пытались доказать, что наша кровь неправа.
15. Я оставалась одинокой, так что я делала ещё более одинокие вещи.
16. Да, я растеряна. Но такой же была и моя мать. И её мать.
17. Нет, он любит меня, просто заставляет много плакать.
18. Он знает все мои секреты и всё еще хочет целовать меня.

19. Ты был слишком жесток, чтобы долго тебя любить.
20. Это просто не сработало.
21. Мой отец ушёл как-то в полдень и больше не вернулся.
22. Я не могу спать, я всё еще чувствую его вкус во рту.
23. Я срезала его под корень, он был моим любимым деревом, трухлявым, разрушающим фундамент моего дома.
24. Женщины в моей семье умирают в ожидании.
25. Потому что я не хочу умереть, ожидая тебя.
26. Я должна была уйти, я была одинока, когда он обнимал меня.
27. Ты песня, которую я слушаю снова и снова, пока не запомню слова, пока меня не начнёт тошнить от неё.
28. Он послал мне сообщение: «Я так страшно тебя люблю».
29. Его сердце не было так же прекрасно, как его улыбка.
30. Мы манипулировали друг другом, покуда не решили, что это любовь.
31. Прости меня, мне было одиноко, поэтому я выбрала тебя.
32. Я влюблена без любимого.
33. Я нелюбима и мила.
34. Я принадлежу только себе.

КАК НОСИТЬ ПОМАДУ СВОЕЙ МАТЕРИ
(отчаяние)

ты должна носить её как она носит разочарование на лице
ты должна прятать удивление от вкуса других мужчин на губах
твоя мать женщина и такую женщину не удержать

ты находишь чёрный футляр в её косметичке, где она хранит
письма твоего отца из тюрьмы,
ты отчаянно хочешь выглядеть как она
красота кинозвезды, ты сжимаешь свою руку на горле
твоя мать была красивее всего когда растягивалась на полу
полуобнажённая, истекающая кровью.

ты идёшь в ванную, чтобы накрасить губы,
там, где никто тебя не найдёт
твои зубы выглядят хрупкими на фоне багрового глянца
ты улыбаешься как младенец, твой рот это рана
ты нисколько не похожа на свою мать
ты выглядишь в точности как твоя мать.

ты звонишь своему бывшему, сидишь на крышке унитаза
и слушаешь
гудки, потом он берёт трубку и медленно говорит твоё имя
он говорит я думал я сказал тебе перестать мне звонить
ты облизываешь губы, чувствуешь вкус долгих лет в одиночестве.

(молитва)

аллах,
если это сохранит мое сердце нежным,
разбивай его каждый день.

ЧТО ОНИ СДЕЛАЛИ ВЧЕРА ДНЕМ

они подожгли дом моей тёти
я плакала как те женщины на ТВ
складываясь пополам
как пятифунтовая банкнота.

я звонила парню который любил меня когда-то
старалась сдержать свой голос
я сказала привет
он сказал: «Варсан, что не так, что произошло?»
я помолилась,
и вот какими были мои молитвы:
боже,
я родом из двух стран
одну мучает жажда
другая в огне
обоим нужна вода.
позже той ночью
я держала атлас на коленях
пробегала пальцами по всему миру
и шептала
где больно?
в ответ звучало
везде
везде
везде.

РАЗГОВОРЫ О ДОМЕ (в депортационном центре)

Что ж, я думаю, дом выплюнул меня; отключение электричества и комендантский час — как язык, шатающий зуб. Боже, знаешь ли ты, как это тяжело, говорить про день, когда твой собственный город тащил тебя за волосы, мимо старой тюрьмы, мимо школьных ворот, мимо горящих тел, воздетых на столбы, как флаги? Когда я встречаю таких, как я, я узнаю жажду, нехватку, память праха на их лицах. Никто не покидает дома, если это не пасть акулы. Я несла старый гимн во рту так долго, что там не осталось места для другой песни, другого языка или другой речи. Мне знаком стыд, что окутывает, поглощает целиком. Я разорвала и съела собственный паспорт в гостинице при аэропорте. Я набухла от речи, которую не могу позволить себе забыть.

Они спрашивают меня: «как ты сюда попала?» Разве вы не можете увидеть этого по мне? Ливийская пустыня красна от тел иммигрантов, Аденский залив распух, Рим без оболочки. Я надеюсь, путешествие — это больше, чем мили, потому что все мои дети — в воде. Я думала, что море безопаснее, чем суша. Я хочу заниматься любовью, но мои волосы пахнут войной, и бегством, и бегством. Я хочу лечь, но эти страны — как дядя, который трогает тебя, ребенка, покуда ты спишь. Посмотри на эти границы, пенящиеся во рту с телами — разбитыми и отчаявшимися. Я — цвет горячего солнца на лице, останки моей матери так и не были похоронены. Я потратила дни и ночи в желудке грузовика, я вышла оттуда не такой, как прежде. Иногда у меня чувство, будто кто-то другой носит моё тело. Я знаю несколько вещей наверняка.

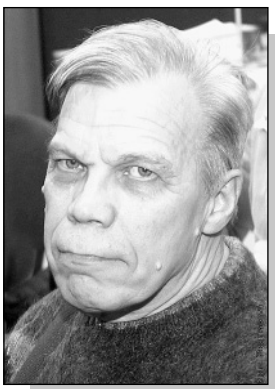
Я не знаю, куда иду, место, откуда я пришла, исчезает, я — непрошеный гость, и моя красота не красота здесь. Моё тело горит от стыда непринадлежности, моё тело жаждет. Я — грех памяти и отсутствие памяти. Я смотрю новости, и мой рот становится стоком, полным крови. Строки, бланки, люди за столами, визитки, офицер службы иммиграции, взгляды на

улице, холод, пробирающий до мозга костей, уроки английского по ночам, расстояние, на котором я от дома. Но хвала Аллаху, всё это лучше, чем запах женщины, поглощённой огнем, или тяжесть мужчины, который выглядит как мой отец, выдёргивающего мои зубы и ногти, или четырнадцать мужчин между моих бёдер, или пистолет, или обещание, или ложь, или его имя, или его мужество — у меня во рту.

Я слышала, как они говорят: отправляйся домой; я слышала, как они говорят: чёртовы иммигранты, чёртовы беженцы. Неужели они и вправду настолько высокомерны? Неужели они не знают, что эта прочность — как любовник, целующий твоё тело с нежностью в одну секунду, и вот — ты уже лежишь на полу в трепете, засыпанный камнями и обесцененными купюрами в ожидании, что всё вернётся. Всё, что я могу сказать, — однажды я была такой же, бездействие, жалость, неблагодатное место, и теперь мой дом — это пасть акулы, теперь мой дом — это дуло пистолета. Я увижусь с вами на другой стороне.

НЕКРАСИВАЯ

Твоя дочь некрасива.
Она так близко знакома с потерями,
носит в чреве целые города.
Когда она была ребёнком, никто в семье не обнимал её.
Она была щепкой, морской водой.
Близкие сказали: она напоминает нам о войне.
На пятнадцатый день рождения ты научила её
сплетать волосы в жгут
и окуривать их ладаном.
Ты заставила её полоскать горло духами,
и пока она кашляла, сказала:
«Милая, такие девушки, как ты,
не должны пахнуть одиночеством и пустотой».
Ты её мать.
Почему ты не предостерегла её,
не держала её на плаву, как прогнившую лодку,
не сказала ей, что мужчины не будут любить её,
если она покрыта континентами,
если её зубы — это колонии,
и её бедра — это границы государств?
Какой мужчина захочет лечь
и смотреть, как мир полыхает
в его спальне?
Лицо твоей дочери — это маленькая революция,
её руки — гражданская война,
за каждым ухом — беженцы,
всё тело засорено уродством.
но Боже,
разве этот мир не подходит ей,
как идеальный наряд?



БРЫЗГАЛОВ ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ родился в 1949 году в Челябинске. В 1972 году окончил факультет иностранных языков Челябинского государственного педагогического института (ныне — университета) по специальности «английский и немецкий языки». В течение 33 лет работал переводчиком научно-технической литературы. Активно занимается художественным переводом: автор трёх книг переводов стихотворений с английского, немецкого и скотса. Печатался в уральских и московских изданиях, в журналах «Ковчег», «Урал», «Нева». Живёт в Челябинске.

Переводы с английского Юрия БРЫЗГАЛОВА

Шуман АЛАРСОН ТАКЕР (1846–1918), американский поэт. По специальности — врач-гомеопат. Фанатично увлекшись французской поэзией, забросил медицину. Большой мастер поэтической формы: писал французские баллады, рондо, рондели, сонеты. Обучая поэтическому мастерству других и воспитывая поэтов, сам при жизни успел издать всего одну книгу — «Человек и роза».

БАЛЛАДА

Баллада лёгкая, о, как
Тебя писать?! Тут нужен пыл.
Кручусь-верчусь и так, и сяк,
Чтоб смысл в ладу со звуком был.
Но рифмы-птицы: изловил,
Ан, глядь — опять пустой силок.
Вернитесь в трепетанье крыл!
Сколь мил ваш глас, полёт — высок!

Вот — вечности ярчайший знак:
На небе — череда светил,
Теней летящих злобный мрак…
Куда он — путь сих страшных сил?
Вот бриз листву пошевелил
И, чу! — вдали шумит лесок.
Приди, игрив, мой ритм — просил,
Сколь мил твой глас, полёт — высок!

Я вижу волны и маяк,
И слышу голоса сивилл,
Как лютый вал, что хищный враг,
Шипя, о брег себя разбил.
Я мысли с чайками сравнил,
Что рвутся в небо, на восток.
Летите, мысли, без ветрил!
Сколь мил ваш глас, полёт — высок!

Посылка
Витал за тайной и ходил,
Но мой, баллада, беден слог…
Прощай — тебя я отпустил!
Сколь мил твой глас, полёт — высок!

БАЛЛАДА О СЕБЕ

Поют от счастья, от тоски,
А у кого — иной резон;
Поют — чтоб слава и венки,
А кто-то деньгами прельщён;
Поют, порхая, в птичий тон,
Поют, как утром петухи,
Поют — кто в небеса влюблён…
Я для себя пишу стихи.

Мне мысли вольны и легки,
И с ними слов узор сплетён,
И то игрив напев строки,
То элегичен он, как стон.
Но всё ж и другу запрещён
Туда подход. Ужель плохи?
И для чего стоит заслон?…
Я для себя пишу стихи.

Как ветер гладит колоски,
Как дух весны приносит он,
Как дождик шлёпает с реки,
Как воздух — летом напоён,
Как осень нас берёт в полон,
Как ветры зимние сухи —
Всё видит глаз, всем слух пленён —
Я для себя пишу стихи.

Посылка
Когда я ночью окружён
И — звёздных властелин стихий,
К ним, как никто, я приближён.
Я для себя пишу стихи.

В ТЕ ДНИ, КОГДА ТВОРИЛ ШЕКСПИР

Забавней не было и нет,
Чем Лондон тех старинных дней.
Взошла на трон Элизабет
(Убив кузину — так верней),
Искал интриг поэт-лакей
Под звук своих жеманных лир,
И Темза По была мощней
В те дни, когда творил Шекспир.

Девиц была забота: цвет
Колье и блеск его лучей:
Ведь им встречать любви предмет,
Плясать под скрипку веселей;
А дамы — в кости, кто смелей,
И заговорщик был — кумир,
Враг часто дружбы лил елей
В те дни, когда творил Шекспир.

И об одном лишь спорил свет:
Хорош? Иль, может, нет скучней?
Кто знает: искренен поэт
Иль славой тешится своей?
Но жизнь Шекспира — не ясней;
О ней немного знает мир…
Но кто из бардов был славней
В те дни, когда творил Шекспир?

Посылка
С поэтами таких мастей
Не сбросить Англии порфир:
Ведь выпали во славу ей
Те дни, когда творил Шекспир.

БАЛЛАДА О ЗНАНИИ

Нам Вера правила дала,
Они твердят нам с малых лет
Что нужно поверять дела,
Что не умерить мысли — вред,
Что в жизни праведно, что — нет,
Что нам любить и страхи в чём.
Зовут соблазны — нам не след.
Мы то лишь знаем, что живём.

Кто, милости ища, тела
Томит в молитвах, дав обет,
Кто, всё имея, — жизнь мила! —
Всё ждёт, чтоб дал Господь совет,
Кто (мало их, но носит свет)
Рыдает, ноет день за днём,
Но жизни выбирая цвет,
Мы то лишь знаем, что живём.

Дорога ныне нам светла —
Погаснет завтра этот свет.
Рассудка слов — им нет числа —
Мы все бежим во цвете лет;
Забавы, юности расцвет
И одеяний блеск притом —
Потонет всё в пучине бед.
Мы то лишь знаем, что живём.

Посылка
И всё ж Всевышний дал ответ.
Он ясен в замысле своём,
Но, даже чтя его Завет,
Мы то лишь знаем, что живём.

БАЛЛАДА О СУМРАКЕ

О, счастье видеть, как сынок
Головку к матери прижал.
Мы рады: нам и невдомёк,
Что ждёт его, — он очень мал.
Но жизни пёстрый карнавал
Зовёт — и краткий, и текущий…

И сын пред истиной предстал:
Чем дольше жизнь, тем сумрак гуще.

Порой я тих, как голубок,
Порой — как жаром воспылал,
Порой — упрям, порой — жесток,
Порой я зол, как бурный шквал,
Порой я лучше б убежал
Топиться в речке, здесь снующей.
Вот так я нехотя признал:
Чем дольше жизнь, тем сумрак гуще.

Коль нас мираж любви увлёк,
Её приход священным стал;
И хоть честят её в свой срок —
Ей каждый — раб, слуга, вассал.
Но — не смешно ль? — из всех начал
Любви начало — ужас сущий.
Вот так: хоть счастье испытал,
Чем дольше жизнь, тем сумрак гуще.

Посылка
То страх, то радость, то провал,
То тащимся, то едем пуще,
Покуда вечер не настал…
Чем дольше жизнь, тем сумрак гуще.

БАЛЛАДА БЕССМЕРТИЯ

Гляжу на этот мир вокруг —
Он — милый для меня приют:
И ветерок, что гладит луг,
И щебет птиц, что гнёзда вьют.
А в небе — облака плывут,
И звон ручья, и я пою.
Не странно ли, скажу я тут,
Что в смерть не верится свою?

Вот ветры, разъярившись вдруг,
С валов клоками пену рвут,
И чайки меж своих подруг
Бесстрашно в молниях снуют,
И радуги в морях салют…
И видно парус и ладью…
Не странно ль, мысли набегут,
Что в смерть не верится свою?

Люблю зарю в цвету, мой друг;
Ей жемчуга росы идут,
А сумерки — ведь им досуг —
Всё день баюкают-поют;
И ночи ласковый уют,
Когда не петь и соловью…
Не странно ль в торжестве минут,
Что в смерть не верится свою?

Посылка
Нет ни сомнений — не собьют,
Ни дум — как сложиться житью?
Пусть на моих глазах — умрут,
Мне в смерть не верится свою.

А СУЖДЕНО ЛЬ БЕССМЕРТЬЕ МНЕ?

Как часто на исходе дня,
Когда становится темней,
И звёзды, прелестью маня,
Сверкают сотнями лучей;
В тот час, когда земли моей
Господь коснётся в тишине —
Приходят помыслы ясней:
А суждено ль бессмертье мне?

Глядят домишки на меня
Из тьмы глазёнками огней,
Сверчков унылых трескотня —
Невесть откуда — всё слышней;
Толпой бесформенных теней
Я весь объят — и что оне?
Откуда мысль, что делать с ней:
А суждено ль бессмертье мне?

Природа спит, себя храня:
Недвижен лес в тени ветвей,
И тишь стоит вокруг, звеня,
Забыл все трели соловей;
Покой в лугах, среди полей,
Летают звуки в вышине.
Для веры искус всё сильней:
А суждено ль бессмертье мне?

Посылка
Молись, тоскуй иль слёзы лей!
Всё тихо в звёздной глубине.
Ответ держать — душе моей:
А суждено ль бессмертье мне?

Переводы с английского Аркадия ЗАСТЫРЦА**

Франсуа ВИЙОН (1431–1463)

БАЛЛАДА-ПОУЧЕНИЕ КРАСОТКИ-ШЛЕМНИЦЫ ПРОДАЖНЫМ ДЕВКАМ

Ну что, пойдёте в ученицы?
Перчаточница, будет прок?
А ты что скажешь, Обувщица?
Хочу вам преподать урок.
Глядите вдоль и поперёк,
Ни одного не упускайте:
Краса, как только выйдет срок,
Гроша не стоит, так и знайте.

И ты, Колбасница-срамница,
Что в пляске не жалеешь ног,
И Гийометта-кружевница,
Почаще дуйте в уголёк,
Не то — на лавочку замок
Повесит старость — и прощайте:
Засохнув — лакомый кусок
Гроша не стоит, так и знайте.

Катрин-кошельница, сгодится,
Запомни, каждый паренёк,
Жаннетта-шляпница, сестрица,
Зачем твой приговор жесток
Тому, кто страстью занемог?
Ночей напрасно не теряйте!
Уродки старой передок
Гроша не стоит, так и знайте.

Ох, девки, вам и невдомек,
Мою беду на ус мотайте:
Реву, но слёз моих поток
Гроша не стоит, так и знайте.

БАЛЛАДА И ЗАУПОКОЙНАЯ МОЛИТВА

Почтенный Ной, взрастивший виноград,
Преславный Лот, скрывавшийся в пещеру,
Где с дочерьми грешил, напившись в мат,
Желая, знать, порадовать Венеру

* Об Аркадии Застырце см. на с. 79 настоящего издания.

(Я не в укор, а просто для примеру),
Архитриклин, имевший редкий дар
До дна постигнуть возлияний сферу,
Да внидет к вам усопший Жан Котар!

Достоин встать по праву с вами в ряд
Явивший благородную манеру —
Пить лучшее вино, хоть не богат,
А выпив — славить щедрую Цереру.
Он за глоток пошёл бы на галеру!
Он испустил не дух, а перегар!
Воздайте пития миссионеру!
Да внидет в рай усопший Жан Котар!

Не раз он поражал досужий взгляд,
Переходя к опасному карьеру,
Когда домой шёл передом назад,
Похожий на ожившую химеру.
Я видел сам, не сплетне внял на веру,
Как лавке мясника нанёс удар
Он теменем своим, глотнув не в меру.
Да внидет в рай усопший Жан Котар!

Он предпочёл бы трезвости холеру
И всё кричал: «Залейте в глотке жар!»
Да минет ада уголья и серу,
Да внидет в рай усопший Жан Котар!

БАЛЛАДА О ТОМ, КАК ВАРИТЬ ЯЗЫКИ ЗАВИСТНИКОВ

В расплавленном свинце и мышьяке,
В селитре и в известке негашёной —
Чтоб их разъело! — в стирном кипятке,
С мочою перемешанном зловонной,
И в ополосках бани зачумлённой,
В смоле и саже, некуда черней,
В оскрёбинах со старческих ступней,
В гадючьем жире, ядовитом взваре,
В барсучьей желчи, прочих ли зверей —
Пусть языки завистников отварят!

В мозгах кота, утопшего в реке,
С десной наружу, всех зубов лишённой,
В заплесневелом сучьем молоке,
В поганой пене, бешенством рождённой,
И в мыле от кобылы заморённой
С рубцами на хребтине от плетей,
В воде, где тьма пиявок и червей,
Лягушки, жабы, пакостные твари,
Среди клубками свившихся ужей
Пусть языки завистников отварят!

С кипящей сулемою в котелке,
С живой змеёй, туда же помещённой,
В дурной крови, что сохнет на лотке
Цирюльника, то чёрной, то зелёной,
Зловещим лунным светом озарённой,
В открытых язвах, слюнях упырей,

И в жижице из-под грудных детей,
В обмывках девок, в дьявольском угаре
Наублажавших похотью гостей —
Пусть языки завистников отварят!

Мой принц, чтоб вышло блюдо повкусней,
Роль решета советую смелей
Изгаженных портков доверить паре,
Но прежде в испражнениях свиней
Пусть языки завистников отварят.

БАЛЛАДА О ПАРИЖАНКАХ

За славных в трепе мастериц
Считают все венецианок,
Флоренции постельных жриц,
Ломбардок, римлянок, гречанок…
Но возносите хоть миланок,
Что, словно пух, в речах легки,
Хоть савоярок, хоть цыганок —
В Париже хлеще языки!

Перещебечет стаю птиц
Собранье неаполитанок.
Как куры в лапах у лисиц —
Кудахчут немки спозаранок.
Не переспоришь египтянок.
Но пусть язык длинней руки
У каталонок и испанок —
В Париже хлеще языки!

Бретонки — не поднимут лиц,
Не раззадоришь тулузанок.
А наших парочка девиц
Заткнет хоть сотню англичанок,
Валенсианок, орлеанок,
Любым сомненьям вопреки,
И всяких прочих иностранок!
В Париже хлеще языки!

Мой Принц, уважьте парижанок,
Чьи глотки дивно широки.
Не награждайте итальянок —
В Париже хлеще языки!

БАЛЛАДА ДОБРОГО НАСТАВЛЕНИЯ ДУРНО ЖИВУЩИМ

Будь папских булл ты продавец,
Лихой разбойник иль грабитель,
Мошенник хитрый, вор, подлец,
Худых монет изготовитель
Из тех, кого для вящей прыти
Прилюдно варят в кипятке,
Где ваша выручка, скажите?
У девок всё и в кабаке!

Звени в кимвал и бубенец,
Нахальных выходок любитель,
Будь ты актер, паяц, игрец,
Бесстыдных фарсов исполнитель —
Жонглёра всюду любит зритель,
В любом селе и городке…
Но сколь зевак ни оберите —
У девок всё и в кабаке!

Не из таких — спаси Творец! —
Кобыл и мулов покровитель,
Усердный пахарь, швец и жнец,
Глуши невежественный житель…
Но, люди добрые, учтите,
Что как ни жмите в кулаке —
Окажется, уж извините,
У девок всё и в кабаке!

Плащи и мантии снимите,
Штаны несите в узелке:
Пока не поздно, заложите
У девок всё и в кабаке!

БАЛЛАДА, В КОТОРОЙ ВИЙОН У ВСЕХ ПРОСИТ ПРОЩЕНИЯ

Убогих братьев кармелитов,
Невест христовых пресвятых,
Хлыщей на каблуках подбитых,
Потаскунов и девок их,
Чей тесен лиф и вырез лих,
И кавалеров, что, не глядя,
Готовы прыгать на любых,
Прошу, простите бога ради.

Соски задравших дев маститых,
Что в раз обслужат пятерых,
Воров и забияк несытых,
Всех дураков и дур дурных
Из балаганов площадных,
Что ходят, пузыри наладив,
Со свистом шесть на шестерых,
Прошу, простите бога ради.

Всех, кроме тех, дерьмом набитых,
Что в зубы мне совали жмых
И день, и ночь. А ныне вид их
Мне не страшнее пней гнилых,
И я чихать хотел на них,
И я бы им под нос нагадил,
Да сил не стало: слаб и тих,
Прошу, простите бога ради.

Да чтоб им дышло всем в поддых,
Да по спине дубьем отгладить,
Из них наделав отбивных,
Прошу, простите бога ради.

БАЛЛАДА ПОСЛОВИЦ

Рука исправно руку моет,
Но есть на свете Божий Суд.
Вода тиха, а берег роет,
Железо на огне куют,
В несчастье друга познают,
Собака палки не забудет,
В неволе птицы не поют,
Да был бы лес, а леший будет.

Родство — святое, торг — иное,
Как в драке яблок не дают,
Так чёрта ливень не отмоет,
Богатый врёт — и не уймут,
Полена не сломает прут,
Всяк по себе другого судит,
Что сдуру дашь — с умом возьмут,
Да был бы лес, а леший будет.

Овчинка выделки не стоит,
Когда рогожу златом шьют;
Ведь дом без Троицы не строят,
И с камня лыка не дерут,
Не надевай с хвоста хомут,
Слепому света не убудет,
Пустого древа не трясут,
Да был бы лес, а леший будет.

На смирного садятся двое,
По бедняку и щепки бьют,
Не станет впрок добро чужое,
Худой мошны не берегут,
Но в ясный день свечи не жгут,
И лиха спящего не будят,
Сто лет обещанного ждут,
Да был бы лес, а леший будет.

Мой Принц, кто глуп, тому и кнут,
И в поле дурень рыбу удит,
Ума купцы не продают,
Да был бы лес, а леший будет.

БАЛЛАДА ПУСТЯКОВ

Я знаю, грязь чернее мела,
Я знаю, кто во что одет,
Я знаю, в праздник не до дела,
Я знаю, слив на дубе нет,
Я знаю тысячи примет,
Я знаю, листья опадают,
Я знаю, старцу — много лет,
Я знаю всё — себя не знаю.

Я знаю, что под рясой — тело,
Я знаю, как надеть колет,
Я знаю, что монашка в белом,
Я знаю, дама — не валет,

Я знаю брань и пьяный бред,
Я знаю, дурня сыр питает,
Я знаю, есть в вине букет,
Я знаю всё — себя не знаю.

Я знаю, лошадь сено съела,
Я знаю, груз горбу во вред,
Я знаю, нет игре предела,
Я знаю звон чужих монет,
Я знаю, Берта — не Жаннет,
Я знаю грех богемцев, да и
Я знаю Рима им ответ.
Я знаю всё — себя не знаю.

Мой Принц, я знаю вкус и цвет,
Я знаю, бледность украшает,
Я знаю, смерть страшней всех бед,
Я знаю всё — себя не знаю.

ВОПРОС К ПРИВРАТНИКУ ГАРНЬЕ

Ну, что вы думаете ныне,
Гарнье? Упрям я как осёл?
Охота жить любой скотине,
Пока мясник не заколол.
Когда судебный произвол
Изволил надо мной глумиться,
А мне судья мораль прочёл,
Я молча должен был смириться?

Известно, по какой причине
Сквозь живодерню я прошел:
Рожденный в худшей половине,
Не от Капета род повёл —
И выхлебал воды котёл
Через вонючую тряпицу!
Так что же, если нищ и гол,
Я молча должен был смириться?

Уж вы решили, на мякине
Умом, бедняга, не дошёл,
Чтоб злой противиться судьбине?
Но рок меня не поборол.
Когда нотариус вошёл
И предложили мне молиться,
И суд уже верёвку сплёл,
Я молча должен был смириться?

Когда б молчать я предпочёл,
Давно бы мне в петле крутиться!
Так неужели, точно вол,
Я молча должен был смириться?

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА

БАЛЛАДА-ПОУЧЕНИЕ КРАСОТКИ-ШЛЕМНИЦЫ ПРОДАЖНЫМ ДЕВКАМ

«Что в пляске не жалеешь ног…» — dancier во времена Вийона означало не только «танцевать», но и заниматься другим делом, о котором, собственно, тут в первую очередь речь и идет.

БАЛЛАДА И ЗАУПОКОЙНАЯ МОЛИТВА

«Архитриклин, имевший редкий дар…» — В Евангелии архитриклин — распорядитель на пиру в Кане Галилейской (Ин. 2: 9). Однако в Средние века полагали, что это имя собственное.

БАЛЛАДА О ТОМ, КАК ВАРИТЬ ЯЗЫКИ ЗАВИСТНИКОВ

Эта баллада — очевидное подражание Эсташу Дешану («Баллада против злоязычных») и Раулю де Уденк (XIII в.).

«Зловещим лунным светом озарённой…» — В оригинале: «quand la pleine lune arrive», т. е. «когда восходит полная луна». При всем своём «мистическом натурализме», картинка, связанная с дурной кровью, засохшей на лотке цирюльника, формально противоречит утверждению О. Э. Мандельштама о том, что луна — предмет, «полностью исключённый из поэтического обихода».

БАЛЛАДА ДОБРОГО НАСТАВЛЕНИЯ ДУРНО ЖИВУЩИМ

«Будь папских булл ты продавец…» — Речь идет о папских грамотах, в которых давались определенные привилегии представителям духовенства и монахам. Торговля буллами, в том числе поддельными, чрезвычайно распространилась тогда во Франции.

«Прилюдно варят в кипятке…» — Фальшивомонетчиков действительно казнили таким способом.

БАЛЛАДА ДОБРОГО СОВЕТА

Предположительно написана Вийоном в ранней юности на основе заветов, содержащихся в «Послании к Римлянам» св. апостола Павла. Название предложено Огюстом Лоньоном, издавшим стихи Вийона в 1892 г.

БАЛЛАДА ПОСЛОВИЦ

Название этой баллады принадлежит П. Л. Жакобу, издавшему стихи Вийона в 1854 г.

ВОПРОС К ПРИВРАТНИКУ ГАРНЬЕ

Этьен Гарнье — привратник при Шатле, регистрировавший заключённых в тюремной книге.

«Не от Капета род повёл…» — Гуго Капет (941–996) — король Франции. Согласно легенде, прапрадеды Гуго Капета были парижскими мясниками.

Переводы с английского Ольги ИСАЧЕНКО*

Эмили ДИКИНСОН (1830–1886)

* * *

Для виду склонишь голову,
А после узнаёшь,
Что наш бессмертный разум
Для этих поз негож.

Утешься — ты заметен
В бездумной толчее
Не больше Паутинки,
Прильнувшей к Кисее!

* * *

Такие дни из верениц
Отлётных — возвращают Птиц —
Одну иль две — назад,

На старый лад Июньских Дней
Грунтуют небосвод синей
И золотом сквозят.

Обман не проведёт Пчелу,
Но я — нежданому теплу
Поверила б спроста,

Когда б не озими ковер,
Не робкий вылет на простор
Увядшего листа.

О лето, в твой высокий Храм
Для Таинства Причастья нам
Отцом разрешено

Последний раз вступить — вкусить
Твой хлеб святой и пригубить
Бессмертное вино!

* Об Ольге Исаченко см. с. 100 настоящего издания.

* * *

Воде учит жажды ком,
Земле — океанский шторм,
Счастью — цепь горемычных вех,
Миру — боёв Содом,
Любви — над могилой Холм.
Птицам нас учит Снег.

* * *

Холмов меняющийся вид —
В окошках свет, что тьму живит —
И шире по утрам восход —
И глубже сумеречный свод —
На склонах, на ветвях дорог
Следы багряных рук и ног —
Пробежка мухи по стеклу
И труженик-паук в углу —
Крик петуха — до хрипоты —
И долгожданные цветы —
В лесу напевы топора —
И торфа тёплая гора —
Всё, что не высказать, — весна —
И смех — и взгляд тайком — и на
Вопрос, что задал Никодим,
Мы каждый год — ответ твердим.

* * *

Я — Никто. А ты? Ты тоже?
Значит, мы с тобою схожи.
Промолчим, а то, поверь,
Мигом выставят за дверь.

Но мрачней судьба Кого-то:
«Я» твердить, аж звон в ушах,
Как Лягушка в камышах —
Восхищённому Болоту.

* * *

Хотела я смотреть на мир
Легко — как Существа,
Которым выданы Глаза
По воле естества —

Но вдруг — Сегодня — небеса
Мне отдали во власть —
И Сердце дрогнуло — вот-вот
Готовое упасть.

Мои — и Звёзды, и Луга,
Леса и Цепи Гор —
И столько Полдня — сколько смог
Вместить зрачков простор —

Полёт Снижающихся Птиц —
Зари Янтарный Путь —
Такое Счастье разорвать
Внезапно может грудь —

И проще из Окна следить —
С душой наедине —
Как смело смотрит прочий Мир
На Солнце в вышине —

* * *

Немногих Труд — на Вечность —
У Большинства — на Время —
Оно — не медля — Славой
Расплатится — со всеми.

Несуетное — вечно —
Поспешный Слиток дня —
С Валютою Бессмертья
И близко не родня —

Не Брокер — Неимущий
В различье зорче вник —
Где — Мелкая Монета —
Где — Золотой Рудник —

* * *

Безумье — Ум от Бога
Для посвящённых глаз,
А ум — печать Безумья
Для Большинства из нас.
Захочешь слыть нормальным —
Оценку подкрепи,
А возразишь — опасен:
Момент — и на Цепи.

* * *

Усталый Ветер постучал
В окно моё с трудом —
И по-хозяйски я его
Впустила смело в Дом.

Ворвался он — ни рук, ни ног, —
И было Стул подать
Ему — что Воздух уложить
Пытаться на Кровать.

Беспозвоночный — не связать,
А Речь — как Крыльев Взмах
Одновременный — над Кустом —
Неисчислимых Птах.

Лицо — Волна, но не Вода,
А музыка текла
С незримых пальцев — будто звон
Дрожащего Стекла.

Гостил — порхал — и робкий стук
Опять — и тишина.
Умчался мигом — как влетел —
Осталась я одна.

* * *

Письмо пишу я Миру —
Ответа не придёт.
Со слов Природы — Новостей
Простой — великий — свод.

Неведомые Руки
Посланье развернут —
Не осудите — земляки —
Любя Её — мой Труд —

* * *

Публикация — как вынос
Мысли на Торги,
Что оправдывают частью
Бедность и Долги,

Но вернуться — белоснежным —
С Чердака к Творцу
Белизны — честней, чем выжить,
Снег продав Дельцу.

Два Хозяина у Мысли —
Тот, кто дал, — и Тот,
Кто Земное Воплощенье
Ей в словах найдёт.

Воздух в бочках, Божья Милость —
Все Купцу — Товар —
Но позорно клеить Цену
На Духовный Дар —

* * *

Бывает Свет — весной
И больше никогда —
Едва от дома Март
Отгонит холода —

Среди Пустых Полей
Такой, что нам с тобой
Наукой не постичь.
Не разгадать Душой.

Над ширью Луга ждёт —
Покажет дальний Клён
И Склон — заговорит —
Почти — с тобою он,

Потом — за Горизонт,
Куда всем Дням маршрут,
Он тихо ускользнёт —
Мы остаёмся тут,

И горько осознать
Его потерю нам —
Так выносом Святынь
Опустошают Храм.

* * *

Правда — стара, как Бог —
Ибо — его Двойник
И будет долго — как Он — терпеть
Совместную Вечность их

И прекратится в День,
Когда — убирая Дом
Вселенной, — выкинут прочь Его
Безжизненным Божеством —

* * *

Любовь, что мы переросли,
В Комоде спит у нас —
На случай, если Старых Мод
Предвидится показ.

* * *

Смерть — вечный диалог,
Что Дух и Прах ведут.
Смерть говорит: «Распад», а Дух:
«Иной я знаю путь».

Землёю убеждает Смерть,
Но спор кончает Дух,
Немедля на её глазах
Сняв Глиняный Сюртук.

* * *

Не больше и не меньше —
Зарянкой я была —
Вы Нотку уронили —
Я место ей нашла —

Жила так низко — не найти,
Скромна — и спроса нет —
В Чертогах Славы — на полу
Едва заметен След —

* * *

Душа должна открытой быть —
А вдруг заглянет Бог?
Ему негоже обивать
В смущении Порог —

Пока Хозяин загремит
Засовами Дверей, —
Признав Пришельца и впустить
Пытаясь поскорей —

* * *

Для мысли подобрать слова
Не каждый день дано —
Как в редкий праздник пригубить
Священное Вино.
Глотнёшь — и с лёгкостью готов
Подняться в облака,
И забываешь о цене
Волшебного глотка.

* * *

Как счастлив Камушек вон тот,
Что по Дороге вдаль бредёт!
Ему Карьера не важна —
Ему Случайность не страшна —
А Бурый Плащ, что носит он,
Изменчивой Вселенной в тон.
Хоть с Солнцем блеском он не схож,
Как Солнце, независим всё ж.
Он, будничен и прост на вид,
Закон вселенский просто чтит —

СТАРЦЕВ ЯРОСЛАВ ЮРЬЕВИЧ родился в Свердловске в 1969 году. Учился в Уральском госуниверситете на историческом факультете, попутно закончил переводческий ФОП по французскому языку; в Институте политических наук в Бордо. Работает в Уральской академии государственной службы, ныне РАНХиГС, в УрФУ, в Институте философии и права УрО РАН. Переводит французскую средневековую, классическую и песенную поэзию (Рютбёф, Жан Бодель, Жан Ренье, Жан Молине, фаблио, Стефан Малларме, Артюр Рембо, Поль Валери и др.), английскую поэзию нового времени (Г. К. Честертон, Д. Дэвидсон, О. Уайльд), франкоязычных бельгийцев и канадцев, а также — старопровансальскую и староваллийскую поэзию. Переводы публиковались в издательствах «Эксмо», «Водолей», «Kolonna», «Текст», в «Митином журнале» и в альманахе «Витражи». Участник онлайн-семинара поэтического перевода «Век перевода».Собственные стихи печатались в журналах «Урал», «Белый ворон». Живёт в Екатеринбурге.

Переводы Ярослава СТАРЦЕВА

Со старопровансальского

ГИЛЬЁМ IX, герцог Аквитанский, шестой граф Пуатье (1071–1126)

* * *

Сложился ни о чём мой стих.
Ни обо мне, ни о других,
Ни о шальных, ни о святых,
Ничто иное:
Я спал верхом, раз конь был тих, —
И вот такое.

Не знаю час, когда рождён,
Не ярок я и не дурён,
Не дома и не приглашён,
Не сам с собою,
Я в полночь был заворожён
По-над горою.

Не различу ни явь, ни бред,
Пока не подтвердит сосед,
А сердце, после стольких бед
Саднит больное,
Но святый Бог, мне дела нет,
Боли хоть втрое!

Я хвор, и, видимо, умру,
И верю в разную муру,
Мне нужен лекарь по нутру,
Но нет покоя:
С лекарством был бы ко двору,
А не с чумою.

Подруги я своей не знал —
Святой свидетель Марциал!
Ни зла, ни ласки не видал,

Но всё пустое —
И викинг с франком не бывал
В моём покое.

И знать не знал, но полюбил,
И был не в тягость и не мил,
Её не видя, счастлив был,
И я не скрою:
Другая породила пыл
Своей красою.

Вот стих приснился ни о ком,
И кто-то, с кем я не знаком,
Его отправит прямиком
В Пейто родное:
Чтоб с этим справиться замком
Потребны двое.

С средневаллийского

Шон КЕНТ (ок. 1400–1445)

ЧАРЫ КРАСОК МИРСКИХ

Мир мерещит суть свою:
Старый мастер, кистию
Хоть святых, хоть звёздный свет —
Сто холстов наделает.
Маг с мякиной, всё кругом
Он скрывает маревом.
Блик златой над пустотой
Пред рукой протянутой —
Заплати за пыль в былье,
Красок чары бренные.

Мир — лишь морок, мира нет.
Где Давид, кто ведает?
Папа, слегший рай суля?
Князь Константинополя?
Барды где родной земли?
Юлий, царь Сицилии?
Где Артур, и где пора
Александра, Гектора?
Где красы прямой пример —
Королева Гвеневер,
В лёгком шёлке, а на нём —
Жемчуг с жёлтым золотом?
Где любви былой урок —
Тегвед и Кивейлиог?
Гарвен, гордость где твоя,
Где краса французская?
Ирод где и род его?
Карла лик Великого?
Овейн, воин, павший зря,
Брут-юнец, сын Цезаря?
Царь Василий? Моисей?
Ричард, прочих яростней?
Где мне славы след найти?
Где польстят, где милости?
Где надежда ждёт? Лишь сны.

Где слова, что молвлены?
Ввечеру иль поутру,
Крик развеет по́ ветру.
Плен той пляски, как ни мчись,
Нас настигнет крадучись.
Суть ли в суетном житье?
Красок чары бренные.

Бел и сед, не мог блюсти
Соломон невинности,
Герцог Йоркский искони
Девок мерял марками.
Где утехи? Нет! Утих
Звук стенаний сладостных.
Что с учёными людьми
И семью искусствами?
Где Катон? И тени нет.
Где Вергилий мудрствует?
Чтил науки, мир читал,
Все пределы выведал…
Где ж величье волшебства?
Смерть взяла всесильного.
Меж мужей, чья славна стать,
Спорых мир испытывать,
Выжил кто ужель? Они
В гное и в гниении.
Прах нас породил в грехах,
В прах придём в терзаниях.
Крой сокровища свои
В жалком ликовании —
Скок в могилу голова,
Тело — в плащ из дерева,
В плоть вопьются, лоб точа
Черви, коих тысяча.
Колос, лёгший на жнивье, —
Красок чары бренные.

Коль Господь, неумолим,
Днём субботним вещанным
Створ твердыни отворя,
Рыбаря и мытаря
Взвесит и добро и зло —
Кто льёт слёзы весело,
Кто почует бич Творца,
Кто в раю окажется.
Содрогнутся в Судие
Красок чары бренные.

С французского

Адам ДЕ ЛА АЛЬ (между 1240/1250–1289 или после 1306)

СТИХИ О СМЕРТИ

Смерть! Я, резвясь в угаре шалом,
Пою с весельем разудалым,
Но точно знаю свой шесток,
И помню об остатке малом:

Верней спасёшься под обвалом,
Коль загодя стеречься мог.
Смерть! И монарх, и дурачок
Уйдут к тебе в случайный срок,
И мир оставят обнищалым.
Чужой пример да будет впрок:
К чему плевать на твой порог,
Коль ты придёшь и за бахвалом?

Смерть, вороватая паскуда!
Хоть прячься хорошо, хоть худо,
Любого выкрадешь тишком!
Берёшь, не разбирая люда —
Ни короля, ни графа чудо
Не защитит, — возьмёшь силком.
Хоть за дверьми, хоть под замком
Ни в чём спасенья нет, ни в ком!
Молитвой тешимся покуда,
Но без причастья, прямиком,
Один подавится куском,
Другой помрёт во время блуда.

Смерть, ты приходишь за любым —
Старик уйдёт за молодым,
И вот отец хоронит сына.
Ждём, что примчишься за седым,
На кожу юноши глядим,
А там — прогнившая начина:
Не скорлупой ценна лещина.
Гниёт зерно, а не тростина —
Нам не яснее, чем слепым,
В чём близкой гибели причина:
Увы, обманчива личина,
Лишь Бог прозрит сквозь этот дым.

Карл ОРЛЕАНСКИЙ (1394–1465)

БАЛЛАДА ПОЭТИЧЕСКОГО СОТЯЗАНИЯ В БЛУА

Я жажду и когда родник под боком,
В огне любви от холода дрожу,
Слепец, другим слепцам кажусь пророком,
И, как ни глуп, меж мудрецов сижу,
Небрежен, а о тщании брюзжу,
И я заклятья не переиначу,
К добру и злу склоняясь наудачу.

Теряю время, что разметил с проком,
Скорбя — смеюсь, и вида не кажу,
Надеждой жив в отчаянье жестоком,
Мечтаю, но не верю миражу,
Порыв желаний скукой остужу,
И, веселясь, везде упрусь в задачу,
К добру и злу склоняясь наудачу.

Я так болтлив, молчу лишь ненароком,
Я боязлив, но страха не щажу,
Блаженство завершается зароком,

Беру, не успевая к дележу,
Горюя — за улыбкою слежу,
Всегда здоров — порой от боли плачу,
К добру и злу склоняясь наудачу.

Мой принц, я, правды не тая, скажу:
Всё ставлю на кон ради куражу,
Скоплю несчастья, прибыли потрачу,
К добру и злу склоняясь наудачу.

Жиль ДЕЗОРМ (до 1456 — после 1505)

* * *

Затем, что часто и охотно лжёшь,
Однако никому в том нет расстройства,
Мне в голову пришло, что это свойство —
Совсем не грех, и пользу в нём найдёшь.
Поднимешься быстрей иных святош,
Всем будешь мил, не зная беспокойства,
Затем, что часто и охотно лжёшь,
Однако никому в том нет расстройства.

Но если лгать готов за каждый грош,
В коварной клевете ища геройства,
Твоя судьба — презренье и изгойство,
А потому будь осторожней всё ж,
Затем, что часто и охотно лжёшь.

* * *

У Мысли в тесных казематах
Людей немало взаперти.
За право выйти и войти
Заплатят, не жалев о тратах.
Я их посредник в этих платах —
Тюремщик, сколько мне нести?
У Мысли в тесных казематах
Людей немало взаперти.

На всех — и бедных, и богатых,
Сумели выкуп наскрести,
Чтоб точно вышли из клети,
О днях забыли мрачноватых
У Мысли в тесных казематах.

* * *

Страданий полон мрачный лог,
Где платят пытками налог
Сердца, вкусившие невзгод,
Терзаясь день, терзаясь год,
И кто бы дал за них залог?
Как путь служенья ни пролёг,

Сгодился вдруг любой предлог,
И вот, для царственных угод
Страданий полон мрачный лог,
Где платят пытками налог.

Там правят подлость и подлог,
Запущен доблести облог,
Пустует, жертвой непогод.
Сердца, лишась былых вольгот,
Ждут жалкой жизни эпилог:
Страданий полон мрачный лог.

Виталина ТХОРЖЕВСКАЯ

Переводы с английского Виталины ТХОРЖЕВСКОЙ*

Оскар УАЙЛЬД (1854–1900)

ДОМ ШЛЮХИ

Плясали камни под ногой.
Плыла луна над головой.
Так подошли мы к дому шлюхи.

Из окон долетел до нас
Сентиментальный дальний вальс
Под гомон пьяной заварухи.

Как механический гротеск,
Чертя безумный арабеск,
Сквозь шторм засквозили тени.

А мы глядели вверх, пока
Под звуки скрипки и рожка
Вертело их, как прах осенний.

Вот вереницей без примет
Скелетов томный силуэт
Прошёлся в медленной кадрили.

Потом, прильнув к руке рукой,
Танцуя вновь и по-другой,
Они смеялись и шутили.

То механический каприз
Жал к механизму механизм,
То издавать пытался пенье,

То ужасающий фантом,
Сжимая сигарету ртом,
В окне разучивал куренье.

И я сказал Любви моей:
«Здесь смерть танцует средь смертей
Здесь прах кружит в объятьях праха».

Так говорил я — но она,
Ответной музыки полна,
Уже наверх пошла без страха.

* Об Виталине Тхоржевской см. на с. 259 настоящего издания.

Но звук фальшивил всё сильней,
Стал медлить в танце круг теней,
Чтобы рассыпаться устало.

А вниз по улице немой
Заря серебряной стопой
Пугливой девочкой блуждала.

TAEDIUM VITAE

Зарезать юность в чёрной безнадёге,
Занять у века пёструю ливрею,
Позволить выкрасть всё, чем я владею,
Увязнуть в женских локонах в итоге,
Стать прихвостнем Фортуны. — Видят боги,
Я не хочу! Такая роль глупее
Тех пузырьков, что миг в волнах белеют,
Пустых чертополошин при дороге —
Без семени. Так отойди в сторонку
От болтунов, что жизнь твою порочат,
Тебя не зная. Лучше — вниз, к подонкам,
В трущобы, где дела и лица грубы,
Чем в хриплый мрак той сумасбродной ночи,
Где белый дух мой грех целует в губы.

Эдвин Арлингтон РОБИНСОН (1869–1935)

EROS TURANNOS

И страх пришёл: теперь ей жаль
Прекрасного начала.
Теперь — тоска, теперь — печаль:
Зачем не отказала…
Но что ей страх — и что ей стыд:
Бегут года — вода бежит —
Всё медленней… Как страшен вид
Беспенного причала!

Между разгадкой, что в душе
Уже сверкнуть готова,
И Раем-с-гадом-в-шалаше,
Чем жизнь поманит снова,
Быть может, гордость и спасёт…
Пока не подан полный счёт.
Он видит, что не пропадёт —
Но ждал ли Он иного?

Древесный шум и гул морской
Заполнят час досуга,
Его незыблемый покой
Внутри земного круга,
Его фальшивые слова…
У дней и лет — свои права:
Как ни старается молва,
Она — его супруга!

Тоска откроется листом,
Скользнувшим в твердь пустую.
Провоют волны под мостом
Надеждам отходную,

И дом, где страсть её жила,
Теперь — прибежище от зла:
Хула из каждого угла
Вибрирует вслепую.

Мы вам твердим, стуча по лбам:
Всё так, как мы сказали!..
Но чьи там тени по углам
Сиротствуют в печали?
И раз преград меж нами нет,
То сон её и общий бред
Вливаются в единый Свет,
Заждавшийся в Начале!

Меж тем, оставим их. Они
Боролись с Богом честно.
Они не слышат нас. Взгляни:
Здесь жалость бесполезна:
Здесь бьются волны взаперти,
Здесь деревцу не расцвести,
Здесь, миг помедлив на пути,
Стоят слепцы над бездной.

Эмили ДИКИНСОН (1830–1886)

1.

Кого хоронят что ни день
В моей усталой голове?
Проходит плакальщиц артель —
Им смерть рожденья не новей,

И каждый идиот берёт
Неумолимый барабан,
И бьёт — и бьёт — и бьёт — и бьёт,
Пока не лопнет пополам

Мой разум, образуя щель,
Куда они роняют гроб,
Кирзою скрипнув, а затем
Пространство выгнет медный лоб:

Весь Космос — колокол, а в нём —
Тугое ухо Бытия,
Мне кажутся далёким сном
И я, и Тишина моя…

И, хрупкий Разум проломив,
Я стала падать вниз и вниз —
И тяжело калеча мир —
Забывшись — вылетела из —

2.

Я умерла за Красоту.
Меня торжественно зарыли.
А рядом жил в своей могиле
Чудак, что верил в Правоту.

Едва кладби́ще опустело,
Он разговор затеял сам
И вежливо спросил: — Мадам,
За что зарыли Ваше тело?

— За Красоту. — Я очень рад,
А я за Правду лез из кожи.
Они почти одно и то же,
Т. ч. я Вам почти что брат.

Мы проболтали целый год.
Нам было жалко расставаться,
Но стали имена стираться
И червячки разъели рот.

ИЗ «ПЕСЕНОК МАТУШКИ ГУСЫНИ» (английская народная поэзия)

1. ПО МОТИВАМ СТАРИННОЙ АНГЛИЙСКОЙ АЗБУКИ

А был Аптекарь, молол порошки,
Б был Банкиром, писавшим стишки,
В был Викарий (стихов не писал),
Г был Глашатай (весь двор оглушал),
Д был Дебилом (дебил как дебил),
Е был как евнух, конфетки любил,
Ё был Ежом, торговал кирпичом,
Ж — Журналист, автор книг ни о чём,
З был Зануда (заика к тому ж),
И был Индейский Прославленный Муж,
Й, разумеется, попросту Йог,
К стал Ковбоем (Плейбоем не смог),
Л был Лазутчик враждебных держав,
М был Мазурик и хазу держал,
Н был Носач, оттого и гнусил,
О был Очкарик, но линзы носил,
П — просто Пекарь, что пел по утрам,
Р — Резонёр, простоты ни на грамм,
С — соловецкий седой Соловей,
Т был Трудягой от пят до бровей,
У был Учёный (и макроцефал),
Ф был Философ (о чём он не знал),
Х был Художник, как хроник, худой,
Ц был Ценитель (стоял за ценой),
Ч был Чиновник, отнюдь не чудак,
Ш — Шизофреник, он делал Вот Так,
Щ — Щеголиха (держала щеглов),
Твёрдый Ы Мягкий остались без слов,
Э — Эпигон (эпиграммы писал),
Ю — Юбиляр (наверху правый зал),
Я — это Я, переводчик бумаг,
Рифму к себе подберу «просто так».

2. ОЧЕНЬ СТРАШНАЯ АНГЛИЙСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ («BABY, BABY, NAUGHTY BABY»)

Мальчик, мальчик непослушный,
Глупый мальчик, замолчи!
Слышишь, там во всеоружье
Бродит Бонопарт в ночи.

Мальчик, мальчик, он — огромный,
Тёмный, ростом до небес,
На обед и ужин, помни,
Он детей крикливых ест.

Мальчик, мальчик, если ночью,
Он услышит, как шумишь,
Разорвёт тебя он в клочья,
Словно кот голодный мышь.

Станет бить он — снова! снова! —
Восклицая: УХ ЗАДАМ!
А потом уж, отбивного,
Съест мальчишку: АМ! АМ! АМ!

3. ПЕСЕНКА («OLD ROGER IS DEAD AND LAID IN HIS GRAVE»)

Роджер-покойник в могиле лежал,
В могиле лежал, в могиле лежал.
Роджер-покойник в могиле лежал —
Эхма! — в могиле лежал!

Яблонька рядом с могилой росла,
Рядом росла, рядом росла.
Яблонька рядом с могилой росла —
Эхма! — рядом росла…

Созрели плоды и готовы упасть,
Готовы упасть, готовы упасть,
Созрели плоды и готовы упасть —
Эхма! — готовы упасть…

Старушка все яблочки враз сорвала,
Хоп! — сорвала, цоп! — сорвала.
Старушка все яблочки вмиг сорвала —
Эхма! — все-все сорвала!

Тут Роджер воскрес да как даст ей пинка,
Как даст ей пинка, как даст ей пинка —
Летела старушка, как птичка, легка —
Эхма! — как птичка, легка!

4. СТИХИ О ЖЕНСКОЙ ДОЛЕ («THERE WAS A LADY LOVED A SWINE»)

Прекрасная леди была влюблена
В большую, тупую свинью,
А если точнее сказать, в кабана,
И он говорил ей: Хрю!

— Я дом тебе выстрою из серебра
И мягко постель постелю,
Чтоб ты увидал, как к тебе я добра.
Кабан только буркнул: Хрю!

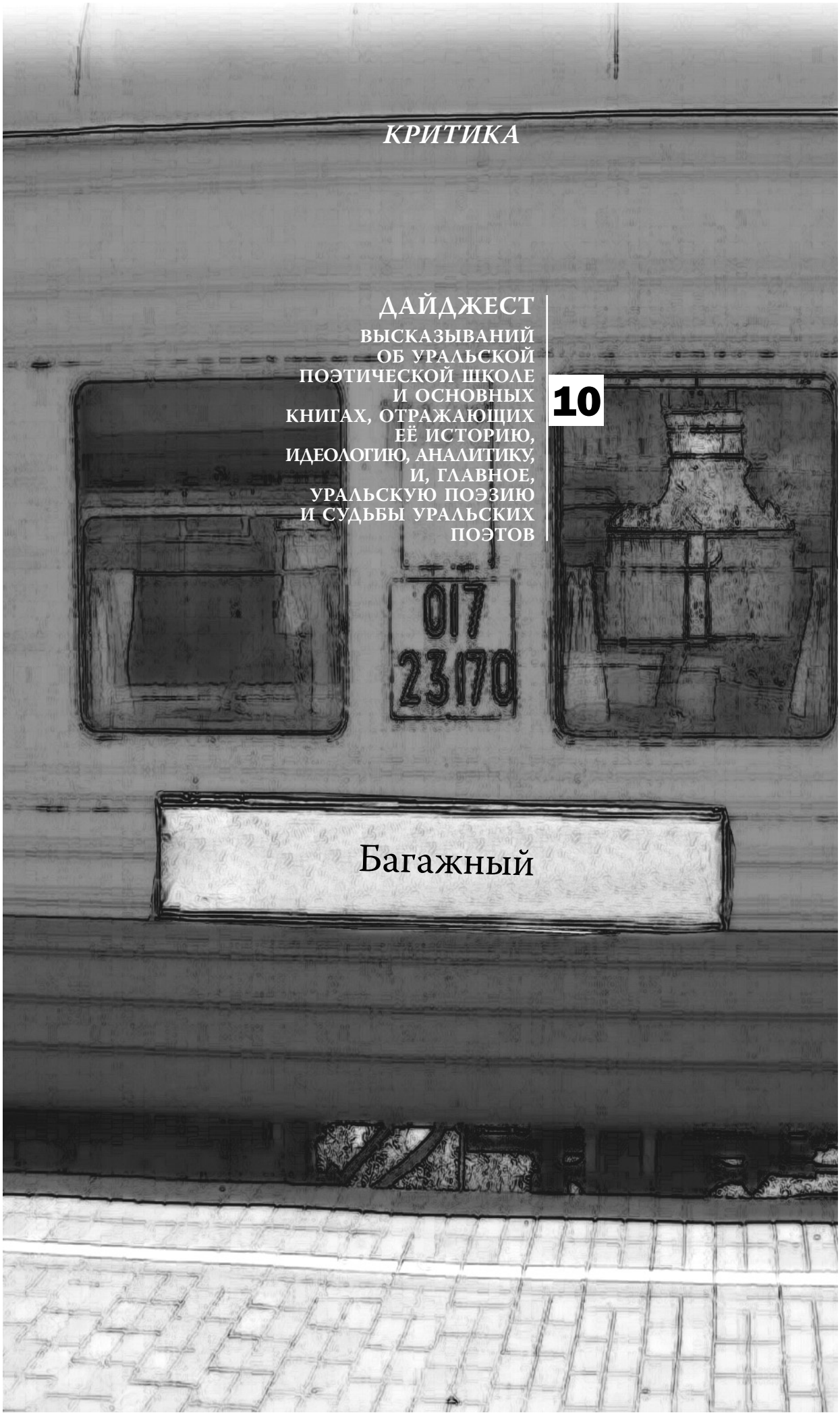
— А чтобы приятен был выход и вход,
Я дверь твою посеребрю,
Чтоб ты днём и ночью гулял без забот.
Кабан отозвался: Хрю!

— Но любишь ли ты меня, радость моя?
Открой своё сердце, молю!
Кабан ненаглядный! Родная свинья!
И он ей ответил: Хрю!

ДАЙДЖЕСТ

ВЫСКАЗЫВАНИЙ ОБ УРАЛЬСКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ И ОСНОВНЫХ КНИГАХ, ОТРАЖАЮЩИХ ЕЁ ИСТОРИЮ, ИДЕОЛОГИЮ, АНАЛИТИКУ, И, ГЛАВНОЕ, УРАЛЬСКУЮ ПОЭЗИЮ И СУДЬБЫ УРАЛЬСКИХ ПОЭТОВ

10



ОБ УРАЛЬСКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ

Дайджест **высказываний об Уральской поэтической школе и основных книгах, отражающих её историю, идеологию, аналитику, и, главное, уральскую поэзию и судьбы уральских поэтов***

Виталий Кальпиди, из речи на презентации книги «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа», 2013:

Термин «школа» применительно к поэзии — фигура речи. Впрочем, если и есть смысл в этом сравнении, то вот он: школа — это то место, где молодые люди проживают своё детство, запоминая его навсегда. А ещё точнее — это то место, где детство проживает молодых людей, оставляя по себе воспоминания, способные заменить всю дальнейшую жизнь. Тем не менее речь в нашем случае идёт не о «школе», а о более широком явлении, явлении не тривиальном, имеющем более чем тридцатилетнюю историю. Имя этому явлению — современная уральская поэзия. Современная уральская поэзия, которую мы, повторюсь, произвольно назвали «Уральская поэтическая школа» (УПШ), — первая у нас в стране широкомасштабная самоорганизовавшаяся творческая корпорация, которая, игнорируя все профильные союзы как несущественные, с 80-х годов прошлого века и по сей день инициирует новые поэтические смыслы, выводя их в сферу частной культурной практики. УПШ появилась помимо государства, вопреки ему и существовала параллельно ему. И пока государство всё это время позорно мутировало, УПШ — развивалась, то есть органично приращивала к уже существующему внезапно возникающее.

Надо осознавать, что литература — в первую очередь движение людей и идей и только в третью — создание художественных произведений. Идея внутри человека — это культура. Человек внутри идеи — это политика. Любой культурный феномен всегда эволюционирует, если ему позволяют его возможности, в русле возрастающей по значимости последовательности: движение — событие — знак — символ. УПШ сейчас находится на стадии знака, а точнее — культурного знака.

---

* В дайджест принципиально включены только те высказывания, которые можно найти в Интернете, и высказывания только о тех книгах, которые также находятся в сети в свободном доступе. Мы уверены, что вдумчивый и неравнодушный читатель «Паровоза» после чтения этой подборки прочтет и книги, о которых говорится в дайджесте, и прочтет их — как руководство к действию. А иначе зачем?

Процесс собирания уральских поэтов в одну поэтическую корпорацию возник сам собой, без видимых причин, не имея ни учителей, ни отцов-прародителей, ни даже теоретических посылов. Его истоки великолепны в своей неопределённости. Четыре поколения поэтов, сконцентрированные на тридцатилетней временной площадке, сжатой периметром трёх городов (плюс ещё двумя десятками уральских поселений), явили природу и смысл «чёрных дыр» провинциальной культуры, свет которых просто не может по определению выйти за пределы созданной ими реальности. Такова их сложная структура, которая заслуживает отдельного развернутого разговора.

Тем не менее история вопроса такова. В середине 80-х годов прошлого века была создана поэтическая ось Пермь — Свердловск. И у пермских, и у свердловских поэтов, связанных с местными художниками и музыкантами, было в силу этих обстоятельств много больше, чем обычно, точек соприкосновения; этим они и не преминули воспользоваться. В течение трех лет (уже к 1988 году) в уральской поэтической среде сложился высокий уровень «региональной осведомленности»: помимо знаний о столичном контексте практически каждый вменяемый представитель первого поколения УПШ безошибочно и эстетически адекватно ориентировался в парадигме смыслов, которые разрабатывались его уральскими коллегами. Первое поэтическое поколение УПШ — это Юрий Беликов, Владислав Дрожащих, Александр Гашек, Аркадий Застырец, Юрий Казарин, Виталий Кальпиди, Сандро Мокша, Антип Одов, Евгений Ройзман, Андрей Санников, Евгений Туренко, Роман Тягунов…

Особенность уральской поэтической ситуации заключалась в том, что структурная ставка была сделана на регион в целом, а не на эгоистическое соревнование мегаполисов, которое в принципе бесперспективно по причине того, что оно бесперспективно в принципе. Свердловск по числу «новых» поэтов превосходил Пермь, но зато из Перми исходили стратегические инициативы, что придавало процессу взвешенную полярность и структурную устойчивость. На первом этапе о роли Челябинска в этом движении говорить не приходится. Челябинск до 1995 года представлял собой с этой точки зрения вид «замершего зародыша». Город как бы думал вовнутрь себя, довольствуясь среднестатистическим уровнем поэтического сознания: иногда появлялись хорошие стихи, но поэтов, способных инициировать «культурологическую ситуацию» и удерживать её в динамике, не было. Сверкнул на небосклоне Александр Гашек, начали обретать личные интонации Николай Болдырев и Нина Ягодинцева, но, чтобы это могло повлиять на общую атмосферу Челябинска, подобных явлений должно было быть не два-три-четыре, а не менее двух-трех десятков. Но уже в 1996 году Челябинск после ряда культуротворческих и поэтических инициатив превратил существующую «ось» в «треугольник», углы которого вбирали в себя не только Пермь — Екатеринбург — Челябинск, но и другие города Урала.

Если первому поколению УПШ хватило внутренних резервов, чтобы самостоятельно начать культурные интервенции в коллапсирующую социальную реальность, то для того, чтобы продолжить их во времени, наращивая при этом качество, одного поэтического «огня» явно было бы недостаточно. И тут миру была явлена частная культурная инициатива, представленная небольшой когортой людей, самоназвавшихся культуртрегерами. Культуртрегер — это не менеджер, не продюсер, не спонсор. Это частный человек, который на безвозмездной основе занимается тем, чем должна заниматься антропологическая реальность, — формировать, созидать, контролировать, сохранять. Но дело в том, что сама реальность способна только разрушать

и предавать забвению: так проявляется её инстинкт самосохранения, ибо всё человеческое ей чуждо. Культуртрегеры противостоят реальности. Их противостояние отнюдь не героично, а рутинно и в длительной перспективе — неэффективно. Тем не менее на короткий шаг, пока длится их деятельность, удается не дать унынию одержать абсолютный верх внутри художественной среды. А поскольку уныние — один из смертных грехов, то вышеописанное положение вещей приобретает масштаб грандиозный. Культуртрегер — это особая профессия. Культуртрегер — это созидатель пространств; это человек, имеющий свою стратегию, свою тактику, как культуротворческую, так и экономическую. Вот три правила эффективного культуртрегерства: а) очень хотеть сделать что-то в культуре; б) не пытаться на этом заработать; в) потратить на это часть жизни (не времени, а именно жизни). Культуртрегерство — это длительный процесс. Вне длительности он теряет смысл: тут важна не высота полета, а его продолжительность. Главная же особенность культуртрегерских инициатив в рамках УПШ — это их поколенческая преемственность. Именно она образовала со временем непрерывную «культуртрегерскую» инфраструктуру. И именно эта инфраструктура, в создании которой особую роль играли В. Абашев, Ю. Беликов, В. Кальпиди, Е. Касимов, Ю. Казарин, Е. Туренко, А. Петрушкин, О. Синицын, А. Санников… помогла появиться и практически безболезненно реализоваться второму и третьему поколениям поэтов УПШ. Хочется подчеркнуть, что данное положение дел — уникально и в русской поэтической культуре не имеет сравнимых по значимости прецедентов. Хочу подчеркнуть, что речь не идёт о том, что современная уральская поэзия — это тридцать первоклассных поэтов и примерно столько же молодых авторов, вскорости готовых встать рядом с ними. Это очевидно. Речь идет о том, что эти люди живут на Урале и не собираются никуда уезжать и что подобная концентрация поэтического потенциала не может не генерировать особый культурный фон, значимость которого ещё предстоит изучить и оценить».

Дмитрий Александрович Пригов, из выступления на круглом столе, стенограмма опубликована в журнале «Уральская новь» (2004. № 18):

«В принципе, на нашу страну двух-трех поэтических школ — вполне достаточно. Вряд ли их может быть больше. Возникновение школы — это проблема накопления критической массы реальных энергетийных людей. И понятно, что не каждый регион себе может такое “позволить”. Ну, Москва — это понятно… У неё не было иной судьбы. Она вынуждена была стать столицей всевозможных культурных школ. Причины я опускаю. Они ясны. Добавлю только, что 90% реальных “игроков” московского культурного поля — это приезжие. Стало быть, московская школа — это конгломерат всех провинциальных школ. Петербургская же школа — тоже явление традиционное для России. И вот так случилось, если окинуть взглядом остальное пространство страны, что именно на Урале собралась критическая масса энергетийных и талантливых людей. Я сейчас говорю о поэзии, оставляя за периметром беседы уральскую рок-культуру, которая, кстати, существенно подпитала собой и Москву, и Питер. В этом отношении представляется мне сейчас, что эти три школы и будут доминировать достаточно длительное время, поскольку теперешнее положение вещей не способствует собиранию некоего количества энергетийных людей в одном месте. Это проблема — следующего порядка: люди будут собираться в школы не по географическому принципу, а через какие-нибудь, интернетные, виртуальные связи, и школы будут, скажем, не уральская или московская, а, например, австралийско-вла-

дивостокская, или питерско-уральско-нью-йоркская. Варианты могут быть любые и очень неожиданные. Я не хочу быть пророком, но мне кажется, что список последних мощных поэтических школ России, объединенных географически, так и не будет изменён и останется в неприкосновенности. Это — Москва, Урал и Питер».

Марина Загидуллина, «Философско-поэтическое и религиозно-поэтическое мышление на основе практики 3-х поколений поэтов УПШ»*

Под философско-поэтическими основами поэтической школы условимся понимать совокупность идей, получивших в стихотворениях ряда авторов — представителей этой школы — поэтическую репрезентацию и связанных с основами мироздания, пониманием поэтами сути и смысла человеческого пути, наделении отдельных мотивов философско-символическими смыслами. Религиозно-поэтическое мышление представляет собой частный случай философско-поэтических основ, поскольку выражает всё те же смыслы посредством открытой или скрытой апелляции поэта к готовым формулам существующих религий, религиозных текстов, ауры веры в конкретном её преломлении.

Диахронный подход к УПШ позволяет рассматривать эти фундаментальные основания поэзии в динамике, от первого поколения поэтов к третьему, несомненно, выделяемых условно, но в то же время обладающих определенным единством и особостью, делающими каждое поколение узнаваемым, идентифицируемым именно по мировоззренческим принципам, лежащим в основе философского символизма и религиозных аллюзий**.

Следует отметить, что приверженность религиозной поэтике может быть представлена как колебание от эстетически-изобразительного до этически-мировоззренческого уровня: для одних авторов религиозное знание, понимание мира становятся источником определенного рода риторики, частью изобразительных средств, источником метафор, но не касаются сути лирического переживания, не имеющего никакой связи с собственно религиозным комплексом психологических реакций; другие авторы демонстрируют укоренённость своего сознания в вере, её органичность в поэтическом мышлении автора. Однако философские основы поэзии к религиозному чувству несводимы, они представляют собой вербализацию отношений поэта с миром, определение им самим фундаментальных ценностей, нравствен-

---

* Энциклопедия. Уральская поэтическая школа. Челябинск: «Десять тысяч слов», 2013. С. 18.

** Конкретизировал эти три поколения главный редактор издания В. Кальпиди в письме к автору этой статьи: «Поколенческая градация УПШ предложена мною на основе личных ощущений человека, наблюдавшего процесс в течение более чем 25-ти лет, и уж если у кого есть право «первого заблуждения» (по аналогии с «первой ночью»), то оно принадлежит мне. С поколениями всё не так просто, во-первых: каждая из трех предложенных парадигм не синхронна годам рождения авторов; во-вторых: как минимум половина поэтов, судя по результатам анкетирования, не готовы рассматривать себя в рамках уральской поэзии, а претендуют, как минимум, на российский масштаб с перспективой перейти на мировой, ну а далее — без остановок; в-третьих: в поколенческих списках значится всего 48 поэтов, а это примерно треть от числа опубликованных в 3-х томах «Антологии СУП», что не объяснишь только простой логикой, т. к. для подобного выбора потребовался некий «расистский поход», основанный на интуитивном тесте «свой — чужой»; в-четвертых: уже де-факто (в печатном виде) существует четвёртое поколение авторов, которые вроде как не должны принадлежать УПШ по причине завершения «сакрального» трехфазного цикла, но и тут не все ясно, а ещё есть и в-пятых, и в-шестых… Короче, попытка сделать вывод — это возможность найти выход из лабиринта наших предположений, а когда его нельзя найти, его надобно прорыть. Сдаётся, что мозги нам для этого и дадены».

ных приоритетов в свете общей проблемы смысла жизни. Именно поэтому можно увидеть религиозность мышления без религии — вне обращения к риторике священных книг, к ритуальной стороне религиозного переживания. Все эти варианты проявления философского начала в поэзии задают многомерность темы, её открытость интерпретациям, и осложняют точную артикуляцию главных черт этой важнейшей стороны поэзии в рамках конкретной поэтической школы.

Тем не менее можно попытаться выделить ряд устойчивых черт, которые помогают идентифицировать «поколенческую» философию, отличающую один поэтический «возраст» от другого.

Несомненно, значение имеет не только собственно возраст поэтов, сколько их принадлежность к той или иной социальной эпохе. Так, в первом томе антологии, сосредоточившем стихи, написанные до 90-х или в начале 90-х годов, много философского, испытывающего давление советского, когда, собственно, отсутствие какой бы то ни было советской риторики уже оказывается знаком «инакомыслия», а поэзия стремится к надмирности, внесоциальности, даже асоциальности: читатель здесь признается неким условным и необязательным элементом поэтической коммуникации. В условиях 90-х годов (второе поколение УПШ) социальное поле «давит» на поэтический дискурс своей свободой, возможностью выражать собственное «я» так, как хочется, что провоцирует поэтические настроения растерянности, требующей хоть какой-то институционализации, форм «цехового» признания, большей обращенности к Другому. Третье поколение УПШ отражает новейшие социальные перемены, переход России к более или менее внятным ориентирам, которые не могут вызывать поэтических восторгов, но — как и в советское время — начинают «дышать ограничениями», позволяющими строить философские отношения с миром через отталкивание и неприятие социальной действительности, либо через построение своей особой альтернативной системы жизни, где есть место мечтам и идеалистическим представлениям.

Обратимся к характеристике философских и религиозных оснований УПШ по поколенческим срезам.

Основная сложность анализа заключается в том, что первое поколение — при всей индивидуальности авторов и сложности любых генерализаций — проходит от первого к третьему тому антологии эволюцию своих фундаментальных отношений с миром. В меньшей степени можно проследить такую эволюцию второго и третьего поколения — в силу их «разовой» (часто) представленности в томах Антологий. Так возникает противоречие между самой задачей поиска неких основ, обобщений, и текучестью самого поэтического материала. Поэтому всякий анализ здесь может быть признан условным.

Для старшего поколения поиск смысла существования часто растворяется в диалоге с Высшим Бытием, условно-абстрактным Богом, представляющим собой не столько могущество и совершенство, сколько — часто — недостижимость и равнодушие. Создаётся тема богооставленности — поэта, страны, человечества. Неизбежным следствием этой темы становится мотив самодостаточности — затерянный в мироздании поэт сам устраивает свой мир и выстраивает основания смыслов и целей, минуя Бога и предлагаемые религией «готовые рецепты». Если перейти на конфессиональный уровень, то «врождённое» православие, несомненно, просачивается в поэтические строки аллюзиями, реминисценциями, но они же и показывают поверхностное скольжение поэтической мысли, слова по «православной теме», отстраня-

ясь от её конкретики, пугаясь, если позволительно сказать, «церковности» как таковой. Богооставленная поэзия, тем не менее, ищет свою сакральную звезду и строит вертикаль, уходя из «плоскостно-горизонтальных» описаний пространства, «брожений» по земле к «верхним мирам», наличие которых (признание их существования) и придаёт смысл всему земному, «плоскому». Самодостаточность поэта оказывается мнимой; он осознаёт собственную особость, выражаемую именно в этой способности чувствовать «верхний мир», который может воплощаться в его стихах множеством способов (если говорить о поколении вообще). В каждом конкретном случае мы можем видеть варианты переплетения мотивов богооставленности и богостроительства, где последнее — осознание собственной миссии, передача демиургических функций лирическому «я». Богостроительство при этом — опять же, генерализуя впечатления от чтения стихотворений старших поэтов, — не предполагает созидательной риторики, равно как и социального оптимизма, напротив, мы обнаруживаем тоску и отчаяние, доминирующие в лирических настроениях авторов первого поколения. В отдельных случаях отчаяние переходит в свою высшую стадию — просветлённость и способность прозревать высшие миры. Однако цена такой просветлённости — отречение от мира бренного, «плоского», его преодоление, отыскание путей жить в этом мире, не замечая его. Так создаётся определённая шкала философского диалога с мирозданием — от проклятия Богу, покинувшему своих чад без помощи, до лирического слияния с божественным началом, надмирностью, позволяющей преодолеть богооставленность и ощутить пантеистичность мира, разлитость Бога во всём, в том числе и в самом поэте. Способность концентрировать эти размытые высшие смыслы тоже является отличительной чертой поэтов старшего поколения, ощутима значимость для них этого труда — не просто фиксировать своё состояние в лирическом произведении, но именно работать над его экзистенциальной наполненностью.

Так возникает философско-религиозный «комплекс» первого поколения УПШ. Конкретное воплощение он получает в мотивах, создающих некую «сеть» лирического выражения этих идей.

Так, например, богооставленность выражается мотивом молчания, неречения, безгласия:

Со мною скоро онемеет мать
Я тоже скоро онемею с небом.
А небо онемеет с кем? Сказать?
Никто не скажет. Стикс впадает в Неман.
Безгласие… (Беликов).

Если у Беликова эта мысль артикулирована, то у Гашека мы находим оппозицию действий человека и Бога, также выражаемую неречением:

ад городской свалки
гвалт вороньё галки
гниение и горенье —
общественный акт творенья
ибо посильный взнос
каплю крупицу воз
о чистоте радея
всякий сюда привнёс
дальше куда ни кинь
всюду молчит полынь
не дал творец речи
поставив тебя на грань

меж бытием и небом
но и воздал за это
немым неизречённым
Словом омыл гортань
соком его горчайшим
животворящим светом

Как видим, здесь всё человечество представлено как боги, позволяющие себе творить, но это творение — свалка. Адские крики птиц здесь соотносимы с глоссолалией человечества-творца; им противопоставлена горькая полынь, которая и становится символом особости поэта, поставленного на грань неба и земли. Он проникнут горечью, он безъязык, его речь парализована неизречённым словом, — но это и есть его поэзия.

Другой мотив, воплощающий диалектику богооставленности и богостроительства, это ритуализация обычной жизни, её подъём на сакральный уровень, позволяющий усматривать в повседневности высокое, значимое, преодолевать рутину. У Богданова таким приёмом становится эпичность описаний ежедневности его героя Федорова: ритуализируется посещение кинотеатра, вечеринки, больница, поездка в поезде или провожание гостя. Богданов выражает свою причастность высокому именно таким опрокидыванием бытового в вечное:

Прости, что не дорос до красоты,
Что вечно пьян и что креста не знаю,
Зато я видел вечные цветы
На полпути к обещанному раю.

Это созвучно поэтической мысли Беликова: «Там тоже Бога нет. И всё-таки — он там».

Несомненно, мотив сакрализации повседневности близок философскому осмыслению телесности. В контексте главной темы богооставленности телесность в стихах первого поколения УПШ обретает особую многомерность. Особенно значительны здесь поэтические поиски Болдырева, чья поэзия в целом относится к философской поэтической традиции, когда предметом лирического переживания оказывается напряжённый поиск просветления, особого состояния сознания, позволяющего видеть сквозь мир, видеть даже не над ним, а именно за ним. Так открывается иная поэтическая оптика, направленная не вовне, а вовнутрь, и позволяющая именно узревать высшие смыслы. Здесь тело, физическая оболочка души и мысли, оказывается неким символом, параллелью к открывающимся смыслам, а процессы времени, отражающиеся на состоянии тела, — приоткрыванием важнейших возможностей преодоления времени вообще:

Господи, где окончание тела? И есть ли оно — окончание
голоса, зова пространства, разлитого
в нас, как иллюзия дали?
Чтоб странствовать мы, чтобы бедствовать
не забывали.
Иллюзия времени — что это, как не подсказка,
что денно и нощно морская в нас плещется ласка
и ищет какой-то вневременный ключик:
так в щели пространства крадётся из флейты
струящийся лучик.
Из нас ли идёт он, иль это поёт наслажденье?
Иль гул нарастает внутри,
прорывающий мира скволженье?

Телесность, по Болдыреву, — лишь преграда высшему зрению, она важна как ощущение, так часто упоминает он кожу любимой — такую нежную, белую, — которая тоже станет ничем, исчезнет. Сама мысль о бренности телесности оказывается чревата мыслью о преодолении этой бренности — и здесь «сквоженье» оказывается не метафорой, но философемой:

В комнате кто-то был до того, как туда я вошёл.
Можно ли долго плыть, если нет никого вокруг?
Я — серебристая нить, шар моих мыслей — жёлт.
Может ли постучать в двери мои испуг?
Нет никого вовне, если насквозь молчу.
Замертво упадёт тот лишь, чья жизнь — строка.
Горе моё — во мне, я за него плачу.
Море уже ушло, но возвратилась река.

Преодоление телесности можно рассматривать как восхождение богооставленного поэта, ищущего бога в себе, становящегося богом. Очень сложно этот мотив организует стихотворение Кальпиди:

Не разглядывай ночью мужчину,
уснувшего после любви.
Он ничуть не устал, а на время
от нежности умер.
Потемнённая тайна испарины лба на крови
освещает два первые слога предутренних сумер… —
дальше тьма. Он лежит кое-как и не дышит,
а только на вдох
мягкой тяжестью лёгких взбивает
свистящие струи.
Наклоняясь над ним, ты рискуешь:
застенчивый Бог,
наклоняясь над ним, промахнувшись,
тебя поцелует.

Здесь тема смерти — возрождения тесно переплетается с темой богоприсутствия, и телесность несет в себе богозамену. Впрочем, у того же Кальпиди тело оказывается средоточием антиэстетического, лирический герой погружен в пространство, переполненное некрасивостями запахов, ощущений, зримости этой телесности, и грубость стихов оказывается эквивалентом поиска иного: не-телесности, её преодоления, выхода за её пределы.

Для Дрожащих такая «низкая» телесность становится, напротив, пристанищем и средоточием духовности. Это тоже вызов богооставленности и попытка занять места Бога («сам с усам»):

Я своё не покину тело,
ибо то, что во мне, воспело
очертанья печали; дело
в том, что печаль не шире
очертаний дыры в сортире.
Лишь луна вовсю леденела
по кладбищам и по кустам.
Поднималась к твоим устам,
несводимая к небесам;
в полнолунье, как страх итога,
обретая сиянье бога.
Что вы, деточка? — сам с усам.
Под землёю нет ни черта,
как и в небе, чья пустота
с воплем ржавым свои врата

отворяет; и ты — опознан;
и зияет прощённый воздух
в небе, выпавшем из гнезда.

Резкость, утрирование и натуралистичность антиэстетического, зачастую связанного именно с бездуховной телесностью, телами, избавленными от душ, является характерной чертой воплощения тех же мотивов в поэзии Застырца (особенно в третьем томе, где грубость становится лирической доминантой). Для поэта богооставленность проявляется прежде всего в готовности к предательству, получает выражение в изживании нравственного императива, его забвении:

Большая нервная семья кромешной тьмой объята,
Глядят из тьмы поверх голов индийские слоны,
Сын поднял руку на отца, и брат идёт на брата,
И звёзд надёжные огни из окон не видны.
Перетерпев, перегорев, не выговорив слога,
Рванулись, и — дороги всех по храмам развели,
Где каждый молит своего единственного бога,
А Бог, единственный для всех, валяется в пыли.
Никто с послом не говорит в малиновом берете,
Никто не помнит, что никто ни в чём не виноват.
На белых стульчиках складных
растерянные дети,
Зажав ладонями виски, в кошмарном сне сидят —
И слышат шорох шомполов во флейтах
и свирелях,
И шёпот быстрого огня в тени библиотек,
И видят, как уводит прочь в неведомых им целях
С ума сошедшего отца песочный человек.
Не убоятся же, а ждут разлуки и ареста.
На крест рассудок волокут за руки месть
и месть…
Кто навыдумывал, что здесь предательству
нет места?
И кто сказал, что смерти нет?
Вот здесь она и есть.

Тема смерти — ещё один «вечный» мотив в поэзии вообще. Но в контексте конкретной поэтической риторики УПШ, её первого поколения, тема эта восходит одновременно к философскому переживанию утраты, отсутствия Бога и к личному переживанию собственного движения по линии жизни — к её концу. Особенно мотивы смерти ярко ощущаются в последнем томе антологии у поэтов, чью эволюцию мы можем прослеживать в течение всех лет, запечатленных в томах антологии. За долгие годы поисков, борьбы со смыслоутратой, обретений и потерь поэты не находят никакого противоядия приближающейся развязке, ощущают её всё ярче, все настойчивее говорят об этом. Здесь нет надежды на высшее преодоление, философии перерождения, перетекания в другое состояние, даже если мы находим поэтические формулы, такие перетекания запечатляющие. По сути, перед нами ожидание исчезновения, стирания собственной личности с лица Земли, если угодно, это переживание философски материалистично и потому граничит с натурализмом, цинизмом:

Поэзия — та же добыча радия
Выпали волосы, ..й не стоит
Всё, чем могу я поэтов порадовать:
Рак, белокровие и гепатит

Может давно уже нужно поставить
Точками пули в ихних концах
Может — поэтов пора обезглавить
Или хотя бы сжигать на кострах
Нет — им наскучили казни публичные:
Бросят курвиметр, раздавят часы
Пьяные, грязные и неприличные
Сдохнут они под забором, как псы
(Антип Одов).

Богооставленность — и персональная, и общая — может быть представлена и мотивом скепсиса, глумления над устойчивыми представлениями об устройстве «божьего мира» — аде, рае, ангелах, божьей помощи и т. д. Для первого поколения УПШ этот мотив становится устойчивым, варьируясь по степени своей значимости в произведении.

Для Казарина это «перевертыш» — Бог созидает видимость, «золотые формы», не меняя адского содержания жизни:

Наместники оконных рам,
пересидевшие икону,
не рассмотрели, как ворону
переломило пополам
движеньем воздуха и взгляда
того, кто в небе глину мнёт
и золотую форму сада
земному аду придаёт.

У Тягунова форма истовой молитвы разрешается укором или неверием, основанном на безысходности и отчаянии:

Господи, Господи, Господи,
Где же Твоя Доброта?
Гости мы или не гости мы?
Кто нам откроет Врата?
Господи, Господи, Господи,
Кто мы, куда мы идём?
Кутаясь в белые простыни,
Стол и постель не найдём.
Горе мне, звездная оспа мне —
Скатерть моя нечиста…
Господи, Господи, Господи,
Где же Твоя Пустота?

Для Кальпиди мир одновременно принадлежен Богу и богооставлен, негармоничен, несчастлив:

Вчера я подумал немного
и к мысли простейшей пришёл:
в раю отдыхают от Бога,
поэтому там хорошо.
От веры в Него отдыхают,
от зелени жизни земной,
где ангелы, как вертухаи,
всё время стоят за спиной.

Разумеется, этими примерами не исчерпывается философская глубина поэзии, представленной первым поколением УПШ. Можно указать на достаточно прихотливый бестиарий, где лидируют насекомые, становясь порой навязчивыми символами некой иной реальности (как, например, сквозной

мотив стрекозы у Казарина). Неожиданное «накопление» хтонических образов обнаруживается в последних подборках Кальпиди: лягушки, змеи, жабы, выражающие чувство омерзения, поиск образов, адекватных по силе этому чувству. Можно число таких мотивов увеличивать, но суть остаётся прежней: в богооставленном мире нет места свету, гармонии, радости, счастливому и глубокому переживанию единения с миром. Отдельные «прорывы» из этой общей тональности отчаяния, конечно, обнаружить можно (в частности, в стихотворениях Болдырева, Казарина), но и в таких случаях нельзя не убедиться, что основное лирическое переживание поэзии первого поколения — глубокая грусть, основанная на чувстве равной затерянности — себя (персональное), страны (социальное), мира (экзистенциальное).

Второе поколение УПШ преимущественно младше первого на десять—двадцать лет, но являет совершенно иное мироощущение по сравнению с поэтами первого поколения. Прежде всего, исчезает базовый для первого поколения мотив богооставленности. Лирическое сознание существует в мире идей, из которого вопрос о высшем смысле исключен, а вместе с ним исключена и рефлексия, получавшее выражение у первого поколения в виде богоискательства (в себе), богостроительства, богозамены. Несомненно, есть библейская риторика, есть аллюзии с темой Христа, но трудно рассматривать их как нечто фундаментально значимое — они зачастую существуют в стихах на уровне художественного приёма, метафорики.

Однако это не значит, что второе поколение лишено своей философии. Размышления о сакральной стороне жизни представлены философией гедонизма, поиска «веселого», и сам этот поиск чреват грустными переживаниями собственной нереализованности лирического «я», его мучительным, слепым мыканием в мире — не то чтобы враждебном, но, как минимум, равнодушном к нему.

Путешествие поэта по пространству, его окружающему, становится доминантой сюжетов — это именно движение, смена впечатлений, возможно, заменяющее движение внутрь себя. Напряженной внутренней задачей становится своеобразный «новый адамизм» — поэтическая мысль движется по поверхности мира, фиксируя предметы, явления и подбирая им имена, обозначения. Всякая мысль о сакральных смыслах бытия неизбежно оказывается в зоне иронии:

Мир — зелёный, голубой и жёлтый,
Нет верней палитры и прекрасней.
Временами раскаленный жёлудь
Слепит сверху и внезапно гаснет.
Подо мной — угодья и каменья,
Вьют лианы мириады комнат.
Я годами обхожу именья,
Но никак не в силах их запомнить.
Мир собою представляет сферу;
Прорываться за её границу —
В космос — на подобную аферу
Мне, теряя разум, не решиться.
Жителей божественных чертоги
Гибельны. Я опускаюсь вглубь и
Слышу милый гром: явились боги,
Сыплют корм и шепчут: «гуппи, гуппи».
(Банников).

Тема бессмысленности и поверхности пути смертного человека чётко представлена в творчестве Извариной:

И помысливший волю тростник,
и полынь голубая,
И осока — озёрная соль на прохладном штыке…
Человек же — проходит, как ветер, траву нагибая,
Обрывая слова, как звезда на упрямом витке.
И прозрачный ковыль, оперяющий
пешие вёрсты,
И лиловый чабрец, в каменистых
морях одиссей…
Человек же — проходит, как розовый пепел
с берёсты:
Назови и рассей…

Как видим, здесь не возникает тоски по смыслам, но, как кажется, основным мотивом становится недоумение: а в чём, собственно, соль жизни, зачем она? Невозможно отнести такие мотивы к богоотсутствию, поскольку такие мироощущения предполагают рефлексию («Бог умер»). Стихи второго поколения УПШ этой рефлексии не отражают.

Перед нами столкновение лирического сознания с социальным (плоским) миром, конфликты, разворачивающиеся в сугубо «антропологическом» измерении. Поэтому основные мотивы, организующие философию поэтического поколения, исключают какие бы то ни было эквивалентности не только с темой Бога, но и с поисками смысла.

При отключённости потребности в сакральном, высоком, по Юнгу, возникает перекос das Selbst — «самости», сосредоточивания в себе самом альфы и омеги бытия. Однако в таком случае и вырисовывается главная опасность такого мироощущения: самоедство, усыхание, отсутствие внешнего источника, подпитывающего «чувство будущего». Если первое поколение поэтов выражало эмоции страдания по утрате этого чувства и разрушению связей с высоким, но несло в своём сознании некую память о сакральном и гармоничном, тяготилось его отсутствием, то второе поколение, как кажется при прочтении стихов, не имеет этой «высокой точки», а следовательно, грусть, тоска, неудовлетворённость оказываются обращенными не ввысь (вертикаль), а разлиты по той же горизонтали. Поэтому банниковское «В космос — на подобную аферу мне, теряя разум, не решиться» может рассматриваться как своеобразный сущностный предел поколения, граница, некая «твердь», заслоняющая горизонты. Следовательно, поэтическому сознанию не остается ничего иного, как исследовать оставленную ему плоскость, не подымая головы к небу. Несомненно, любая генерализация условна, однако мы обнаруживаем множество подтверждений этому наблюдению. Отсюда и специфический мотивный комплекс, характерный для второго поколения УПШ и отражающий способы поэтического овладения миром.

Прежде всего, это мотив замкнутого пространства. У Тхоржевской, например, мотив реализуется так:

Ты улыбнёшься в солнечную пыль
Как радостно шагать ни с кем не в ногу
И поглядишь на солнце как на шпиль
Земного здания наполненного Богом.

Здесь Бог — лишь некая метафора «домашнего», «земного», солнце приближено к земле, как это было свойственно фольклорному сознанию.

Но вообще закрытое пространство для второго поколения организовано улицами больших и малых городов, в которых они живут, ком-

натами, помещениями, между которыми они передвигаются. Даже в тех поэтических системах, где мы наблюдаем выход за пределы «душных городов», это движение оказывается именно временным выходом с непременным возвращением к опостылевшему быту (как, например, в подборках Титовой).

Другая важная черта «плоскостного» сознания — рефлексия по поводу смерти. Отсутствие самой темы сакрального, позволяющей преодолевать «узкие» смыслы этой темы неизбежно ведёт к преференциям этого мотива в поэтическом творчестве авторов. Здесь может быть прямое переживание:

«…я тоже смертен…» — произнёс ребенок.
И плакал ночь. И ночи ли вина,
что выпростала душу из пелёнок
и голенькой оставила без сна?
Без сна и опыта, в кошёлке, в зыбке —
волною Нила, прихотью молвы…
И поклонялись Боговой ошибке
цветы и звёзды, ибисы и львы.
Рвалась столетий скоропись слепая,
качалась люлька на восьми ветрах…
«Я буду жить», — шептал он, засыпая.
«Я буду ждать», — кивнул с порога страх.

Смерть в этом стихотворении затмевает и заслоняет Бога, представленного как универсальная причина вековечной несправедливости. Онтологическая победа остается именно за Смертью, а не за жизнью, Богом. Несомненно, большое место в поэзии второго поколения занимает и тема суицида, переживаемая иногда даже как коллективная поэтическая рефлексия («Тагильские фишки: стреляться и жить себе» — Стародубцева). Мотив смерти, аннулирующей всякие жизненные усилия и саму жизнь, можно обнаружить у каждого поэта второго поколения. Важно, что этот мотив сопряжён с настроениями безысходности и порой даже абсолютного равнодушия, переходящего в лирическое глумление над собой самим, переживающим мысль о смерти. У Колобянина находим такие строки:

Вот так мы хотели и жили.
И в жизнь ничего не вложили.
Но брали у ней, как проценты
и секс, и ночные концерты
под жёсткий и верный залог,
который зовут «эпилог».

Тема смерти здесь созвучна мотиву гедонизма — ещё одной яркой черте поэзии второго поколения. «Брать у жизни» оказывается важнейшей задачей, своеобразной поэтической программой, реализуемой на уровне сюжетов стихотворений, но воплощённой и в самом лиризме стихотворений. Эмоциональным компонентом часто становится бравада-вызов привычным ценностям, их решительная подмена эгоистическими мотивами удовольствия (например, подборка стихотворений Ильенкова, Стародубцевой). Но и в стихотворениях названных поэтов, и в других произведениях часто обнаруживается удивлённая грусть — «брать у жизни» можно, но удовлетворения, увы, нет. Рефлексия по поводу «неинтересности вседозволенности» обнаруживается у Сунцовой, Кадиковой, Симоновой и других поэтов. От поиска необычностей лирическое сознание переходит к попытке освоения «привычных ценностей», но и там тоска, необъяснимое чувство недостаточности всего, что происходит или может произойти:

Конечно же, всё ещё можно исправить:
Переклеить обои и выкрасить пол,
Переставить местами весь хлам, переплавить
Серебро почерневшее, выбросить сор
Из карманов демисезонной одежды,
Постирать занавески и окна отмыть,
Развести традесканцию. Можно, конечно,
Всё исправить, заклеить и перечинить,
Накупить кулинарных рецептов, советы
Собирать об устройстве домашнего быта
И с детьми (обязательно будут!) беседы
Проводить о морали в обед у корыта,
Растирая пространство хозяйственным мылом,
Подпирая лопатками склеенный быт
И вздыхая, что так и не выросли крылья,
Ну, а может, и к лучшему. Меньше болит
(Кадикова).

В этом стихотворении «нормальное» заведомо предстает как «сдача форпоста», утрата своей самобытности. Для поколения с заведомо «отрезанным» горизонтом других перспектив не открывается, поэтому возникает мотив культивируемой тоски. Особенно ярко он представлен в стихотворениях Дозморова («Идёшь, извлекаешь печаль из всего»), Стародубцевой, Титовой, Чепелева.

Мотив тоски, связанный с собственной непохожестью на всех, у Кондрашова и Дозморова связан с дефицитом высокого, точнее сказать, возвышенного в окружающем мире:

Есть у истории литературы,
тётки медлительной, хоть и не дуры,
тип наблюдателя. Он для меня.
Я очевидец убитой культуры,
страж, ископаемое и родня (Дозморов).

и (там, на волоске)
что одержим, в натуре,
тоскою
по тоске
по мировой культуре (Кондрашов).

Несомненным следствием «горизонтального скольжения» становится яркое воплощение мотивов телесности, где для поэтов важнее артикуляция прежних табу, безжалостность и откровенность описаний, их натуралистичность, зооморфность. Здесь много прямого физиологизма (груди, «набитые молоком», животы, чрева, скользкая плоть и т. п.), грубости, обсценизмов, подчеркивающих циничность отношения авторов к телесности как таковой, отсутствия потребности в сакрализации интимных отношений, собственно, лирическое превращается в циничное, или цинизм становится лирикой (Ильенков, Кадикова, Чепелев).

Отметим также мотив бесцельного передвижения, который во многом позволяет смотреть на это поэтическое поколение как на новых номад — кочевников по цивилизованным пространствам. Этот мотив очевиден в стихотворениях Банникова, Дозморова, Кадиковой, Колобянина, Куроптева, Сальникова, Самойлова, Чепелева. Ключевой момент здесь — именно бесцельность, существование в нелинейной перспективе, не нуждающейся в начале и конце, организующих движение:

Мы — только переиздания
Текущего сквозь года

Цветения — щебетания —
Молчания навсегда (Тхоржевская).

Этот мотив переплетается с темой неудовлетворенности бытием. У Петрушкина читаем:

Торчала ветка, и гореть вода спешила, не спеша.
Утяжеляла веки тьма. Стояла лёгкая тоска.
И смерть была — недалека, а жизнь — близка.

Здесь тоска «стоит», она именно «легкая», и жизнь ближе, чем смерть, что и задает нравственные «параметры» для выбора скитальчества.

У Извариной — в противовес теме бесконечного «броунова» движения поколения возникает тема остановки, прекращения движения ради потребности вслушаться и всмотреться, почувствовать мир вокруг. Но и эта поэтесса ощущает смыслоутрату всего поколения:

В Долине Проклятых Щедрот течёт река Аминь.
И две волны её — как мёд, а третья — как полынь.
Ни Божий перст по тем волнам,
ни лотосовый лист —
лишь две земли по сторонам
блистающей, как хлыст,
как меч, реки. Да не остёр — прощенья заслужил,
кто жёг на отмели костёр и вещи сторожил.
Сангина, вереск и агат, с бирюльками кисет —
достань любую наугад и погляди на свет
через чешуйчатый опал, пустынный мох в снегу…
— Ты прожил меньше, чем проспал
на этом берегу.

Вне зависимости от возможных расшифровок предложенных символов стихотворение воспринимается как своеобразная печальная констатация — поколение живёт, как во сне, бесцельно, внесозидательно, но это и есть карма, судьба всех оказавшихся в Долине Проклятых Щедрот.

Петрушкин опрокидывает эту же тему в социальность, заостряя потерянность поколения в мире:

Жизнь проходит в телогрейке
драной, кроличьей ушанке,
то воды на три копейки,
то репейник в чёрной ранке.
Подворотней — боком — боком —
безъязычьем, бессердечьем —
пахнет рыбою и луком —
инвалидностью, увечьем.
В половину дня второго —
смотришь в небо своей бездной —
выпиваешь стакан сока —
полуангел, полубездарь.

Таким образом, второе поколение поэтов УПШ выражает философию конечности бытия, бесцельности существования при отсутствии потребности в смыслоискательстве, настроения недовольства миром, самим собой, грусти и необъяснимой тоски, преодолеваемой скитальчеством по ближним и дальним пространствам, когда количество новых предметов и явлений заслоняет необходимость рефлексии, вытесняет её.

Третье поколение УПШ представлено в основном молодыми поэтами, но многие из них родились в 70-е годы, как и представители второго поколения УПШ. Их отличает не возраст, а мироощущение и построение диалога с миром, отличного от «номадского» отношения поколения второго. На место поисков хоть чего-то нового, скитальчества и констатации тоски приходит поколение, ту же тоску помещающее в свои микровселенные. Это созидатели, далёкие от социального оптимизма или хоть чего-то социального вообще (кстати, тоже в отличие от второго поколения, где социальность хотя бы «сверкала» сквозь тоску). Здесь «страна», «война», «город» — лишь условно-символический словарь личного пространства, организуемого как полноценное целое. А если вокруг поэта создан такой полный мир, отгороженный от каких бы то ни было не касающихся персонально автора проблем, то философией третьего поколения становится самодидактика. Это означает, что поэтическое «я» анализирует собственный мир (не забудем, что это уже созданный в этом сознании и замкнутый мир) с позиций поучения, самонаставничества, поиска формул и ответов на вопросы, а не тяжелого и безнадежного онтологического вопрошания, как, скажем, в первом поколении, или активного ухода от ненужных вопросов в скитальчество и «бегство от действительности», как это было у поколения второго. Поколение ответов представляет нам развернутую философию мира, построенного по законам субъективного идеализма: есть только то, что я вижу и включаю в свою микровселенную, меня не интересует, есть ли вообще хоть что-то за пределами этого мира. Так возникает слепоглухонемая поэзия, от этого не становящаяся менее лиричной и пронзительной, чем стихи авторов других поколений.

Балабан свой ответ формулирует эпатажно:

— Это, братцы, очень важно:
жить бесчувственно-без-смысла;
жить кучнее и гаражно,
чтобы муха муху грызла;
жить, пылясь, как коромысло;
жить дерьмом — многоэтажно!

Вообще тема грязи, дерьма, заплеванности личного пространства в поэзии третьего поколения представлена ярко, тесно связана с ощущением телесности, свойственным и второму поколению — как новой религии:

о тело заразное наше совсем на родителей
не похоже
определения которому нет в словаре Ожегова
которому распространиться мешает кожа
которое кожу свою ненавидит страшно
о тело заразное наше (Корнева).

Или ещё резче:

Боженька, боженька, оставь в покое девочку
не грызи ей личико
не вози за космы по грязи
пальцы под ребра не суй
ну и что, что она дурная, без головы
дак ты вынь из неё эту плесень, эту гниль
кончай своё плохое кино
картинку рисовать под Дали,
где ноги растут из ноздрей

боженька, боженька, оставь в покое девочку
на дно чемодана приклей
убери на полочку (Вотина).

Болезненная тема связи с уродством, физической ненормальностью, тема родов уродов становится сквозным выражением этой новой телесности — где тело разрастается до символа бытия вообще, вымещая и Бога, и душу:

Всё, что меня не убьёт,
Выйдет на утро с мочой.
К сердцу прикладывай лёд,
Вроде болит — или чё?
Вроде стучит — или как?
Россказни глупых врачей.
Выйдешь — и сам, как дурак,
Вроде бы мой — или чей? (Ионова);

Когда понятна самому
гортань, увиденная с неба,
и рот, знакомый потому,
что просит зрелища, и слепо,
попутно складывая глаз
на отдалённые предметы…
До корки сдвинуты за раз
на край или краюху света.
Не снится… Неисповедим
путям Господним и молитвам.
Рукам достанется Твоим,
таким большим и монолитным (Комадей).

Превращение собственного тела во Вселенную оттесняет какое бы то ни было гедонистическое начало из стихотворений третьего поколения. Здесь жадность до удовольствий, хотя бы их отчаянная имитация, свойственная второму поколению, отступает и даже исчезает, что, конечно, никак не аннулирует лирику любовного переживания. Впрочем, и эта тема подчиняется главной — помещению всякого переживания в раму готовых ответов на «проклятые вопросы» (неслучайно для поэтов третьего поколения так актуальны отсылки к культурным знакам, зачастую самого первого, «школьного» ряда):

Штыковою лопатою я нарезаю планету,
останавливаясь на некоторых вещах.
Мой железный язык переворачивает монету:
здравствуй, угольный реверс, —
шафрановый аверс, прощай.
Вот такая здесь вечная почвенность,
брат Чаадаев:
паутина корней, рубероид, проводка, капрон.
Провокатор заткнётся, филолог нас не угадает,
ожидаемый поезд придёт на соседний перрон
(Ивкин).

В этом фрагменте сотка земли и есть планета («ДорогойогороД»), и это то самое пространство, которое лирическим сознанием «перерыто» буквально и переносно. Мир изрыт и изучен, в нем все понятно и просто, остается удивляться тому, что для многих прежних поколений — хоть бы и Чаадаева — это было не так. Назидателен Александров, указующий новых вождей и жаждущий новой стройки, назидательна и Корнева с её резкими

и грубыми прямолинейностями. У Чешевой, например, этот «расчерченный» мир вызывает печальный ответ на вызовы затерянности:

мне больше некуда идти
блуждаю водянистым светом
на том меня не ждут на этом
молчат мои поводыри

В стихах Оболикшта мы видим скольжение по пространствам, открывающимся зрению, тщательную работу поэта по сокрытию истинных переживаний, фиксирование их во внешней рефлексии. Так создается особая Вселенная, где все знаки внешнего (кстати, достаточно конкретные — Урал, река, город, снежное поле) призваны таить внутренние смыслы — знаки авторских переживаний:

когда поёт непреднамеренно страна
порезанные страшно прятать пальцы
он говорил но зажили слова
и оборачивается словарь
в косых снегах слетевшихся от Бога
слова как лодки прорастающие в лёд
и вот уже не видно этих лодок
а дерево корнями небо пьёт

Ангелы, от которых «небо потемнело», Бог, тело которого грызёт апостол, «боженька», притянутый к ежесекундным проблемам, — все это не более чем опустошенные знаки, переживание которых отражает ещё большую богоненужность, чем в стихах второго поколения:

братья безумные, сёстры мило-
сердия сердятся: я без мыла
через игольное наперёд,
где мой Господь меня изблюёт (Ивкин).

Подытоживая эти — весьма пунктирные — наблюдения, следует заметить, что общее движение поэтической философии УПШ возможно сравнить с движением из макрокосмоса (к которому тяготело первое поколение) к микрокосмосу, от прозрачности и открытости границ авторского мироздания к их все большей прочности и «лелеемости», от «звезд к лужам». В то же время в этом движении нет ничего общего с философскими «магистралями» движения от идеализма к материализму или наоборот. Каждое поколение демонстрирует устойчивость символических построений, остраняющих быт и привычное пространство, делающих их объектами внимательной поэтической рефлексии. Здесь категории «реализма» или других измов несущественны и нерелевантны самому существу поэзии. Значение — в философском смысле — имеет исключительно мироощущение лирического сознания и знаки этого мироощущения, то есть само лирическое переживание, явленное читателю.

О ПЕРВОМ И ВТОРОМ ТОМЕ «АНТОЛОГИЯ. СОВРЕМЕННАЯ УРАЛЬСКАЯ ПОЭЗИЯ»

Андрей Вознесенский, из выступления на круглом столе, стенограмма опубликована в журнале «Уральская новь» (2004. № 18):

«Для меня странно было открыть уральскую поэзию как таковую. До этого я знал только Кальпиди. И вот недавно я познакомился с двумя

томами его уральской Антологии. Удивительно, что ему удалось собрать в этих книгах большое количество очень крепких поэтов. Все они примерно одного уровня. Хорошего уровня. Даже белые стихи, которые мне кажутся неорганичными для русской поэзии вообще, в этих книгах большей частью удачны. Для меня лично — это существенный показатель. Эти книги нельзя назвать провинциальными.

…В современном контексте, к сожалению, провинциальность имеет уничижительный оттенок. И если называть уральскую поэзию провинциальной, то Провинциальной — с большой буквы в том смысле, в каком и Христос был провинциалом. Выйди такая антология в Париже, например, — цены бы ей не было…».

Юрий Казарин, из статьи в журнале «Урал» (2011. № 9):

«Два тома Антологии вышли в 1996 г. — первый том (30 поэтов и 3 поэтические группы) и в 2003 г. — второй том (60 поэтов). Хронология Антологии такова: 1-й том — стихи 1976–1996 гг., 2-й том — стихи 1996–2003 гг. (Более подробную справку можно получить на сайте проекта — www.marginaly.ru). Согласно мнению литературных критиков, 1-й том вошел в число 20 лучших книг конца XX века, а 2-й том вошёл в состав трёх лучших поэтических книг 2004 г. по решению оргкомитета XVII Московской международной книжной выставки-ярмарки. Более того, выпуски Антологии известны за рубежом. Есть у Виталия Кальпиди счастливое (для всех) качество: будучи известным поэтом не только в России, но и за границей, Виталий Олегович помогает другим, менее известным поэтам; вспомним организованные им коллективные публикации уральцев в Европе, в частности в Италии. Публикаторский альтруизм — свойство подлинного поэтического таланта. Первые выпуски Антологии были высоко и по достоинству оценены такими поэтами/поэтологами, как А. Вознесенский, Ричард Маккейн (Лондон), Дм. Пригов, Данила Давыдов, Дм. Кузьмин, Дэниел Вейссборт и др. Общая оценка такова: Антология великолепна, уникальна и объективна в силу своей непредзаданности, концептуальности, непровинциальности, этико-эстетической свободы, феноменальности, качественно-объемной широты и масштабности. Поэтическая энергия Уральского региона, её качество и мощь способствовали появлению именно такой Антологии, единственной в своем роде и демонстрирующей «Большой уральский стиль», «Уральскую школу поэзии», «Уральское направление» и т. д. Одним словом, Антология Виталия Кальпиди — это материальный (типографский, книжный) знак наличия здесь, на Урале, культуры поэзии».

Данила Давыдов, из выступления на круглом столе, стенограмма опубликована в журнале «Уральская новь» (2004. № 18):

«Составленная Виталием Кальпиди и выпущенная в Челябинске в 1996 году антология «Современная уральская поэзия» стала первой и чуть ли не единственной внятной, убедительной и репрезентативной антологией поэзии отдельно взятого региона. И вот спустя семь лет Кальпиди повторяет опыт. По его резонному мнению, для представления о литературной ситуации в том или ином регионе необходимо «периодически делать “стоп-кадр” (например, в виде книги) литературного процесса того места, которому этот процесс принадлежит».

В предыдущей антологии были представлены тридцать авторов (и ещё три коллективные подборки поэтических групп), в новой — шестьдесят; пятнадцать из них напечатаны в обеих антологиях. Нехитрые подсчёты убеждают: картина уральской поэзии динамична, очевидна и преемственность».

О ВТОРОМ ТОМЕ «АНТОЛОГИЯ. СОВРЕМЕННАЯ УРАЛЬСКАЯ ПОЭЗИЯ»

Марина Галина, из статьи в журнале «Знамя» (2004. № 11):

«Это полноценное, масштабное и, пожалуй, беспрецедентное литературное явление — спасибо составителю, собравшему тексты, исходя из единственно возможного, по его словам, критерия "удивление–любопытство–интерес". И всё же, не будь на Урале таких поэтов, не помогли бы никакие критерии. Феномен уральской поэзии наверняка ещё будет изучен литературоведами, я же предпочту дать слово самому В. Кальпиди: "Современная уральская поэзия — это единый психогеологический ландшафт и единая климатическая макроэстетика, скрепленные пластилиновой опалубкой единого информационного поэтического пространства. Это пространство ощущается большинством участников процесса как несомненное, четко персонифицированное и ценностное явление. При таком положении уже не существенно, как дела обстоят с точки зрения "объективной реальности"».

Дмитрий Кузьмин, из выступления на круглом столе, стенограмма опубликована в журнале «Уральская новь» (2004. № 18):

«Эта книга ("Антология современной уральской поэзии. 1997–2003 гг." Издательский дом "Фонд Галерея". Челябинск, 2003) примечательна уже тем, что она — вторая. Значит, на протяжении как минимум семи лет (считая с выхода первого тома) составителем обеих Антологий велась целенаправленная работа по отслеживанию того, что происходит в региональном литературном процессе. Вот эта верность заданной концептуальной проблематике мне представляется редчайшим явлением в современной литературной практике — и явлением чрезвычайно важным. Потому что вообще концептуальная выдержанность — это то, чего недостаёт российскому культурному процессу, и в особенности ему недостаёт той концептуальной выдержанности, которая как-то разворачивается во времени. Мало кто удерживает раз поставленную задачу — и в результате мы вынуждены наблюдать не за развитием того или иного явления, отражаемого и конструируемого определённым проектом, а за переменами во взглядах, интересах и возможностях кураторов проекта. Виталий же Кальпиди делает, попросту говоря, ровно то, на что изначально подрядился. А подрядился он, ни много ни мало, сформировать и предъявить публике литературное пространство Уральского региона как целостный культурный феномен. И тут, с одной стороны, важна сама фокусировка внимания на литературной регионалистике — это для нашей современной литературной и вообще культурной мысли некоторая экзотика, что совершенно неправильно: ведь мы живем в огромной и достаточно разнородной стране. Я далек от предположений о каком-то особом менталитете, свойственном тому или иному региону, — но вместе с тем невозможно не задумываться над тем, отчего в одном крупном областном центре действует региональная поэтическая школа (т. е. значимая часть ярких местных авторов работает в рамках определенной художественной стратегии и заметно перекликается по своей поэтике), в другом — пишет не меньшее количество разностильных, вполне независимых друг от друга авторов, а в третьем — с трудом удаётся найти одного-двух интересных поэтов в общей массе безликой, эпигонской стихотворной продукции. Взять хотя бы полномасштабно представленный в новой антологии "нижнетагильский поэтический ренессанс" — целую группу талантливых, самобытных, в чем-то очень близких друг другу совсем юных девушек: отчего этот ре-

нессанс случился в Нижнем Тагиле, а не, условно говоря, в Воркуте? Не бывает случайностей такого масштаба: что-то это да значит. Но чтобы об этом думать — надо это знать, и антологии Кальпиди предоставляют нам такую возможность.

С другой стороны, Кальпиди ставит вопрос о том, что такое регион, и о том, какова специфика уральской ситуации. Это связано: ведь совсем не очевидно, что весь Урал — это единое культурное пространство и что, к примеру, авторов из Нижнего Тагила и из Уфы в самом деле что-либо объединяет. Антология — вернее, опять-таки, обе антологии в комплексе — предлагает нам именно такую конструкцию, создавая тем самым возможность весьма плодотворных размышлений над тем, прослеживаются ли у авторов антологии не то что общие (общеуральские???) свойства поэтики, но, по крайней мере, достаточно многочисленные надгеографические связи и переклички — или же, напротив, екатеринбургские авторы в большинстве своём отчётливо отличаются от пермских. Мне этот вопрос кажется открытым — по первому прочтению антологии я на него ответить не сумел. Что и хорошо: значит, проблема достаточно глубокая».

О ТРЕТЬЕМ ТОМЕ «АНТОЛОГИЯ. СОВРЕМЕННАЯ УРАЛЬСКАЯ ПОЭЗИЯ»

Леонид Костюков, из статьи на сайте Роскультура, 2011:

«Антологии, особенно поэтические, вроде бы не созданы для чтения насквозь и подряд. Они, скорее, для возвращений после долгих перерывов, обращений по случаю (как энциклопедия или словарь). Эта — иная. Начиная со сжатого, буквально пружинного, очень провокативного предисловия главного вдохновителя и составителя проекта Виталия Кальпиди и дальше — от стихотворения к стихотворению — читается, как детектив. Порядок появления авторов — алфавитный, поэтому композиционные возможности книги минимальны — разве что свобода расположения стихотворений внутри подборок. Тем не менее чтение не тормозит. Ни про одного автора, более того — ни про одно стихотворение в этой антологии не возникает проклятых вопросов: зачем оно? что оно тут делает? почему это именно XXI век, а не просторно датируемая вторая половина двадцатого?

Я бы предположил, что Виталий Кальпиди, в отличие от многих других составителей и кураторов поэтического процесса, догадывается, что стихотворение, даже короткое, может в принципе быть невероятно скучным. И именно это свойство здесь исключено, я бы сказал — истреблено. То, что применительно к прозе звучит сомнительным комплиментом, здесь, по-моему, замечательно — я держу в руках лёгкую и увлекательную книгу. Что, заметим, не обязательно в ущерб глубине и трагизму — факультативно мелькают и они.

Общее же направление задаётся, как мне кажется, двумя доминантными решениями. Во-первых, музыкально, на уровне стиховой материи стихи этой антологии все же укладываются в традиционную русскую просодию, иногда конструктивно развивая её. Здесь нельзя обойти тему кризиса силлаботоники. Впечатление такое, что кризис оказался не таким страшным, как разговоры о нём. То ли хореи и ямбы отдохнули под паром, то ли обрели новую вариативность, но здесь нет усталости звучания.

Во-вторых — боюсь показаться банальным — эта книга просто пропитана свободой. Тут, впрочем, нужны уточнения.

В хрестоматийно несвободном СССР вся подлинная литература была в каком-то плане о свободе, против несвободы, подчинена, обречена свободе. Свобода в ней была: целью, основной темой, мечтой. В наше новое время, при всех своих известных недостатках более нормальное, свобода для поэта становится пластикой. Как сказал бы психолог, расслаблена воротниковая зона — или что-то вроде того. Вот это самое завидное ненапряжённое положение воротниковой зоны демонстрируют авторы антологии (заметим, люди самого разного возраста).

Опять хвалю.

Мне казалось, что я как-то более или менее знаю примерно двадцать авторов из этой антологии. Все до одной представленные здесь их подборки значительно превзошли мои ожидания. Это можно объяснить. Моё знакомство с тем или иным поэтом (исключая, конечно, случаи глубокого знания, которые статистически редки) носит либо фестивальный, либо книжный характер. На фестивале автор читает несколько последних стихотворений — это, так сказать, обкатка нового, литературная проба. Книга обычно избыточна, там лучшее растворено в непозорном. Антология даёт возможность выстрелить полноценным избранным. Здесь эта возможность использована по полной.

Вообще, книга превосходит ожидания по всем осям — персонально, от региональной поэзии, от современной поэзии (вроде бы, это ещё нерасчлененная мутноватая взвесь — а выходит, уже фильтруется). Попутно развенчивается ещё один миф — о том, что именно самые лучшие, самые энергичные провинциалы эмигрируют в Москву. Оказывается, бывает всяко.

Возможно, самый спорный момент — именно территориальная ограниченность антологии. Русская поэзия едина. С другой стороны, суровая природа плюс брутальная индустриальность определяют некий общий фон. С третьей стороны, хорошо бы такая сверхудачная антология выступила в качестве детонатора и побудила других региональных (или не региональных) кураторов последовать примеру Кальпиди. Тогда в итоге окажется несущественным, с чего начали работу и в каком порядке вели. Хоть с авторов на букву «Р» — лишь бы постепенно перебрать весь алфавит.

Насчёт небольших эссе про авторов антологии отмечу лишь уместность этого раздела. Разговоры о поэзии в дефиците.

Ну и последнее — книга прекрасно издана в полиграфическом отношении, её приятно взять в руки. Интернет освободил издателей от обязанности лихорадочно и любой ценой обналичивать тексты. Сегодня книга — скорее роскошь, чем необходимость, и эта — по-хорошему роскошна».

***Елена Сафронова, из статьи в журнале «Знамя»* (*2012. № 12*):**

«Возможно ли почти два десятилетия формировать феномен, который не имеет под собою оснований? Возможно ли, чтобы несуществующее явление вызывало продолжительные дискуссии? Дмитрий Александрович Пригов в существовании школы не сомневался, отмечая, что “уральская школа” наиболее “беспримесна” — возникла в конкретном регионе, где собралась критическая масса “энергетийных” (выражение Д.А.П. — *Е. С.*) и талантливых людей. Пригов также “напророчил”, что последние мощные поэтические школы России — московская, питерская и уральская — не будут долго доминировать в литературе, ибо недалёк тот час, когда пишущие люди начнут собираться в “школы”, объединяясь через Интернет, — скажем, в австралийско-владивостокско-московскую школу. Александр Еременко в 2008 году ответил на вопрос Андрея Пермякова, одного из представителей уральской

поэзии, существует ли эта самая школа, утвердительно: это братство людей, связанных личными отношениями и мировоззрением, но не формальными признаками (“Дети Ра”, 2008, № 12). А вот Дмитрий Кузьмин на презентации третьего тома антологии отверг факт наличия особой уральской поэзии, а весь проект Виталия Кальпиди оценил так: если долго и упорно настаивать на своем, “то через некоторое время пространство начинает сгущаться”...»

«Современная уральская поэзия — это поэзия преимущественно непрямого высказывания, уходящая в сторону поэтики ассоциативной, медитативной, экспрессивной. Уральцы умеют говорить по-разному, в зависимости от художественной задачи, их поэзия в основном оперирует традиционными приемами стихосложения, переводя их на язык и образы современности».

«Как издательский и полиграфический продукт антология достойна похвал. Это красивая и солидная книга, снабженная отличным научно-справочным аппаратом. Помимо полных выходных данных с развернутой аннотацией, точного оглавления и интересного предисловия главного редактора, Антология содержит “сведения об авторах”. Это проект в проекте: биографические данные, основная библиография и отзыв о творчестве, облегчающий чтение и восприятие авторских посылов. Отзывы неоднородны: рассчитаны то на филолога, то на читателя. Но интересно, что часто сам текст формирует способ высказывания о себе».

О КНИГЕ «ЭНЦИКЛОПЕДИЯ. УРАЛЬСКАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ ШКОЛА»

Ульяна Верина, из статьи на сайте Textura, 2013:

«Важным событием, открывшим поэтический 2013 год, стал выход энциклопедии “Уральская поэтическая школа”. Невероятно большой объём материала, основательные статьи, и вступительные, и персональные, — всё это итог длительной и трудной работы, в которой продолжительность, трудоёмкость ничего не значат сами по себе без наличия ясной концепции и цели. Но и этого мало, чтобы хорошо понять значимость энциклопедии. Важно то, что перед нами — большая общность авторских индивидуальностей, обладающих собственным голосом и стилем и в то же время причастных к большому осмысленному бытию поэзии: клубам, фестивалям, вечерам, слэмам, премиям, издательствам, журналам и т. д.».

Ирина Аргутина, из статьи в альманахе «45-я параллель» (2013. № 35(275)):

«“Энциклопедия” является изданием настолько уникальным, что её масштаб никак не описывается мерками презентаций, количеством их, качеством организации и прочими прилагательными описательного характера. Масштаб этой книги пропорционален разве что беспрецедентности явления, которому она посвящена, — Уральского поэтического движения, а качество подачи материала определяется рядом факторов. Во-первых, книга в значительной степени создана самими участниками литературного процесса, а не сторонними наблюдателями. Во-вторых, автор проекта и главный редактор издания — Виталий Кальпиди, поэт и культуртрегер, более 30 лет занимающийся не только осмыслением, изданием и продвижением уральской поэзии, но и в значительной мере формированием и культивированием поэтического движения региона. Поэтому “Энциклопедия” на сегодня венчает процесс документирования современной поэзии Урала, начатый не менее уникальным трёхтомным проектом “Антология современной ураль-

ской поэзии". Три тома Антологии, выпущенные всё тем же В. Кальпиди в 1996, 2003 и 2011 году соответственно, явили миру, по словам их издателя, "стоп-кадры видеосъёмки" поэтического потока, происходящего на им же созданной территории.

И вот — Энциклопедия, вобравшая в себя и попытки осмысления феномена УПШ (статья "Уральская поэтическая школа: мифы и реальность" Ю. Подлубновой и реплика на неё Д. Кузьмина, исследование М. Загидуллиной "Философско-поэтическое и религиозно-поэтическое мышление на основе практики 3-х поколений поэтов УПШ"), и почти 400 страниц биографий поэтов Урала, преимущественно написанных самими "персонажами", коих более 130 (!). Здесь же представлена культуртрегерская деятельность, информация о большинстве значимых событий, изданий и структур, связанных с поэзией Урала, размышление о культовом и культурном герое и даже Кодекс провинциального поэта!

Огромное количество фотографий добавляет книге фантастический эффект истинной документальности. По сути, это новый вид энциклопедического издания, который создатели называют "информационным артобъектом"».

О КНИГЕ АННЫ СИДЯКИНОЙ «МАРГИНАЛЫ. УРАЛЬСКИЙ АНДЕГРАУНД: ЖИВЫЕ ЛИЦА ПОГИБШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

Евгения Изварина, из статьи в журнале «Урал» (2013. № 3):

«Книга "Маргиналы" и есть памятник поколению. Уточняю: не просто совокупно тем, кого угораздило родиться приблизительно в одно время, а людям, на самом деле завоевавшим право быть поколением, "волной", олицетворением совершенно определенного этапа духовной жизни общества. Молодым людям 70–80-х годов прошлого века, противопоставившим свои — первоначально вкусы и интересы, а затем и убеждения — официальной идеологии и культурной политике. Дело было в Перми… А также в Москве, Ленинграде, Киеве, Новосибирске, Свердловске… В Пенькове, должно быть, тоже было дело. Только вот книги, равноценной "Маргиналам…" (кроме разве что московского двухтомного альбома по нонконформизму в изобразительном искусстве 1950–1970-х годов), я что-то не припомню. Памятник поколению поставила Анна Сидякина — кандидат филологических наук, по моему впечатлению от книги — человек истинно и искренне преданный теме.

"Маргиналы" посвящены прежде всего поэтам, создавшим теперь уже признанную школу современной уральской поэзии, а шире — целому кругу литераторов, художников, фотографов. Общности людей, двинувших-таки вперёд художественное сознание и человеческое мироощущение в провинциальной, но по своему генотипу издавна интеллигентной, университетской и ссыльно-диссидентской Перми».

КОДЕКС ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ПОЭТА
(выдержки из одноимённой главы книги «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа»)

Так случилось, что существует Российское государство (во что часто верится с трудом). В нём среди прочего наличествует российская культура: рос-

сийское кино, российский театр, российское (то есть недоамериканское) актуальное искусство тоже существует; даже российская проза уже есть. А вот российской поэзии нет. И не будет. Потому что наша поэзия может быть только русской. Таковой она и останется до конца просто по факту своего языкового рождения и неизменяемых законов внутреннего развития. Формально русская поэзия оперирует русским языком, конфликтующим с русской речью, томно изнывающей от интонационной просодии. Но на самом деле русская поэзия занята тем, что генерирует и поддерживает в рабочем состоянии невостребованную надежду на создание ангельского языка, способного порождать ангельские мысли, чувства, многоступенчатые ангельские образы, а также представления об ангельской жизни и ангельской смерти. Возможности для этого у поэзии не самые выдающиеся, но, как говорится, чем богаты… Ангелом может стать любой человек, преодолевший промежуточное (с точки зрения духовной эволюции) состояние, называемое в простонародье «личностью». Что конкретно последует после этого мне, честно признаюсь, не известно, но ничего плохого, кроме хорошего — это уж точно.

Странным образом всё, что обычно человека разрушает, — тоска, предательство, потери, отчаяние, любовная драма, болезнь — в поэзии становится самым прочным строительным материалом. И по большому счёту поэты в первом приближении делятся на тех, кто строит из этого материала памятник надежды и кто — монумент своей гибели (исключительно последним, кстати, занимались лидеры русского рока, на чём и погорели). Но задача поэта — не строить. Его задача — изменить себя при помощи писания стихов, а уж какие стихи в результате этого получаются, — дело десятое (а не десятое, так — пятое или третье — не более того).

Проблема «Центра»

Стремление п/п попытаться реализовать свои творческие амбиции в Москве (Нью-Йорке, Париже,) связано только с желанием карьерного роста. Неплохо бы при этом отдавать себе отчёт, что Творчество делает человека больше его самого. На этом фоне пытаться оказаться внутри очень большого предмета (например, в Москве) и думать, что ты от элементарного перемещения сам становишься больше, — наивность, поскольку очевидные законы сомасштабности утверждают обратное.

Проблема «Деньги»

Данная проблема разрешима, если рассматривать её технологически, а не параноидально. Изначально надо понять, что поэтическое творчество — это очень частное дело частного человека, имеющее цель обрести «свободу развития». Не свободу, а именно «свободу развития», то есть ощутить самое восхитительное рабство на свете. За свободу в цивилизованном обществе денег не платят. В нём платят как раз за передачу части своей личной свободы. Поэтому надо заранее вывести своё творчество из-под этого пресса. Другими словами: нужно обеспечить его финансовую независимость. Тут два пути. Первый: получение востребованной профессии (можно назвать её «кредитной»), понимая, что на это потребуются и время, и силы. Второй: кардинальное снижение личных потребностей и возможность довольствоваться неквалифицированным трудом для заработка. В обоих случаях придётся пройти через потери.

Проблема «Алкоголь. Наркотики»

Утверждение, что алкоголь/наркотики расширяют творческое сознание, — очевидная глупость. Отстаивают эту чушь либо дебилы, либо латент-

ные и явные наркодилеры. Творчество — это приглашение к жизни, к жизни иной, то есть той, которой ещё не было. Алкоголь/наркотики укорачивают любую жизнь, причем по известному всем примитивному (даже без вариаций) сценарию. Убивающий жизнь не может её продолжать. Отсюда вывод: алкоголь/наркотики и творчество несовместимы по векторам развития. Те известные культовые персонажи, чьими именами прикрываются «творческие синяки и синявки», на самом деле заставляют задуматься, что в идеале могли сделать эти люди, если бы у них хватило элементарного достоинства, чтобы не бросить свой дар в мерзость алкогольного/наркотического угара.

Проблема «Суицид»

Мысль о суициде — это банальное продолжение мысли о собственной исключительности. Суицидальные наклонности для любого сознания — норма. Тот, кого эти мысли не посещают, скорее всего, уже мёртв. Но совершённый суицид — это самое подлое деяние по отношению к себе, к тем, кто нас любит, ко всей неорганике Вселенной, которая неимоверными усилиями и жертвами вдохнула в молекулярные цепочки, непонятую нами даже в первом приближении, идею жизни. Героизация суицида в художественной среде — следствие патологического недопонимания целей и возможностей творчества.

Кодекс провинциального поэта

Если бы существовал такой кодекс, то он бы мог выглядеть примерно так:

- п/п должен быть всегда трезв;
- п/п должен быть экономически свободен; лучше если «кредитная» профессия не синхронизировалась бы с литературой, потому что филолог-поэт — это всё равно, что сталевар-балерина;
- п/п должен принять свою судьбу и не пытаться подменить её карьерной автобиографией, поскольку биография — это то, что меняем мы, а судьба — то, что меняет нас;
- издав свои первые две книги, п/п должен приложить все усилия, чтобы издать как минимум две книги своих товарищей, у которых на это не хватает сил и возможностей;
- п/п никогда не должен вступать ни в какой сговор с властями;
- п/п не должен совершать самоубийство;
- п/п должен оберегать животных;
- п/п должен понимать, что московские поэты тоже провинциалы, поскольку также далеко отстоят от конечной цели своего пути, как и п/п, хотя не всегда догадываются об этом, поэтому (в качестве бонуса) нужно относиться к ним сочувственно;
- п/п не должен путать поэзию и религию;
- п/п должен содействовать тому, чтобы церковь была отделена от поэзии;
- п/п должен уметь замолчать;
- п/п должен всем, и никто ничего не должен ему;
- ну и ещё примерно сорок три с половиной пункта.

Дайджест составила Марина ВОЛКОВА

СОДЕРЖАНИЕ

Русские поэтические школы: XXI век
(Марина ВОЛКОВА) — место 3

УРАЛ—РОССИЯ

Вагон № 1

Нина АЛЕКСАНДРОВА — место 8
Ирина АРГУТИНА — место 12
Вадим БАЛАБАН — место 15
Игорь БОГДАНОВ — место 19
Николай БОЛДЫРЕВ — место 23
Сергей БОРИСОВ — место 27
Артём БЫКОВ — место 30
Евгения ВОТИНА — место 33
Игорь ГОНЧАРОВ — место 37
Янис ГРАНТС — место 41

Вагон № 2

Сергей ДЕГТЯРЁВ — место 48
Егана ДЖАББАРОВА — место 51
Юлия ДОЛГАНОВСКИХ — место 55
Инна ДОМРАЧЕВА — место 58
Владислав ДРОЖАЩИХ — место 62
Вадим ДУЛЕПОВ — место 67
Анастасия ЖУРАВЛЁВА — место 71
Вадим ЗАВАРУХИН — место 75
Аркадий ЗАСТЫРЕЦ — место 79

Вагон № 3

Владимир ЗУЕВ — место 84
Сергей ИВКИН — место 87
Евгения ИЗВАРИНА — место 91
Елена ИОНОВА — место 96
Ольга ИСАЧЕНКО (ГОРИЦКАЯ)— место 100
Юрий КАЗАРИН — место 104
Виталий КАЛЬПИДИ — место 110
Наталья КАРПИЧЕВА — место 115
Евгений КАСИМОВ — место 119

Вагон № 4

Андрей КОЗЛОВ — место 124
Иван КОЗЛОВ — место 127

Антон КОЛОБЯНИН — место 131
Денис КОЛЧИН — место 136
Руслан КОМАДЕЙ — место 140
Констинтин КОМАРОВ — место 144
Владимир КОЧНЕВ — место 148
Мария КРОТОВА — место 152
Владимир ЛАВРЕНТЬЕВ — место 155

Вагон № 5

Александр МАНИЧЕНКО — место 160
Сергей МАТРОСОВ — место 163
Елена МЕНЬШЕНИНА — место 167
Ольга МЕХОНОШИНА — место 170
Майя НИКУЛИНА — место 175
Артём НОСКОВ — место 179
Елена ОБОЛИКШТА — место 184
Вера ОХОТНИКОВА — место 189
Александр ПЕТРУШКИН — место 193

Вагон № 6

Александр ПОПОВСКИЙ — место 198
Полина ПОТАПОВА — место 202
Вячеслав РАКОВ — место 206
Евгений РОЙЗМАН — место 210
Константин РУБИНСКИЙ — место 213
Дмитрий РЯБОКОНЬ — место 216
Алексей САЛЬНИКОВ — место 220
Андрей САННИКОВ — место 225
Наталия САННИКОВА — место 229

Вагон № 7

Владислав СЕМЕНЦУЛ — место 234
Екатерина СИМОНОВА — место 238
Сергей СЛЕПУХИН — место 242
Виктор СМИРНОВ — место 247
Наталья СТАРОДУБЦЕВА — место 250
Татьяна ТИТОВА — место 255
Виталина ТХОРЖЕВСКАЯ — место 259
Марина ЧЕШЕВА — место 264
Дмитрий ШКАРИН — место 269
Арина ШУЛЬГИНА — место 272

Вагон № 8

Детский

Янис ГРАНТС — место 274
Елена СЫЧ — место 278
Сергей ДЕГТЯРЁВ — место 281
Андрей САННИКОВ — место 283
Ирина ЕЖОВА — место 285
Михаил ПРИДВОРОВ — место 287
Алексей СТОЛЯРОВ — место 290
Нина ПИКУЛЕВА — место 292
Константин РУБИНСКИЙ — место 295
Ирина АРГУТИНА — место 298
Елена ОБОЛИКШТА — место 300

Вагон № 9

Почтовый

Римма АГЛИУЛЛИНА — место 304
Юрий БРАЗГАЛОВ — место 308
Аркадий ЗАСТЫРЕЦ — место 313
Ольга ИСАЧЕНКО — место 320
Ярослав СТАРЦЕВ — место 326
Виталина ТХОРЖЕВСКАЯ — место 332

Вагон № 10

Багажный

ОБ УРАЛЬСКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ
Дайджест высказываний об Уральской поэтической школе
и основных книгах, отражающих её историю,
идеологию, аналитику, и, главное, уральскую поэзию
и судьбы уральских поэтов (Марина ВОЛКОВА) — место 338

Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Приобрести альманах можно в Союзе российских писателей
(Москва, ул. Поварская, д. 52, офис 32, e-mail: vsrp@mail.ru);
возможна рассылка наложенным платежом.

С электронной версией «Паровоза» можно познакомиться на сайте:
http://www.voloshin-fest.ru/shop/12/desc/parovoz

ДЛЯ СПРАВОК:
в Москве тел. +7 (495) 691-03-45,
e-mail: vsrp@mail.ru

в Санкт-Петербурге: тел. +7 921-186-57-24;
e-mail: vk11382@mail.ru

Литературно-художественное издание

Паровозъ

ПОЭТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ-НАВИГАТОР

Союза российских писателей

Состав 6–2017

Уважаемые коллеги, ждём ваших материалов
(поэтических подборок, эссе и критических статей о текущей поэзии,
поэтах, вышедших книгах современников)
по адресу: parovoz-srp@mail.ru

Редактор *В. С. Кизило*
Корректор *Е. В. Разинкина*
Верстка *Л. В. Васильевой*

Союз российских писателей
Москва, ул. Поварская, д. 52, оф. 32

Подписано в печать 04.08.2017. Печать офсетная.
Печ. л. 23. Формат 70 × 108 $^{1}/_{16}$.
Тираж 1000 экз. Заказ № 923.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «Контраст»
192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, д. 38, лит. А